

НА ЭТОЙ СУРОВОЙ ЗЕМЛЕ...

Рождённому и выросшему на этой суровой земле если есть к чему привыкать, так это к ударам судьбы.

Иван Переверзин
“Постижение любви”

Роман Ивана Переверзина, я думаю, достоин войти в память русской прозы. Он часть панорамы, которую теперь вынашивает русское сознание, прощаясь (навсегда ли?) с кровавым и героическим двадцатым веком и мучаясь вопросом: почему этот век выпал на нашу долю?

Ответ, в общем, нащупан: да потому, что История волокла человечество через безумие мировых войн. Нам достались империалистическая, гражданская, Великая Отечественная, а потом ещё и “холодная” (которая должна означать отсутствие “горячей”?). Великие летописцы от Михаила Шолохова до Василия Гроссмана и от Алексея Толстого до Константина Симонова уже составили нашему двадцатому веку некролог, отсчитанный от войн.

Иван Переверзин не только не повторяет никого из них, но, кажется, ищет другую точку отсчёта.

Есть основания?

Есть. Вторая половина столетия – после капитуляции Германии – время, мирное до неправдоподобия. Время не просто послевоенное, но послесталинское (генералиссимуса уже вынесли из Мавзолея). Два-три поколения – вплоть до превращения Советского Союза в кучку “удельных княжеств” – это ведь тоже История! Войной продиктованная, а может, той реальностью, которая и до войны существовала – века.

Это что за реальность? Та, которую выковал Сталин? Или та, которую выдумал Ленин, вдохновлённый мечтами германских марксистов о всеобщем счастье?

И что это за счастье такое, когда во второй половине века война вдруг отступила из жара в холод?

У Переверзина Великая Война едва поминается: если дети играют в “войнушку”. Или если автор встречает ветерана-фронтовика. А ещё – восстановлена в обжигающем эпизоде гибель сибиряков, пошедших в 1941 году спасать Москву. Повествователь не только никого из них не застал – он не застал и тех спасённых, которых война захватила детьми. Его поколение – в полном смысле слова послевоенное, мирное. И опирается оно не на левитановские радиосводки потерь и побед, а на основания куда более далёкие.

Первая же сцена романа (от портрета героини до журнала “Работница”, который она держит в руках) прорисована настолько детально, что занимает целых полстраницы книжного текста! Подробности, от костюма до мебели, уложены в чёткие синтаксические ряды, которые с тяжёлой точностью пригнаны друг к другу. И так – вся проза Переверзина. Густо и точно уложенная. Такая проза нужна не затем, чтобы описать, что было и как было, она уложена затем, чтобы был передан именно уклад – общепризнанно неизблемый.

Базовый уровень этого уклада у него пейзажный. Обширная южнорусская степь с колючими островами белоствольных берёз и встык – тайга, непроходимая, непролазная, неприступная. Климат – крутой и непредсказуемый. Или зной, прожигаящий всё. Или ледяной ветер, всё вгоняющий в озноб. Так что идти надо спиной к ветру. А надо! Хоронясь от ветра, штопором взметающего песок до небес, и этим же небесным светом любуясь. И то, и другое – встык? Именно!

Пейзажи у Переверзина – не просто сверкающие подсветки при каждом повороте действия, они композиционно переглядываются, стыкуются, словно на прочность проверяя душу, затиснутую в это живительное и грозное бытие.

Бытие, в котором природная первозданность соукладывается с плодами человеческих усилий.

Апофеоз такого сочленения – Гидроэлектростанция в Братске, возведённая с таким размахом и в таком изумительно красивом месте, что более величественной панорамы представить себе нельзя, а лучше всего затормозить и замереть, любуясь...

Один нюанс в этом любовании вызывает к моему комментарию. Здесь (замечает Переверзин устами своего героя) останавливался поэт Евгений Евтушенко и даже создал целую поэму – “Братскую ГЭС”. И дальше: “Жаль, что, воспевая героические будни советских комсомольцев, он не смог обойтись без идеологических мотивов”.

Я думаю, дело не в “идеологических мотивах” поэмы, прогремевшей за поколение до того, как герой Переверзина её прочёл. Если уж говорить о поэзии, то слух у Переверзина точный, он отлично знает, что “Свадьбы” Евтушенко – непревзойденная вершина его лирики. Но тут дело в другом.

Дело уже не в том, как отразились края державы в стихах поэтов-шестидесятников, в позднесоветские времена освоивших её “от края и до края” (они своё дело сделали!), а что почувствовал эпоху спустя Переверзин.

Держава, отошедшая от опустошительного гитлеровского нашествия, начинает накапливать силы, чтобы продолжить свой диалог с Природой. И перекличку народов, Природой сведённых воедино на этой земле. Это пафос и поэтика переверзинской прозы.

Братская мощь освоенной Реки потрясает. Более величественную панораму представить трудно. “Она своей неповторимостью вместе с дующим сильно верховым ветром врывается в душу, вызывает сладкий восторг, захватывает дух!”

Это точка духовного отсчёта: любовь, делающая человека сыном земли. *Постижение любви.*

Отдавая должное героике этого периода, Переверзин хочет начисто освободить его от идеологии. Задача непростая, потому что идеология в ту пору насквозь пронизывала героику. Переверзин ищет героике другое основание, которое удержало бы и осветило позднесоветское бытие.

Он припоминает: что же тут было спокон веку? Местные жители чем занимались? “Скотоводством, а с приходом русских первопроходцев, в основном из числа казаков, – и растениеводством...” Вопросы есть? Нет вопросов. Ощущение бытия – есть. Главный герой переверзинского романа – директор совхоза, с самых низов пропахавший всё уровни деревенской работы. Во всей её тяжести.

Но только ли тяжесть наваливается на человека в этом жизненном цикле? А то, что всякий выпускник школы, желающий получить высшее образование, имеет возможность поступить в институт и его окончить – не черта ли того позднесоветского полустолетия, в которое вглядывается Переверзин? И с занятостью никаких проблем.

Суть происходящего в романе – заботы работников среднего звена в совхозном повседневно. Непредсказуемость этих забот, когда погода выворачивается то туда, то сюда... Тут хозяйственники именно среднего звена – не высшие руководители, которые “во всём виноваты”, и не низовые работяги, которые во всём винят руководителей, а именно те, кто принимает конкретные решения в стиснутости конкретных обстоятельств и за это отвечает...

Вопросы, встающие перед героями Переверзина, могут показаться сугубо технологическими, особенно если выбросить вон идеологию, помогавшую их вытерпеть. “Не убрав картофель, приступить к рубке капусты”, – какими силами, если и картофель, и капуста ждут одних и тех же рук? И легко ли пускать эти руки одновременно и в то, и в это дело?

“Тяжела ноша руководителя, ох, как тяжела...”

И вот по этой тяжести – свет! Работники совхоза, поднятые до рассвета на прополку капустного поля и поначалу весьма недовольные, по ходу этой работы не только примиряются с ней, но – вот чудо психологии! – веселеют и воодушевляются.

Это психологическая загадка народа, вполне свободного от идеологической лямки. А если уклад совхозный (по сути, социалистический) как раз и есть то, что подходит нашему человеку, уклад души которого естественно ищет такого образа жизни?

Отсюда общая, задорно-оптимистическая интонация переверзинского повествования в части ещё не свёрнутых советских лет. Есть беды? Есть. Но налетают “ниоткуда”. Брат не вылезает из больниц и клиник? Покалечен на всю жизнь из-за несчастного стечения обстоятельств. Пуля-дура, отскочив от камня, может угодить куда угодно? Так озорник-дурак и стреляет затем, чтобы посмотреть, “куда полетит”. Дураки есть, негодяев нет. Во всей трудовой общине переверзинского совхоза – ни одного подлеца-негодяя. Когда ближе к финалу негодяй всё-таки обнаруживается, он от главного героя получает такую затрещину, что сразу вылетает вон из круга деловой проблематики (и вредит уже по эротической части, но это особый сказ).

Исторический период, исследуемый Переверзиным, когда-то поднимался идеологами на высоту социального эталона, а теперь чаще всего с проклятьями опускается до антиэталона. У Переверзина – попытка исследовать этот период трезво и объективно. С точки зрения того, насколько он для народа естествен. Не для всякого народа, конечно. Для нашего.

Об этом таёжные стволы поют мужицким топором:

“Пройдет ещё не одна сотня лет, а мы всё так же будем стоять на этой суровой якутской земле, приютившей и обогрешившей в страшном холоде, на снежных, колючих ветрах наших исконно русских ликом и характером хозяев, не побоявшихся в поисках лучшей жизни за несколько тысяч верст от родных мест забраться в таёжную глухомань и жить в ней так, что она со временем стала их второй родиной!”

Подписываюсь под каждым словом.

Но куда же девается у людей “первая родина”?

Тут я подхожу к ещё одному важнейшему для меня вопросу: к многонациональному характеру народа, вставившего глухомань в современность.

К любому нерусскому участнику этой эпопеи выказано в романе Переверзина доброжелательное уважение, независимо от того, кто перед нами: татарин, еврей, азербайджанец, кореец, бурят...

Особо острым интересом отмечены первоначальники края – якуты. Им, якутам, свойственно “с почтением относиться к вышестоящему руководству, но с тем природным достоинством, которое, кроме ответного уважения, ничего у умного начальника вызвать не может”.

Иногда эта самодостаточность якутов ставит начальников в трудноразрешимые ситуации.

Как-то неожиданный снегопад погрёб под полутораметровым слоем недобранную капусту. Аврал! И тут, вместо того чтобы вместе со всеми спасти эту капусту, якуты – все! – дружно снаряжаются и, подстёгиваемые древним охотничьим инстинктом, отправляются в тайгу промысливать пушного зверя.

Что прикажешь делать?

На случай снегопада – предвидеть такой якутский пассаж. Пушного-то зверя тоже нужно промысливать, а не только рогатый скот кормить капустой.

В любом случае русский руководитель, вставший во главе многонационального хозяйства, должен понимать, какие этнические соратники находятся под его началом.

Тут уж речь идёт о русском характере, ощущающем полиэтничность своего сибирского трудовоинства. Надо понимать якутские народные традиции. Да и “Олонхо” прочитывать не помешает.

Герой Переверзина такой русской всеотзывчивостью вполне обладает. Иногда – до острой пронизательности. Видит, например, как по улице якутского посёлка идёт из магазина карачаевец с гордо поднятой головой, а за ним его жена, хрупкая, как тростинка, тащит две неподъёмные сумки с покупками.

Или грек... вернее, полугрек, нормальный работник, обнаруживает при более детальном знакомстве неукротимую эротическую активность, которая граничит с таким вполне естественным побуждением, как похоть.

И “девочки”, которых мужики собираются навестить, – тоже не прочь. Естество!

Тут я подхожу к важнейшей для героев Переверзина теме, имя которой – любовь.

Какие жизненные непредвиденности приходится одолевать влюблённым! Какие разумные доводы выслушивать! С какими аргументами соглашаться и не соглашаться...

“– Вы с Марией совершенно не подходите друг к другу! Если ты камень, то она – железо! А что бывает, когда одно находит на другое, сам знаешь.

– Знаю. Треск с искрами...

– Так на что же ты надеешься? На чудо?”

Если жизнь – чудо, то и любовь – чудо... Рано или поздно звёзды, какими бы они ни были разными по величине и по энергии тепла и света, сходятся... Как перекрывают одна другую... Совместная жизнь с избранной женщиной – это, прежде всего, уверенность в себе и в том, что в горький час испытаний будет на кого опереться...”

Горький час – неизбежен?

Да. Отец главного героя, уже отвоёвав, служил в войсках, находившихся в Германии, он обладал сильной волей и командирскими способностями... А вот влюбился же и завязал связь с симпатичной немкой... за что и поплатился... то есть отсидел по полной программе... в семейные же легенды вошёл героем...

Но это война так распорядилась. А в мирное время, выпавшее детям и внукам этого героя? В такой жизни лучше уж “трепетно прогореть душой, как костёр на вешнем ветру, чем тлеть, словно головёшка...”

Гореть или тлеть? В этой, нынешней реальности, где не всегда поймёшь, где пламя, а где зола...

А это что? Телефонный розыгрыш: “Предложить девушке свидание с тем парнем, чей голос ей больше понравится”?

А это? Девушки идут в Клуб знакомств в надежде, что среди незнакомых посетителей “вдруг да найдётся тот единственный, который способен стать и желанным”?

Из такой золы извлечь пламя?

Именно! “Каждая новая встреча дарит влюблённым не только радость общения, но и понимание, что они успели достаточно настрадаться, чтобы связать себя семейными узами”.

Любовь – заветная цель. А реально наличествует в характерах героев Певреверзина (и героиня тоже!) такое естественное чувство, как эротическая взаимотяга.

Ещё бы! Не в каком-то сексуальном заповеднике вырастали, а в естестве! Когда мужчина оборачивается и долго смотрит вслед: “Какая женщина! Но, увы, не моя!” И когда женщина одаряет мужчину “томным взглядом”, потому что “скучает по мужской ласке”. И ни он ей, ни она ему не откажут, ибо чувствуют, что “заряжаются, словно солнечная батарея... желанием стать ещё счастливей”.

При такой энергетической заряженности может ли осуществиться счастливый брак?

Две попытки на счету главного героя романа “Постижение любви”.

Первая неудачна. Женится отнюдь не по расчёту, а из чувства долга перед ожидавшимися ребёнком.

Не сложилось. Ушёл.

Вторая попытка – вроде бы по любви. Вернее, по страсти, охватившей обоих...

Так чего не хватает страсти, чтобы дорасти до любви? И почему боль грозящего разрыва так и висит над влюблёнными? И сколько надо прожить, перенести, перетерпеть вместе, чтобы сказать возлюбленной:

– Я понял: ты – моя судьба.

Судьба... “Ужели слово найдено?..”

Только ли в любви осуществляется то, чего ищет, на что уповает и чем ни за что не жертвует герой романа?

Может, это и есть ответ на главный, неизбежный, не уходящий вопрос о смысле всего: жизни, работы, векового нашего опыта?

“...Понял, что мной управляет не райком и не министры, а её величество Судьба, от которой, увы, не убежишь, против которой, к сожалению, восставать бессмысленно! Чтобы не тратить зря времени и не набивать лишних шишек, надо принять её такой, какая она есть, тем более что она – и это прежде всего! – суд Божий. Не подчинюсь ему – буду свыше осуждён на такие жуткие муки, что по сравнению с ними управленческие тяготы блаженством покажутся!”

Суд Божий в устах воспитанника атеистической эпохи особенно впечатляющ.

Так что же такое эпоха, унаследованная и пережитая до конца последними советскими поколениями?

Это тем более интересно понять, что ближе к финалу повествования становится всё более ясно, что кровавая эпоха кончается.

На все лады выворачивается слово “застой”. Появится ли колбаса в магазинах, неясно (при советской власти она привычно исчезла). Что появляется – так это вездесущая “законность”, ссылаясь на которую полицейские ловчилю норовят засадить любого подозреваемого пораньше, имея в виду получить отступное. Так и крутится человек, ожидая, чьими руками судьба ударит: то ли следователь по особым делам сварганит липовое дело и отправит в тюрьму, то ли в самой тюрьме вправят мозги:

“Снимай пиджак! Он тебе всё равно на зоне не пригодится! Время подходит к зиме, значит, сразу, как пригонят по этапу в лагерь, фуфайку с номерком выдадут и кирку с ломом да лопатой. Будешь, падла, своё коммунистическое счастье строить...” – Переверзин имеет писательский вкус к такой фактуре! И Ежов давно на том свете, и чаемый коммунизм там же, а всё равно пахнет тюрьмой...

“Кто виноват”? И “что делать”?

“Есть ли у человека хоть какой-нибудь выбор? Нет”.

Если нет выбора, то и говорить не о чем.

“Вот и ладно... В конце концов, никто в полной мере не принесёт человеку ни огневой любви, ни светлой радости, увы, и горя, кроме него самого!..”

Да делать-то что? Довести до ума и претворить заново великие мечты предков? Или окончательно и бесповоротно похоронить всё это?

Оглядываясь на вековую историю, Переверзин душой присягает суровому краю, в котором вырос. Это самые пронзительные его страницы, где смешиваются отчаяние и любовь.

Его родной край – знаменитый, покрытый мрачной завесой природных тайн, край стерхов, аласов и сполохов, а не только морозов и снегов. Приехав сюда, надо постараться выучить “богатый, красивый язык его древнего северного народа”.

Его судьба – от удара до удара. Его стойкость достойна гимна.

Вот этот гимн:

“После славного завоевания в конце шестнадцатого века казаками под предводительством грозного атамана Ермака когда-то могучего татарского Сибирского царства со столицей Ескер, русские первопроходцы, довольно быстро продвигаясь всё дальше на восток, подчинили себе и якутские племена. К тому времени они успешно расселись на такой огромной территории, что, к примеру, она более чем в сорок раз превышала Францию, а Англию – вообще чуть ли не в сто! Якуты, как в стародавние времена наши дорогие предки, тогда являлись язычниками. И пусть, от русских приняв православие, и были крещены, тем не менее (на всякий случай герой Переверзина старается выдержать тон взвешенной объективности), в глубине души я вряд ли ошибусь, если решусь сказать: они в большинстве своём и поныне верны своей древней вере в Природу...”

Чтобы подтвердить спасительность этой веры, грянули удары Судьбы.

В новой истории такой удар – революция.

“Едва большевики пришли в стране к власти, они спешно, словно под ногами земля горела, в одном ряду с такими многообещающими, греющими душу простым людям лозунговыми декретами, как “Власть – Советам!”, “Фабрики – рабочим!” и “Земля – крестьянам!”, издали и другие, в том числе и ставящие веру в Христа вне закона, а Его учение, как мракобесие, подлежащее немедленному, тотальному истреблению! Те, кто при царе были “ничем”, при новой власти в одночасье стали “всем” и, словно отродясь не являлись сыновьями и внуками глубоко верующих в Бога людей и сами с детских лет со слезами умиления и надежды на глазах не молились на Него, вдруг, будто ополоумев, отреклись, нет, предали свои духовные начала! И прицепив к груди алый бант, нахлобучив на голову шлем, – шибко напоминавший дурацкий колпак, – пошитый из грубого серого сукна с острым верхом, с длинными ушами, с матерчатой красной звездой, объявив себя закоренелыми атеистами, при помощи пули и штыка рьяно приступили к исполнению спускаемых сверху антихристами директив...”

Отдаю должное темпераментности этого описания... Но дальше, дальше! Так эти разрушители старого, доброго мира действительно были атеистами?!

Да нет же!

Большевики, как ни старались, так и не смогли вытравить из народной памяти крепко осевшую на генетическом уровне веру в Христа. Только вера эта ушла в глубокое подполье!

Если это не чудо, то не испытание ли перед чудом?

Испытание-то не последнее. Грянула Великая Отечественная война, и сделалась Якутия одной из зон, куда ссылали “врагов народа”, недорасстрелянных чекистами. И что же? И этот удар судьбы не сделал сосланных сюда людей враждебными друг к другу, а вынесли они из общей беды приверженность к этому краю, ставшему родным. И сплочённость.

В центре современного жизнеописания – праздник якутского Нового года. На праздник собираются люди из ближних и дальних сёл: татары, немцы, белорусы, украинцы, буряты, русские (“всех не перечесать!”), тут соединяются национальные верования. Сплачиваются в общем христиански-языческом единении, какое веками мечталось русским людям, давая им силы выдерживать удары судьбы.

Вот это уж точно: чудо!

Заросшая тайгой, прокалённая морозами земля благоухает...

“Вдруг Анатолий, сразу и не поняв, что это наяву, взглядом сквозь плотную зелень лесной стены выхватил что-то белое-белое, очень похожее на парус...”

Напряг зрение – и обрадованно понял: да это же заросли черёмухи... зацветшей в полную силу!”

Запах счастья, завоёванного бесконечным трудом.

Вот люди, добывающие это счастье: рабочие, как на подбор, статные, жилистые мужики...

– Ну, что, царица земли якутской, веди в свои владения! Участники Ысыаха и приглашённые гости... уже все собрались?

Якутское Новогодье... Праздник с непременно спортивными состязаниями... Молодые якуты, поощряемые зрителями, готовятся к прыжкам в длину без разбега и... влезает в мешки...

Юмор сопровождает патетику.

Мария, жена Анатолия Петровича, видя, что муж молчит, готова спросить: уж не случилось ли чего плохого? – и вдруг он начинает... петь!

“Заканчивается одна песня, тотчас начинается другая, и кажется, что целая поэма положена на музыку...”

Вот поэма, которая складывается у Переверзина в этом суровом краю:

*Идет буран по меткам крови,
бежит олень — и волки вслед...
Земли якутской нет суровой,
но и заветней — тоже нет.
Она — и дебри, и потоки,
весной сбегаящие с гор.
Она растягивает сроки
зимы до самых летних пор...
Она гостей встречает щедро,
а бьёт — так со всего плеча...
Отдаст свои в алмазах недра
и золотой запас ручья.
Из глубины поднимет рыбу,
нальёт кумыс на торжествах...
И не растает мёрзлой глыбой
в горячих, будущих веках.
Не суетой здесь каждый занят,
не мельтешеньем там и тут, —
здесь люди времени не знают,
здесь люди вечностью живут!..*

Вечность... Судьба... Даже под ударами, неизбежными на этой горестной и счастливой земле.

Л. Аннинский

ИВАН ПЕРЕВЕРЗИН

ПОСТИЖЕНИЕ ЛЮБВИ

РОМАН

1

Белокурая женщина двадцати с небольшим лет, в элегантном, домашнем, сшитом из тонкого бархата халатике светло-жёлтого цвета, так идущем к её слегка смуглому, трогательно нежному лицу с тонкими, словно вырезанными мастерски скальпелем тёмными бровями-скобками, с сочными чувственными губами сидела на деревянной двуспальной кровати, аккуратно застеленной жаккардовым, светло-коричневым одеялом, в небольшой, но уютной, только что убранной до блеска спальне. Она держала в тонких изящных руках с длинными, как у одарённых музыкантов, пальцами пришедший с утренней почтой последний номер когда-то очень модного почти у всех советских женщин столичного журнала “Работница”. И, неспешно перелистывая страницу за страницей, с глубоким интересом рассматривала чертежи кройки понравившегося платья. В разрисованное льдистыми причудливыми узорами довольно широкое окно, выходящее на заснеженный, но вечно зелёный сосновый бор, вечернее, зимнее солнце всё скупее и скупее бросало тусклый, словно подслеповатый свет. С началом ранних синих сумерек, быстро сгущающихся до плотной непроглядности, белесый туман, повисающий на ветвях деревьев белыми клочками взлохмаченной ваты, говорил о том, что на дворе мороз к вечеру не только не ослабел с приходом ветреного февраля, а наоборот, словно решившись дать подступающей весне решительный бой, с каждым часом только крепчал и крепчал.

Однако в уютной небольшой двухкомнатной квартире от хорошо протопленной и аккуратно побеленной, умело сложенной из местного кирпича-сырца печки было тепло, только из самого низа углов, видно, строителями плохо проконопаченных, несло небольшим сквозняком. Сам дом представлял собой одноэтажное строение, рубленое, как истари было заведено на русском Севере, в лапу из толстенных, чуть ли не в обхват, высушенных за несколько летних месяцев сосновых, словно вылитых из меди, с двух

ПЕРЕВЕРЗИН Иван Иванович родился в 1953 году в поселке Жатай Якутской АССР. Автор многих поэтических сборников, выдающийся поэт своего поколения, вышедший из сибирской глубинки, из русского простонародья, постоянный автор журнала “Наш современник”.

сторон окантованных брёвен, с двухскатной шиферной крышей, с крыльцом под тесовым навесом.

Вокруг дома возвышался метра на полтора невысокий, лёгкий штакетный забор с глухой тесовой калиткой, к внешней стороне которой был приколочен самодельный деревянный почтовый ящик с фанерной крышкой без какого-либо замка. Перед прямоугольными, высокими окнами, красиво обрамлёнными синими наличниками, с фасадной стороны дома, в узком, но длинном палисаднике из-под совсем недавно выпавшего, серо-белого снега выглядывали голые кусты чёрной смородины и боярышника, чьи крупные гроздья, всё ещё не склёванные снегириями и воробьями, на снеговом фоне, радуя вдохновенный взгляд, алели ярко, словно красные фонари в ночи. Видать, при установке в стенные проёмы оконных блоков строители, как ни утепляли коноплём и мхом зазоры, всё же через них на улицу упрямо выходило тепло, незаметное для человеческого глаза, но тотчас почувствованное воробьями и синицами. И эти шустрые, смыслённые птицы ещё до наступления холодов над окнами между карнизом и стеной устроили несколько уютных, маленьких гнёзд, в которых успешно переживали жестокие морозы с воющими особенно сильно по ночам долгими вихрастыми выюгами. Муж женщины, заметив спасительные пристанища милых его сердцу птах на высоких меднокорых соснах, стоявших в пяти метрах от дома, прикрепил два скворечника собственной постройки и каждое утро перед тем, как отправиться на работу, насыпал в них от души по целой горсти то золотистых зёрен овса, то ядрёной гречневой крупы. Может быть, поэтому птицам и не было никакого дела до мёрзлых ягод боярышника, как бы они сытно ни алели, матово переливаясь в блестящих солнечных лучах...

Неожиданно на улице раздался резкий, на морозе вдвое сильнее звучащий стук по дереву, похожий на удар клювом дятла. Женщина посмотрела в сторону окна большими карими глазами, немного грустными, будто говорящими: “А счастье-то ведь было совсем-совсем рядом, на расстоянии протянутой руки, но опять, к сожалению, ускользнуло по воле Божьей...” Стук, однако, не повторился, и она снова вернулась к своему увлекательному занятию, одному из немногих увлечений, что были ей доступны в этом старом посёлке лесозаготовителей и крестьян, а также охотников, ещё хорошо помнящем опального писателя Короленко, остановивавшегося по дороге к месту своей якутской ссылки на ночлег в одном из окраинных домов, стоящем на высоком левом берегу величественной, всегда полноводной реки Лены.

Женщина была на четвёртом месяце беременности — в её чреве зарождалась новая человеческая жизнь. Ощущение этого каждой клеточкой тела и души наполняло её сознание лучезарным светом умиления, а сердце от радости заставляло сладко замирать. Дело в том, что она, к своему глубокому огорчению, за последнее время тяжело пережила несколько выкидышей и порой, впадая в отчаяние, стала горько думать, что никогда не сможет иметь ребенка, лишится возможности испытать самое великое женское счастье. Но в этот раз плод укрепился настолько, что врачи выписали её из районного роддома, где она лежала на сохранении.

Наконец, женщина, оставшись довольна своим выбором кройки платья, которое решила как можно скорее заказать в местном ателье, закрыла журнал и мечтательно представила, как же она будет красиво, даже обворожительно выглядеть в нём. И подняла голову, чтобы посмотреть на себя в зеркало-трюмо, стоящее на против. От резкого движения головы её каштановые, густые, вьющиеся волосы рассыпались и упали на по-детски худенькие и потому кажущиеся ещё трогательнее плечи. “А что, — подумала она, вглядываясь в своё лицо, — беременность ничуть не сказалась на моей молодой красоте. Я по-прежнему свежа, солнечна, с той чарующей магией нежности, которая заставляет мужские сердца мгновенно вспыхивать, как сухая хвоя на летнем ветру, огнём восхищения, а незнакомых женщин с самолюбивой, саднящей завистью долго смотреть вслед. Ну, вот и хорошо! Ну, вот и замечательно!..”

В северном посёлке тружеников поля, лесозаготовителей и охотников она оказалась из-за перевода мужа на новую, более высокую должность, о которой в первый раз услышала случайно. Произошло это, когда она, находясь на институтской летней практике в министерстве сельского хозяйства северной республики, как-то, выкроив время из ежедневной работы на опытных семенных участках, забежала “на минутку” в главное управление “Сельхозхимии” навестить пожилого начальника отдела кадров Петра Сергеевича Широкого. Он то ли потому, что ему симпатичная девушка напоминала кого-то из близких знакомых или родных, то ли потому, что хотел ей, оказавшейся за тысячи километров от родного дома, чисто по-человечески хоть чем-то помочь, стал от чистой души по-отечески опекать молодую студентку. Постучавшись и услышав: “Заходите!” — она зашла в кабинет, когда Пётр Сергеевич, только что закончив говорить по телефону,

положил трубку с печатью явного недовольства на хмуром лице. И, словно ища у своей молодой подшефной поддержки, угрюмо, по-стариковски проворчал:

— Опять, как мёрзлый снег на голову, начальство свалилось на мою душу срочным указанием подготовить приказ заместителя министра о назначении новым председателем одной из наших структур в Ленском районе какого-то Анатолия Петровича Иванова.

— И это вас расстроило?!

— Немного есть! Но ты, Мария, не больно-то обращай на меня внимание! Чего только в нашей кадровой работе не бывает!

— Извините, как это не обращать?! Я же за вас переживаю!

— Спасибо, дочка!.. — уже совершенно миролюбиво признался пожилой, седовласый начальник. — Не люблю, когда начальство занимается кадровой чехардой! Тем более, что уж больно молод этот Иванов, представляешь, ему ещё и тридцати-то нет, а его уже в одночасье назначают руководителем районного масштаба! Справится ли?

— А я думаю, вы совсем зря переживаете, поскольку наверху кого попало на ответственную должность не назначают! — как бы отвечая на вопрос своего покровителя, уверенно сказала Мария.

— Может, ты, дочка, и права... Я внимательно ознакомился с его послужным списком, и он, честно говоря, меня впечатлил! Представляешь, этот новый назначенец, видать, и правда с головой — всего за каких-то три года прошёл путь от рядового мастера до начальника крупного строительного управления! Ничего подобного в своей более чем тридцатилетней кадровой практике не припомню! Однако управлять районной организацией — это совсем другой уровень. Ладно, как говорится, поживём — увидим! И всё-таки я, кажется, своё отработал!..

— Это почему же? — с грустью спросила Мария.

— Хотя бы потому, что порой излишне ворчливым становлюсь! — лукаво улыбнувшись своими подслеповатыми синими глазами с мелкой сетью старческих морщин, словно лучики, мелко разбежавшихся по сухому лицу, хрипловато ответил Пётр Сергеевич.

Тот год для студентов, перешедших на пятый курс омского института сельского хозяйства, практика была преддипломной, растянувшейся до самого конца лета. Надо было произвести не только в полном объёме опыты по воздействию новых минеральных удобрений на развитие культурных растений и проанализировать результаты эффективности различных химикатов, в том числе различных ядов-пестицидов от всевозможных вредных насекомых, но ещё и описать всю проведённую во время практики работу, что должно было стать пояснительной запиской к диплому. Так что на родину Мария возвратилась лишь в начале осени, подгоняемая жгучим ожиданием солнечной встречи с любимым человеком, студентом их института, только учащимся на другом факультете.

Но вместо с таким нетерпением ожидаемого счастья ей пришлось пережить с разными временными интервалами несколько одинаково неожиданных тяжёлых душевных потрясений. В первую очередь, это было то, что ненаглядный, с которым она радостно надеялась связать свою девичью судьбу, на поверку оказался совсем не тем *рыцарем без страха и упрека*, за кого он себя выдавал, добиваясь от неё взаимности. Просто он, как последний негодяй, когда она была на практике, изменял ей напраполюю. К глубокому сожалению, в длинном списке покорённых им девичьих сердец оказалось и дорогое ей сердце, можно сказать, единственной подруги, с которой все годы учёбы она жила в одной комнате институтского общежития. И она, с помрачённой душой, в надежде хоть как-то отвлечься от внезапного, как снежный взрыв в ледяной мороз, свалившегося на неё несчастья поддалась уговорам любимой матери выйти замуж по расчёту за своего ровесника, соседского парня, год назад выучившегося на врача, ведь брак по тогдашним правилам позволял не попасть под выпускное распределение и остаться в губернском городе.

Молодые подали заявления в загс и начали неспешно готовиться к бракосочетанию. И вдруг, когда в самом известном городском ателье уже было пошито на заказ прекрасное — белое-белое, как лебединое крыло, да ещё и с длинным шлейфом, — свадебное платье, когда было приготовлено необходимое приданое, когда гости, проживавшие в дальних местах нашей необъятной отчизны, уже выехали на торжество и оставались только сутки до торжественной минуты, она к своему ужасу глубоко и спасительно поняла, что стоит на самом пороге роковой ошибки, после которой вряд ли что-то можно будет исправить без новых глубоких душевных и моральных потерь и потрясений. И, словно слыша без неба, горячий: “Подожди! Остановись!” — решительно заявила родным, что жениха своего не любит и никогда не сможет полюбить, и потому никакой свадьбы не будет! Что же касается народной поговорки, отрезала: “Стерпится — слобится — это не про меня!..” Сердобольная мать от слов горячо любимой дочери при-

шла в такое душевное расстройство, что даже на время потеряла дар речи, потом принялась слёзно её уговаривать:

— Да что же ты, глупая, делаешь?! В какое неудобное положение ставишь своих родителей? Позоришь нас перед всем честным светом?! С какими глазами я теперь должна ходить по родному посёлку? Что скажу уважаемой соседке, поверившей мне, да и тебе тоже! Ой, горе-то какое! И за что? Уж не за то ли, что всю жизнь, работая пекарем в адских условиях печной жары, последние жилы из себя нещадно вытягивала, чтобы только лучше одеть тебя, посытней накормить?! Себе во многом отказывала, а тебе — ни в чём!..

— Ну, вот уже рекой и попрёки пошли!.. И зачем?! — с обидой сказала Мария. — Мама, милая моя, неужели сама не понимаешь, что я права, за исключением того, что раньше не опомнилась? Или тебя в самом деле не волнует, как я буду век коротать с нелюбимым, через себя рожать от него детей?! Если это так, то и твои слёзы, и причитания ровным счётом ничего не стоят!

И, больше не говоря ни слова, уйдя в себя, стала укладывать свои нехитрые вещи, в основном из одежды, в чемоданы.

Отец же, Василий Сергеевич, всю жизнь проработавший в совхозных мастерских токарем, по праву бывший у начальства на хорошем счету, уже давно выйдя на пенсию, занимался домашним хозяйством, но продолжал оставаться по-молодому сухим, поджарым, только несколько медлительным, скорей всего от того, что всегда любое дело, прежде чем начать, тщательно и подолгу обдумывал. И теперь, переживая не меньше жены за дочь, тем не менее хранил глубокое молчание, лишь ходил взад-вперёд по родительской спальне с узкими, подслеповатыми окнами, из которых во дворе было хорошо видно порыжевшую от сильного степного зноя траву. Потом вообще вышел из дома, чтобы в сарае, приспособленном под домашнюю мастерскую, за починкой кузовного мотороллера хотя бы чуть-чуть унять вдруг охватившее душу волнение: шутка ли, дочь впервые уезжала из родного гнезда не на месяц и не на два, а по меньшей мере на год! И куда же, куда?! Известно одно — на Север, причём крайний! Но он такой большой, что и за жизнь не обойти! И в какой из его многочисленных районов будет по институтскому направлению определена самая младшенькая дочка, потому и больше других детей самая дорогая его сердцу, только один Бог и знает!

В большой конуре, любовно сколоченной из обрезных досок, покрашенной в зелёный цвет и стоящей рядом с калиткой, лежал здоровый, вислоухий и лохматый сторожевой пёс, положив угрюмую морду на крепкие, когтистые лапы с добрый кулак величиной. Весенним, сильно палящим зноем он уже к обеду был утомлён настолько, что тяжело дышал, вывалив свой алый язык, с которого обильно капал пот. Как мухи, особенно — паузы, гудя словно бомбовозы, ни досаждали ему, он лишь вяло, словно нехотя, отмахивался от них хвостом-метёлкой. Он даже пробовал ловить этих в тоску надоевших, больно кусающих насекомых, но безуспешно. Только в воздухе время от времени раздавалось хлёсткое клананье, похожее на быстрое передвижение винтовочного затвора, острых саблеобразных клыков.

Перед ним взад-вперёд важно прохаживался рыжий годовалый кот с грязными подпалинами на животе, с отмороженными зимой, в лютую стужу ушами, разодранными в боевых поединках. При этом он ну совершенно не обращал никакого внимания на пса, словно его вообще в ограде не было! И неспроста. В первый же день, как мать Марии, Надежда Ивановна, после смерти от старости любимой кошки принесла его от старой знакомой и спустила с рук на землю, поросшую низкой, но довольно густой травой, собака тотчас с грозным рычанием, быстро переходящим в злобный лай, волоча за собой гремящую цепь, бросилась на незваного гостя. Но тот вместо того, чтобы испуганно пулей отскочить на безопасное место, всем своим гибким телом пружинисто выгнулся, хвост взметнул высоко трубой, сильно распушил его, вмиг взвихрил шерсть на загривке и с грозно суженными глазами, налившимися кровью, ни секунды не раздумывая, пошёл в атаку...

Пёс сначала от такой невиданной кошачьей наглости перестал лаять, потом то ли в самом деле посчитал котяру за непобедимого противника, то ли просто растерялся от неожиданного отпора, но стал медленно, не выпуская из поля зрения атакующего, пятиться, пока, наконец, не уперся задом в угол своей конуры. А кот, видя, что своей грозной решимостью всерьёз напугал здоровенную псину, окончательно осмелев, сел прямо перед ним и передними лапами надавал по собачьей морде столько кошачьих пощечин, сколько посчитал нужным, чтобы сразу и окончательно поставить точку в вопросе, кто теперь во дворе хозяин.

Надежда Ивановна смотрела на это, можно сказать, земное чудо и глазам своим не верила. Хлопая от удивления себя ладонями по бёдрам, она раз за разом восклицала: «Надо же, какого я себе кота для ловли мышей и крыс завела! Но что же он вытворяет!

Пусть рослый, но по сравнению с псом всего лишьмышь! А, тем не менее, как его построил-то, как построил! Ну, точно зверь какой-то!" И окончательно придя в себя, забежала в дом и, с трудом смирив забившееся часто сердце, тяжело переводя дыхание, сбивчиво, но восхищённо рассказала мужу обо всём увиденном во дворе, надеясь, по крайней мере, на его ответную добродушную реакцию. Однако он, как всегда, молча, с хмурым лицом — мол, что это за такая дурная привычка от дел отвлекать в то самое время, когда оно, наконец, стало так спориться! — и, не отрывая глаз от подошвы сапога, которую подбивал при помощи мелких сапожных гвоздиков и молотка с короткой ручкой, недовольно проворчал:

— Ну, мать, раз тебе уже всякие неземные чудеса стали средь бела дня казаться, то ты в самом деле шибко состарилась, причём не в хорошую сторону — в детство, что ли, выпадаешь!..

— Это я-то старая!.. А ты-то сам в таком случае кто?! Пень замшелый, ведь настолько оглох, что я уже и не помню, когда с тобой спокойно-то разговаривала. Пока аж в самое ухо не закричу, ответа от тебя ждать всё равно, что у моря погоды!..

На том старики и разошлись. Вообще-то они жили душу! Да иначе и быть не могло, ведь поженились по любви. Да какой! Он, едва вернувшись со службы, отбил её у городского парня-ухаря! Словно в благодарность за это, Надежда Ивановна сначала порадовала благоверного дочерью, за ней — сыном, а потом, уже на самом излёте васильковой, ясной молодости — ещё одной девочкой-красавицей, Марией. И хотя каждая копейка, приносимая родителями в дом, давалась с большим трудом, семья жила в относительном достатке. Дети являлись для родителей в семье тем животворным, крепким цементом, благодаря которому даже самые тяжёлые времена, связанные, в первую очередь, с желанием Василия Сергеевича выпить лишнюю рюмку водки, переживались без особых тревог. Но надо, справедливости ради, отдать хозяину дома должное за то, что он никогда во хмелю не скандалил, а поутру больше мучился не глубоким похмельем, а сознанием того, что снова не удержался, хватанул проклятой многовато, больше, чем следовало.

Дети, как окрепшие за лето птицы по осени, встав на трепетные жизненные крылья, разлетались в разные стороны. Старшая дочь, довольно поздно выйдя замуж, переехала к мужу, инженеру по образованию, в Ульяновск. Сын, плотник, слава Богу, нашёл себе жену рядом, в областном центре. Мария, поступив в институт, больше жила в городе, чем дома. Но из посёлка в любой нужный день к ней можно было съездить на рейсовом автобусе, проведать её в студенческом общежитии, привезти всяких гостинцев с поля да с огорода, ведь, что ни говори, а родителям всегда хочется своим чадам подложить в тарелку один-другой кусочек вкусной, с душой приготовленной пищи.

Но вот пришёл черёд и с младшей дочерью расставаться! А легковерно думалось: пять лет учёбы — это же так много! Когда ещё они пролетят! Но всё-таки пролетели, да так быстро, что аж не верится!.. Как же теперь родители, оставшись совсем одни, будут жить? От этого оцепенения вынужденной разлуки становилось ещё горше, ещё больнее на душе. Как будто жизнь вдруг, ни с того ни с сего потеряла всякий смысл... И хотя всё было совсем не так, как же порой бывает трудно смириться с судьбой, чтобы снова жить с ней в согласии...

И всё же упрямые думы о разлетевшихся по стране детях, чем бы родители ни занимались, всегда остаются на первом месте. С какой тревогой, надеждой, исполненными вечной любовью, они ждут от них любой весточки: звонка, телеграммы! А целое письмо, ещё даже до конца не прочитанное, вообще становится предметом непреходящего счастья, о котором хочется, — неважно, трещит ли зимняя стужа, или палит летний зной, — скорей рассказать по секрету всему свету: соседям, старым знакомым, просто первым встречным, и при этом обязательно подчеркнуть, каких они воспитали добрых, заботливых детей, а вернувшись домой, снова и снова перечитывать чуть ли не по слогам каждую строчку, каждое слово, словно слышать из далёкого далека дыхание и биение сердец своих дорогих кровинек.

Наконец, выглянув из-за приоткрытой двери, жена миролюбиво позвала Василия Сергеевича. Она уже, хотя и вконец расстроенная внезапным отъездом дочери, не плакала, но на опухшем от слёз лице лежала печальная тень. Ничего не поделаешь! Поскольку дочь не вняла её мольбам, коли разлуки с ней не миновать, то остаётся в душе смириться с разлучницей-судьбой и по-матерински тепло проститься... Когда отец вошёл в дом, чемоданы уже были закрыты на замки. И он с грустью в карих глазах, повидавших сполна за долгую жизнь всякого — и горького, и сладкого, — то ли спросил, то ли просто сказал:

- Ну что, присядем на дорожку...
- Давайте! — согласилась мать.

Мария как стояла у большущих чемоданов, так и села на один из них, а родители, грустно-потерянные, опустились на стоящую напротив, заправленную тонким коричневым одеялом, с двумя большими пуховыми подушками, положенными друг на друга, железную кровать со спинками, увенчанными сверху выкованными в какой-то старинной кузнице знатным мастером рифлеными кубами, похожими на вензеля. На минуту в комнате повисла тревожная, давящая на душу, как тяжёлый камень, тишина. “Ну, кажется, пора”, — хмуро произнёс отец и, подхватив сильными руками оба чемодана, направился на улицу. Следом за ним вышли и дочь с матерью. До автобусной остановки, которая находилась у гаражной проходной и представляла собой лишь бетонную площадку, где на телеграфном столбе висел местами изъеденный ржой жёлтый жестяной квадрат расписания, ходу было не меньше двадцати минут.

Сначала дорога, сразу за трассой, шла по обширной луговине, на которой новая трава лишь неделю назад проклюнулась из почвенного чрева и теперь буйно шла в рост. С правой стороны возвышался бор, где на густо растущих белостебельных берёзах раскрылись терпко пахнущие коричневые почки, и клейкая светло-зелёная листва, словно речной утренний туман, шарообразно окутала деревья. Степная, до самого горизонта синяя-синяя даль больше светло не просматривалась между набравших земной сок гибких веток. В бору вернувшиеся с юга чижи, красногрудки и дрозды, перелетая с берёзы на берёзу, во все сладкозвучные голоса, сливавшиеся в хор, распевали исполненные любовью к родному краю вдохновенные, залихватские песни.

Исходившую от изумрудной травы и всё больше разворачивающейся листвы пряную свежесть и влажность лёгкий ветерок вбирал в себя и своими невидимыми крыльями приятно обдувал лица, словно неугомонный мальчишка, весело играя волосами. Вскоре дорога, миновав старую, заброшенную водонапорную, сложенную из красного кирпича и напоминавшую крепостное укрепление высокую башню с проржавевшей железной конусообразной крышей, давно облюбованную зимующими грачами, картова кричавшими на всю округу, перелетавшими в поисках пищи чёрным облаком по улице, на которой располагался зерновой ток, свернула в короткий проулок. По обе стороны его почти вплотную друг к другу стояли саманные однотонно побеленные дома, но все, как один, с шиферными кровлями и со стенами, толщиной не менее, чем в добрый метр. Это позволяло, каким бы трудно переносимым знойным ни выдалось лето, до самой жёлто-лиственной осени сохранять в комнатах живительную, благодатную прохладу.

За немалое дорожное время родным можно было много о чём поговорить, но все, словно в рот воды набрав, молчали. При этом каждый думал о своём, верней, о том, что тревожило душу, занимало сознание. Уже на остановке, перед самой посадкой, мать отвела Марию в сторонку и вкрадчиво тихим, дрожащим голосом сказала:

— Дочка, я понимаю, что ты уже взрослая, и если там, на чужбине, решишь выйти замуж, то выходи, но только, прошу тебя — не за якута!

— Хорошо! На этот раз пусть будет по-твоему! Но ответь, пожалуйста, чем тебе не пришёлся по нраву этот северный народ?

— При чём тут это? Я ведь даже ни одного живого якута и в глаза-то не видела! Просто, коль мы по роду-племени русские, то и должны до конца жизни своей оставаться ими, свято помнить и хранить верные заветы наших дорогих предков! Ты меня понимаешь?

— Понимаю! — повеселевшим, приободрившимся голосом ответила Мария. — Только, милая мамочка, во-первых, якуты в большинстве, как и мы с тобой, православные, а во-вторых, после того, что произошло на моём личном фронте, я даже и думать не хочу о каком-либо замужестве! Пойдём, вон сельчане уже в подошедший автобус садятся!

— Подожди минуточку, успеем! Дай я тебе в дальнюю дорогу переkreщу! — и сделав это, со слезами на и без того заплаканных глазах, промолвила: — Пусть хранит тебя Господь, дочка!

У самых дверей, следуя бытующей в народе с незапамятных времён поговорке: “Долгие проводы, лишние слёзы”, — Мария, поочередно быстро обняв готовых разрыдаться родителей, с болью в сердце произнесла: “Вы, дорогие мои мама и папа, за меня сильно не переживайте! Верьте не верьте, но несмотря на то, что я еду в далёкие, суровые края, меня почему-то никак не покидает ощущение, что у вашей младшенькой дочери на новом месте всё сложится хорошо! И обещаю о своей жизни и работе как можно чаще вам писать! Ну, а через год, заработав положенный отпуск, сразу же навещу! Держитесь, мои любимые!”

И решительно, словно надо было ехать не за тридевять земель, в тридесятое царство, а лишь в областной центр Омск, который за пять лет институтской учёбы стал родным, вошла в тёплый салон. Села на обитое коричневой кожей сиденье у окна и махала своей точёной рукой до тех пор, пока сторбленные, как бы жалкие до боли в сердце фигуры родных, все уменьшаясь и уменьшаясь, не пропали из виду, смотрела на них грустным

взглядом, чувствуя, как горячие слезинки сбегают по щекам... Вскоре, скрывшись в розоватой дымке, перестал быть виден и посёлок хлеборобов и животноводов с красивым названием “Соловьёвка”, где Мария родилась, окончила с отличием школу, откуда, слово за словом из гнезда, вылетела для получения желанного высшего образования.

Природа, кроме броской и в то же время нежной красоты, ещё щедро наделила её и пронизательным, любознательным умом, желанием в любом стоящем деле докопаться до истины, чего бы ей это ни стоило. Такие редкие качества, скорей всего, присущи талантливым следователям, вообще работникам правоохранительных органов. Да она с юных лет, начитавшись милицейских детективов, и мечтала стать юристом, чтобы работать в прокуратуре, но в советское время поступить в соответствующий институт без предварительной юридической практики было практически невозможно. Вот и пришлось, не теряя времени, как можно скорей получать высшее образование, чтобы в случае выхода замуж, естественно, по любви, быть независимой, самодостаточной. И она решила поступить в сельскохозяйственный институт, тем более что тем самым, только на более высоком уровне и в совсем ином качестве, она смогла бы продолжить дело родителей, всю свою трудовую жизнь посвятивших сельскому хозяйству, отдавших ему не только здоровье, но и тепло беспокойных сердец, что позволяло им даже в самые трудные времена смотреть на жизнь с непоколебимым оптимизмом.

Сразу за посёлком потянулась обширная южно-сибирская степь с колочками — островками белоствольных берёз, шумящих на вольном ветру светло-зелёными лиственными кронами. Вокруг них на одних полях уже вовсю росла изумрудная, густая, словно конская грива, озимь, от обильно выпавшей на рассвете светлой росы переливавшаяся в золотистых тёплых лучах чёрнёным серебром, а на других, только что вспаханных, переваливаясь с боку на бок, важно расхаживали по вывернутым земляным, суглинистым бурым пластам целыми стаями светло-коричневые сороки с чёрными клювами, с удовольствием кормясь червями и личинками насекомых. Хотя корму на полях было хоть отбавляй, но всё равно, движимые своими драчливыми натурами, они то и дело с картавыми криками, широко расправив крылья, воинственно набрасывались друг на друга, пытаясь отстоять, как им казалась, более “урожайные” места.

Златопёрое солнце в пронзительно синих весенних небесах уже вовсю расправило, как огромная птица, животворные крылья, всё быстрее с каждым их взмахом прогревая дрожащий, словно влажное марево, свежий воздух, больно слепя глаза. Это заставило Марию отвернуться от окна, задёрнуть штору и, словно вокруг кроме неё не было других пассажиров, погрузиться в свои дорожные мысли. А как иначе, ведь она впервые в жизни встала на самостоятельный путь, полный таких трудностей, каких из-за своей молодости она и не могла представить. Но сколько она ни думала о будущем, в густом, клубящемся тумане надвигающегося времени ничего толком разглядеть не смогла. Прежде всего, помня о своих горячо любимых родителях, успокаивающе подумала: “Ладно, как-нибудь в разлуке с родными отработаю в далёкой Якутии хотя бы год, а там, может, и подвернётся случай, который позволит вернуться...” Светло улыбнулась про себя своей надежде и, утомлённая внутренней борьбой последних дней, прежде всего, с собой, даже и не заметила, как погрузилась в тревожный дорожный сон.

2

Председатель республиканского объединения “Сельхозхимия” Игорь Георгиевич Ляпунов, одновременно являющийся первым заместителем министра, был человеком, жизнь которого близилась к закату, но оставался по-спортивному поджарым, совершенно без лишнего веса, с семью волнистыми волосами, аккуратно зачёсанными назад, умудренным жизнью, как, может, никто другой, поскольку она нещадно била его и под дых, и по голове. От природы уравновешенный в своих поступках и словах, любящий и прекрасно знающий доверенное ему дело, он давно пригляделся к одному из своих председателей в районных структурах сельского хозяйства — молодому парню Анатолию Петровичу Иванову, полному энергии и здоровья, а главное — буквально горевшему на работе. И как-то в телефонном разговоре с ним узнал, что ему в хозяйство срочно требуется агрохимик. Вскоре сбегавшая из-под венца, можно сказать, куда глаза глядят, красивая девушка — дипломированный специалист, — прилетев на самолёте, явилась пред его начальственные очи в ожидании высокого решения своей дальнейшей, теперь уже рабочей судьбы. Не долго думая, Ляпунов тут же предложил ей место в районном объединении “Сельхозхимия”, которое возглавлял Иванов.

Однако, когда о принятом решении первый заместитель министра по телефону сообщил молодому председателю, тот стал резко возражать, мотивируя тем, что, мол, под его началом не детский сад, а огромное производственное объединение, где надо

с первого же дня работать, засучив рукава, а не тратить время на приобретение производственных навыков, особенно сейчас — накануне самой ответственной страды на селе — посевной. И всё-таки Ляпунов, проявив в очередной раз рассудительную, твёрдую убедительность, настоял и даже добился заверения, что новоиспечённый агрохимик будет обеспечен отдельным жильём. Но Анатолий Петрович, заматавшись напрочь с горячей работой, в которую никогда иначе, как с головой, не входил, вскоре напрочь забыл о звонке своего непосредственного начальника.

А перед самой посевной выехал на пару дней в совхоз “Нюйский”, чтобы проверить, как идут дела с внесением органических удобрений непосредственно под вспашку у механизированного отряда. Директором этого совхоза год назад был назначен Пётр Сергеевич Кудрявцев, пятидесятилетний мужчина крутого нрава, тучный, с квадратным лицом, до этого успевший проработать несколько лет председателем районного объединения “Сельхозхимия”, того самого, куда в председательское кресло судьбоносный ветер занёс Анатолия Петровича. У него с самого начала не сложились с новым директором нормальные отношения, как того требовала совместная работа по повышению урожайности полей, причём не по его вине... Дело в том, что Пётр Сергеевич, переходя в совхоз, самовольно забрал с собой совершенно новый колёсный вездеход на базе Газ-63 и диуралевую лодку “Крым” с подвесным мотором “Вихрь”, — всё, что ему, заядлому рыбаку и охотнику, требовалось для удовлетворения своего личного промыслового азарта. Об этом Анатолий Петрович узнал, знакомясь с материально-технической частью баланса.

Вызвал в кабинет заведующего гаражом Бухарова, молодого парня, высокого, ладно сложенного, с курчавыми тёмными волосами, очень даже симпатичного, но с какой-то необъяснимой, как бы ну никак не проходящей печалью в глазах, и, предложив ему сесть за стол напротив, не отводя от него вопросительного взгляда, строго спросил:

— Как могло произойти, можно с полным основанием сказать, хищение технических средств, находящихся у вас в подотчёте, за которые вы в полной мере отвечаете своим карманом и должностью?

— Вы — о вездеходе и лодке с мотором? — враз дрогнувшим голосом, удручённо и настороженно уточнил заведующий гаражом.

— О них самых! Хорошо хоть помните!..

— Всё произошло просто... Приехал из совхоза водитель. Пётр Сергеевич дал мне указание передать ему ключи от машины и сказал, что именно необходимо срочно погрузить в неё.

— А он вас ознакомил с соответствующим приказом министра?!

— Нет, хотя я его о нём спрашивал! Но он закричал, чтобы я не лез, куда не следует, в противном случае мне здесь не работать!

— Ну и дела! Можно сказать, приходит с улицы человек, даёт, как у себя дома или во дворе, незаконные указания, и вы вместо того, чтобы его вежливо куда-нибудь подалее послать, так испугались за свою карьеру, что ещё и, хотите вы того или не хотите, стали соучастником серьёзного преступления, подпадающего под уголовную статью!

— Что же теперь делать? — упавшим голосом спросил Бухаров.

— Пока только одно: как можно скорее вездеход наш вернуть! — резко ответил Анатолий Петрович.

И, задумавшись, вышел из-за стола и стал взад-вперёд ходить по ещё пахнувшему свежей олифой паркету, хоть и постеленному недавно, но, видать, некачественно, и потому под ногами издававшего старческий глухой скрип, словно жалуясь на нерадивых строителей. Невольно подумалось: “С этой чёртовой перестройкой, — на кой ляд затеянной, так сверху никто до сих пор и не объяснил! — люди напрочь потеряли голову и способность принимать верные решения! Иначе бы никогда человека, который всю трудовую жизнь проработал в торговле, в основном среди женщин, но, к сожалению, так и не перестал быть в высшей мере хамом и наглецом, и уже только поэтому не имеющего никакого морального права руководить людьми, тем более знающего сельское хозяйство не больше любого дачника, выращивающего на своём мизерном участке овощи и картофель, не назначили бы директором совхоза. И какого! С несколькими тысячами гектаров посевных площадей, огромным стадом крупного рогатого скота, наконец, с полуторатысячным трудовым коллективом! А если учесть, что совхоз, можно сказать, создан в голом поле — без жилья для многочисленных специалистов управления, ремонтных мастерских, гаражей, крайне необходимых в северных условиях, чтобы сотни машин и тракторов содержались в тепле, а не на сорокаградусном морозе, где самая пустячная поломка обрабатывается огромной, почти неразрешимой проблемой, то башка вообще перестаёт понимать кадровую политику руководства министерства сельского хозяйства. Словно там сидит какой-то специально посланный врагами социализма мерзавец, непостижимым

образом получивший огромные права и теперь всю использующий их во вред государству! Нет, лучше об этом вообще не думать, а то мозги, какими бы они ни были молодыми, совсем набекрень съедут!..”

И Анатолий Петрович, желая как можно скорее вернуться к начатому им разговору с Бухаровым, произнёс:

— Я правильно думаю, что никакие мои доводы, уговоры, увещевания, наконец, призывы к совести на Кудрявцева не подействуют?

— Вполне! Только унижитесь перед ним, ведь кроме всевозможных оскорблений, заключающихся уже в том, что по сравнению с ним вы, извините, салага, у которого ещё материнское молоко на губах не обсохло... Такие люди, как он, признают только силу!..

— Значит, с её позиций и мы с тобой будем решительно действовать! Случайно не знаешь, где он в совхозе наш вездеход держит?

— Если верить нашим водителям, на днях возившим минеральные удобрения и полиэтиленовую плёнку в совхоз, то у механика центрального гаража во дворе дома, за глухими воротами!

— Да ещё и под охраной огромного сторожевого пса!

— А у вас откуда такие детали?! — удивился Бухаров.

— Понимаешь, я с этим механиком, Рудольфом Никитиным, очень хорошо знаком, поскольку он является родным братом моей первой жены!

— Ах, вот оно что! И какие будут указания?

— Сегодня в ночь выедем на моём “уазике” в совхоз. На месте разберёмся, как будем забирать вездеход. Но, думаю, и дураку ясно, что мой бывший родственник кабину держит закрытой на ключ, поэтому до отъезда надо придумать, как её будем открывать!

— Это излишне, поскольку у меня остался запасной ключ!

В совхозный посёлок Анатолий Петрович и Бухаров приехали в три часа ночи, перед самым рассветом, когда люди, окончательно разоспавшись, видят беспробудные сны. “Уазик” оставили в проулке за три дома от никитинского двора. На пустынной улице, предательски залитой июльской прозрачной синевой, стояла глубокая тишина, лишь летучие мыши, целыми стаями проносясь над головами, стремительными взмахами перепончатых крыльев, словно ножницами, стригли прохладный предрассветный воздух. Да назойливые комары, летая над головой, всё противно зудели и зудели, как заведённые.

— Значит, поступим так! — обращаясь к Бухарову, сказал Анатолий Петрович. — Поскольку собака должна, как обычно, находиться за оградой, в огороде, я зайду с его стороны. Надеюсь, пёс меня помнит, поэтому, услышав мой голос, лаять не будет... Как только я открою ворота, ты тотчас залазишь в кабину и, подав мне заводную ручку, включаешь заднюю скорость. Пока я, вращая коленчатый вал, буду выкатывать с соблюдением строжайшей тишины машину, ты подберёшь необходимые провода зажигания и по моей команде замкнёшь их. Ну, а когда двигатель заведётся, то гони на всех парах прямоком в город. Меня не жди — уж больно хочется всё-таки разбудить Рудольфа, чтобы через него передать самый поучительный привет его теперешнему начальнику Кудрявцеву! Надо наглицу не на словах, а на деле дать понять, что если он не уважает меня, то пусть хотя бы побаивается!

Удивительно, но всё получилось так, как Анатолий Петрович спланировал: и злоущий пёс, сидящий на длинной цепи, ещё издали, учуяв чужого, но знакомого человека, лишь взвизгнул, а когда он подошёл к нему — и дружелюбно замахал хвостом, и ворота оказались закрытыми изнутри лишь на металлический крючок, и вездеход стоял с баком, заправленным по самую горловину, и когда двигатель на больших оборотах шумно загудел, ни в никитинском доме, ни в стоящем напротив соседском никто не проснулся. Вокруг продолжала струиться прозрачная синева, не прорезанная световыми потоками вдруг загоревшихся окон. Как радость удачи ни распирала грудь Анатолия Петровича, он, хотя и крещённый, но продолжавший в душе оставаться язычником, верившим в природные небесные силы, но той истаивающей, как пасхальная свеча, ночью, впервые вопросительно подумал: “Если не Бог, то кто же мне помог восстановить попорченную справедливость, приняв вызов, одержать, пусть небольшую, но победу?..”

Через несколько дней Анатолий Петрович, приехав на очередное заседание исполкома, увидел Кудрявцева, стоящего у самых входных двустворчатых дверей зала заседаний и явно поджидавшего его. Когда он подошёл к Кудрявцеву, тот сделал вид, что ничего обидного для себя в возврате вездехода не видит, даже за руку поздоровался и, показывая на Иванова рукой, с откровенно добродушной, поощрительной улыбкой сказал проходящему мимо начальнику управления сельского хозяйства Паку:

— Дорогой Владимир Андреевич, должен заметить, что смена нам с вами и в самом деле более чем достойная подрастает!

— Согласен! — не останавливаясь, коротко ответил он.

— Благодарю за комплимент! — сказал Анатолий Петрович. — Но я больше рад тому, что вы умеете держать удар, по крайней мере, смогли понять меня, ведь действительно, если бы я не вернул вездеход, то перестал бы себя уважать и как руководителя, и как человека! А чтобы не ходить у вас, скажу так, в должниках, я настаивать на возвращении лодки с мотором не буду, только надо соответствующим приказом министра передать их с баланса на баланс... И чем быстрее это будет сделано, тем лучше, ибо к любому законно установленному порядку надо относиться с уважением!

— Честно признаюсь, ну, никоим образом не ожидал я такого щедрого подарка! — расплылся в широкой, довольной улыбке Кудрявцев. — Интересно, а что же подвигло вас принять такое решение?

— Ну, не могу же я позволить себе лишать своего старшего коллегу, уважаемого руководством района, опытного хозяйственника, такой захватывающей душу страсти, как рыбалка! — не без иронии ответил Анатолий Петрович. — Только, простите, никак в толк не возьму, зачем вы ещё и малярные и штукатурные материалы прихватили, ведь это такая мелочь для такого большого человека, как вы!..

— Понимаете, я уже дал прорабу указание немедленно приступить к строительству коттеджа на берегу, так сказать, поближе к воде!..

— А не боитесь того, что можете запросто повторить печальную судьбу своего предшественника, который тоже начал руководить совхозом с устройства по высшему разряду своего жилья?

— Это Морякова, что ли?!

— Того самого!

— Нашли с кем меня сравнивать! Он же из тех людей, о которых обычно в народе говорят: “Ни рыба ни мясо!..”

С той встречи каждый раз, когда Анатолий Петрович по тем или иным производственным вопросам, которым не было ни конца ни края, — и именно поэтому жить ему всё больше хотелось с удвоенной силой! — приезжал в совхоз, Кудрявцев неизменно встречал его если не как самого дорогого гостя, то как младшего приятеля — точно! Во всяком случае он, не прочь выпить и в рабочее время, усаживал молодого председателя за стол, доставал из холодильника армянский коньяк, плеснув грамм по сто в рюмки, предлагал выпить за здоровье. А после этого непременно заводил разговор том, как он в прошедший выходной удачно порыбачил в верховьях таёжной речки или поохотился в богатой на зверя тайге.

Так произошло и в этот раз, правда, только в самом начале встречи с Кудрявцевым. Но вдруг в кабинет зашла лишь несколько дней назад приступившая к своим обязанностям молодая секретарша, высокая, со стройной фигурой, с крашенными в каштановый цвет густыми волосами, волнисто спадавшими на точёные плечи, с карими глазами, от природы настолько красивыми, что им была совершенно не нужна какая-либо косметика. Одета в чёрную юбку на пояске, туго перетягивающем талию, и в белую, как снег, кофточку, волнующе подчёркивающую округлость полной груди, она выглядела впечатляюще даже для самых холодных мужчин. Анатолий Петрович ещё раз невольно окинул её восхищённым взглядом, прежде чем она, смущённо извинившись, светлым, бархатным голосом певуче сообщила, что его срочно просят подойти к телефону. “Хорошо!” — сказал он и, выйдя в приёмную, без каких-либо беспокойных мыслей взял трубку, лежавшую на небольшом столике:

— Уважаемый Анатолий Петрович, извините, что я вас беспокою! — раздался голос его заместителя по экономическим вопросам Эльзы Ренатовны Мустафиной. — Но дело неотложное, связанное с приездом к нам на работу нового сотрудника, верней, агрохимика, которой, по её словам, вы даже в разговоре с Ляпуновым обещали помочь с жильём...

Тут он тотчас всё и вспомнил. Несколько секунд, сдвинув в раздумье широкие брови, помолчал, и вдруг, неожиданно даже для самого себя, то ли в шутку, то ли всерьёз, спросил:

— А эта новая агрохимичка хоть симпатичная?

— Даже очень, дорогой председатель! — услышал он в ответ.

— Ну, что ж... Молодых женщин, да ещё, по твоим словам, красивых оставлять без тёплого внимания ни в коем случае не будем. Если тебе не в тягость, то, пожалуйста, будь добра, заведи её переночевать к себе домой, а утром, сразу же по моём возвращении, что-нибудь придумаем, в том числе и с жильём, тем более, что я слово дал. Хорошо?

— Да вопросов нет!

— О, совсем забыл! А как звать-то её?

— Марией!

Конечно, у его заместителя, тем более доброй женщины, вопросов быть не могло, зато, ещё когда он спрашивал о только что прилетевшей устраиваться на работу молодой

специалистке, у него, совершенно здорового человека, вдруг как-то неожиданно сильно защемило сердце...

Когда он вернулся в кабинет, Кудрявцев, увидев несколько озабоченное лицо молодого гостя, участливо спросил:

— Что-нибудь случилось?

— Ничего особенного! Новый агрохимик по разнарядке областного управления “Сельхозхимии” приехала! А я, понимаешь, сгоряча Ляпунову пообещал помочь ей с жильём, но как — пока ума не приложу!

— Ничего! Сам знаешь, что нерешаемых вопросов для деловых, хватких, как ты, людей не бывает... Зато, наконец, новый агрохимик будет, старый-то, вернее, старая уволилась! А эта с опытом?

— В том и дело, что нет! Лишь нынче весной институт закончила! Поэтому, пусть будет она и с красным дипломом, о ней как о полноценном заместителе думать не стоит. А впрочем, чем черт не шутит, в этой хоть и суетной, но полной всяких неожиданностей жизни всё может случиться, причём даже и не поймешь, как!

Утром, проехав за рулём служебного “уазика” более ста километров по просёлочным, пыльным, вконец раздолбаным большегрузными машинами дорогам, он ровно в восемь часов зашёл в свой огромный, квадратный рабочий кабинет и, раздевшись, подошёл к большому трёхстворчатому окну, из которого хорошо была видна автобусная остановка с бетонным навесом и скамейками для ожидающих и дорога, ведущая к зданию конторы. Его глаза сразу выхватили из многочисленной, разношёрстной рабочей толпы своего заместителя и идущую под руку с ней новую сотрудницу... И опять сердце как-то особенно защемило...

Но была пятница — день подходящей к концу рабочей недели... Поэтому она смогла зайти к нему только после проводимой им лично со своими заместителями, начальниками отделов и заведующим гаражом еженедельной планёрки. Когда стеснительно представлялась, глаза их, словно по воле свыше, откровенно встретились, и вдруг её нежную, светлую душу, как до того его сильное, волевое сердце, невольно охватило какое-то безотчётное волнение, щёки ало зарделись, глаза озарились искристым светом, сердечко заколотилось часто-часто, как воробушек в силках. Пытаясь скрыть смущение, она опустила взгляд, но сцепив и сильно сжав тонкие, словно точёные, успевшие загореть руки, выдержала пристальный взгляд своего нового начальника.

“А что? Заместитель в самом деле не солгала — очень милая девушка, только больно уж застенчивая”, — подумал он, не отрывая от неё строгих и в то же время заинтересованных синих глаз. И неожиданно заботливо, но словно погружаясь в какой-то омут, спросил:

— Вещи в аэропорту?

— В аэропорту, в камере хранения, в двух чемоданах...

Конечно, он должен был за ними отправить своего водителя, но почему-то по-мальчишески радостно предложил:

— А давайте мы вместе съездим за ними на моём “уазике”?

— Удобно ли вам будет? — настороженно спросила она.

— Более чем!.. Да и езды до аэропорта, как вы вчера убедились сами, всего ничего — каких-то десять километров!

3

После ледохода наконец-то северные, сильно порывистые ветра, то и дело нагонявшие на небо свинцовые, беременные дождём тучи, которые проливались недолгим, но проливным дождём с глухими громовыми раскатами, похожими на оружейную канонаду, и с огневыми, зигзагообразными молниями, стихли. Высокое, пронзительно синее небо прояснело, лишь по самым его краям с горизонта пылили и пылили белоснежные, курчавые, перистые облака, а ближе к обеду, словно в крутолобую гору, вкатывалось огромное солнечное колесо и ярко светило, проливая на землю бесчисленные золотистые световые потоки. Они были такими яркими, что слепили глаза, пятали лесные тропинки в окрестной тайге, озаряли густые кроны вековых деревьев.

Воздух с каждым днём все сильнее и сильнее прогревался, продолжая оставаться в городе из-за близости великой реки Лены свежим, даже прохладным. Поэтому вдыхался он легко, полной грудью, не только лёгкие наполняя кислородом, но умножая духовные силы всего живого. Люди, поменяв так надоевшие за долгую зиму тёплые меховые одежды на летние плащи и куртки, озаряли свои открытые лица жизнерадостными улыбками. Все без исключения птицы — и те, что оставались зимовать, и те, что совсем недавно возвратились в родные гнездовья из дальних южных краев, — как по команде

свыше, наполнили городские парки и скверы сладкозвучным пением, внимая которому духовно богатые люди не могли умиленно не замирать, светлея до самого сердечного доньшка! Им самим вдруг хотелось петь и, от охватившего их вдохновенного счастья, взмахнув руками, птицами возноситься на небо и там, словно в раю, купаться в небесном и солнечном сиянии.

Когда двое молодых людей ехали в аэропорт за вещами, то солнце буквально ломилось через лобовое стекло в кабину, и им казалось, что всё плохое, так давившее, словно тяжеленная гранитная плита, на душу, осталось в прошлом, чтобы никогда не вернуться к ним даже в воспоминаниях! И хотя они невольно чувствовали друг к другу необъяснимую симпатию, по дороге в аэропорт говорили исключительно о предстоящей работе. Камера хранения, которая располагалась в ветхом одноэтажном брусовом здании, была открыта, и они без труда получили чемоданы. Их было два, но один такой огромный и, понятно, тяжеленный, что, грузя его, Анатолий Петрович про себя откровенно удивлялся: «Ничего себе, почти не в подъём! Как только Мария, такая хрупкая, с ним управлялась!» Но вслух деловито сказал:

— Вещи сразу отвезём на ваше новое место жительства в посёлке энергетиков Спутник, это в трёх километрах от города. Городской автобус ходит регулярно, так что проблем с дорогой на работу не будет. Правда, я ещё не знаю ни адреса, ни номера квартиры...

— Как это? — удивилась она.

— Извините, но я напрочь забыл о вашем приезде, поэтому заранее не побеспокоился... Но мы сейчас по дороге заедем к начальнику местной геологической организации, собственнику всего жилья в посёлке энергетиков, и я постараюсь как можно быстрее и лучше исправить свою забывчивость, а вернее, замотанность, которую, кстати, устраиваю себе сам — всё хочу обогнать завтрашний день! Вот чудак!.. А ведь понимаю, что это невозможно, и всё равно не отстаю! Видать, характер достался мне от природы и в самом деле больно уж неутомный!

— А вдруг получится так, что начальник возьмёт да откажет? — тревожно, даже немного расстроено тихим голосом спросила она, поправляя каштановую прядь волос, упавшую на лоб.

— Отказать, говорите? Запросто может! На то он и руководитель!.. Только не мне! — уверенно ответил Анатолий Петрович.

Минут через пятнадцать, на бешеной скорости промчавшись по центральной городской улице имени Ленина со старым асфальтовым покрытием, от сильных морозов во многих местах потрескавшимся, они свернули в переулок Береговой, и у двухэтажного брусового здания, обитого синей вагонкой внахлест, машина, взвизгнув тормозными колодками, остановилась так резко, что молодой агрохимик, подавшись вперёд, едва не ударила головой о лобовое стекло. Словно не заметив этого, Анатолий Петрович как ни в чём не бывало сказал:

— Подождите меня, пожалуйста, несколько минут в машине или прогуляйтесь по улице! — и, молодежато выбрасывая своё сильное, мускулистое тело из машины, добавил: — Только не далеко!

— Хорошо! — покорно ответила она.

Начальник геологической организации Рафик Абилович Хусейнов, азербайджанец, в Якутии оказался после окончания московского нефтяного института. Получив должность мастера, возглавил одну из буровых бригад. Был он ниже среднего роста, крепко сбитый, с густыми, вьющимися кольцами чёрными волосами, с волевыми тонкими губами, с чёрными пронизательными глазами, говорившими о хозяине ничуть не меньше, чем его слова и поступки... Ещё в институте, каждое лето возглавляя один из студенческих строительных отрядов, он показал себя талантливым организатором и на производстве очень быстро заявил о себе как о специалисте, умело и настойчиво претворяющим теоретические знания в практические решения проблем, и вскоре был замечен и выдвинут на комсомольскую работу. Сначала в качестве рядового инструктора, а вскоре возглавил организационный отдел райкома. В это время Анатолий Петрович, работая на общественных началах председателем профсоюзной организации леспромхоза «Ленский», на одном комсомольском совещании и познакомился с ним.

После распада страны на удельные княжества-государства Хусейнов не вернулся в родной солнечный Азербайджан. И не прогадал. При смене старой коммунистической гвардии на молодую, демократически мыслящую, жадную до настоящего дела, он вернулся на прежнее производство. Да как! Сразу в кресло начальника огромной организации, насчитывающей более двух тысяч работников! В эти же годы и Анатолий Петрович из мастера по строительству за несколько лет вырос в руководителя районного масштаба. За время, что прошло после их знакомства, они, конечно, не успели стать закадычными друзьями, но прониклись друг к другу глубоким уважением, поскольку оба свои

должности получили не по протекции, а благодаря своим природным и профессиональным деловым качествам. Ещё больше они сблизились после того, как бывший первый секретарь райкома партии, став главой администрации, сплотил вокруг себя по-настоящему перспективных молодых руководителей.

А чтобы многие производственные вопросы, да и другие тоже, решать в неформальной обстановке, он в загородной резиденции своей администрации еженедельно по субботам стал устраивать так называемые “мальчишники”, на которых, парясь в одной парилке, за одним столом выпивая по рюмке-другой, казалось бы, совершенно разные по складу характера люди, раскрываясь друг перед другом в задушевных беседах, цементировались в такую мощную, направленную на решение больших производственных задач силу, которая только и помогла району выстоять в почти не управляемом вихре лихих девяностых годов.

Вбежав по деревянной лестнице на второй этаж и, словно вешний ветер, влетев в приёмную, Анатолий Петрович крылато, с солнечной улыбкой порывисто поприветствовал молодую секретаршу с ярко накрашенными губами и длинными ресницами, с чёрными, прямыми длинными волосами, заброшенными на спину, с карими, немного выпуклыми, как у серны, большими глазами, и вежливо спросил:

— Рафик Абилович у себя?

— У себя!.. — несколько растерянная внезапным появлением незнакомого парня, посмотревшего таким глубоко пронизывающим, откровенным, будто раздевающим до гола огненным взглядом, ответила секретарша, и без колебаний спросила: — Как, скажите, о вас доложить?

— Да никак! — сказал Анатолий Петрович.

И словно сквозь невидимую стену, пройдя мимо озадаченной девушки, порывисто вошёл в довольно просторный прямоугольный кабинет с большим столом совещаний, обитым зелёным сукном, вплотную примыкавшим к гораздо меньшему, за которым сидел сам Хусейнов, с кем-то деловито разговаривая по телефону. Увидев своего хорошего знакомого, он бросил в трубку: “Позже перезвоню!..” — и тотчас встал, приветливо улыбаясь, пожал протянутую руку, воскликнув:

— Это кто же ко мне пожаловал?! Сам Иванов! Рад тебя видеть, дорогой товарищ! Присаживайся! Что будешь пить — чай, кофе?

— Рафик, извини, ни то, ни другое, ибо шибко тороплюсь!

— Да, дорогой Анатолий, кликуху “Мотор”, которую мы, руководители нашего общего круга, тебе дали, ты в полной мере продолжаешь оправдывать — всё спешить, всё летить!.. Но коли время действительно поджимает, то я внимательно слушаю тебя... Говори!

— Тут мне, как снег на голову, из министерства прислали нового агрохимика, вчерашнюю выпускницу института. Я, конечно, мог бы её поселить в городскую гостиницу, но своему непосредственному начальнику пообещал, что помогу ей с нормальным жильём. У тебя этого добра целый посёлок! Может, выручишь своего старого товарища?

Рафик Абилович как-то больно уж загадочно, поблёскивая белоснежными, немного влажными зубами, интригуяюще улыбнулся, хитро прищурил чёрные глаза, словно давая понять, что истинная причина тёплой заботы о новом сотруднике исключительно глубоко личная. Это не осталось незамеченным Анатолием Петровичем, и он, не дожидаясь ответа на свою просьбу, тотчас быстро сказал:

— Нет-нет! Это совсем не то, о чём ты думаешь! Да и если бы у меня были хоть какие-то амурные виды на молодую особу, то я бы тебе об этом прямо и сказал. Короче, жилплощадью поможешь?

— Ладно, ладно, не кипятись! Отказать тебе, сам знаешь, я не могу, а вот помогу или нет, сейчас узнаем. Подожди немного!

И он по внутренней связи пригласил коменданта. Буквально через минуту в кабинет вошла высокая, статная женщина средних лет с открытым славянским лицом, на котором светились, словно васильки в спелой ржи, синие, большие глаза, с русыми волосами, собранными в пучок на затылке и перетянутыми банковской резинкой. Настороженно поздоровавшись с Анатолием Петровичем, она произнесла:

— Рафик Абилович, слушаю вас!

— Антонина Васильевна, скажите, зарезервированная мной квартира в нашем посёлке разведчиков до сих пор свободна и в порядке?..

— Вы имеете в виду однокомнатную?

— Ну конечно!

— Безусловно!

— Вот и хорошо! Ключи от этой квартиры передайте Анатолию Петровичу, председателю районного объединения “Сельхозхимия”, ему необходимо сегодня же заселить в неё своего нового специалиста!

— Хорошо! Будет в полном соответствии с вашим указанием исполнено! А как прикажете оформлять? Если я правильно понимаю, то в аренду? Как всегда, временным договором? Или иначе?

— В этот раз мы просто окажем безвозмездную помощь развитию сельского хозяйства нашего района! Вы меня поняли?

— В полной мере! Ключи принести?

— Спасибо! Но я сам за ними к вам через минуту-другую зайду! — благодарно сказал Анатолий Петрович, облегченно глубоко вздохнув, словно с его неслабых плеч свалилась огромная гора...

И уже собрался уходить, как Рафик Абилович неожиданно, на правах доброго товарища, в лоб спросил:

— А ты, Анатолий, с женой помирился?!

— Нет! И даже не задумываюсь об этом!

— Что так?! Ведь сам говорил, что прожил с ней больше десяти лет! Неужели в самом деле чувства любви в поэтической душе выгорели, как костёр на ветру, догла? И тебе нисколько не жалко вашего прошлого, тем более, что она тебе сына родила, которого ты так страстно любишь?

— Знаешь, дорогой Рафик, как на войне снаряд не попадает в одну и ту же воронку дважды, как в одну и ту же жизненную реку не входят по новой, так и я не испытываю не малейшего желания возвращаться на пепелище прошлого. Конечно, разбитую вдребезги семейную чашку можно при помощи такого клея, как любовь к сыну, как-нибудь склеить, помня поговорку “От добра добра не ищут” или мещански переживая по всему заработанному, нажитому великим трудом. Но при этом чашка всё-таки будет вся испещрена многочисленными следами разломов — тяжёлых ссор, горького непонимания. Значит, пить из неё, да ещё полными глотками — это, по-моему, равносильно тому, что идти на сделку с совестью! И потом — зачем, как стреноженный конь, топтаться на месте, пытаться, тратя огромные духовные, да и физические силы, наладить сегодняшнее, когда будущее с каждым часом всё отдаляется и отдаляется? Ни к чему! Такая жизнь — удел слабовольных людей, которые в итоге ничего, кроме жалости к себе, вызывать не могут!

— Ну, а сам, уйдя из дома, где живёшь?

— Отвечу честно: сплю там, где меня ночь застанет, а в остальное время на работе пропадаю, мотаюсь по району с проверкой деятельности механизированных бригад, заключением новых договоров на всевозможные агрохимические работы с директорами совхозов, ведь посевная, в которой день, действительно, год кормит — на носу! И как строитель не мог с приходом в “Сельхозхимию” не развернуть важную стройку. На улице Объездной возвожу два жилых брусовых дома, а на центральной усадьбе заканчиваю строительство из щелевых блоков ремонтных мастерских. Приступил к реконструкции гаража на тридцать автомашин! Короче, дел — невпродых! Зато мучительно скучать и оплакивать то, что по-настоящему никогда не было счастьем, — некогда! Да и глупо!

— Что тебе, дорогой товарищ, сказать!.. — начал Рафик Абилович.

Но Анатолий Петрович тотчас перебил его:

— Говорить ничего и не надо!

— Тогда, может, и тебе помочь с жильём?

— Спасибо, Рафик! До осени как-нибудь перебуюсь, а там видно будет. Ты же знаешь, что я у главы администрации, как самая настоящая палочка-выручалочка: то по его просьбе еду в деревню или в посёлок поднимать какое-нибудь отсталое хозяйство, то возвращаюсь за тем же в город! Что будет завтра со мной — только ему да Богу известно!

Тепло расставшись со своим товарищем, получив у коменданта под журнальную роспись ключи, с адресом, записанным на календарном листке, он, выскочив на улицу, помахал рукой новой сотруднице, мол, всё в порядке. Её лицо тотчас озарилось радостной улыбкой. Но едва Анатолий Петрович сел за руль, как она озабоченно спросила:

— Извините, но мы так быстро ехали из аэропорта, что у меня на языке до сих пор так и вертится вопрос: вы всегда так лихо, даже в городе, где интенсивное движение транспорта, управляете автомашиной?

— Всегда, когда это безопасно!

— Хотите сказать, “какой же русский не любит быстрой езды”?..

— Знаете, я нашего классика Николая Гоголя люблю, но не настолько, чтобы его высказывания принимать как команду к действию! Поступками любого человека, в первую очередь, управляет характер. Одних он понуждает жить не спеша, тщательно обдумывая каждый шаг, словно от этого ошибок может быть меньше... Других, таких, как я, он, наоборот, подстёгивает, как будто иначе счастья не видать. А вообще-то, я думаю, человек живёт, исходя исключительно из небесного промысла: чем больше ему на-

значено совершить в жизни, тем насыщенной каждый день, да что там — каждый час, порой — и каждая минута! Верю: не раньше, не позже, а лишь тогда, когда будет свершено всё, назначенное свыше, человек и закончит свой путь земной! А вот от того, насколько успешно ему удастся справиться с жизнью на этом свете, зависит его и жизнь на том!..

— Значит, вы верите в существование рая и ада?!

— Да! Причём вполне осознанно! Но уже успел сполна убедиться, что ничего страшнее нет тех многочисленных душевных и физических страданий, которые мы, люди, то и дело переживаем в отпущенный нам Господом земной срок! Так что ад, увы, начинается на земле...

4

Это была их первая встреча. Вторая произошла через несколько дней, когда Анатолий Петрович неожиданно пригласил Марию на день рождения своего младшего брата Николая, уже тогда безнадежно больного раком. Судьба с самого детства не благоволила к нему. Началось с того, что пяти лет от роду он как-то вечером, когда родители ушли в гости к соседям, оставив детей на десятилетнюю дочь Наталью, решил из шкафа достать кружку. Однако роста не хватало, тогда, встав на табуретку, он из всех сил потянулся за чашкой, да нечаянно рукавом коснулся пламени ярко горевшей свечи, и в одно мгновение фланелевая рубашка на нём обратилась в безжалостное пламя. Только благодаря старшей сестре, которая, не растерявшись, голыми руками сорвала с детских плеч горящую рубашку, он на её глазах, исполненных ужаса, не сгорел заживо, но получил семидесятипроцентный ожог тела, по тем временам считавшийся не совместимым с жизнью. Однако в республиканской больнице врачам каким-то чудом удалось спасти его, но на полное выздоровление ушло целых долгих-предолгих два года. За это время он напрочь разучился ходить, поэтому, как годовалый ребёнок, держась ручонками за стену, вынужден был заново, шаг за шагом, обретать равновесие...

Однако на протяжении следующих десяти лет жестокая судьба снова повернулась к нему спиной: сперва Николай во время завтрака перед школой по неосторожности опрокинул на себя чайник с кипятком, в результате чего ошпарил грудь и живот. Потом каким-то образом в предбаннике голый задницей сел на раскалённую докрасна железную печь. Ещё позже, управляя только что купленным мотороллером, влетел в дорожный, больно уж сухой песок на такой бешеной скорости, что, вылетая с сиденья, сильно ударился животом об одну из ручек руля, в результате чего порвалась двенадцатиперстная кишка. Пока главный поселковый врач по телефону вызывал из района вертолёт, пока Николая в бессознательном состоянии доставили в больницу, началось заражение крови. Но шестичасовая операция, в течение которой у него два раза останавливалось сердце, всё же прошла успешно — пусть инвалидом, но через три месяца он вышел из больницы на своих ногах! Назло судьбе сумел получить профессию тракториста. Но однажды, когда прицеплял к фаркопу своего трактора “Беларусь” двухосную телегу, чтобы ехать на дальнюю лесную деляну по дрова, стажёр, сидевший за баранкой, вместо тормоза нажал на педаль газа — и буквально припечатал задним колесом Николая к телеге, ломая и дробя ключицу. В результате — снова санитарный вертолёт, снова операция, снова длительное лечение.

Казалось бы, ну, сколько можно испытывать, калеча, на излом совсем молодого человека, ещё в полной мере, кроме больницы, ничего в этой жизни не узнавшего? Хватит! Причём с лихвой, на троих! Однако небеса думали совсем иначе. Как-то поздней весной Николай направился со своим старшим другом, якутом Виктором Охлопковым на охоту, но за весь день им не удалось добыть ни одной утки, ни одного рябчика, и тогда они — вот глупцы! — безответственно решили пострелять в сторону друг друга, так сказать для проверки воли и смелости! Это по мальчишеству крайне неосмотрительное занятие закончилось тем, что пуля, пущенная из ружья Виктора, ударившись в камень-валун, за которым лежал Николай, срикошетила и тяжело ранила его в бедро. И опять — больница, опять операция и долгое лечение!

После этого случая наконец-то в его жизни наступило на целых пятнадцать лет затишье, что ли... Он женился на любимой женщине, которая родила ему в награду за все лишения и страдания сына Ивана. Только бы жить счастливо в любви да согласии, да добра наживать! Но судьба, дав Николаю возможность вкусить все прелести семейной жизни, решила завершить его жизненные страдания, подло использовав роковой случай тридцатилетней давности с ожогом от вспыхнувшей на нём огнём рубашки. А было это так: однажды, попарившись в бане, Николай с голым торсом сел пить свежесваренный чай с лимоном, в это время ложечка, который он размешивал сахар, выскользнула из ещё влажных пальцев и упала на пол. Он нагнулся за ней, но когда подобрал её, то, резко разогнувшись, обгорелой в детстве лопаткой ударился об угол стола так сильно, что содрал

кожу. Особого значения этому не придавал. Но проходила неделя за неделей, а рана не заживала. И Николай, отдыхая в Кисловодске у родителей, вместо того чтобы обследоваться у хороших врачей, то ли не имея для этого времени, то ли решив положиться на знакомого хирурга, но согласился на операцию в домашних условиях.

Судьбе только этого и надо было: безжалостно растревоженная непрофессиональным вмешательством рана стала с каждым днём всё более разрастаться и разрастаться, и в ширь, и в глубину! Вскоре Анатолий Петрович, уже работая в городе, как-то вечером после бега на лыжах зашёл на чай к брату и застал его за перевязкой, которую озабоченно делала жена. Он взволнованно поинтересовался, в чём дело? И узнав про новое несчастье Николая, — черт возьми, уже точно и не вспомнить, какое по счёту! — словно предчувствуя непоправимое, в душе чуть от боли не заплакал. Но сдержался, призвав в помощь свою стальную волю. И уже через два дня, преодолев на самолёте более тысячи километров, привёз брата в республиканский онкологический центр и, с нетерпением дождавшись результатов необходимого медицинского обследования, зашёл к главному врачу узнать о диагнозе. Но прежде, чем он получил ответ на исполненный тревоги и надежды вопрос: “Доктор! Надежда на выздоровление моего брата есть?..” — ему сначала пришлось выдержать спокойный, но острый, как скальпель, взгляд человека, повидавшего на своём медицинском веку всякое: и счастливое выздоровление, казалось бы, безнадежно больных, и других, которые, по его мнению, должны были бы жить, но они вдруг умирали, а потом лишь, как гром среди ясного неба, услышать:

— Знаете, существуют между нами, врачами-онкологами, такие конкретные характеристики, как рачок, рак и рачище. Так вот, вы привезли в больницу брата со смертельным заболеванием в самой последней стадии! И что же после этого, извините, доброго хотите от меня услышать?.. Хотел бы вас порадовать, да не в силах!..

Услышав эти жестокие, но крайне правдивые слова Анатолий Петрович, с как-то враз почерневшим лицом, словно оглушённый тяжёлым ударом по голове, на некоторое время замолчал, собираясь со спугавшимися мыслями. Наконец горько спросил:

— Но хоть примерно можете, исходя из своего опыта, определить, сколько времени Николаю осталось жить на этой проклятой земле?!

— Конечно, мы здесь, в клинике, сделаем всё возможное — и операцию, и химиотерапию. Это, безусловно, продлит жизнь вашему брату. Скажу больше: после принятых нами мер он даже на время почувствует себя вполне здоровым. Но эти метастазы!.. Они всё равно будут разрастаться, жестоко поражая один внутренний орган за другим...

— Так всё-таки — сколько?.. Месяц?.. Полгода?.. Год?.. Два?.. Сколько? — нервно прервал доктора Анатолий Петрович.

— Сколько, спрашиваете! — хмуро сказал врач и глубоко задумался, словно впервые услышал подобный вопрос, но, наконец, произнёс, как прочитал смертный приговор, плетью больно ударивший по сердцу: — Думаю, не больше года, максимум — полтора!.. Но на всё воля Божья! Да и надежда, как сами прекрасно знаете, умирает последней!..

Предположения доктора, можно сказать, полностью оправдались: перенеся сложную операцию, — уже и не вспомнить, какую по счёту! — выдержав тяжелейшее лечение, Николай вернулся домой. И вскоре стал, действительно, так быстро восстанавливаться, что с жадностью набросился на все хлопоты, связанные с дачей, расположенной в самом живописном месте — на пологом, поросшем густой осокой берегу озера Щучье, очень богатого карасём, который почти не ловился на удочку, но довольно часто попадал в расставленные на глубине сети. Так что когда Анатолию Петровичу хотелось поесть свежей, наваристой ухи, он на обед или ужин заезжал к брату, который даже уже мог и пропустить стопку водочки — настолько аппетитным и вкусным получалось у его жены рыбное варево. Но чем веселее становился Николай, тем глубже и глубже уходил в грусть его старший брат, ибо, помимо своей воли, мысленно подсчитывал, сколько же ещё светлых дней тому осталось жить на этом свете. Спыхватывался, что поступает совершенно неверно, что лучше просто радоваться, пусть временной, но всё же терпимой жизни Николая.

Но с наступлением зимы с жестокими якутскими морозами, безжалостным хиусом, подкрадывающимся, как зверь, чтобы вдруг вцепиться в лицо стальной хваткой, состояние Николая стало резко ухудшаться: страшные боли усилились настолько, что Анатолий Петрович по договоренности с главным врачом районной больницы положил его в отдельную палату, где ему можно было бы делать регулярно обезболивающие уколы — самые настоящие лёгкие наркотики. Однажды, приехав проведать брата, он застал его за питьём из поллитровой стеклянной банки какой-то жидкости, очень похожей на вспененное пиво. Тотчас без всяких задних мыслей спросил:

— Николай, а что это за новое лекарство тебе прописал врач?

Прежде чем ответить, тот посмотрел такими стеклянными, глубоко печальными глазами, будто хотел заплакать навзрыд, что у Анатолия Петровича от острой боли сжа-

лось сердце, и, наконец, заплетающимся языком глухо, словно с того света, произнёс:
— Врач мне дополнительно ничего не назначал, это я по совету одной знахарки пью три раза в день свою свежую мочу, с отвращением, с трудом проталкивая в пищевод каждый глоток, но пью и пью!

Анатолий Петрович хотел выругаться, мол, какой только бред не несут всякие проходимцы, явно с целью заработать денег, но вовремя взял себя в руки и, дождавшись, когда брат допьёт, как ему казалось, спасительную жидкость, посадил его рядом с собой и стал говорить о рыбалке, на которую они по весне обязательно вместе поедут, на которой будут ловить не порядком поднадоевших карасей, а царскую рыбу — тайменя, а потом приготовленный его женой рыбный пирог есть с удовольствием!.. Но выйдя из больницы на морозный, густой воздух, шагая под резкий, звучный, словно винтовочный выстрел, хруст перемороженного снега, он с горечью думал: “Господи! Жизнь столько раз ломала, била, почти убивала насмерть моего дорогого брата, и он из своих неполных тридцати лет добрую половину проведя на больницы койке в страшных мучениях, должен был ненавидеть не только своё бытие, но и всё живое на свете, молить небеса послать ему скорейшую смерть как единственное спасение от невыносимых страданий, однако вместо этого он продолжает цепляться за всё ускользающий и ускользающий из рук жизненный подол с невероятным упорством! Не сомневаюсь, что если бы знахарка предложила ему есть собственный кал, гарантируя выздоровление, то он нашёл бы в себе силы делать и это, как бы противно всей его человеческой природе ни было! Вот это жизнелюбие! Вот это стальной характер — не сломать, не согнуть! Только убить и можно!..” И, забыв о своей нестигаемой воле, горько заплакал от чувства бессилия хоть чем-то ещё помочь дорогому брату.

Перед самым днём рождения Николая на несколько дней из больницы отпустили домой под неусыпный догляд любимой супруги. Только дежурные медсестры, сменяя друг друга, ежедневно по два раза в сутки навещали больного с целью делать обезболивающие уколы. Анатолий Петрович, прекрасно понимая, что этот праздник для брата может быть последним, договорился с его другом о том, чтобы он ненавязчиво, как бы делая само собой разумеющееся дело, снял на камеру весь торжественный вечер, чтобы Николай остался не только в памяти родных, но и заснятым на плёнку, ещё двигающимся, одним словом, живым. О всей страдальческой жизненной эпопеи брата он Марии не обмолвился ни словом, ни намёком. Но приглашая прийти на день его рождения, посмотрел в её красивые глаза таким умоляющим, горящим самопожертвованием взглядом, что она не смогла отказать.

Вечер был по понятным причинам весёлым, даже шумным, с множеством гостей за здравие хозяина, с танцами и даже плясками, но непродолжительным, ибо все гости понимали, что имениннику необходим отдых. Когда они, попрощавшись, ушли, то оказалось, что в опустевшей гостиной, кроме Анатолия Петровича и Марии, никого больше нет. Вечерело, дневной майский свет, мощно и ярко струящийся с высокого синего-синего неба в подсвеченных снизу кудрявых, лёгких облаках, пусть медленно, но угасал... Темнело и в зале, но они почему-то не включали висящую на плоском проводе лампочку в абажуре, обтянутом тонким синим шёлком. Однако вместе, не сговариваясь, подошли к окну, украшенной воздушной, чисто-белой тюлью с объёмно выдавленной на ней цветочками, так называемой прозрачной, что через неё было хорошо видно всё, что происходило на улице в сгущающихся синих сумерках...

Невольно они встали так близко друг к другу, что могли отчётливо слышать, как то ли от волнения, то ли от смущения учащённо бились их полные надежд на счастливое будущее молодые, жаркие сердца. Молчал он, молчала и она, хотя их души, пусть ещё не до конца раскрыв всю красоту и подлость человеческой жизни, кричали в крик от ещё не ясного, но светлого предчувствия чего-то хорошего, очень важного для них... С пластинки, поставленной в небольшой старый проигрыватель, Валерий Ободзинский своим проникновенным, чудесным, настоящим золотым голосом советской эстрады проникновенно пел одну из самых своих знаменитых песен “Эти глаза напротив...”

Когда она закончилась и в зале снова воцарилась тишина, в почти полной темноте, растроганный чудесным пением, единственное на что он решился, это, не поворачиваясь к ней лицом, осторожно, чуть вспотевшими от волнения пальцами левой руки взять её правую руку за горячие, тонкие пальцы. Она не освободила их. Будто ждала, что же будет дальше. Но на большее у тридцатидвухлетнего мужчины не хватило уверенности в правоте чувств, нахлынувших, как морская гривастая светло-зелёная волна. От близости с красивой молодой женщиной его романтическая душа, может быть, впервые в жизни сложила на короткое время крылья высокого полёта, но чувств не хватило...

И они снова погрузились в довольно тягостное, какое-то странное молчание. Но при этом оно было непростым: она, понимая, что приглянулась своему непосред-

венному начальнику, правда, бывшему женатым, но теперь холостому, свободному, как ветер в чистом поле. Она и сама с первой же минуты, как увидела его, почувствовала себя рядом с ним, словно за железобетонной каменной стеной, — настолько он был целеустремлен, решителен, готов действовать и действовать в свершение конкретных добрых дел, а не вешать, как говорится, лапшу на уши своим подчинённым, как многие иные начальники. Мария невольно ещё раз, но глубже, чем прежде, почувствовала к нему своим пронзительным, осторожным девичьим сердцем явную симпатию. Особенно её душу одновременно успокаивало и покоряло то, что он не подавал даже малейшего намёка на близость. Лишь иной раз она ловила на себе его скорей задумчивый, чем влюблённый взгляд. И ей оставалось только гадать, словно на кофейной гуще, *что день грядущий ей готовит*. Но в том, что этот мужчина не обидит её, она почему-то была безоглядно уверена. А он, глубоко вздохнув, подумал: “А не тороплюсь ли я снова, ведь уже не раз, не два и даже не три судьба жестоко наказывала меня за излишнюю увлечённость женской натурой, пусть и с благородной целью вначале, но, увы, всё равно грустной в конце...”

5

И в своих мучительных сомнениях он был прав. В первый раз женившись накануне своего восемнадцатилетия на такой же юной девушке только по тому, что не мог по отношению к ней поступить подло, но совершенно не любя, он больше десяти лет маялся в супружеской жизни и прожил их через пень-колоду. И, скорей всего, жил бы и теперь. Но, во-первых, в конце концов, вскрылась долго скрываемая от него первой женой ложь... Оказывается, она до их разлуки не была беременной, но чтобы удержать его, в жалостливом письме, посланном на Северный Кавказ, куда он после окончания школы уехал поправлять здоровье, написала ему более чем убедительно именно об этом. Зная его глубоко порядочный характер, она в своём по-женски коварном расчёте не ошиблась. Он, прочитав письмо, из которого явствовало, что скоро он будет отцом, что она одна и не знает, что делать, тотчас отправил отцу телеграмму с большой просьбой выслать скорее денег на обратную дорогу. Но получил неожиданно строгий телеграфный ответ: “Сын, привыкай всё в жизни делать основательно. Если лечишься, то обязательно пройди курс целиком. Будь умницей!”

“Что делать? Что делать?” — вопросы, как молоток по наковальне, били по вискам, с тревогой звучали в беспокойной, уже тогда готовой на ответственные поступки душе... И тут он вспомнил о бабе Тасе! Той самой, которая во время войны, работая старшей медсестрой в госпитале, переоборудованном из санатория, спешно, сразу, как только немцы были изгнаны из Пятигорска, взяла на себя материнские хлопоты над тяжело раненным, можно сказать, искалеченным минным осколком молодым лейтенантом Петром Ивановым. Осколок, разорвав щёку и раздробив скулу, прошёл в каком-то миллиметре от гортани. За время длительного лечения вдова командира полка и будущий отец Анатолия настолько сблизились духовно, что она назвала Петра своим сыном.

Юношеская память весьма кстати подсказала вспомнить о бабе Тасе, и Анатолий побежал на железнодорожный вокзал, там сел в электричку и через два часа приехал по знакомому ещё с детства адресу: “Город Пятигорск, район “Белая ромашка”, Цементный переулок, 6”, — к небольшому домику из самана, с таким же невеликим двором, в углу которого рос здоровенный, раскидистый двухсотлетний орех, несмотря на природную старость продолжавший каждый год щедро плодоносить. Но в дом Анатолий не стал входить, ибо дальше ограды его не пускала большая немецкая овчарка, хотя не раз и не два была свидетелем тёплых чувств к нему со стороны своей хозяйки. Пёс со стоячими большими ушами, с саблеобразным хвостом, строгими глазами, показывая в оскале свои острые, грозные клыки, злобно рычал. Тогда он громко позвал бабу Тасю. Она, слышав знакомый голос, впопыхах выбежала на крыльцо, отогнала овчарку и, всплеснув руками, радостно воскликнула:

- Здравствуй, дорогой внучек! В дом проходи! Угостишься своим любимым, только что сваренным абрикосовым вареньем!
- Баба Тася, спасибо! Но я очень тороплюсь!
- А что за надобность такая срочная образовалась?
- Мне очень, можно сказать, позарез нужны деньги! Вы не могли бы мне оказать услугу: одолжить сто десять рублей на авиабилет домой, в Якутию. Как только отец со дня на день вышлет, сразу же верну.
- Что, даже чайку не попьёшь?
- К сожалению, в этот раз не попью, боюсь опоздать на вечернюю электричку! Уж не взыщите! — ответил он скороговоркой.

Через минуту-другую бабушка снова появилась на крыльце с деньгами, завернутыми в какие-то тряпочки, платочки, и, торопливо развязав их, отсчитала нужную сумму и стала передавать ему... Он в запале, забыв, что рядом обученная охране собака, резко протянул руку к бабе Тасе, но верный сторож принял это движение за нападение на хозяйку, и в молниеносном прыжке перехватил руку за кисть. Огромными, острыми клыками он прокусил её, и стал с силой мотать из стороны в стороны, пытаясь свалить Анатолия с ног. Слава Богу, баба Тася не растерялась: схватила стоящее у стены нечто вроде кочерги и несколькими ударами отбила внучка от разъярённого пса! Кровь из ран хлестала ручьём, но и тут баба Тася — зря, что ли, в прошлом была военной медсестрой! — не растерялась: быстро, а главное — умело туго перевязала искусанную кисть теми же платочками, в которых хранились деньги, и только потом стала на весь двор охать да причитать:

— Вот подлец какой! Надо же, как искусал дорогого внучка! Сколько раз хотела отправить этого сбесившегося пса на живодёрню, да всё никак не удосуживалась: то болезнь застаревшая тяжело скручивала, то заботы по саду одолевали! Но теперь точно отправлю! А как же я в глаза сыну Петру, твоему отцу, смотреть-то буду! Не уберегла кровинку! От стыда и досады хоть с головой в землю проваливайся!

— Ничего, баба Тася, обойдётся... — нежно глядя по плечу здоровой рукой, попытался успокоить сердобольное сердце старой женщины Анатолий и, быстро попросившись, пулей рванул на вокзал, слыша вслед тревожный бабушкин голос: “Как приедешь в Кисловодск, сразу же иди в больницу — надо сделать укол от бешенства!”

— Хорошо, хорошо! — уже на бегу обещал искусанный так сильно, что кровь, навсез пропитав тряпочки-бинты, широко расходилась багрово-красными кругами по руке, “счастливый” внучек.

Однако в городской авиакассе, конечно же, билетов не оказалось! Тогда он, смущаясь, вложил, как перед дорогой на всякий случай посоветовал отец, в паспорт двадцати-пятирублёвую купюру и, дождавшись, когда народ хоть немного рассосётся, подошёл к свободному окошечку и, протянув документ с деньгами молодой, но со строгими, словно стальными глазами, с плотно сомкнутыми накрашенными полными губами кассирше, умоляющим, жалобным голосом попросил:

— Мне, пожалуйста, срочно надо быть дома! Не смогли бы вы продать билет до Ленска через Иркутск. Ну, очень надо!

А сам старался держать перевязанную окровавленными бинтами кисть так, чтобы её видела кассирша. Она быстро, натренированным движением смахнула двадцати-пятирублёвую купюру в нижний, заранее открытый ящик стола и нарочито громко произнесла:

— Молодой человек, вам очень повезло! Только что пришла бронь, а мужчина от неё отказался. Она как раз на ваш маршрут!

И быстро выписала авиабилет. А Анатолия уже тошнило, в глазах начинало темнеть. Шатаясь, он вышел на улицу в надежде скорей добраться до санатория, где сможет получить врачебную помощь. Но тут свинцовые тучи, сплошь затянувшие небосклон, как огромные быки, с огромной, непостижимой человеческому разуму силой столкнулись между собой, и тотчас с треском, до самой земли разрывая небосклон, ослепляя яркой огневой вспышкой, прокатилась молния. За ней глухо несколько раз ухнул ночным фионом раскатистый гром, словно и вправду по небесам на своей телеге стремительно проехал Илья-пророк, и на землю хлынул, как из ведра, самый настоящий ливень. В одну секунду он промочил до нитки одежду. От охватившего озноба зубы мелко-мелко застучали. И вдруг ему стало так жалко себя, что Анатолий чуть не расплакался. Но именно эта минутная слабость словно враз утроила его силы, и он сумел-таки, оставляя на паркетном, до блеска начищенном полу водяные полосы, добраться до врачебного кабинета и последнее, что ему тогда запомнилось, — это испуганное лицо женщины в белом...

Очнулся он под утро на койке в больничной палате, где и пролежал почти до конца санаторной путёвки, с таким трудом выбитой отцом у строгого председателя профсоюза совхоза. Перед самой выпиской, в последний раз осмотрев довольно быстро заживающую рану, лечащий врач, пожилой мужчина, седовласый, с лицом, испещрённым, как поле бороздами, глубокими морщинами, хотя вроде бы и остался доволен, но все же предупредительно, с грустными глазами сказал:

— Молодой человек, думаю, дней так через пять-шесть травмированная кисть заживёт, но, как оказалось, бешеная овчарка, прокусив её навсез, серьёзно задела сухожилие. Поэтому вам надо об этом не забывать, как бы вам жизнь ни казалась прекрасной, почаще навещать хирурга...

— А конкретно, чем может обернуться моя забывчивость? — беспечно спросил Анатолий, торопливо взглянув на часы, поскольку надо было срочно выезжать в аэропорт города Минеральные воды.

— Тем, что со временем ваш средний палец будет всё меньше и меньше разгибаться, — хоть ломай! — и, в конце концов, останется словно зажатым крепко в кулак. Поверьте мне, это так неудобно!.. Об эстетической стороне я уж и не говорю! И не улыбайтесь беспечно!

— Извините! Я вас понял! Благодарю за помощь, за добрый совет, но мне действительно необходимо собираться в дорогу!

На обратном пути, летя из Иркутска, самолёт из-за обложных дождей, напрочь расквасивших земляное полотно Ленского аэродрома, совершил вынужденную посадку в городе Олекме, получившем название от стремительной, студёной, многоводной таёжной реки, впадавшей в Лену. Ждать, как говорится, у моря погоды Анатолий не стал, а сразу из аэропорта направился на пристань в надежде, что ему повезёт с пассажирским парохомом. И действительно, у диспетчера узнал, что парохом отплывает вечером в сторону Усть-Кута. Просмотрев прейскурант, понял, что денег у него осталось только на палубный билет. Тотчас приобрёл его, впервые пожалев о заказанных в ателье на курорте брюках, которые он так и не забрал по причине вынужденного, ну, никак непредвиденного лежания в больнице, а значит, деньги, заплаченные за пошив брюк, которые ой какгодились бы сейчас, просто оказались выброшенными на ветер! Но, как говорится, нет худа без добра: парохом делал остановку в родном посёлке, тем самым дорога сокращалась на немалых сто пятьдесят километров. А то, что придётся почти двое суток голодать, ночью спать на голой железной палубе, подложив под голову полено и укрываясь свежим, прохладным августовским туманом, Анатолия не пугало — настолько он был заряжен духовно на скорейший приезд к юной подруге, из-за него попавшей в интересное положение!..

Не долечившись, с покусанной кистью, без гроша в кармане он возвратился в родной посёлок. Но своей якобы беременной подруге, к глубокому огорчению, там не нашёл. Она, оказываясь, смогла успешно поступить в одно из республиканских училищ, готовящих часовых дел мастеров, и находилась на сельхозработках где-то в улусе под Якутском. Чтобы съездить за ней, требовались деньги на билеты, и наш дорогой, так сказать, *рыцарь без страха и упрека* стал работать днём в совхозе, а с вечера до поздней ночи заниматься так называемым калымом... Складывал соседу-татарину, живущему в браке с якуткой, в штабель для просушки тёс, терпко пахнувший смолой и опилками, переносил в сарай для зимнего хранения свежее, только что привезённое с покоса душистое, словно настоящее на горячем воздухе и цветущей мяте, сено. Но чаще всего по вечерам пожилым вдовам колол листовничные толстенные чурки на поленья и складывал их вдоль забора в поленницу.

Нанимаясь на ту или другую работу, насчёт оплаты не торговался, брал денег столько, сколько давали — кто по совести, а кто и по корысти. В общем, делал всё возможное для того, чтобы как можно скорей заработать денег на дорогу для двоих и, наконец, улететь за якобы беременной подругой. И долго бы ещё зарабатывал со своей изуродованной рукой, если бы отец, заподозрив в поведении сына что-то неладное, однажды не позвал его прогуляться на берег величественной Лены, степенно и вольно несущей свои воды в Ледовитый океан. И там, в окружении красавицы-природы, словно в огромном Храме Божьем, где солгать — совершить страшный грех, завёл разговор... Начал издали, спросив:

— Анатолий, на месте дуэли моего любимого поэта был?

— Конечно! И не только там!.. Но где бы ни был, везде представлял себя на месте Лермонтова, то напряжённо склоненного над столом и пишущего в крытом соломой домике, где он снимал комнату и при свете легко потрескивающих, ярко горящих лучин работал над своим великим романом “Герой нашего времени”. Откуда и поехал, как пишут его биографы, с *лёгкой душой* на дуэль. При этом я даже слышал то скользящее поскрипывание гусяного, остро заточенного пера, то музицирование и шум весёлых танцев в уютной гостиной, в которой собирались молодые дамы и кавалеры. Там Мартынов, пришедший в негодование от шутки своего боевого товарища, вызвал его на дуэль. То видел поэта у подножия Машука на небольшой каменной площадке — на месте поединка, где в знак примирения Лермонтов выстрелил в воздух с надеждой, что то же самое сделает и его боевой товарищ. Но тот, хорошо прицелившись, выстрелил в великого поэта! Слово в ответ на это предательство небеса выразили своё негодование, ибо едва гениальный поэт, смертельно раненный в живот, упал, они разверзлись проливным дождём с оглушительными громами и огненными молниями! Это всё настолько потрясло меня самого, что по дороге к бабе Тасе я на одном дыхании написал стихотворение:

***Что унесу я в памяти своей
из южных мест расплавленного лета,***

*где в жажде песни и живых страстей
умолкло сердце русского поэта?
Саманный домик с садом за окном,
лучам и ветру широко открытый,
или на склоне вечно-роковом
летающий в небо обелиск гранитный?
То и другое, но полней всего —
неповторимо солнечное чувство:
прикосновение сердца моего
к великому рассветному искусству!*

— Значит, — тепло спросил отец, — всё-таки стихи продолжаешь писать? Как художественную лепку, безоглядно не бросил?

— Не бросил... Пишу, но только тогда, когда не могу не писать!

— И это правильно! Каждый человек, в первую очередь, должен построить духовный храм в душе своей. Вот ты его, как по кирпичику, стихотворение за стихотворением, и возводи упрямо. А когда увенчаешь маковку крестом в виде хорошего стиха, тогда и молись своему Храму поэзии, веруй в него, и, какие бы преграды к счастью судьба ни выстраивала на твоём жизненном пути, ты их сможешь преодолеть. Я родился без таких талантов, как ты, ни стихи писать, ни ваять, увы, мне, природой не было дано! Но я всю жизнь строю свой храм из пламенной любви к её величеству женщине, к людям, ко всему живому, ежедневно, нет, ежечасно строю и счастлив, что живу на этом свете, какой бы порой жестокой стороной мир ко мне ни оборачивался!

На некоторое время отец то ли с грустью, то ли ещё крепче собираясь с мыслями, замолчал, смотря проникновенно в глаза сыну, словно хотел понять, дошли ли его наставнические слова до молодого сердца. Потом вдруг резко переменял тему разговора:

— Анатолий, у тебя всё хорошо?!

— Конечно же! Ну как я, сам подумай, могу жаловаться хоть на что-то, когда у меня такой прекрасный, умный отец!

— А тогда что такой бледный, осунувшийся? Словно вовсе и не на Кавказ летал на лечение, а на хлебе да воде месяц сидел. Давай, говори начистоту, ведь всё равно узнаю... Ведь мне баба Тася написала, на какие деньги ты вернулся с курорта, как за них пострадал от кльков сына. Ты своим внезапным возвращением напрочь перечеркнул все наши с тобой планы в отношении будущего! Хоть помнишь, о чём мы договаривались?

— О том, что после лечения я должен был остаться в Пятигорске, помогать бабе Тасе и готовиться к поступлению в институт!

— А почему именно так, а не иначе?!

— Потому что по предписанию врачей мне требуется лечение радоновыми водами, не менее двух раз в год! Но ничего — буду отсюда летать в Пятигорск на свои, заработанные в твоём совхозе деньги. Кисть практически зажила, пальцы двигаются — что еще надо для труда? Физическая сила? Так она с возрастом только прибывает!

— Ах, сын дорогой, как ты, вроде башковитый, не поймёшь, что без духовной силы физическая — жалкий пшик, не больше!

— Ладно, папа, не расстраивайся! Сам же не раз говорил, что жизнь порой делает такие неожиданные ходы-зигзаги, что остаётся только удивляться. Считай, что именно так и случилось со мной! В общем, голову тебе морочить не буду: мне надо немного денег, кроме тех, что я должен вернуть бабе Тасе. Если можешь, то одолжи! Вернусь — отдам!

— Откуда вернёшься? Ну-ка, выкладывай!

— Понимаешь, знаешь... — замямлил Анатолий, но отец оборвал:

— А смелее — кишка тонка?

— При чём тут кишка! — уже выпалил сын и продолжил: — Помнишь девушку, с которой я дружил?

— Это такая миловидная, стройная. Соседская?

— Да, отец, она самая!

— И что с ней?

— Отец, ты только, пожалуйста, не ругайся, как говорится, после драки кулаками не машут... Она беременна от меня!

— Беременна, говоришь... И давно? А впрочем, что теперь-то... Дам тебе денег, сколько нужно, лети за своей ненаглядной... Но с жёстким уговором: чтоб всё по-мужски было! Понял?

Вот так, с помощью отца Анатолий и слетал за невестой, якобы беременной, и, получив от совхоза две комнаты, бросился, как в омут с головой, в семейную жизнь. Ему — почти восемнадцать, ей — семнадцать! Естественно — ни о какой регистрации брака ре-

чи идти не могло. Но он всё-таки, скорей для жены, чем для себя, устроил небольшой торжественный вечер, на который пригласил несколько самых верных друзей и свою любимую классную руководительницу Сивцеву Надежду Михайловну, преподавателя русского языка и литературы, а также директора школы, историка Чернову Таисию Ивановну. Танцуя с ним танго, она вдруг уткнулась головой в его грудь и так, чтобы было слышно только ему, со слезами на глазах произнесла: “Ах, Анатолий, Анатолий, что же ты, имея на плечах такую умную голову, наделал! Мы — весь преподавательский коллектив — возлагали на тебя такие надежды! Ни у кого даже малейшего сомнения не было, что ты станешь известным скульптором!.. А вместо этого ты женишься, причём не по любви... И что тебя теперь ждёт впереди — одному Богу известно! Обидно! До боли в сердце обидно!..” И когда она подняла голову, то он увидел, что по её щеке скользнула слезинка... Но он не нашёл нужных слов, чтобы верно ответить своему любимому наставнику. Поэтому танцевал и дальше, стараясь делать вид, что счастлив, ну, словно в его жизни хоть и должно было в самом деле случиться что-то плохое, но всё-таки судьба рассудила иначе... И долго ещё в его душе слова директора отдавались только ему понятным печальным укором, от которого саднило сердце.

Но самое главное: он жаждал любить страстно, вечно! Пусть безответно, жестоко — до боли, тяжело — до горьких слез, но любить! Поздно вечером, когда на тёмно-синем небосводе одна за другой зажигались звёзды, а полная луна величавой павой выплывала из-за высокой, поросшей хвойным лесом сопки, он в одиночестве, упав на колени и воздев к небу руки, со слезами на глазах молил небеса послать ему настоящую, солнечную любовь. И много раз ему казалось, что он уже любит, любит! Но в итоге получалось, что лишь казалось, и только... В конце концов, так по-настоящему ни в кого не влюбившись, он не вытерпел жизни с опостылевшей женой и подал в суд на развод. Но судьба и тут его подкараулила: председатель районного суда оказался, по крайней мере на словах, ярым коммунистом, причём с большим стажем, и отказал молодому товарищу по партии в разводе, а копию его заявления в суд отправил в первичную организацию, на учёте в которой состоял Иванов. И что тут началось!.. Знакомые по работе, вроде бы нормальные люди, всё понимающие, сами сильно любившие или любящие, но на собрании их как подменили! Они стали крайне принципиальными, заклеями своего более молодого однопартийца, обвинили его в аморальности и потребовали срочно вернуться в семью.

Так продолжалось несколько мучительно-долгих лет. За это время он сумел вырасти в крупного руководителя, стал вхож во многие высокие кабинеты. И однажды, набравшись смелости, пришёл на приём к первому секретарю райкома. И всё, что мучило, как на духу, ему выложил:

— Уважаемый первый секретарь, у меня личного характера проблемы! Вы уж извините! Конечно, мне понятно, что каждая семья — это ячейка государства, что каждый хороший отец обязан воспитать сына достойным гражданином родного отчества, но я никогда не любил своей жены и не люблю теперь... Женился на ней не по любви, а по долгу. Но так жить больше ну, никак не могу, хоть исключайте из партии — и всё!

На счастье молодого члена партии, умудрённый жизнью первый секретарь оказался настоящим человеком! Выслушав слишком часто от волнения запинаящегося коллегу-коммуниста, он сказал:

— Молодой человек! Что вы несёте! Какая ячейка! Какое воспитание! В конце концов, что это за семья такая, в которой не только любви, но и жизни-то нормальной нет! Вы с супругой своими вечными разборками, выяснением отношений из ребёнка инвалида сделаете! А партии нужны здоровые кадры, Вы слышите меня? Здоровые! Подавайте ещё раз заявление в суд... Разведут!

И в самом деле, председатель районного суда в этот раз всего лишь через месяц вынес определение о разводе. Только слишком уж громко, с визгом на весь зал заседания разведённая жена вслед спешно удаляющемуся в совещательную комнату судьбе кричала: “Он вас купил! Я буду на вас жаловаться! Безобразия!”

6

Это как раз и вспомнилось Анатолию Петровичу в сумрачном уютном зале, наедине с молодой красивой женщиной, к которой он с первой же встречи, когда она с высоко поднятой головой, но всё же не без робости вошла к нему в кабинет, чтобы представиться как новый работник предприятия, скорей интуитивно, чем по небольшому, но все же глубокому жизненному опыту вдруг почувствовал к ней какую-то необъяснимую, светлую-светлую, словно солнечно поющую, нежность... В отличие от него, она имела одно преимущество — женскую глубокоую пронизательность. И чувствуя, как его неловкая нерешительность, словно по воле свыше, невольно перетекая ей в душу, немного печалит

её рассветную душу, для себя уже очень многое решила: “Если он, пусть не говоря ни слова, резко повернётся ко мне и горячо поцелует в губы, я деланно не обижусь, а, скорей всего, отвечу поцелуем...”

Конечно, в данном случае молодой женщиной, оказавшейся в чужом городе, без подруг, без родни, ещё двигала не любовь, а желание быть с тем, кто бы смог понять её и разделить с ней одиночество и страх перед будущим... Но он не повернулся к ней, не поцеловал её, а всё так же, не выпуская пальцев, правда, с едва заметной нежностью сжав их, продолжал смотреть в окно, где поздние вечерние сумерки давно уже ступились до сине-чёрной темноты, и только в ближайшем переулке одиноко горевшая на почерневшем от времени деревянном столбе лампочка выхватывала из тьмы брусовой угол соседнего двухэтажного здания... Вдруг из кухни, позванивая тарелками, жена брата позвала пить чай, и им, немного расстроенным, что они так ничего конкретного друг другу и не сказали, даже не договорились о новой встрече, ничего не оставалось, как подчиниться приглашению. Но это продолжительное молчание вдвоём, как они поймут уже совсем скоро, было для них судьбоносным. Но как? Какой ценой? Во имя чего? Они, конечно, не могли знать.

Но прежде была ещё одна, третья встреча, которая если не всё окончательно расставила по местам в отношении будущей семейной жизни молодого председателя, но заставила его всерьёз отнестись к молодой специалистке. Но у этой встречи имелась предыстория...

Всего два года назад получив строительное образование, он был решением райкома партии отправлен во вновь организованный совхоз на должность заместителя директора по строительству, с целью как можно скорей построить с нуля не только жильё для специалистов, съехавшихся из разных уголков необъятной отчизны, но и практически полностью производственную базу: автогараж, котельную, ремонтные мастерские, картофельное хранилище, кормоцех и многое другое. И вопреки всему, он всего за год успешно справился с поставленной райкомом партии и министерством задачей, которую не могли решить в течение трёх лет.

Таким образом, ему в полной мере удалось зарекомендовать себя перед руководством района и республики не только толковым специалистом-строителем, но и способным, перспективным руководителем-организатором. В итоге Иванов был выдвинут на должность председателя районного объединения “Сельхозхимия”, занимавшегося повышением плодородия совхозных полей. Но и на новом месте он, по духу от природы созидатель, одновременно с увеличением по всему фронту производственных показателей приступил к осуществлению большого строительного плана по укрупнению производственной базы на центральной усадьбе и улучшению трудовых и жизненных, крайне необходимых условий своих работников. На это требовались значительные финансовые ресурсы, оборотных средств не хватало.

С целью получения денег у министерства сельского хозяйства Анатолий Петрович со своим заместителем — главным экономистом Эльзой Ренатовной Ибрагимовой, татаркой средних лет, невысокой, но ладно сложенной, с чёрными волосами, волной спадающими на плечи, с тёмными миндалевидными глазами, той самой, которая приютила новую специалистку на ночь, — направился за рулём своего служебного “уазика” в управление сельского хозяйства, размещавшееся в одном здании с райкомом партии на втором этаже, для отстаивания финансовой строительной сметы. По дороге в разговоре не без волнения гадали, удачной ли окажется их попытка. Но неожиданно, когда приехали, и Анатолий Петрович, выключив двигатель, уже собирался выходить из машины, Эльза Ренатовна положила руку ему на плечо и, глядя в насторожившиеся глаза своего молодого начальника, в лоб спросила:

— Конечно, это дело сугубо ваше личное, но долго ещё будете мыкаться, как неприкаянный, по чужим квартирам?

Анатолий Петрович как раз последнюю неделю ночевал у неё дома, находясь в приятельских отношениях с её мужем Сергеем, и, подумав, что он порядком надоел хозяевам, решительно ответил:

— Ты, Эльза, не переживай! Я сегодня буду ночевать в другом месте!..

— Вот странный человек! Как вы только могли подумать, что нас с мужем стесняете! Да хоть совсем жить переезжайте! Только рады будем!.. А спросила я потому, что негоже руководителю вашего ранга выглядеть в глазах подчинённых, да и начальства тоже, скажу так, вечным студентом!

— Ладно — мимо обиды проехали! Но скажи, что конкретно ты можешь предложить мне именно сейчас?

— Только одно — жениться!

— Хорошее предложение! Только жену-то мнешла?

— А что её искать? Она сама несколько дней назад, словно по воле свыше, пусть неожиданно, но, думаю, на ваше счастье прилетела!

— Эльза, уж не нашего ли нового агрохимика ты имеешь в виду?

— Кого ж ещё? Её самую! Тем более что она, я думаю, не могла вам не понравиться! Иначе с чего бы вы, как угорелый, лично возили её в аэропорт за вещами и каким-то прямо-таки волшебным образом умудрились обеспечить отдельным жильём!

— Скрывать не буду — понравилась! Но мало ли кому из женщин я симпатизирую, чьей красотой восхищаюсь! Или ты в самом деле считаешь возможным связать меня брачными узами, так сказать, по рукам и ногам, без чёткого осознания любви к своей половине? Нет, я прекрасно понимаю, что в жизни случается всякое: и брак по расчёту, и брак по необходимости. Но жениться, тем более второй раз, только для того, чтобы иметь надёжный тыл, — это, извини, не в моих правилах. И вообще — сверх моего мужского понимания! Да и потом — она же не меньше, чем на десять лет меня младше! У нас с ней совершенно разные жизненные взгляды, я многое из того, что ей предстоит пережить, давным-давно оставил за плечами, а она, какой бы ни обладала женской проницательностью, как бы не по возрасту ни была мудра, просто не в силах до конца понимать мои слова и мои поступки! В итоге мы будем жить с ней, как на разных планетах, хоть и под одной крышей! Нет, Эльза, пока я, по крайней мере, не полюблю её, даже и думать не хочу о женитьбе, хотя она в самом деле очаровательно мила!

— Что ж, Анатолий Петрович, как говорится, наше дело предложить, ваше — отказаться! Ждите, пока ваше сердце воспыхает страстью, может, дождётесь, только как бы поздно не было, ведь наши холостые сотрудники, в том числе и из водителей, да и не только они, с первого дня вокруг неё, образно говоря, роем вьются, свои хвосты, как павлины, распускают!.. Но всё равно я должна вам сообщить, что на вечер пригласила Марию к себе в гости. Надеюсь, что и вы сможете, несмотря на то, что очень уплотнен ваш жизненный график, часок-другой выкроить для общения с нами! Выпьем по рюмке сухого грузинского вина, послушаем итальянскую — вашу любимую! — музыку.

— По такому случаю почему бы не прийти? Приду!

— Будем ждать с нетерпением!

Управление сельского хозяйства района возглавлял Владимир Андреевич Ким, кореец, уроженец Владивостока, но по воле судьбы оказавшейся в Якутии. Был он человеком предпенсионного возраста, слегка полноват, с густой проседью в чёрных, жёстких волосах, всегда аккуратно подстриженных, с узкими азиатскими тёмными глазами, в которых светилась глубокая природная мудрость. Сельское производство он знал прекрасно. В своих подчинённых, в первую очередь, ценил самостоятельность, умение в сложных ситуациях находить неординарные, смелые решения. Приглядевшись к Анатолию Петровичу, Ким по достоинству оценил его волевой напор, стремление решать всё больше и больше производственные задачи, и как бы взял над молодым руководителем отеческую опеку: за успехи хвалил, а если у того случались ошибки, то приглашал в кабинет или даже к себе домой на обед и, стараясь не ущемить самолюбие, с глазу на глаз не только критиковал, но и давал дельные советы, чтобы в будущем на одни и те же грабли не наступать.

И в этот раз предоставленный финансовый план строительства, начатого исключительно по инициативе молодого председателя, полностью поддержал, пообещав дополнительное финансирование получить по линии министерства сельского хозяйства республики. Закончив совещание и отпустив всех специалистов, он попросил Анатолия Петровича задержаться. И когда они остались вдвоём, спросил:

— Будь добр, откровенно ответь: откуда ты черпаешь силы для выполнения всё новых и новых задач, которые, кстати, сверху не спускались, как и затеянное тобой новое строительство?

— Если говорить конкретно о поддержанном вами сегодня плане, то из понимания того, что без укрепления материально-технической базы никакое увеличение объёмов повышения урожайности полей быть не может. А если не заботиться об улучшении бытовых условий работников, то как же без зазрения совести требовать от них, не имеющих возможности нормально отдохнуть, не освобождённых от тягостных мыслей за благополучие семьи, трудиться с полной отдачей сил? Никак! Конечно, можно издать соответствующий приказ, но быть уверенным, что он будет исполнен, глупо!.. Говоря проще, как помажешь, так и поедешь!..

— А что — верно мыслишь!

— На то и башка! Ну, да ладно, я поеду!

— Успехов тебе!

— А вам, Владимир Андреевич, прежде всего, — здоровья!

Вернувшись в рабочий кабинет, молодой председатель предупредил секретаря, что будет некоторое время занят. Это значило — никого к нему в кабинет не пропускать, ибо

после того, как судьбоносный для предприятия вопрос был успешно решён, он, вспомнив разговор со своим заместителем о новой работнице, решил обдумать его. В голове ровной рекой потекли мысли: “Эльза до разговора со мной не могла не выяснить отношения Марии ко мне, а именно: нравлюсь ли я ей? Но выходит, что, по крайней мере, я для неё — не пустое место... Мне всегда, ещё с юности хотелось создать настоящую семью, которую скрепляла бы не только любовь, но и уважение, а также жертвенность, поскольку без неё супружество превратится, условно говоря, в игру в одни ворота. С первой женой, к сожалению, так и получилось. Как сложится со второй? Можно только предполагать, но уже сейчас я, если разбираюсь в психологии людей, смею думать, что Мария не так проста, как может показаться при первом знакомстве. Несмотря на застенчивость, скромность, ранимость, она обладает, во-первых, сильной волей, во-вторых, является страшной собственницей — своё без боя не отдаст! А вот сможет ли взять чужое — это ещё предстоит выяснить. И ещё она самолюбива, причём очень! Возникает вопрос: “Как я могу — и смогу ли вообще! — все эти качества обратить на пользу семьи?” Однозначно ответить сложно, но надо чётко уяснить, что крепкие супружеские отношения с ней возможны только на основе чести и совестливости. Значит, любая ложь, а тем более измена, может, как взрывной волной, разметать семью безжалостно и без каких-либо надежд на восстановление. Это хорошо! Это то, что мне надо, ибо, требуя от супруга верности, она сама вряд ли когда изменит... И какой же вывод я должен сделать? Конечно, как обжегшийся кипятком, не дуть с оглядкой на холодную воду, но и бросаться, словно в омут, с головой в новые супружеские отношения спешить не стоит. Как уже не раз бывало, предоставляю времени расставить все точки, оно не ошибётся...”

Приняв такое решение, Анатолий Петрович посмотрел на ручные часы — они показывали шесть часов вечера. И с лёгким сердцем он вышел из кабинета, чтобы по дороге к Эльзе на званый ужин захватить в магазин за бутылкой сухого вина и фруктами. Муж её Сергей уже давно работал в геологической организации водителем-дальнотойщиком, возил по зимнику на буровые необходимые грузы: цемент, строительные материалы, продукты питания, запасные части, трубы и т. п. Как передовик производства, он получил трёхкомнатную квартиру в пригородном посёлке, в котором Анатолий Петрович выхлопотал у своего товарища жилплощадь для нового агрохимика. Когда он приехал на ужин, то Мария уже вовсю помогала хозяйке накрывать на стол. На ней было лёгкое светло-синее платье с глубоким вырезом на груди, которое делало её ещё стройней, ещё оборотительней... И в первый раз молодой председатель посмотрел на неё с нескрываемым интересом, словно хотел снять с души по отношению к молодой женщине последние скрепы сомнений. Вечер уже потому удался, что Сергей, действительно, привёз из отпуска новую пластинку лауреатов престижного конкурса эстрадных певцов, проходившего ежегодно в итальянском городе Сан-Ремо, и из динамика, завораживая, лилась мелодичная музыка и такие красивые голоса, что, слушая их, хотелось совершать что-то вечное, возвышенное.

После ужина выяснилось, что у Марии дорожная сумка заполнена под самую молнию какими-то вещами. Анатолий Петрович, не раздумывая, вдохновляемый более чем красноречивым взглядом Эльзы, вызвался помочь... Когда они вышли на улицу, то вечерние сумерки сгустились до синей темноты. И хотя прогретый за день воздух только начал остывать, то ли от выпитого вина, то ли от хорошего настроения, но дышалось всей грудью легко. В высоком небе, словно птенцы из яиц, выклёвывались одна за другой звёзды и, серебряно лучась, лили свой вечный серебряный свет волна за волной на землю, делая каждый предмет таинственным... Иногда одна из них срывалась и, в полёте к земле сгорев дотла, грустно гасла. Самое время загадывать какое-нибудь заветное желание. И Анатолий Петрович хотел предложить своей спутнице это тотчас и сделать с надеждой, что она загадает на него, но уж эти северные вездесущие, неотступные комары — они, в недвижимом воздухе, противно зудя и зудя, набросились на молодых людей с таким остервенением, так воинственно, что ничего не оставалось, как только попросить Марию, которая сама от гнуса с большим трудом отбивалась веткой-лапником, отломанной у пушистой ели, ускорить шаг...

— Конечно, пойдёмте быстрее, зачем будем насекомых своей кровью кормить! — сразу согласилась она. — А ещё лучше — побежим! — И молодые люди, словно дети, с ходу воодушевлённо перешли на бег. Быстро преодолев несколько сот метров по освещённой фонарями улице, с пыла вбежали по деревянной лестнице, скрипучей, довольно старой, с истёртыми ступенями, на второй этаж. В тесной прихожей Анатолий Петрович поставил сумку на пол и уже собрался откланяться, как Мария подошла к нему так близко, что он услышал её частое, взволнованное дыхание, и, глядя снизу на него своими бездонными глазами, неожиданно тихим-тихим голосом, словно неуверенно, промолвила:

— Извините, но я не хочу, чтобы вы уходили!..

Анатолий Петрович, явно не ожидавший такого поворота событий, не то, чтобы растерялся, но сразу не мог сообразить, как поступить. Спросить о причине женской просьбы было бы крайне неуместно. И он просто, ничего не говоря, словно подчиняясь воле свыше, снял лёгкую брезентовую куртку, повесил на вешалку и вслед за Марией прошёл на кухню, где, ещё до конца не осознавая, что же всё-таки произошло, молча сел на табурет, скрестив на коленях руки. Впервые в своей жизни он, уже успевший привыкнуть повелевать судьбами многих людей, не мог распорядиться собой, словно перед ним распахнулась такая светоносная, ослепительная, но неизвестная дорога, ступить на которую было необходимо, но уверенности в правильности этого пути почему-то не прибывало...

Продолжая в душе находиться словно в подвешенном состоянии — между небом и землей, — он даже не заметил, как Мария вышла в гостиную. Но через несколько минут услышал шелест разворачиваемой простыни — и понял, что новая хозяйка стелет постель. И вдруг вопросительно подумал: “Интересно — на двоих?.. А, может, всё-таки мне предложит лечь на полу, разложив для этого какой-нибудь матрас?..” Но когда по её едва слышному зову он вошёл в комнату, одновременно являвшуюся ещё и спальней, то не без лёгкого удивления увидел разложенный диван с двумя большими пуховыми подушками, которые, видать, она привезла из родительского дома в одном из здоровенных чемоданов.

Проснувшись на поздней заре, яркий свет которой ломился мощными золотистыми потоками в окно, он сразу не мог сообразить где находится. Но увидев свою одежду, аккуратно, по-женски, сложенную на стуле, вспомнил всё — и вчерашнюю растерянность, и разделённую, сладостную страсть ночной любви с её жаркими словами нежности, с его пылкими поцелуями, которыми он часто, с придыханием и лёгким стоном, словно страшно истосковавшийся по женскому телу, покрывал её матово светящееся в полумраке, прекрасное, немного стыдливое лицо. По шуму из кухни он понял, что Мария готовит завтрак. “Хорошо! — подумал он. — Силы подкрепить не помешает!” И вдруг чуть не вскочил на ноги, ибо понял, что она готовит именно ему и только ему! Но кому — сожителю, любовнику, а может, будущему мужу?.. А поскольку ответить на этот вопрос в тот момент он не мог, у него на душе стало так неудобно, так печально, словно вдруг попал в заколдованный круг, выйти из которого уже было не в его мужской власти. Тем не менее, надо было вставать! А главное — решать, что делать дальше, а главное — как жить!.. И, вновь надеясь на его величество Время, которое обязательно всё, как всегда, словно по команде свыше, расставит по своим местам, даст ответ на любой, даже самый, казалось бы, неразрешимый вопрос, он, поднявшись, быстро оделся. С нарочитой лёгкостью поприветствовал Марию, но, словно нашкодивший кот, стараясь прямо не смотреть ей в глаза. За завтраком больше молчали, чем говорили. Так в то утро и расстались, как будто и не встречались вообще! Но ведь чуткое сердце не обманешь, беспристрастную судьбу не переиграешь!..

7

Так исторически сложилось, что якуты, принадлежащие к одной из многочисленных ветвей тюркского дерева, как и татары, издревле являлись природными скотоводами-кочевниками и охотниками. В вынужденных поисках прокорма всё увеличивающегося поголовья лошадей и коров, они, ведя частые войны с коренными племенами, на протяжении многих веков продвигались из южных степей, ныне в основном заселённых монголами, на север, в сторону сурового Ледовитого океана. Однако достигнув тундры лишь с моховым растительным покровом, вынуждены были большей частью в центральных землях восточной Сибири перейти на оседлый образ жизни. В результате этого обширные южные границы новых владений остались малонаселёнными. В Ленском районе число якутов составляло к началу восьмидесятых годов прошлого столетия не больше шести процентов от общей людской численности. Жили они обособленно в селениях (наслегах), порой находящихся друг от друга за добрую сотню вёрст и обычно располагавшихся на берегах больших и малых рек, текущих среди вековой дремучей тайги, очень богатой разнообразной съедобной птицей: рябчик, куропатка, тетерев, глухарь, и пушным зверьём: соболь, белка, медведь, волк, лисица, горностай.

За многие века, несмотря на извечно кочевой, как бы разрозненный образ жизни одной нации, сложенные в якутском народе многочисленные предания и сказания, были и небывлицы, постоянно пополняясь всё новыми и новыми яркими образами, рождаемыми богатым воображением, примечательными историями, сведённые воедино, получили название “Олонхо”. Это самое главное духовное богатство якутов. Каким бы малочисленным ни был наслег, свято и бережно хранилось в нём народное предание, передаваясь из поколения в поколение слово в слово. Оно передавалось сначала устно, а потом

и письменно. Наизусть знающие и исполняющие его на обрядовых праздниках и торжествах люди стали называться звонко олонхоустами. Они пользовались в народе глубоким уважением и достойным почётом, как старинные русские седовласые баяны.

Самый главный и, пожалуй, единственный праздник древнего народа, в полной мере выражающий его душевные чаяния, надежды на будущее, исполненный глубокой благодарности за данную свыше по воле Солнца жизнь, является Ысыах, то есть якутский Новый год. Он знаменует желанное наступление после страх какой суровой, беспримерно продолжительной зимы долгожданного, благодатного тёплого лета. Поры, когда пребывавшая в морозной спячке величественная природа во всём своём неповторимом многообразии просыпается и, возвещая об этом на всю тайгу пронзительными, трубными кличами сохатых, охваченных любовной страстью, звонкоголосым пением вдохновлённых солнечным светом, счастливых до упоения чижей и синиц, расцветает белой кипенью черёмух, розовым пламенем рябин и боярышника, дружным восходом и словно враз пошедшей в рост изумрудной травой.

И, конечно, эта пора является великим возвращением к своим родным гнездовьям, потаённо устроенным в густых, высоких камышах неисчислимых лесных иссиня-голубых озёр, неутомимо питаемых подземными ключами, всевозможной водоплавающей дичи: уток, гусей, лебедей, нежно названных якутами на свой лад стерхами за их царственный, гордый, неописуемо красивый вид! Порой сколько бы ни стоял с наступлением вечера — хоть до самого утра! — со вскинутой головой в сумеречную, почти безоблачную высь, всё видишь, как, оглашая небо подбадривающим курлыканием вожака, то выстроившись в клин, то вытянувшись в нитку, прошивая, словно иголка ткань, влажные облака, тянутся и тянутся на суровый тундровый Север птицы, чтобы дать жизнь потомству. И от сознания, что нет на свете такой силы, которая могла бы их остановить, душу невольно охватывает жизнеутверждающий восторг!

Вплоть до Великой Отечественной войны свой главный праздник Ысыах якуты, с приглашением многочисленных гостей из числа других национальностей, к тому времени проживавших на неоглядных просторах, проводили в чётко определённый срок: двадцать первого июня. Но поскольку эта дата совпала с началом трагедии всего советского народа, то было принято решение о переносе столь значительного праздника на более поздний день, как правило, являющийся выходным, в пограничное время между окончанием посевных работ и началом проведения сенокоса — самой ответственной для якутов страды, ибо за этот период, крайне сжатый по срокам погодными условиями, необходимо было заготовить, по сути, если не единственного, то точно основного травного корма аж на целых десять ледяных да вьюжных месяцев!

Едва большевики пришли в стране к власти, они спешно, словно под ногами земля горела, в одном ряду с такими многообещающими, греющими душу простым людям лозунговыми декретами, как “Власть — Советам!”, “Фабрики — рабочим!” и “Земля — крестьянам!”, издали и другие, в том числе и ставящие веру в Христа вне Закона, а Его учение объявили мракобесием, подлежащим немедленному, тотальному истреблению! Те, кто при царе были “ничем”, при новой власти в одночасье стали “всем” и, словно отродясь не являлись сыновьями и внуками глубоко верующих в Бога людей и сами с детских лет со слезами умиления и надежды на глазах не молились Ему, вдруг, будто ополоумев, отреклись, нет, предали свои духовные начала! И прицепив к груди алый бант, нахлобучив на голову шлем, шибко напоминавший дурацкий колпак, пошитый из грубого серого сукна с острым верхом, с длинными ушами, с матерчатой красной звездой, объявив себя закоренелыми атеистами, при помощи пули и штыка ряно приступили к исполнению спускаемых сверху антихристами директив.

Служители церкви, попы, дьяконы, протоиереи, монахи, в лучшем случае, изгонялись из храмов, в худшем — ссылались на Север или вообще без суда и следствия расстреливались как враждебные идеалам революции, чуждые народу элементы! Сами храмы перво-наперво лишались своего, дорогого каждой истинно православной душе малинового звона-голоса, зовущего к заутрене и к вечерне: с белокаменных колоколен с богохульными криками срывались и сбрасывались колокола, многие из которых при ударе об землю раскалывались на части. Та же жестокая участь постигала и золочёные кресты, дотоле устремлённые в небесную высь, как бы соединяющие нас со Всевышним. Затем новоявленные атеисты приступали к сносу и самих храмов до самых фундаментов, чтобы те зарастали бурьяном забвения... Словно и впрямь надеялись, что если с глаз долой, то и из сердца вон!.. А в некоторых, уцелевших от сноса, они специально, в назидательную насмешку, как им казалось, назло врагам революции, а на самом-то деле — своему прошлому, содержали скот: коров, овец, баранов, а то и вовсе свиней! И быть не может, чтобы лики святых при виде сотворённого кощунства до горьких слёз не содрогались на настенных фресках, не тронутых, но с чудовищно коварной целью: мол, смотрите во все

глаза, чем обернулась ваша так называемая подвижническая, исполненная верного служения своему Богу жизнь. Но, надо верить, плакали святые больше всего не от ужасающего вида варварских бесчинств, а от глубокого жалостливого предчувствия, что больно уж жестокая, но праведная кара в будущем непременно постигнет этих ополоумевших строителей, по собственной воле ставших заложниками своего насквозь несмываемо пропитанного кровью родных братьев, сестёр и даже родителей красновзвездного выбора!

Этим самым рьяным, самым беспощадным слугам большевиков, вместо народной власти установившим самый что ни на есть тоталитарный режим, по темноте душевной никак не могло прийти в голову, что любой человек без веры представляет собой некое подобие животного! Не больше, не меньше! И не кто-нибудь другой, а они сами, порой ценой своей пролитой крови, подтверждали это сначала на фронтах гражданской, а потом и Великой Отечественной войны, защищая завоевания революции, то есть глубоко веря в неё, как потом и в коммунизм, в эту самую безнравственную, фантастическую заумь, в общем-то направленную если не на уничтожение всего человечества, то на отбраковывание его, в лучшем случае, в мрачное, невежественное Средневековье! Так какие же они, мать твою, эти, по сути, обманутые, более того — преданные своими кровожадными вдохновителями, провозгласившими себя преемниками марксистского учения, разрушители доброго старого ради призрачного миража сознания, атеисты? Никакие! И единственное, что по прошествии многих лет можно по доброте душевной сделать, это чисто по-человечески глубоко пожалеть их...

Всё-таки коммунисты, как ни старались, какие силы ни привлекали, так и не смогли вытравить из народной памяти крепко осевшую на генетическом уровне веру в Христа. Она в основной народной массе, причём не только старожилы, но и молодых людей, принявших её от родителей, ушла, скажем так, в глубокое подполье. Втайне продолжали твориться Таинства Крещения, Причастия, даже Венчания. Может быть, это и спасло от запрета проведения таких, уходящих корнями в века народных праздников, как знаменитая русская Масленица и не менее эпохальный якутский Ысыах. Более того, последний даже получил государственный статус. С тех пор подготовка к нему и само проведение были взяты под контроль советскими и партийными органами.

В самой середине июня Анатолий Петрович был вызван в райисполком к руководителю организационного отдела Инне Ивановне Зыкиной, женщине средних лет, одетой в тёмно-синий костюм, очень шедший к её голубым глазам, статной, с крашенными в каштановый цвет волосами, туго заколотыми на затылке, с прямым, строгим взглядом и хорошо поставленным начальственным голосом. От неё он узнал, что его как руководителя районного уровня распоряжением председателя исполкома назначили представителем на Ысыахе в Наторе. Это известие не могло его не обрадовать... Во-первых, тем, что он, являясь одним из самых молодых руководителей, не был отправлен за двести километров в другой конец района, куда из-за бездорожья можно было добраться лишь верхом на лошади, а по этой причине и выезжать пришлось бы не менее чем за неделю до праздника. Во-вторых, с наскоком Натора, а главное — с его трудолюбивым народом он был знаком не понаслышке, многих людей знал в лицо, с некоторыми даже находился в крепкой дружбе, поскольку сам в юности увлекался таёжным промыслом. В основном это были охотники, добывающие соболей, чей пушистый мех с чёрно-серебристым отливом, а при резком проведении по нему ребром ладони сыплющий искрами, считался самым ценным. В далёкую старину он широко использовался для пошива и украшения мужской одежды, а со временем как-то его применение повернулось в женскую сторону. Из него шили прекрасные шапки, воротники, а те мужчины, что были очень состоятельными, из тщательно выделанных дорогостоящих шкурок заказывали опытным мастерам для своих жён, да и — чего греха таить! — и любовниц целые шубы, стоимостью, равной цене новых “Жигулей”!

Натора, в отличие от других наскогов, находилась не на самом берегу Лены, а в километровом удалении от неё, на огромном, словно вставленном, как стекла в очки, в огромную лесную оправу аласе. При этом только треть площади его была занята жилыми домами, хозяйственными постройками, а остальная — картофельными посадками. Натора являлась производственной бригадой Нюйского отделения, до центральной усадьбы которого было всего-то семь с небольшим километров, но в связи с тем, что она располагалась на одном с райцентром, противоположном, левом, если считать по нижнему течению, берегу, то добраться до неё было непросто из-за необходимости преодоления речной преграды. С целью установления непрерывного сообщения руководством совхоза для отделения была закуплена в Жатайском судостроительном заводе самоходная баржа водоизмещением в пятьдесят тонн, с откидывающейся при помощи ручной лебёдки носовой аппарелью. Это позволяло различной сельскохозяйственной технике — самосвалам, бензовозам, тракторам — при перевозке загружаться и выгружаться своим ходом.

Имелись в бригаде и в отделении и моторные лодки, которые обычно использовались руководством и специалистами: агрономами, ветврачами, механиками, электриками...

— Инна Ивановна, извините, но мне не совсем понятно, что же я как представитель райисполкома должен делать на Ысыахе? — перед тем, как поставить вою подпись на распоряжении, несколько сконфуженно и вместе с тем весьма вежливо спросил Анатолий Петрович.

— Как что? — вопросом на вопрос недоумённо, резко повысив голос до вибрирующего звона, ответила начальница отдела. — Неужели вам никогда прежде не приходилось быть на таком большом празднике?

— Почему же? Приходилось, и не раз! Только в качестве любопытного зрителя и лишь в далёкой ранней юности!

— Понятно, понятно!.. — И, словно вспомнив что-то очень важное, она воскликнула: — Вы же у нас пишущий руководитель, как известно, даже широко печтаетесь в районной и республиканской газетах! Так вот, заранее подготовьте соответствующую праздничную речь, с трибуны прочитайте её, нет, лучше произнесите! Ну и, конечно, не забудьте от имени председателя исполкома, уважаемого Сергея Викторовича Чёрного, поздравить наторинцев с их самым большим праздником! Теперь, надеюсь, ваша ответственная миссия ясна? Или всё же нет? Так спрашивайте!

— Инна Ивановна, после вашего столь доходчивого объяснения поставленной передо мной задачи остаётся лишь исполнить её!

— Вот и хорошо! Действуйте!

В тот день погода выдалась на славу: прошедший ночью грозовой дождь к обеду напоминал о себе лишь высыхающими прямо на глазах лужами, стоявшими между тротуаров и растущего вдоль них сосняка в земляных выемках с буро-жёлтой хвоей, опавшей ещё прошлой осенью, да прохладной воздушной свежестью, позволявшей всей грудью глубоко и свободно дышать. Зато высоко в небе, словно вымытом до блеска мощными дождевыми струями, светло-чистая лазурь в ярких лучах невозмутимого, будто застывшего на строгий вековой пост, золотого солнца светилась внутренним, каким-то удивительно радостным, мягким светом. Почти недвижимыми казались и редкие перистые облака. Если бы не лёгкая тень одного из них, приятно скользившая по лицу, то можно было и вовсе подумать, что они застыли на месте... То ли от созерцания небесного пейзажа, то ли и в самом деле для Анатолия Петровича ранняя юность оказалась лучшей порой в его набравшей полный ход жизни, он вместо того, чтобы возвращаться в "Сельхозхимию", уединившись в небольшом сквере и сев поудобней на красную скамейку, вспомнил своё первое посещение Наторы. Оно тоже пришлось на лето.

Отец Анатолия Петровича, Пётр Борисович, в то время в качестве управляющего возглавлявший Нуйское отделение совхоза "Ленский", отправляясь с целью проверки хода заготовки сена в заречную бригаду, решил съездить с собой и сына, который, несмотря на выходной день, собирался вместе со старшей сестрой Натальей идти на прополку капусты. "Пусть хоть немного передохнёт, отвлечётся от тяжкой — на тридцатиградусной жаре, да ещё и внаклонку! — работы. И расширение кругозора только на пользу пойдёт", — душевно подумал о сыне отец. И был совершенно прав, ибо вместе с супругой наделил наследника такой неугомонной, такой целеустремленной натурой, что порученное дело тот старался выполнять всегда намного быстрее и оязательнее лучше других! Как будто каждый раз был одержим целью разрешить — не больше не меньше! — сам извечный шекспировский вопрос: "Быть или не быть?.." И конечно, в таком случае, ради заботы о его здоровье без надуманного или необходимого удержу было не обойтись.

Через Лену переплыли на дюралевой старой, выдавшей вида "казанке", но с новым подвесным мотором "Вихрь", хорошо отлаженным и потому гудящим стройно и мощно, как истребитель на взлёте. Это позволило величественную реку при почти полном безветрии, с распахнутыми широко водными и небесными просторами, пересечь за несколько минут и помчаться вдоль противоположного крутого, почти обрывистого берега, густо поросшего хвойным лесом, местами перемешанным березняком, как волнистые световые пятна выделявшимся на сплошном зелёном фоне лиственниц и сосен. Яркое солнце слепило глаза, из-за чего их приходилось щурить, ржанные волосы трепались, путались от ровного ветра, вызванного скоростью... От панорамного природного, по-северному сурового, но в то же время и необычайно красивого пейзажа, все полней и полней разворачивавшегося перед восхищённым взором, трепетно замирала душа. Всё сильнее казалось, что ещё немного — и она, как белоснежная чайка, взмлет ввысь!

Ещё издали Анатолий заметил на берегу, у понтонного причала, накрепко пришвартованного на период навигации, стоящий тёмно-зелёный мотоцикл "Урал" с коляской, а рядом с ним — человека, из-под руки смотревшего в их сторону. Это был Капитон Архипович Ощепков, бригадир отделения, мужчина чистой якутской крови, ростом под

два метра, с жёсткими, как конская грива, чёрными, коротко стриженными волосами, с большим круглым, смуглым лицом, на котором светились доброжелательностью узкие, как щёлочки между разохшимися половицами, азиатские глаза. Полная верхняя губа и тонкая — нижняя одновременно говорили о сильной воле и добром, степенном характере. Одет он был, несмотря на жару, в чёрные брюки и клетчатую синюю рубашку с длинными рукавами и застегнутым наглухо воротом.

Метров за двадцать моторист заглушил “Вихрь” — и “казанка”, теряя скорость, прошуршав дюралевым, килевым днищем о донный песок, форштевнем уткнулась в галечный берег. Отец и Анатолий, друг за другом проворно выскочив из лодки, пошли навстречу бригадиру, приветливо и широко улыбающемуся им, как близко знакомым людям.

— Здравствуйте, уважаемый Пётр Борисович! — первым тепло поприветствовал он своего непосредственного начальника.

— И тебе не хворать, Архипович! — своеобразно поздоровался отец, с недюжинной силой пожимая протянутую потную руку.

— А это кто с тобой, такой рыжий, конопатый, словно обцелованный нашими щедрыми, горячими якутскими лучами летнего солнца?!

— Мой старший сын, Анатолий!

— Вот как! Ну, и тебя, молодой человек, привечаю! — задорно сказал Капитон Архипович. — Устраивайся на заднем сидении, буду рад показать наши исконные земли и познакомить тебя со своим домом!

Отец сел в люльку, натянул до плеч защищающий от пыли чёрный брезентовый кожух. Управляющий одним резким нажатием на рычаг стартера завёл мотоцикл, привычно переметнул через него ногу, и они стали по вырытому бульдозером в крутом прибрежном обрыве пологому спуску-подъёму двигаться вверх. На самом выезде, откуда уже открывался вид на довольно длинный алас, Анатолий вдруг, не веря своим глазам, увидел справа по ходу лежащий на боку в тени густого ельника морской моторный баркас с крутыми носовыми и кормовыми обводами, тот самый, который два года назад впервые пришёл за каким-то грузом из Наторы в Ньюю. В это время Анатолий с друзьями по школе купался в прибрежных водах и загорал на зернистом песке... То ли потому, что с детских лет мечталось о море, то ли из-за желания каким-то способом уже здесь, на величественной сибирской реке, словно громадным мечом разрубающей бескрайнюю Сибирь пополам, обзавестись пусть небольшим, но своим судёнышком, только с тех пор мальчишеская душа потеряла покой... И как могло быть иначе, если этот баркас отвечал всем тогдашним желаниям, родившимся благодаря романтическому юному воображению.

Поскольку воплотить их в жизнь не было никакой возможности, то оставалось вместо ночного сна порой аж до самого рассвета, мысленно устроив на корме баркаса смотровую площадку со штурвалом, в центре установив мачту с реей и прикреплённым к ней парусом, пошитым из списанной в совхозе мешковины, бороздить с друзьями-однокурсниками так же, как и он, бредившими морем, речные просторы, в ветреную погоду вскипавшие пенными метровыми волнами! А когда воображение раскалялось до предела, то мнилось, что, взяв на бордаж пиратское судно и в жестоком бою одержав победу, в трюме вместе с несметными богатствами обнаружилась взятая в плен красавица. Она, конечно же, сразу влюблялась в своего спасителя, и он, вернувшись из плавания, её, посланную словно по воле самих небес, в качестве суженой вводил в свой дом! Эти навязчивые мечты и радовали, и мучили юную душу. Какие в большей степени — Анатолий сказать бы не мог, но если бы пришлось выбирать, то он, не задумываясь, однозначно предпочёл бы страдание — настолько порой оно было сладостным...

“И вот предмет моих морских, всего двухлетней давности мечтаний без дела, в самый разгар навигации, можно сказать, бесхозно валяется на суше! — радостно подумал Анатолий. — Фантастика! Чудеса! Но факт, причём неоспоримый! Может быть, даже позволяющий воплотить в жизнь мечты, так часто лишавшие меня по ночам сна и покоя? Чем чёрт не шутит! Только надо попробовать каким-то образом с разрешения совхозного руководства перевести баркас в Ньюю, чтобы, не теряя ни дня, приступить к его оборудованию под желанный парусник... Проблем с этим быть не должно, ибо судно, если судить по разобранному двигателю и нескольким пробоинам в борту, было списано”.

Занятый этими вспыхнувшими, как порох, светлыми мыслями, которым, забегая вперёд, по очень серьёзной причине не удалось обратиться в солнечную реальность, Анатолий и въехал в наслег. Он представлял собой почти правильный прямоугольник, вдоль и поперёк разрезанный двумя рядами сквозных улиц с рубленными в лапу из сосновых брёвен однотипными домами под шиферными крышами, с той только разницей, что одни были большими, другие — нет... В каждом дворе виднелись хозяйственные постройки, в одних, для сохранения тепла обмазанных со всех сторон коровым навозом, в зимний период содержался скот, а в дощатых, с многочисленными щелями, хранились

ещё ранней весной заготовленные дрова. Останавливаться в наслеге не стали, а проехав по улице Центральной, единственной, где дорожное полотно было покрыто речным гравием, мимо зданий клуба и промышленного магазина, стоящих друг против друга, и по пыльной, полевой дороге, петляющей между картофельными посадками, прибыли на ферму. Отец в сопровождении бригадира хозяйским глазом осмотрел её и, сделав несколько строгих замечаний в отношении ремонтных работ, которые необходимо было завершить к началу зимне-стойлового содержания крупного рогатого скота, распорядился ехать на покосы.

Теперь дорога как нырнула под кроны раскидистых лиственниц и тополей, так и с добрых два, а то и три километра проходила в густой тени вековых деревьев. Это препятствовало солнечной жаре проникать между разлапистых веток, и в своеобразном хвойно-лиственном туннеле сохранялась утренняя прохлада, благодаря которой стало остывать распаренное на солнце тело, забывалась жажда. Сенокосные угодья, едва выехали из леса, открылись как-то сразу во всю ширь и глубину не менее, чем на десять километров, протянувшись рядом с берегом Лены, а порой и впритык подступая к нему. Управляющий, свернув с дороги, по краю аласа, на котором трава была давно скошена и заскирдована, погнал мотоцикл прямо к полевому стану, по-хозяйски разбитому рядом с крутым речным берегом в тени обширных крон вековых сосен, в солнечном свете могучими стволами переливающихся светлой медью...

С заднего сиденья, как со смотровой площадки, Анатолию было хорошо видно, что сенокосные работы, развернутые на всех угодьях, шли полным ходом! Конными сенокосилками, двигавшимися кругом строго по своему загому, скашивалось густое разнотравье, алеющее дружно и ярко расцветшим иван-чаем. Высохшее и собранное в длинные, объёмные валки сено не копнилось, а сразу грузилось на конные волокуши, сделанные из тонких стволов молодого березняка, и подвозилось к месту стогования в центре самого большого аласа. В горячем воздухе, едва заметно колыхающемся прозрачным маревом, остро пахло чабрецом и мятой. Все рабочие были, как на подбор, статные, жилистые мужики, одетые в светлые широкие штаны и просторные рубахи с длинными рукавами, с головами, во избежание получения солнечного удара, повязанными по самые брови белыми ситцевыми платками. Но когда подъехали к стану, то Анатолий увидел и двух молодых и одну пожилую женщин-якуток, сосредоточено занятых приготовлением обеда.

Отец в сопровождении управляющего, что-то на ходу ему доказательно говорящему, направился с обходом всех звеньев. Следовать за ним, с головой ушедшим в сезонготовительный процесс, могла значить только одно: мешать. И Анатолий по извилистой, узкой тропинке, змейкой выходящей в густом пырее, осторожно спустился с крутояра к Лене, величаво несущей свои светло-зелёные воды к далёкому океану, с каждой сотней километров всё расширяясь до того, что при впадении в море Лаптевых устье реки достигало такой ширины, что с одного берега не было видно другого! Приглядев подходящей, сухой камень, Анатолий присел на него и, зачёрпывая пригоршнями прохладную, чистую, как горный хрусталь, струйчатую воду, первым делом смыл с разгоряченного лица липкий пот. Потом лёг на живот, упёрся руками в камень и прямо из реки с жадностью — до ломоты зубовой — утолил жажду...

И сразу стало настолько легче дышать, а разгоряченное тело так расслабляюще остыло, что расхотелось возвращаться. Но понимая, что его в любой момент может хватить отец, недовольно вздохнув, он медленно, словно ноги налились свинцом, одолел подъём и, сев под широкую сень раскидистой берёзы, стал смотреть по сторонам, почти ничего не видя, ибо перед мысленным взором вновь всплыл, как со дна морской пучины, заветный баркас. Душа нетерпеливо, словно в ожидании доброй вести, сжалась, требуя немедленного действия, и, будь его воля, он тотчас занялся бы всеми работами, завершение которых позволило бы на предмете своей по-юному дерзкой мечты отправиться в первое, десятки, нет, сотни раз обдуманное до самых мелочей плавание! Вдруг Анатолий, сразу и не поняв, что наяву, взглядом сквозь плотную зелень лесной стены выхватил что-то белое-белое, очень похожее на парус.

Напряг зрение и обрадованно понял: да это же заросли черемухи, видать, совсем недавно зацветшей в полную силу! Ещё не сознавая, зачем, неодолимо влекомый лишь тонким, глубоким чувством природной красоты, вскопил на ноги и прямиком зашагал на противоположную сторону аласа. На пути встречались островки-загоны с ещё не скошенной, высотой не меньше, чем по пояс, густой, пряно пахнущей травой. С сожалением сминая её, Анатолий слышал, как разбуженные зноем комары, противно и нудно зудя, за спиной тучей поднимались в воздух. Словно мстя за то, что их потревожили, роem кружились вокруг лица, так и норовя впиться в него своими тонкими, кровожадными хоботками. Пришлось спешно, захватив в пучок наиболее высокий осот, вырвать его с корнями и, энергично махая им вокруг себя, хлеща по плечам и груди, разгонять надоед-

ливых насекомых! Не дойдя метров десяти до черёмуховых зарослей, Анатолий остановился, чтобы как бы со стороны всласть налюбоваться небольшими цветками с нежно-бархатными лепестками, со светло-желтоватыми пестиками, буквально сплошь раскрывшимися на каждой упругой, налитой свежими подзёмными соками ветке.

От черёмуховых кустов невидимыми волнами исходил такой приятно-терпкий, густой запах, что, войдя в заросли, Анатолий лицом, как в перину, зарылся в цветы, с жадностью стал вдыхать и выдыхать волшебный аромат всеми лёгкими. В голове, от набравшего силу зноя ставшей чугунной, то ли от лёгкого хмеля, то ли от чувства соприкосновения с прекрасным, переполнявшим душу, разливались тонкие, словно колокольчиковые, звоны... Вдруг вспомнилась дорогая мать, так любившая цветы, сама каждое лето на грядках, разбитых во дворе, радившая их, а к началу учебного года, первого сентября бесплатно раздававшая плоды своего вдохновенного труда, в которых оставалась частичка её доброй, жизнелюбивой души, всем папам и мамам, чьи счастливые детишки шли в первый класс. Как было бы хорошо наломать охапку душистой черёмухи, чтобы подарить матери! — подумал Анатолий. Но добрые душевные начала взяли верх, и он, ещё раз обедев восхищённым взглядом удивительные заросли, повернулся и зашагал обратно к стану.

На подходе он увидел отца с управляющим бригады, о чем-то беседующих, живо жестикулируя руками. По их улыбающимся лицам можно было понять, что они оба остались довольны и встречами-разговорами с рабочими, и набравшими высокий темп сенозаготовительными работами. Все сели на мотоцикл и вернулись в наслег, где Капитон Архипович, свернув с Центральной улицы в какой-то узкий глухой проулок, остановил своего стального коня у самой калитки обширного, обнесённого дощатым забором двора, в глубине которого стоял бревенчатый, довольно большой дом с двухскатной крышей, в отличие от других не шиферной, а тесовой. Заглушив мотор, он обернулся к Анатолию, всё ещё сидящему на заднем сиденье, и весело произнёс тёплым голосом:

— А здесь в доме-пятистенке со своей большой-пребольшой семьёй живу я! Не стесняйся, проходи! Дорогим гостем будешь!

— Спасибо!

— Благодарить будешь потом, когда силы подкрепишь! Небось, жара притомила, вон как сегодня прямо с утра нещадно палит!

— Есть маленько!

— То-то!

Отец, ещё больше загоревший, отчего белые зубы на фоне почти шоколадного лица при улыбке влажно блестели, в терпеливом ожидании сына стоял у раскрытой калитки, и едва тот слез с седла, уверенно прошёл в дом. Анатолий последовал следом, но лишь переступил высокий порог, невольно остановился — настолько внутреннее устройство показалось ему необычным. Высокие стены были не оштукатурены, а, срубленные из сносных бревен, лишь ровно окантованы с внутренней стороны топором и гладко обработаны рубанком. Пазы между ними плотники проконопатили так плотно и умело, что природный утеплитель — густой, когда-то зелёный, а теперь высохший, тёмно-серый, сдавленный тяжестью брёвен, — мох даже в редких местах не топорщился. В силу того, что потолок из обрезных плах-“сороковок” был устроен не вровень с балками-матицами, а постелен сверху, они казались очищенными мамонтовыми ребрами, только не круглыми, а прямыми и квадратными в сечении. Дом был на несколько комнат разной площади разделён перегородками, невысокими, чуть выше человеческого роста, и сделанными из строганых тесин, без каких-либо дверей, но с проёмами, занавешенными узкими шторками из грубой синей ткани. Обычным был лишь пол, и то только потому, что был густо покрашен коричневой краской. Сами же широкие и толстые половицы в прошлом, видимо, являлись обшивкой какой-то деревянной старой баржи, скорей всего, выброшенной в непогоду на берег да так на нём и оставшейся...

Обедали в самой большой комнате, одновременно являющейся кухней и гостиной. В самом центре, но ближе к стене, добрую треть площади занимал прямоугольный стол, аккуратно застеленный клетчатой светло-голубой клеёнкой, стулья заменяли длинные, грубо сколоченные лавки. В правом углу от входа возвышалась сложенная из кирпича-сырца печь с чугунной плитой, естественно, в летнее время не топившаяся, но до первых заморозков служившая дополнительным местом, где стояли какие-то чугунки, сковородки и тазы. Обращал на себя внимание посудный лакированный шкаф под стеклом, как единственная во всей комнате вещь, сделанная на мебельной фабрике. Прикреплённое надёжно гвоздями к стене над самым столом, красовалось огромное чучело морды лося с ветвистыми, мощными светло-коричневыми рогами. Как раз под него Капитон Архипович и усадил Анатолия. Хозяйка, давно не молодая женщина с узкими тёмными глазами-щёлочками, с длинными и чёрными, как уголь, волосами, заплетёнными в толстую косу,

одетая в серое просторное платье с длинными рукавами, лишь тихо поздоровавшись с гостями, поставила на середину стола большую миску, наполненную до самого верху кусками что вынутыми их чугуна горячими, исходящими лёгкими кольцами пара мясными кусками на кости. Быстрыми, проворными руками положила перед мужчинами якутские ножи с ручками, сделанными из высохшего до лёгкого звона корня столетней берёзы.

В тщетных поисках хоть какой-нибудь вилки Анатолий искоса посмотрел на отца. Тот, держа в левой руке мясной кусок, другой уверенными движениями отрезал от него тонкие ломтики и прямо с ножа ловко отправлял их в рот, словно всю жизнь иначе мясо не употреблял. Поймав озадаченный взгляд сына, не без лёгкой иронии произнёс: “Что, вилку потерял?! Так её и не подадут! Не раздумывай, расправляйся с пищей, как я! Да посмелей — время не терпит!” Анатолий в ответ хотел возразить, мол, мать ему строго-настрого запретила есть с ножа, но, поняв, что это будет неуместно, взял ещё горячий, обжигающий пальцы кусок и, опасаясь порезаться, осторожно приступил к еде. После того, как с мясом, оказавшимся и первым, и вторым блюдом, было покончено, хозяйка проворно поставила перед мужчинами разлитый по гранёным стаканам горячий свежесваренный чай, а в центре стола — большой кувшин с холодным, видно, совсем недавно принесённым с ледника, молоком и берестяную, красиво сплетённую, высокую чашу с сахаром, колотым на кусочки, которые аппетитно поблескивали острыми гранями на свету, лившимся сквозь матерчатые плотные шторы из узкого, но высокого окна едва заметной, серебрищей полосой.

Анатолий придвинул к себе стакан и, чтобы не обжечься, сделал несколько маленьких глотков. Но тут услышал голос бригадира:

— А ты что, чай-то пустой пьёшь?!

— Да с детства привык запивать пищу чем-то одним!

— Привычка — хорошее дело! Но ты всё-таки, хотя бы для пробы, плесни в стакан молока, да поболее!

— Хорошо! — нерешительно, даже несколько настороженно произнёс Анатолий и, разбавив чай по совету Капитона Архиповича. Едва он пригубил, напиток показался ему настолько вкусным, что в будущем, за каким бы столом, в каком бы кругу друзей и просто хорошо знакомых он ни сидел, на вежливый вопрос: “Вам кофе или что покрепче?” — однозначно отвечал: “Только чай!” — сделал небольшую паузу, обязательно, словно с лёгким выговором утвердительно добавлял: — По-якутски!”

На автомобильной стоянке резко провизжали тормозные колодки. Анатолий Петрович невольно поднял голову, но посмотрел не на того, кто приехал, а на часы — они показывали далеко за полдень. Подумалось: “Ничего себе сколько времени провёл в светлых, греющих душу воспоминаниях! Однако, какой бы доброй ни была отшумевшая полевым ковылем, пустившим дозревающий колос, звонкая юность, но всему свой срок!..” И встав, поправив костюм с галстуком, быстрыми, широкими шагами, делаящими походку как бы летящей, направился к своему бортовому “уазу”, давно терпеливо ожидающему хозяина... Через пятнадцать минут езды, как всегда, “с ветерком” Анатолий Петрович вошёл в свой рабочий кабинет, на ходу приветливо кивнув головой секретарше, вставшей при его появлении. Хотя до поездки в Натору на Ысыях была ещё целая неделя, он решил уже сегодня определиться со временем выезда и с тем, кому взять себе в попутчики, ибо в последнее время ему очень уж наскучило одиночество, как бы он его с детства ни любил, находя в нём не только покой, но и верные решения многих вопросов, которые прежде, сколько ни ломал голову, ни напрягал волю, но в одночасье, как электросварочная вспышка, не высвечивались в сознании.

Что ни говори в своё оправдание, но после ночи, проведённой в любви с Марией, ему постоянно вспоминалось её опасение, с тревогой озвученное в постели: “Я очень боюсь забеременеть!..” И хотя на эти беспокойные слова он и сказал твёрдо, что в любом случае ребёнок не будет расти без отца, глубокое чувство до конца оправданно необъяснимой его личной вины перед чуть ли не в одночасье ставшей далеко не безразличной его сердцу молодой женщиной, саднило и саднило душу. Лучшего повода, чем поездка на праздник, подыскать в ближайшее время было сложно для того, чтобы насколько можно верно объясниться с Марией, не держать её, условно говоря, между небом и землёй. И он придал этому такое важное значение, что почему-то, в душе подчиняясь внутреннему голосу, будто твёрдо говорящему, что так будет лучше, решил изменить своему, им самим же установленному для себя правилу: контролировать и оценивать труд подчинённых не частым посещением их рабочих мест, а ежедневным просматриванием графика хода выполнения производственного плана всего объединения, а именно взял и, негромко постучавшись в дверь агрохимиков, вошёл в кабинет.

Мария о чём-то говорила с двумя своими сотрудницами, не столь шумно, сколь часто, как галчата, перебивая друг друга, словно боясь упустить что-то самое важное,

которое так и вертелось на языке. При виде чем-то озабоченного начальника со слегка сдвинутыми белесыми бровями, сжатыми и без того волевыми узкими губами, с сосредоточенным, острым, словно пронзающим насквозь взглядом синих глаз они, враз замолчав, встали, лёгкими движениями узких ладоней оправляя платья и приглаживая красивые причёски. Поскольку Анатолий Петрович обратил свой пристальный взгляд лишь на Марию, две сотрудницы, переглянувшись, понимающе вышли, сбивчиво объясняя это каким-то срочно возникшим в бухгалтерии делом. Он улыбнулся, явно довольный догадливостью девчат, и без предисловий, как будто только что с агрохимиком обсуждали насущные производственные проблемы, не терпевшие отлагательства, только смягчив и понизив голос, смотря Марии прямо в глаза, исполненные вечно какой-то необъяснимой грусти, делающей их ещё притягательней, без всяких лишних слов, как будто прежде делал это не раз, сразу спросил:

- Ты в это воскресенье не занята?
- В общем, нет!
- В таком случае есть заманчивое предложение: провести его со мной на знаменитом якутском празднике Ысыахе!
- В качестве кого?!
- Зрителя! А можно и участника или даже моего секретаря, если, конечно, эта временная должность тебя устроит!

Прежде чем ответить, Мария довольно долго смотрела в окно, выходящее на машинный двор, где молодые водители в чёрных спецовках производили техническое обслуживание своих мощных самосвалных “КамАЗов”. Эти шустрые ребята, едва заметили, что в отношениях между новым агрохимиком и председателем установилось какое-то затишье, тотчас окружили Марию таким плотным кольцом ухаживаний, что просто проходить не давали! То высокий, черноволосый Иванов букет роз преподнесёт, то Сергеев, хотя и женатый, при первой же возможности восхитится её красотой, то Карпов, балагур, весельчак с голубыми глазами, если после работы она сразу с Эльзой на “Жигулях” не уедет, то он будет до самой автобусной остановки сыпать комплименты, предлагая ей услуги вечного провожатого. Конечно, эти мужские знаки внимания были приятны, но неинтересны, ибо она уже свой выбор сделала. А вот правильно или нет — могло показать только время. В таком случае ей ничего не оставалось, как мучительно ждать, когда же Анатолий Петрович разберётся со своим прошлым, как она чувствовала своим женским сердцем, не столько тяготеющим над ним, сколько заставляющим жить с оглядкой! И вот, наконец, им сделан первый шаг... Пускай он пока ещё ни о чём серьёзном не говорит! Но всё же... И Мария, поправив завитую прядь, упавшую на лоб, спокойно произнесла:

— А, знаете, я ваше приглашение принимаю! Только скажите, где будет проходить праздник и, извините, как мне одеться!

— В Наторе! Это на правом берегу Лены, немного не доезжая Ньюи! Часа два, два с половиной езды на машине и потом еще минут двадцать на моторной лодке! А вот что надеть, — это вопрос! Конечно, было бы ну просто замечательно в знак уважения к якутам нарядиться в их женское, отороченное мехом национальное платье, но его в городе днём с огнём не сыскать! Поэтому мудрить не надо, а просто с учётом неблизкой, пыльной дороги и вездесущих, кусучих комаров просто облачиться в брючный костюм! Да, именно в него — лучше не придумать!

Анатолий Петрович говорил, а Мария, слушая его, думала: какой заботливый, предусмотрительный мужчина — всё-то понимает, всё-то наперёд видит! И когда он замолчал, с улыбкой спросила:

- А в котором часу будем выезжать?
- Думаю, не позже восьми утра! Я заберу тебя из дома? Хорошо?
- Хорошо!

8

До поездки на Ысыах было ещё достаточно много времени. По крайней мере, считала Мария, его вполне должно было хватить, чтобы уборку, начатую на второй день после вселения в квартиру, наконец, закончить. Это было очень важно, поскольку её, от природы любившую чистоту и порядок, сильно тяготила, портила её настроение даже малейшая пыль на мебели, не говоря уже о неприглядном виде давно не стиранных штор и занавесок. Купив в поселковом хозяйственном магазине моющие порошки, позаимствовав у Эльзы необходимые щётки, тряпки и ведро с тазом, Мария каждый вечер после работы, наскоро приготовив ужин и подкрепив им силы, быстро переодевалась в спортивный брючный костюм, повязывала голову легким ситцевым платком и до глубокой ночи с таким усердием мыла, чистила, стирала, что капельки пота, словно утренняя

роса, обильно выступали на светлом лбу, щеки загорались светло-алым румянцем, большие глаза влажно блестели. В самом деле, домашняя кропотливая работа буквально кипела в умелых, проворных женских руках, и уже через три дня квартиру было не узнать, настолько каждый предмет в ней дышал свежестью, сверкал чистотой.

Но чтобы Мария ни делала, она снова и снова думала о своих отношениях с Анатолием Петровичем, негаданно-нежданно возникших, словно ниоткуда, тем не менее оказавшихся для неё судьбоносными. Её чуткому сердцу будто что-то свыше подсказывало: они бесследно, как зимний свет полярного всполоха, не пройдут... Очень хотелось верить, что эта встреча с запавшим в душу мужчиной обернётся к ней солнечной стороной. Скорей всего, поэтому всякий раз, когда за окном на подъезде к дому раздавался шум подъезжающей машины, она невольно, с замиранием, сладко томясь сердцем, настораживалась: уж не решил ли, наконец, пожаловать в гости, так сказать, на вечерний огонёк её непосредственный начальник, безоглядно увлечённый своими трудовыми обязанностями. Как будто они и только они являются для него смыслом всей жизни. Верить в это было бы до слёз обидно...

И она не верила, ибо понимала, что в расцвете лет для любого мужчины был, есть и будет во веки веков первостепенным, негаснущим светом путеводный маяк любви к единственной женщине, который, однажды вспыхнув, как хворост на речном ветру, со временем всё ярче и ярче разгорается! И всё же на свой непростой вопрос: “А в силах ли она сама, после всего настолько тяжело пережитого, донные отзвывающегося в сердце болью, вновь каждой клеточкой своей молодой души полюбить?” — увы, как назло, не могла утвердительно ответить. Это её тревожило, временами даже наводило на душу глубокую грусть, но, к счастью, не мешало со светлой надеждой смотреть в будущее.

В воскресенье, точно в условленное время — в восемь часов утра — за окном сначала провизжали тормозные колодки, потом раздался негромкий, короткий гудок. Мария, задолго до выезда одевшаяся в лёгкий светло-синий брючный костюм, тотчас, захватив в дорогу лишь дамскую сумочку, выскочила на лестничную площадку, закрыла на ключ дверь и весенней бабочкой выпорхнула из полутёмного подъезда. Анатолий Петрович в светлой джинсовой рубашке и коричневых брюках стоял у открытой пассажирской дверцы. Едва Мария подошла к машине, он, солнечно улыбаясь, легко, как со старой знакомой, поздоровался с ней. Едва она села в салон, аккуратно, с оглядкой, чтобы не зацепить длинные ручки сумочки, упавшие на самый край сидения, захолопнул дверцы и сам поспешил занять водительское место. Крепко взявшись за руль, заведя с пол-оборота хорошо отлаженный двигатель и весело бросив Марии: “Поехали! Держись!” — резко нажал на педаль газа.

Двигатель взвыл, ведущие задние колеса пробуксовали, выбросив веерные песчаные брызги, и предсательский “уазик” резко сорвался с места и стал быстро набирать шальную скорость. За пятнадцать минут они проехали по объездной дороге мимо города и, выскочив на трассу, ведущую в Мирный, преодолели довольно крутой двухкилометровый подъём, на котором двигатель от нагрузки натужно, словно горько жалуясь, гудел, и, наконец, свернули на насыпную дорогу с гравийно-песчаным покрытием и понеслись в сторону Ньюи. Взвихренная бешено вращающимися колёсами мелкая, сухая пыль длинным шлейфом потянулась за машиной. По обе стороны, сразу за крутыми, глубокими откосами замелькал водными стволками, зелёными кронами, густо залитыми солнечными лучами, как бы раздвигаясь, сосновый, просторный лес. Через открытые форточки в салон ворвался густо настоящий на хвое прохладный воздух, освежая лица, играя волосами...

По предыдущим поездкам зная, как лихо ездит председатель, Мария, сев в машину, сразу же взялась за боковую ручку. Она не любила большой скорости, даже боялась её, тем не менее, видя, насколько уверенно Анатолий Петрович управляет своим “уазиком”, не впадала в панику. Лишь на спусках, где машина разгонялась до ста и больше километров, сильнее упиралась ногами в пол, а спиной вжималась в мягкое кожаное сиденье. Всё выше поднимавшееся солнце, разгораясь, яркими, золотистыми лучами слепило глаза. Пришлось воспользоваться защитным козырьком, тем более что он почти не мешал смотреть на таёжную дорогу, которая проходила по высоким лесистым сопкам, то взбираясь на вершину, то спускаясь в распадок, где с горного верховья, бурно бурля на перекатах, к Лене сбегали звонкие серебряные ручьи с холодной, родниковой чистоты и прозрачности водой.

Анатолий Петрович, сведя к переносице брови, сжав тонкие, волевые губы, так долго молчал, что Марии хотелось спросить его: “Уж не случилось ли чего плохого?..” Но он вдруг голосом, перекрывающим стройное гудение двигателя, неожиданно запел. Заканчивалась одна песня, тотчас начиналась другая, и невольно казалось, что целая поэма положена на музыку. Но ни мелодии, ни слова Марии не были знакомы. От этого только ещё больше росло вопросительное удивление: “Это какую же глубокую, крепкую память

надо иметь, чтобы наизусть знать столько песен?!” Вдруг Анатолий Петрович замолчал и, свернув на обочину, как всегда, резко остановил машину. Сверкнув вдохновенно глазами, как-то загадочно произнёс: “Теперь можно переходить от дороги, размяться!” — и, выйдя из машины, устремил взор в даль. Мария не замедлила последовать за ним и, оглядевшись, поняла, что они находятся на самой вершине такой высоченной сопки, что с неё широко открывался многокилометровый панорамный вид на безбрежное море якутской тайги, среди которой во всю свою огромную ширь чётко, как на ладони вытянутой руки, проглядывалась Лена. Она степенно, как и подобает могучей дочери природы, несла по спине матушки-земли глубокие, свинцовые воды, в которых, словно в огромном зеркале, отражались белоснежные, перистые облака, едва заметно плывущие по пронзительно голубому небу, от края до края озарённому восходящим солнцем.

— Мария! — вдруг восторженно произнёс Анатолий Петрович. — Место, где мы с тобой остановились, является не только самой высокой точкой по дороге в Нью, но и настолько красивым, что я каждую поездку, даже ночью, останавливаюсь здесь! От созерцания природного, необычайно величественного пейзажа, открывающегося сразу и сполна, моя душа мгновенно наполняется такой светлой, исполненной жажды творчества силы, что от счастья хочется вслед за душой взлететь к облакам и вместе с птицами кружить и кружить над моим родным неоглядным краем! Его необычайную первозданность невозможно передать никакими словами. Поэтому только здесь я глубоко сожалею, что не стал развивать данные мне свыше способности к рисованию! Эх, будь я художником, то обязательно установил бы на этом месте огромный подрамник с натянутым холстом — и с натуры упоённо написал удивительную картину, чтобы, куда бы судьба меня ни забросила, любясь ею, чувствовать неразрывную связь с родимой землёй! Но увы, увы! — потерянного не найти, упущенного не наверстать!” И, тяжело вздохнув, Анатолий Петрович быстро направился к машине.

Мария, хотя родилась и выросла среди степных просторов, на которых из деревьев росли лишь белоствольные берёзы с кудрявыми лиственными кронами, и то в редких, небольших рощицах, по-местному называвшихся “колочками”, но, вместе с молодым председателем зачарованно с вершины сопки оглядывая неоглядные таёжные дали, подёрнутые розово-сизой дымкой, смогла в полной мере оценить красоту и величие северной природы. Наверно, поэтому она была немного расстроена, что он, произнеся сокровенный, исполненный вдохновения и любви монолог, почему-то не счёл для себя нужным поинтересоваться её мнением насчёт потрясающей воображение и восхищающей душу красоты таёжной панорамы с живописной Леной. И вновь под колёсами машины зазвенела своим твёрдо укатанным гравийно-песчаным полотном горная дорога, по откосам которой, поднявшись во весь рост, словно костром в ветреную погоду, полыхал своими малиново-красными цветами иван-чай. Но уже через совсем небольшое время Мария как ни в чем не бывало проявила живой интерес к его недавнему пению, вежливо спросив:

— Анатолий Петрович, извините за невольную назойливость, но мне очень хотелось бы знать авторов тех песен, которые в вашем исполнении я слушала, сразу признаюсь, не без удивления...

— Даже так! — воскликнул тот. — Что же, удовлетворю твоё доброе любопытство, поскольку сделать это просто! Ведь слова текстов — мои, да и музыка, считай, тоже, ибо она родилась в моей душе, причём как-то больно уж легко, словно я явился на этот свет для того, чтобы стать композитором! А что? Именно им! Не зря же мне порой страсть как хочется научиться играть на пианино! Один раз, навестив друга юности Александра Тарасова, жена которого работает преподавателем в городской музыкальной школе, я даже настоятельно просил её в качестве проверки ещё одних моих способностей дать хоть несколько уроков!

— И что же?!

— Да ничего! Она на мою смелую просьбу лишь скептически заметила, что в её практике великовозрастных учеников не было! И, как она считает, это совершенно не случайно! То есть у меня, тридцатилетнего мужчины, стать классным музыкантом ну совершенно нет даже самых отдалённых по времени перспектив! И, думаю, это верно!

— А мне кажется, что нет!

— Мария, я бы мог с тобой поспорить, но считаю, что в настоящее время важнее объяснить моё долгое молчание, которое не могло для тебя остаться незамеченным, отчего ты, наверно, тревожно озадачилась! Так вот, дело в том, что я ещё вчера по совету заведующей организационного отдела райисполкома мысленно написал несколько вариантов праздничного выступления. Но ни один из них мне не понравился, ибо хотелось якутам на их самом главном празднике произнести не дежурную речь, исполненную казёнными, избитыми, затасканными словами, а своими, идущими из самой глубины сердца.

Только, увы, сделать так, ну, не получалось — и всё! Но увидев тебя, легко выпорхнувшую на улицу стремительной, как бы летящей походкой, вроде бы в обычном, скорей спортивном, чем праздничном, костюме, но так изумительно подчеркивающим стройность твоей красивой фигуры, я был неожиданно осенён мыслью... Причём не простой, а именно: передать в полной мере моё уважительное отношение к якутам, к их торжеству можно только в стихах! Вот я, словно напрочь отрешившись от окружающего мира, и писал их до остановки на вершине сопки!..

— Неужели стихи получились?!

— Думаю, что да! По крайней мере, мне так кажется!

— А не прочтёте?! — тихим голосом попросила Мария.

— Обязательно! Но на открытии Ысыаха! А сейчас, чтобы тебе не быть в отношении этого праздника в неведении, я хочу хотя бы в общих чертах поведать о якутском Новом годе! Ты не возражаешь против этого?

— Что вы! С удовольствием слушаю!

— Так вот, — начал Анатолий Петрович и замолчал, словно вдруг для него самого этот вопрос оказался большой неожиданностью. Но через минуту, бросив строгий взгляд на Марию, будто проверяя, готова ли она узнать для себя то новое, которое для него, родившегося и выросшего среди коренных якутов, с детства стало неотъемлемой, весьма дорогой частью жизни, без которой ему было трудно представить будущее, негромко, но с проникновенной теплотой в голосе продолжил:

— После славного завоевания в конце шестнадцатого века казаками под предводительством грозного атамана Ермака когда-то могучего татарского Сибирского царства со столицей Ескер, русские первопроходцы, довольно быстро продвигаясь всё дальше на восток, подчинили себе и якутские племена. К тому времени они успешно расселились на такой огромной территории, что, к примеру, она более чем в сорок раз превышала Францию, а Англию — вообще чуть ли не в сто! Якуты, как в стародавние времена наши дорогие предки, тогда являлись язычниками. И пусть, приняв от русских православие, и были крещены, тем не менее, я вряд ли ошибусь, если решусь сказать, что в глубине души они в большинстве своём и поныне верны своей древней вере в Природу, точнее, в её составляющие, такие, как восход солнца, громы и молнии ненастья, вода и земля. Всех небесных богов, которым якуты поклонялись, которым молились, я вряд ли сейчас вспомню, но о некоторых из них с удовольствием попытаюсь что-то рассказать.

Юрюн Айбы тойон — творец всего мира: людей, животных и растений. Считается управляющим небесами. Живёт на девятом небе, которое представляется как прекраснейшая страна, где никогда не бывает зимы, где вечно растёт белая трава. Уордаах Джёсёгэй — покровитель лошадей, щедро посылает их людям, но может и забрать обратно, если сильно прогневаешься! Аан Дьаасын — повелитель грома и молнии. Первое представляется стуком копыт его могучего коня, а второе — его боевым топором. Он им решительно разит многочисленные нечистые силы. Назову ещё и богиню Иэйиэхсит, которой, Мария, тебе в пору молиться, настолько ты богата от природы наделена тем, чем и она: так же весела, задорна, исполнена добра. На землю эта богиня является в мае, когда всё вокруг расцветает в лучах яркого солнца, приплод скота, кормясь свежей травой, быстро растёт, крепнет. Кроме этого богиня своим волшебным советом помогает людям выживать в тяжёлых жизненных ситуациях, оберегает от злых сил, благословляет приплод скота, не любит грязь и неопрятность! Пожалуй, и всё!.. Нет, ещё вспомнил одну очень важную богиню, её зовут Айбысыт, она живёт на восточном небе и спускается на землю, окружённая ореолом сверкающего света, в виде красиво и богато одетой пожилой женщины. Она помогает роженицам благополучно разрешиться от бремени, благословляет дитя на долгую, полную достойной деятельности жизнь! Но самым главным верховным божеством является Эллэй, он считается прародителем якутского рода, всё на небесах происходит по его воле!

Все боги настолько добры и справедливы, что любят исключительно бескровные приношения, поэтому во время Ысыаха они лишь кумысом, напитком, приготовленным из кобыльего жирного молока по специальному древнему рецепту, к счастью, вполне сохранившемуся до наших дней, кропят траву, деревья, костровый огонь, символизирующий восходящее солнце. К этому светилу у якутов отношение, как к родоначальнику всего живого на земле! А вот о всеобщем единении людей говорит хоровод осохай, означающий жизненный круг. Во время него танцующие, взявшись за руки и в такт обрядной песне, исполняемой знатным олонхоустом, двигаясь по направлению движения солнца как бы совершают круговорот во времени и пространстве и отдают тем самым дань благодарности светилу за свет и тепло, после долгой морозной зимы наконец-то золотосно и щедро подаренные людям. В глубокой древности обрядный танец, начавшись на восходе, непрерывно продолжался в течение целых трёх суток. Конечно, его вдохновенные

исполнители постоянно менялись, но считалось, что каждый, кто входил в общий круг, щедро заряжался физической и духовной энергией на целый год!

Вдруг Анатолий Петрович в своём повествовании сделал небольшую паузу. Но Мария, всё время внимательно, с неподдельным интересом слушавшая его, не замедлила воспользоваться ею:

— А вы, случайно, не знаете якутский язык?!

— Говорю с трудом, но понимаю почти всё!.. А почему ты меня об этом с такой живой заинтересованностью спросила?

— Понимаете, я во время летней практики жила в якутском наслеге Тулугино, и мне порой приходилось, встречаясь с местными жителями, слышать их речь. Читая наизусть отрывок из “Олонхо”, как мне показалось, вы весьма правильно произносили якутские слова!

— Теперь твой вопрос понятен, и я на него отвечаю так. Я с детства общался с якутами, один из них — мой одноклассник — был мне верным другом. Да и у нас дома имелась хорошая библиотека, в которой среди многочисленных книг был и прекрасно изданный древний якутский эпос. В то время я чего только не читал, даже известный труд Карла Маркса “Капитал” и некоторые сочинения Владимира Ленина. Но поскольку они тогда показались мне трудно усваиваемыми, скорей всего, по очень существенной причине, а именно я до них, скажу так, просто ещё не дорос, потому и перестал ими увлекаться. А вот “Олонхо” оказалось настолько занимательным, глубоко поэтичным, что я даже несколько отрывков из него к своему удовольствию выучил наизусть. Вот послушай, как звучит один из них: “Эллэй, содрав бересту, из ствола понаделал разные виды кумысной посуды: из цельного дерева выдолбил чорооны с ножками в виде конских копыт и с выпуклой резьбой снаружи, сделал матаарчахи с густыми узорами, сделал кэриэн с фигурными украшениями, вытянутыми в ряд. Жена сшила кыллаах-ыагас, узорчатый саар-ыагас, сабарай и разные вёдра для коровьего молока... Срезав молодые берёзки и лиственницы, Эллэй воткнул их рядами в виде улицы до самого дома. Затем, свив верёвку из чёрного и белого волоса и украсив её пучками белого конского волоса, натянул её на воткнутые деревья”.

— Ну как, понравилось?

— Очень!

— А я, Мария, ничуть и не сомневался в этом! Ведь человек с тонкой душевной организацией, любящий прекрасное, может лишь восхищаться и восхищаться таким прекрасным изложением, своим торжественным, проникновенным звучанием и языком больше схожим с белыми стихами, чем с прозой! Конечно, некоторые слова, прочитанные мной не в переводе, к примеру такие, как кэриген, что означает круглую чашу, или матаарчах — берестяную коробку для хранения волосяных ниток и костяных иглонок, или саар-ыагас — огромный, тоже сделанный из сухой бересты туес. Саар — это царь, значит, царь-туес! Тебе непонятно, но коли уж приехала, как в старину на Руси говорили, в знаменитый, покрытый мрачной завесой природных тайн бескрайний край стерхов, аласов и сполохов, а не только морозов и снегов, то постарайся выучить богатый, красивый язык его древнего северного народа! Да так, чтоб слова при произношении от зубов отскакивали! Но сначала, чтобы ещё больше вдохновиться на доброе изучение, надо прочитать весь текст эпоса. Кстати, его первым на русский язык переложил Владимир Державин, а потом наш современник, тоже Владимир, только Солоухин — известный поэт и прозаик, автор знаменитых “Владимирских просёлков”.

— А спросить вас можно? — вдруг произнесла Мария.

— О чём именно?

— Как по-якутски будут звучать слова “девушка” и “люблю”?

— Без проблем! Кыыс и таптыбын!

И неожиданно подумал: “Уж не захотелось ли ей каким-то чудным образом предвидеть, что, когда я в благословенное время приму решение признаться ей в любви, словно напрочь забыв родной язык, обращусь к помощи чужого?! Бог ты мой, если это именно так, то я в своих чувствах объяснюсь ей хоть на тысяче языков народов мира!”

Анатолий Петрович ещё много чего мог рассказать о якутском празднике, но впереди, за довольно большой ложбиной, когда-то поросшей смешанным лесом, а теперь раскорчёванной под пашню, показался посёлок Нюя, вытянувшийся вдоль Лены на несколько километров. И он не без сожаления замолчал, ибо к пристани, где его должен был ожидать, согласно договорённости с секретарём сельсовета, ответственный работник с моторной лодкой, можно было проехать только по улице Береговой, обычно в летнее жаркое время многолюдной, и значит к вождению машиной надлежит проявлять максимум внимания. Этого требовало и то обстоятельство, что возвращающиеся с водо-

поя коровы в любую минуту, услышав шум машины, вместо того, чтобы встать, могли начать, как нарочно, на свою и водительскую беду, выбегать на проезжую часть...

А день, словно специально в честь Ысыаха выдавшийся погожим, всё разгорался и разгорался... Солнце в золотом царственном ореоле неумолимо вкатывалось на небосклон, щедро проливая на землю неисчислимые потоки горячих, настолько ярких светлых лучей, что, если смотреть в сторону светила, то сине-зелёные воды Лены будут казаться серебряными, сверкающими, как рыба чешуя. Белоснежные облака, словно лебединые стаи, с утра кучно плывущие на восток, теперь, будто разогнанные свежим высотным ветром, стали редки, как овечье стадо, разбредшееся по обширному горному пастбищу. Высокие небеса от солнечного сияния просветлись, малиново искрясь, до нежно-чистой лазури. От этих ярких искр вся высь — от края и до края! — полыхала по-праздничному снежно-льдисто, как зимнее поле в ясный, морозный рассвет! Густые тени, падавшие от противоположного берега, поросшего хвойным лесом, со скалами, взлетающими прямо из реки до половины крутой сопки, стали значительно короче. По этому можно было определить, что день сполна вошёл в свои права.

Анатолий Петрович мельком взглянул на часы — они показывали без четверти десять. До начала Ысыаха времени ещё было достаточно, чтобы в праздничный день не торопиться... “Ничего себе, как быстро доехал я в этот раз до посёлка!” — удивлённо подумал он. Но взглянув на Марию, цепко державшуюся за ручку и тревожно устремившую взгляд на дорогу, ободряюще, но не без некоторого чувства вины произнёс:

— Ну вот, большую часть пути успешно преодолели, извини, чуть ли не пролетели! Дальше поплывём по реке, но недалеко, километров семь, не более! Надеюсь, ты большой воды не боишься?!

— Боюсь, не боюсь — что об этом говорить после того, как мы уже почти приехали в один из самых дальних наслегов на якутский праздник! Но коль вы считаете меня трусихой, то попрошу вас в самом деле на обратном пути вести машину поосторожней! Хорошо?

— Слушаюсь! — бодро, не раздумывая, подчинился Анатолий Петрович.

Проехав до конца улицы, он вывел свой “уазик” на довольно крутой, ближе к реке сильно выложаживающийся спуск, ведущий прямо к пристани. Она представляла собой небольшой понтонный дебаркадер с лёгкой зелёной надстройкой, на летнее время при помощи крепких, толстых канатов пришвартованный к крутому галечному берегу, с широкими деревянными сходнями, к которым были накрепко большими гвоздями приколочены дощатые сплошные перила. Моториста с лодкой Анатолий Петрович увидел сразу, едва во всю свою величественную ширь величаво открылся речной простор. Но почему-то он не сидел в лодке на одном из деревянных сидений в терпеливом ожидании районного представителя, а, развернув её кормой к берегу, возился с мотором “Вихрь”. Этот самый мощный в то время подвесной мотор был хорошо знаком Анатолию Петровичу ещё с юности, когда он, летом работая перевозчиком, снабжал продуктами и запасными частями совхозные механизированные и ручные звенья и бригады, которые вели заготовку сена для лошадей и крупного рогатого скота Нюйского отделения на отдалённых от центральной усадьбы заливных по весне островах.

Услышав шум, поднятый разлетавшейся из-под колёс во все стороны гальки, моторист выпрямился, из-под руки посмотрел на подъезжавшую машину. Он был высок, широк в плечах, белобрыс, одет в клетчатую синюю рубашку и тёмные парусиновые штаны, заправленные в сапоги с длинными и широкими голенищами, в народе называемые болотниками. На его скуластом загорелом лице васильками во ржи цвели голубые глаза, прищуренные от яркого солнечного света. Анатолий Петрович помог Марии выйти из машины, но дверцы оставил не закрытыми на ключ, ибо вполне справедливо считал себя местным, и всем в посёлке было хорошо известно его умение постоять за себя. Если шаловливые ребятишки, играющие на берегу, залезут в кабину и, так сказать, поруют, то на то они и дети, чтобы подражать взрослым... И он торопливо направился к мотористу, который, не дожидаясь, когда к нему подойдёт незнакомый человек, белозубо улыбаясь, спросил:

— Не вас ли, уважаемые товарищи, я должен везти в Натору?!

— Так точно, нас! — подтвердил Анатолий Петрович. — Тогда будем знакомиться! Меня зовут Анатолий Петрович, а мою спутницу — Мария Васильевна, а как нарекли родители вас, молодой человек?!

— Василием!

— А по батюшке?

— Георгиевич!

— Хорошее и имя, и отчество! Звучные! Только, сразу прошу извинить меня за некоторое наставление, но я должен тебе сказать, что носить их надо на славу да по

чести, не позволяя себе ни в большом, ни в малом деле или поступке даже самую незначительную, невинную поблажку. Понимаю — трудно, но ведь не зря же об истинно стойких, мужественных людях советский классик, замечательный поэт Николай Тихонов в знаменитых стихах сказал: “Гвозди бы делать из этих людей — крепче бы не было в мире гвоздей!..” Помнишь эти стихи, ведь как-никак их в школе по разделу “советская литература” изучают?

— Как не помнить! — быстро сказал моторист и, ничуть не стесняясь, с выражением продекламировал начало стихотворения “Баллада о гвоздях”: — “Спокойно трубку докурив до конца, спокойно улыбку стёр с лица...” — и, довольно улыбаясь, — мол, поселковые парни тоже ну, совсем деревенские, не лыком шить! — и спросил: — А теперь что скажете?

— Только одно — молодец! И я с тобой, молодой человек, ещё долго говорил бы о литературе, да сам должен понимать, что время не ждёт! А тут ещё, вижу, с мотором какие-то нелады! — и, показав на снятый красный трехлопастной винт, просил: — Что случилось-то? Сломался?

— Знаете, ничего особенного! — сразу посерьёзнев загорелым лицом, уверенно ответил Василий. — Просто я, быстро подплывая к берегу, точно не учёл скорость инерции, чтобы вовремя заглушить его! Вот на гребном валу ударом винта о какой-то подводный камень начисто и срезало шпонки! Но я отсюда живу недалеко, мигом сбегаю домой за двухсотмиллиметровым гвоздём, и полчаса не пройдёт, как, изготовив новые шпонки, буду тотчас готов к отплытию. Так что вы, пожалуйста, сильно не переживайте! Готов биться об заклад, что в Наторе будем не только без опоздания, но ещё и с некоторым запасом времени!

— Ну, так не стой, как вкопанный! — услышал он в ответ недовольный голос представителя райисполкома. — Пулей лети за своим гвоздём, и уж не забудь взять ещё и добрый напильник с плоскогубцами, ведь без этих слесарных инструментов мотор никак не наладить!

— Лечу! Одна нога здесь, другая там!

Проводив глазами рванувшего с места бегом моториста, Анатолий Петрович подошёл к самой кромке настолько прозрачной воды, что на несколько метров вперёд, несмотря на глубину, были хорошо видны обрывки ржавого такелажа, разных форм голыши, наполовину занесённые жёлтым, крупнозернистым песком. А почти у самого берега, как узкие тени, в поисках пищи беззвучно скользили стайки мальков. Как ни интересно было за ними наблюдать, Анатолий Петрович всё же перевёл пристальный взгляд на речной, неоглядный простор со снующими, стройно и весело гудя моторами, вниз и вверх по течению несколькими лодками; с готовым к отправке в Тикси огромным леспромхозовским плотом, составленным из многочисленных пучков круглого леса, надёжно скреплённых друг с другом тросами и чекерами.

Воздух всё больше и больше прогревался, едва колеблемый свежим ветерком, слетавшим с вершин правобережных сопок. На далёком таёжном горизонте знойная дымка перекрашивалась в ярко алый-цвет, нежной красотой увлекая взор. Но дышалось настолько вольно, во всю развёрнутую грудь, что, блаженно потянувшись, Анатолий Петрович радостно воскликнул: “День-то какой изумительный, ну, прямо, как по заказу!” И вдруг ему захотелось, искупавшись, взять да и безоглядно переплыть реку, тем более, что ещё в юности мечтал это сделать, но то времени не было, то не на шутку боялся судороги, которая в воде, даже в самом разгаре лета не прогревавшейся выше восемнадцати градусов, могла запросто свести ноги. А теперь, когда рядом симпатичная женщина, перед которой ох, как хочется выглядеть орлом, и в руках так и играет мускулами молодая, задорная сила, ну, самое время осуществить сокровенную мечту! Вот именно — сегодня или никогда! И Анатолий Петрович, быстро раздевшись до плавок, аккуратно сложив брюки и рубашку на переднем сидении лодки, подняв горящий взгляд на Марию, ничего не понимавшую и изумлённо смотревшую на него своими большими, красивыми, с лёгкой от природы грустинкой глазами, голосом, не терпящим возражений, очень уж уверенно отчеканил:

— Вот чего точно с самого детства не люблю, так это бездельного ожидания! Поступим следующим образом: я вплавь отправлюсь на тот берег, а ты, дождавшись Василия, когда будет наложен мотор, передай ему мою просьбу, чтобы он причалил в устье Наторки, вон, видишь таёжную речку, огибающую сопку и впадающую в Лену напротив нас?

— Вижу!

— Так вот туда пусть и причаливает!

Но едва ступил в воду, как Мария тревожно воскликнула:

— Анатолий Петрович! Извините, но вы что, с ума сошли, решив преодолеть такую водную преграду! Утонете же!

— Я утону?! Ни при каких обстоятельствах!
— Это почему же?
— Потому что твёрдо знаю, не скажу, от кого именно, время своей смерти! Оно, к счастью, никак не совпадает с сегодняшним днём! Поверь, всё будет хорошо! — и для убедительности добавил: — Слово даю!

— В любом случае ваш поступок — мальчишество!
— Может быть, но это лучше, чем из-за жалкого безволия начинать досрочно стареть! До встречи на том берегу! Да и потом... — тут Анатолий Петрович, посмотрев в глаза Марии, как бы предсказал: — Мне кажется, что всё самое хорошее у нас с тобой впереди!..

И больше не говоря ни слова, стал смело, но не спеша, чтобы тело привыкло к холодной воде, входить в реку, и лишь когда пологая волна, поднимавшаяся перед ним, накрыла плечи, с силой оттолкнувшись от дна, поплыл вольным стилем, тем самым, при котором работают почти все мышцы, не давая преждевременно переохладиться организму, а значит, и максимально избежать где-нибудь на полпути коварной судороги. Стрелка, где струистые воды неслись с наивысшей скоростью, достиг без особых проблем, но потом, сначала с каждой минутой, а потом и с каждым взмахом рук начал всё острее и острее ощущать тревожную усталость. Движения настолько стали вялыми, затянутыми, дыхание — частым и отрывистым, что пришлось, сберегая остатки сил, несколько минут расслабленно плыть на спине. Это помогло, и Анатолий Петрович вновь, призвав на помощь крепкую волю, стал каждый гребок делать акцентированнее, маятниковые движения ногами размереннее, стараясь как можно дольше и чётче сохранить технику плавания вольным стилем.

А Мария то, вскочив с сидения, подбежала к кромке берега, то, возвратившись на место, в сильном переживании за своего начальника, который негаданно-нежданно, словно по воле свыше, стал ей далеко не безразличным, не отрывала глаз от взмахивавших рук и светловолосой головы. От сознания того, что Анатолия Петровича, как бы он упорно ни боролся с течением, оно всё дальше уносило его вниз, к ребристым скалам, где выбраться из реки невозможно, её нежную душу охватывал страх. Она про себя неистово ругала моториста, который, словно нарочно, всё не возвращался, а когда он, наконец, тяжело дыша, в поту, ручейками стекавшему по загорелому лицу, прибежал, не смогла скрыть сильного раздражения и чуть ли не с криком набросилась на него:

— Молодой человек, ты в какие тартарары провалился?! Столько времени ходил всего за каким-то одним гвоздём! А если представитель райисполкома утонет, что в своё оправдание скажешь начальству?!

— Как утонет?!
— Очень просто! Как это со многими людьми случается. Посмотри на реку и увидишь, что он уже выбивается из последних сил!

Василий тотчас посмотрел в сторону, куда указывала Мария. В это время Анатолий Петрович, от усталости заметно шатаясь, уже выбредал на противоположный берег... И это мигмом как рукой сняло с души моториста вспыхнувшее опасение за жизнь человека, да непростого, а представителя райисполкома! Василий, облегчённо вздохнув, сказал:

— Мария Васильевна, а вы зря переполошились! Смотрите, Анатолий Петрович уже на том берегу и, думаю, вполне здоров! — И, не отрывая от него, уже бегущего к устью Наторки, своих думашённых глаз, на полном серьёзе спросил: — А у вас в райисполкоме много таких решительных да выносливых товарищей работает?!

— Откуда мне знать! — всё ещё тревожным голосом ответила Мария, но через секунду более спокойно продолжила: — Думаю, что единицы!

— А жаль! А то бы мы давно Америку перегнали!
— Не болтай лишнего! Устраняй скорее поломку!
— Хорошо! Хорошо! Только вы, Мария Васильевна, не беспокойтесь!

И, поспешно принявшись за ремонт мотора, стал сбивчиво, торопясь, детально объяснять причину своей долгой задержки:

— Понимаете, я по дороге домой, зная размер шпонок, решил, что в сарае при помощи тисков мне изготовить их будет и удобней, и быстрее! Так и получилось. И сейчас я не больше, чем за пять минут, надёжно закреплю винт на гребном валу, и мы поедем, нет, как вихрь, полетим, ведь мотор-то новый и к тому же ого-го какой мощный! Только скажите, куда Анатолий Петрович велел лодку подогнать?

— К самому устью Наторки!
— Ничего себе, как же далеко отнесло представителя райисполкома стремительным, мощным течением! Без всяких натяжек можно сказать, что аж на добрый километр, не меньше! — крупношею покачал головой моторист, но тут же больше для Марии, чем для себя, как можно более спокойно, заключил: — Ну, ничего, коль он такую речичу

сумел вплавь перемахнуть, то уж до условленного места добежит быстро, да и не без доброй пользы, ибо под солнечными жаркими лучами хорошенько обсохнет и, одевшись, будет выглядеть молодцом!

Едва Василий принял за ремонт, Мария, слушая его оправдания, сняла туфли с разгорячённых ног и, чтобы вернуть им легкость, снять с них жар, забрела по щиколотки в прозрачную холодную воду и, словно в далёком безмятежном детстве на Иртыше, куда она на летних каникулах приезжала со старшей сестрой купаться, стала бродить рядом с моторкой, приятно ощущая влажную свежесть. Она была настолько животворной, что не только окончательно успокоила душу, но ещё и вселила в неё искромётную бодрость. Жизнь представилась ей светлой, быстрокрылой птицей, которая на своих сильных крыльях рано или поздно, но обязательно принесёт ей счастье! И она, как обычно, вне духовного напряжения, впервые за последний час мечтательно улыбнулась.

9

Анатолия Петровича, вышедшего из лодки с Марией, невольно щурящей глаза от яркого солнца, сполна вкатившегося на небо и теперь полыхающего малиново-золотыми лучами, которые неисчислимыми волнообразными потоками лились на землю, придавая ей первозданную красоту и открытость, встретила руководитель Наторинской бригады Оксана Яковлевна Захарова — ещё довольно молодая якутка с густыми, длинными, даже не касавшимися покатых плеч и такими чёрными волосами, что в дневном свете они красиво переливались влажным антрацитом. На её круглом смуглокожем лице раскосые серые глаза вместе со строгостью выражали и доброту. Обычно она одевалась в летнее время по-простому: в чёрную широкую юбку и белую, мужского покроя рубашку с короткими рукавами. Ноги обувала в тёмные туфли на низком каблуке, похожие на удобные домашние кожаные тапочки.

Но сейчас в честь великого для всех якутов праздника Ысыах она была в красивом национальном свободном, ниже колен, светло-вишнёвом платье с длинными рукавами, отороченном по подолу в самом низу соболиным искрящимся мехом, а повыше украшенном двумя рядами круговых полос белого и красного цветов с причудливыми узорами, вышитыми синими нитками. Голову венчала высокая треугольная суконная корона, почти сплошь покрытая рисунками сцен поклонения солнцу, мастерски вырезанными из листов меди, ярко начищенной и отливающей солнечным светом. С обеих сторон короны до самого кожаного пояса свободно свисали колоритные языческие украшения в виде разных геометрических фигур, нанизанных на крепкие нити, сплетённые из конского волоса. Длинные манжеты были узорчато вышиты по атласной красной ткани червлёным золотом... На узких запястьях огнисто посверкивали ярко-жёлтые браслеты, сделанные настолько мастерски и выразительно, что их можно было смело отнести к произведениям большого прикладного искусства! Ноги, обутое в сапожки, пошитые из выделанных до сине-серого цвета оленьих камусов, с удобными невысокими каблуками, на уровне икр отделанные матовыми светлыми бусинками, почти точь-в-точь похожими на морские глубинные жемчуга, казались необычайно красивыми и стройными. Весь наряд был настолько гармоничен, так торжественно величав, что радовал горящий взгляд, восхищал взволнованное сердце и, конечно, придавал природной красоте Оксаны Яковлевны особое, неповторимое очарование.

Движимый чувством прекрасного, Анатолий Петрович, заключив её тёплую, узкую ладонь в свою, сделал в сторону праздничного аласа короткий шаг и, готовый присесть на колено, с улыбкой, выражавшей восторженное поклонение, в то же время твёрдым голосом произнёс:

— Ну, что, царица земли якутской, веда в свои владения! — Но когда они двинулись, вполне серьёзно, деловито спросил: — Участники Ысыаха и приглашённые гости, наверно, уже все собрались?

— Да! Вас одного ждём! И в этот раз люди, желающие приобщиться к духовному торжеству поклонения якутским богам и вознесения им хвалы за счастье дарованной жизни, приехали не только из близлежащих сёл и посёлков, но и даже из далёкого наслега Беченча!

— И с чем же, по твоему мнению, это связано?

— С самым что ни на есть добрым делом! Ведь народ, к счастью, под мудрым руководством партии размножается, молодые люди заводят семьи. Наши парни уже давно себе в жёны берут девушек из других наслегов! Вот к ним на праздник новые сородичи и приезжают!

— Это же прекрасно! Большой радости и быть не может! — воскликнул Анатолий Петрович и на несколько секунд озадаченно замолчал, ибо, услышав упоминание

о партии, вспомнил, что Оксане Яковлевне, уроженке Наторы, совсем недавно успешно выучившейся на агронома в столичном сельскохозяйственном техникуме и по возвращении в родной наслег сменившей престарелого бригадира, скорей всего, — прямая дорога в хабаровскую высшую партийную школу. Это значит, что рано или поздно совхоз лишится талантливого, энергичного руководителя, с которым, хоть и за совсем короткое время, но уже успели сложиться крепкие производственные отношения, и терять их совсем не хотелось! Поэтому всё же осторожно, как бы между прочим, спросил:

— От своего решения стать секретарём парткома, а может, если повезёт, то и район даже возглавить не отказалась? И не смотри на меня так удивлённо, будто я что-то невозможное произнёс! Ведь в твои вдохновенные годы, с твоей целеустремленностью — самое время, как в народе образно говорят, звёзды с неба хватать!..

— Может и так, Анатолий Петрович! Тем более, что со дня на день из обкома должно прийти соответствующее направление!..

— Хорошо! И всё-таки, если оно придёт, то это будет означать не только начало нового пути, необходимого в плане здорового карьерного роста, но в то же время и многолетний, а может, и до конца жизни разрыв с многовековыми родовыми корнями! Не жаль?!

— Конечно жаль! Но ведь птицы, да и звери тоже покидают гнёзда, в которых однажды появились на свет! Что уж говорить о нас, людях, ведь всем всегда неодолимо хочется попытать своё счастье в новом, ещё неизведанном, более ответственном, возвышенном!

Анатолий Петрович во многом был полностью согласен с собеседницей, но ещё в армии он пришёл к выводу, что политработники себя изжили, а на “гражданке”, возглавив производственную организацию, убедился в ненужности, по крайней мере, в мирное время и партторгов. Они, на его взгляд, вместо того, чтобы заниматься воспитательной деятельностью с несознательными работниками, требующей кропотливого труда, выдержки и вдохновения, с которым только и можно в напряжённой работе с “человеческим материалом” добиться необходимого результата, пошли более лёгким путём... А именно: не только взялись контролировать каждый шаг руководителя, но и, чтобы в глазах специалистов показать свою дутую значимость, не считали для себя зазорным вмешиваться в саму хозяйственную деятельность. А это уже ну, совсем никуда не годилось, ибо из-за некомпетентности и без практического знания многочисленных производственных процессов, происходящих непрерывно, лишь меняющих сезонно свою специфику, кроме вреда, общему делу ничего принести не могло!

Несколько лет назад Анатолий Петрович решение вступить в партию принял сознательно, отдавая себе полный отчёт в том, какой серьёзный, ответственный шаг совершает, ибо с руководителя-коммуниста спрос за провал выполнения спущенного сверху государственного плана был особый, почти всегда оборачивавшийся если не увольнением, то уж точно строгим выговором с занесением в учётную карточку. Кроме того, как он успел убедиться на себе, партийное наказание можно запросто получить и из-за нарушений моральных правил, какого бы сугубо личного характера они ни являлись! Чтобы повернуть мысли в отвлечённое русло и хоть как-то озадачить предстоящей партийной учёбой Оксану Яковлевну, на ходу привычно отмахивавшуюся от назойливых комаров, сказал:

— Знаешь ты или нет, но я сейчас поведаю тебе один занимательный анекдот, который в позапрошлом году, совершая в качестве туриста круиз по Средиземному морю, услышал от грека, очень крупного специалиста в области электротехники, что позволило ему заключить контракт на выполнение серьёзного заказа с белорусским машиностроительным заводом “БелАЗ”. Он ко времени нашей встречи научился довольно сносно говорить по-русски. Так вот, за распитием в корабельном ресторане кофе от него, расслабленно сидевшего в плетёном кресле, белозубо улыбавшегося, то ли в шутку, то ли всерьёз я услышал: “Один русский во время туристической поездки в Англию настолько был поражён обилием всевозможных текстильных и промышленных товаров, так ему понравился капиталистический уклад жизни, что он поспешно решил не возвращаться на родину. Но чтобы это сделать, предпринять что-нибудь другое, кроме как попросить политического убежища, было невозможно... Он в таком духе и поступил безоглядно. И был, как ему думалось, на своё счастье, откровенно услышан теми, кому это было надо. Вскоре, сняв на деньги, полученные в качестве эмигрантского пособия, жильё, он пошёл в одну частную фирму устраиваться на работу. Хозяин, важный, дородный, довольно попыхивавший толстой сигарой, во время предварительной беседы, похвалив перебежчика за искреннее желание остаться в его стране, тем не менее с металлическими нотками в голосе спросил:

— Скажите, пожалуйста, какое у вас образование?

Тот, не ожидая никакого подвоха, даже с гордостью, словно не понимая, в каком государственном устройстве оказался, ответил:

— Высшее! Закончил партийную школу!

И тотчас, к своему глубокому огорчению, услышал:

— Значит, образования у вас нет!

Но это были только цветочки, ибо ягодками оказался следующий вопрос:

— А не скажете, кем и где работали?

— Освобождённым парторгом в совхозе!

— Так вы ещё и нигде не работали! — воскликнул хозяин серьёзной фирмы и окончательно добил незадачливого кандидата на трудоустройство: — Обижайтесь, не обижайтесь, но нам необразованные кадры не нужны!”

Закончив, Анатолий Петрович выжидательно посмотрел на Оксану Яковлевну. Ему было интересно, как же она отреагирует на пересказ заграничной истории, хотя по её ставшему хмурым, недовольному лицу было видно, что, кроме возмущения, она ничего у неё не вызвала. И она, чуть замедлив шаг, резко вскинув “коронованную” голову, произнесла:

— Ничего более дурацкого я не слышала! Но суть моего возмущения ещё и в том, что вы, коммунист, молодой, перспективный руководитель, находящийся у райкома партии на хорошем счету, пересказываете чушь несусветную! Извините, но это не делает вам чести!

Возражать было бесполезно, оправдываться — тем более. И Анатолий Петрович лишь примирительно спросил рассерженную “царицу”:

— А ты сама-то за границей была?

— Нет! И не собираюсь ехать во вражеский лагерь!

— Дело хозяйское! Но всё же как-нибудь съезди, хотя бы потому, что своего противника, чтобы ни в чём не уступить ему ни пяди, надо знать! А когда вернёшься, может быть, и подвернётся случай продолжить наш разговор. Но и сейчас ты не можешь не понимать, что дыма, даже самого незначительного, почти невидимого, без огня не бывает!

Тем временем они давно миновали баркас, так и продолжавший, всё больше ветшая от ненастий, лежать на боку, вышли на просторный алас, с двух противоположных сторон которого возвышался густой, с трудом проходимый ельник. В него, словно вкрапленные, наполовину своей ширины вдавались пышные кусты щедро расцветшего красного шиповника с торчащими, как пики, острыми иглами-колочками. Его плоды, окончательно набравшие спелость в первые осенне-зимние ночные заморозки, в старину бедными якутами широко использовались в качестве заварки, а целебные свойства позволяли им готовить разные отвары, успешно излечивающие простудные заболевания.

В самом конце аласа вдавалось далеко вправо в сухостойный смешанный лес кочковатое болото, по топким берегам поросшее густой, острой, как лезвие якутского ножа, осокой и высоченным, — не ниже человеческого роста! — зелёным камышом. Оно давно бы высохло, если бы не подпитывалось подземными ключами и, протекая через него, не бежал бы довольно широкий ручей, позволяющий лишь ближе к низким берегам покрываться воде бледно-жёлтой ряской. Через него ещё в стародавние времена местные якуты построили бревенчатый мост, благодаря которому беспрепятственно возили в наслег из реки питьевую воду и все необходимые товары первой необходимости, доставляемые на баржах торговой организацией “Сельпо” из районного центра. А в другую сторону для погрузки на эти же суда подвозилась вся выращенная в летнее время на фермах и полях сельхозпродукция, идущая для снабжения населения многочисленных алмазодобывающих предприятий города Мирный. Зимой же опытные охотники, не один месяц промышлявшие в дремучей, заснеженной тайге и вернувшиеся с богатой добычей, торопились доставить по договору в центральную контору госпромхоза, находившуюся в городе Ленске, в обмен на охотничьи припасы и товары повышенного спроса сохатину и известную далеко за пределами страны знаменитую якутскую “рухлядь”: колонковые, беличьи и собольи меха!

Болото с приходом весны обращалось в самое настоящее царство ярко-зелёных, лупоглазых, с перепончатыми задними лапками крупных лягушек, чьё настойчивое кваканье по вечерам было ясно слышно каждому человеку, проходившему мимо. И он не мог волей-неволей удивлённо не задаваться вопросом: “Это как же эти болотные твари выживают в пятидесятиградусные морозы зимой, длящейся почти целых восемь месяцев?” Нередко можно было увидеть на болоте зычно кричащих длинноногих чибисов и куликов, то и дело перелетавших с одного берега на другой. Не боялись появляться рядом с человеческим жильём и цапли, стоявшие во время отдыха на одной длинной, сухожильной ноге, спрятав востроносый клюв под серое широкое крыло. Порой и утки, в основном чирки да вострохвосты, устроив в камышовых потаённых местах гнёзда, выводили в них

своих детёнышей, изредка покидая потайные гнёзда, чтобы, выплыв на чистую воду, подкрепить свои силы травой и разными насекомыми: чернявыми, с короткими хоботками мухами, пауками с ядовитыми жалами и моторно гудящими стрекозами с прозрачными, как будто стеклянными, рифлеными крылышками. Охотясь на уток, расправив во всю ширь сильные крылья, над болотом часами парили и парили востроглазые грозные коршуны, стремительно, как стрелы, проносились пятнистые ястребы. А глубокими ночами, весь день хоронившиеся в глубине леса, прилетали и круглоглазые, в свободном полёте кажущиеся медлительными, нечасто машущие крыльями ленивые совы, большие любительницы мышей, которые во множестве водились на прибрежных полянках.

За болотом виднелся сам наслег. Из всех зданий своими большими размерами выделялась двухэтажная брусовая школа на лиственничных мощных сваях. Её строительство, объявленное бюро райкома чуть ли не всенародным, было непосредственно связано с трудовой деятельностью Анатолия Петровича, ибо воздвигалась она не только под его руководством, но и по проекту, который он защищал в качестве диплома! В другой приезд, не связанным с выполнением важного поручения, он обязательно повёл бы Марию к своему детищу, созданию которого, сначала в проекте, а потом и в натуре отдал столько духовных и физических сил! Ведь кроме выполнения сотен различных технических расчётов, десятков детальных чертежей и сметы финансовых расходов, необходимых на возведение такого большого объекта, надо было ещё написать к диплому толковую пояснительную записку более чем на двухстах страницах! Объём романа, только не художественного, а строго технического. А с учётом того, что вся дипломная работа была выполнена не за два месяца, предусмотренных учебным планом, а всего за один, причем неполный, то совсем нетрудно подсчитать, сколько же бессонных, тревожных ночей пришлось ему провести, а днями он порой так увлекался проектом, что напрочь забывал хоть о какой-нибудь еде. Единственное, чем в необходимом количестве поддерживалась жизнедеятельность, так это водой из-под крана в туалете, и то для того, чтобы смочить пересыхающее горло, унять жажду, возникающую от сосредоточенности глаз и выверенности чертёжных движений рук, которые от страшного напряжения иной раз начинали мелко-мелко, словно от нервного стресса, дрожать...

Да, было чем похвалиться, может, даже и сказать, что на этом свете за весьма короткий срок столько вообще уже наворочено добрых дел, что вполне если не с гордостью, то с удовлетворением оглядываться назад, в недавнее прошлое, смело подводить радующие сердце итоги жизни, пусть и на её начальном этапе! Но они уже вышли на алас, где всё было действительно готово к открытию и проведению праздника в честь якутского Нового года: справа, у самого леса возвышалась площадка трибуны, возведенной из свежего тёса. В нескольких метрах от неё, вкопанные в землю, своим необычным видом радовали взор несколько столбов, поскольку они, называемые сэргэ, что значит коновязь, были при помощи топора и рубанка с большим мастерством искусно многофигурно обработаны снизу доверху. На высоте человеческого роста их соединяли свободно висящие верёвочки с привязанными к ним разноцветными ленточками. Лёгкий ветерок, прилетающий с речного простора, играл ими, и они казались неутомимо машущими крылышками малыми птицами: синицами, воробьями, снегирями! К каждому сэргэ были привязаны упитанные низкорослые, но с длинными густыми гривами и хвостами якутские лошади, славящиеся необыкновенной выносливостью и способностью даже в самые лютые морозы добывать корм из-под метрового снега. Несмотря на людской шум, они сохраняли полное спокойствие, лишь отгоняя назойливых сплетней, хлёстко обмахивали свои крупы хвостами да время от времени коротко фыркали.

От сэргэ в глубину аласа уходили посаженные в два ряда молодые берёзки со светло-зелёной листвой. К ним тоже были свободно привязаны верёвочки, только без ленточек. Это заметила Мария:

— Анатолий Петрович! Почему так, не скажете? — спросила она.

— У якутов существует древнее поверье, что каждый, кто во время праздника, привязывая свою цветную ленточку к берёзовой ветке, загадает какое-нибудь, хоть самое сокровенное желание, то оно рано или поздно, но обязательно в Новом году исполнится!

— А мне, русской, так поступить можно?! — подняв на Анатолия Петровича свои большие глаза, как-то потаённо и вместе с тем весело, многозначительно спросила Мария.

— Ну, конечно же! Хотя бы потому, что мы с якутами одной веры!.. И значит, этот замечательный праздник тоже наш! И ни в коем случае мы не должны чувствовать себя на нём гостями! Запомни, только в духовном единении многочисленных народов, издревле проживающих на одной земле, крепость и сила нашего государства! А ленточку и за меня привяжи, ибо праздник может так увлечь в свой круговорот, что, приняв в нём самое активное участие, я могу забыть о себе...

— Хорошо! Но ведь я не знаю вашего заветного желания!

— А ты за меня пожелай то же, чего хотела бы сама получить от этой жизни, какой бы стороной она к нам сегодня ни обернулась!

Тут Оксана Яковлевна, отлучившаяся по неотложным делам, как только пришли на алас, вернулась и, взяв Анатолия Петровича под руку, повела его на трибуну, где уже, выстроившись в ряд, чинно одетые, с сосредоточенными лицами стояли официальные гости: председатели местных советов, руководители различных предприятий, в том числе и торговых, всех близлежащих посёлков — Ньюи, Солдыкеля и Турукты. Впереди них, почти у самого края трибуны, застыл, как изваяние, старейшина, который внутренне готовился проникновенной речью открыть Ысыях. Был он таких глубоко преклонных лет, что прямые волосы, выглядывавшие из-под невысокой соболиной шапки с красным суконным верхом, и на удивление длинная борода, ниспадающая к самому широкому кожаному поясу, украшенному светло-медными узорчатыми пластинками, своей сплошной сединой казались такими белыми, что невольно напоминали первый, самый чистый снег! Длинная рубаха по низу подола и бокам длинных рукавов была отделана беличьим мехом. На поясе в чёрных кожаных ножнах висел нож с берёзовой рукоятью.

Как только Анатолий Петрович вбежал на трибуну, он приветственно поднял руки... Тотчас огромная толпа людей разных национальностей — якутов, немцев, татар, белорусов, украинцев, бурятов, русских, всех не перечечь! — унявшись, затихла. На аласе установилась такая глубокая тишина, что стал слышен лёгкий шелест листвы молодых берёз, посаженных у сэргэ. И тогда старейшина размеренно, словно подбирая каждое слово, важно заговорил. Уверенным голосом, невидимыми волнами прокатывавшимся над многочисленной толпой, с таким проникновением, так страстно, что даже люди, не знающие якутского языка, сосредоточили всё своё внимание на старейшине, пытаясь по выражению его напряжённого, сухого лица понять, о чем он говорил в своей торжественной речи, открывающей Ысыях. И когда он, окончив её, замолчал, они с благодарной силой захлопали в ладоши!

Анатолий Петрович знал, что после старейшины слово предоставят ему. И получив его, он с почему-то вдруг часто-часто забившимся сердцем, как птица в ловчих силках, хотя вроде сильно и не волновался, но, видимо, от сознания, нет, не от важности ответственного поручения, а от любви к земле якутской, вскормившей его и окрылившей его дух неукротимой жадной творить своё личное будущее, а значит, и всего народа, встал на место старейшины... В начале своего выступления он от имени председателя райисполкома поздравил наторских жителей с великим праздником. Отметил многие значительные трудовые успехи, которых рабочие бригады достигли в растениеводстве и в своём исконно родовом виде деятельности — животноводстве. Пожелал от всей души в Новом году добиться ещё больших производственных показателей, выразил большую надежду на перевыполнение государственного плана по заготовке грубых и сочных кормов на зиму, пожелал каждой семье достатка и здоровья. И когда всем показалось, что он закончил свою короткую речь, Анатолий Петрович без всяких пояснений, как само собой разумеющееся, начал проникновенно читать стихи, написанные по дороге на якутский Новый год, с каждой строчкой все раскаляя и раскаляя, словно горновое пламя поковочную сталь, вдохновенный голос:

*Идёт буран по меткам крови,
бежит олень — и волки след...
Земли якутской нет суровой,
но и заветней — тоже нет.
Она — и дебри, и потоки,
весной сбегающие с гор.
Она растягивает сроки
зимы до самых летних пор...
На пять минут здесь больше в часе,
на сто здесь больше вьюжных дней,
коней здесь больше на аласе,
чем там, в степи, у вас коней...
Она гостей встречает щедро,
а бьёт — так со всего плеча...
Отдаст свои в алмазах недра
и золотой запас ручья.
Из глубины поднимет рыбу,
нальёт кумыс на торжествах...
И не растает мёрзлой глыбой
в горячих будущих веках.*

*Не суетой здесь каждый занят,
не мельтешеньем там и тут,
здесь люди времени не знают,
здесь люди вечностью живут!..*

Чтение закончилось, многонациональная толпа, словно на ладони, видимая с площадки-трибуны, замерла... Анатолий Петрович уже даже начал жалеть о своем внерегламентном поступке, как вдруг толпа, словно снежный заряд, взорвалась бурными аплодисментами и дружными возгласами “Ура!” и “Айхал!” Сразу на душе сначала стало легче, а через мгновение её охватило ликование, ибо пришло осознание, что стихи, будто выпущенная метким лучником стрела, угодили в самое “яблочко” человеческого сердца! Анатолий Петрович несколько раз в знак благодарности низко поклонился и, уступая место другому оратору, хотел покинуть своих коллег, чтобы пойти к Марии, которую в самом начале чтения стихов он зоркими глазами отыскал в толпе, — она и теперь не сводила с него взгляда, — но Оксана Яковлевна, довольная успешным началом праздника, за рукав рубашки придержала его, строго сказав: “Подождите!..” И показала на трибунную лестницу.

По ней осторожно всходила одна из помощниц старейшины, симпатичная девушка, стройная, как осинка, обласканная солнечными лучами, в длинном ярко-голубом жакете и в светло-зелёной, цвета первой травы, книзу все больше расширяющейся юбке. Её смугловатое нежное лицо с чёрными-чёрными, как уголь, бровями, обрамлявшими вишнёвые миндалевидные глаза, выражало смущение и застенчивость. В тонких, приподнятых на высоту груди, руках, она держала искусно вырезанный из просушенной до светлого звона столетней берёзы чороон с ножками, напоминающими конские копытца, украшенный круговой узорчатой резьбой. Анатолий Петрович понял, что в нем кумыс, напиток якутских богатырей, и когда девушка вручила ему удивительный, не столько питьевой, сколько культурный чудный предмет национального искусства, он сделал несколько больших глотков и, помня якутский церемониальный обычай, передал чороон стоявшему рядом старейшине, чтобы он, пустив его “по кругу”, предоставил возможность каждому из находившихся на трибуне ответственных гостей испить благородный напиток.

Официальная часть праздника из-за многословия ораторов растянулась больше, чем предусматривалось сценарием, аж на целый час. И, когда она наконец-то закончилась, то люди, притомлённые всё усиливающейся жарой, с удовольствием быстро разошлись по всему аласу. Одни группами в качестве зрителей отправились к месту спортивных состязаний, другие, большей частью молодые, жилистые парни, пошли туда же, но с целью в борьбе и в прыжках в длину с завязанными ногами попытать счастья. Третьи, в самой середине аласа, где всего несколько минут назад находилось столько народу, что яблоку негде было упасть, устроили хоровод осохай. А четвертые семьями, ведя за руку детей, не спеша потянулись к ларькам, в которых можно было купить что-нибудь из якутской сытной еды, и, вкусно запивая её кумысом, за тесовыми столами, расставленными рядами, подкрепить силы.

Анатолий Петрович, вежливо отказавшись от приглашения Оксаны Яковлевны вместе с другими официальными гостями, возбуждёнными своими сухими, дежурными, но кажущимися им чрезвычайно важными, достойными самого пристального внимания речами, отметить праздник в специально построенном крытом павильоне, подошёл к Марии, прикрывающей ладошкой глаза от яркого солнца.

— Припекает! То ли ещё будет, ведь время и к полудню не подошло! Но всякая жара легче в движении переносится! Поэтому есть предложение: тебе войти в хоровод, а мне, как в юности, испытать свои силы в прыжках, тем более, что с завязанными ногами! Поверь, это куда трудней, чем с разбегу... Значит и интересней! Ну как?

— Принимается! Только, пожалуйста, введите меня в круг, а то самой с непривычки как-то уж больно неудобно!

— Нашла чего стесняться! Ну ладно, пошли!..

Исполнив просьбу Марии, Анатолий Петрович прежде чем поспешить к месту прыжковых состязаний, со стороны полубопытствовал, сумеет ли она быстро подстроиться под нужный ритм танцевального движения. И был приятно удивлён, ибо ей удалось это сделать так естественно, причём выполняя каждое движение рук и ног легко, выверенно и грациозно, будто, родившись якуткой, она глубоко знала обычаи и обряды своего древнего народа. “Какая молодец!” — не без гордости за Марию подумал Анатолий Петрович, чувствуя, что его настроение ещё больше улучшилось.

В приподнятом состоянии духа он одним из последних, по слогам произнеся свою одну из самых известных среди русских фамилий, записался в протокол многочислен-

ных участников прыжков. В основном это были якуты не старше двадцати—двадцати двух лет. Когда они, сбросив рубахи, встали в очередь, то их хорошо развитая мускулатура буграми ходила под уже успевшей загореть кожей, отчего торсы более рельефно выглядели в солнечных жарких лучах и вызывали у зрителей невольный добрый восторг: “Красавцы! Все, как один, словно из стали вылитые!..” А Анатолий Петрович про себя отметил, что ох как не просто будет с такими могучими молодцами помериться не только силою, но и техническим мастерством, которое, как известно, приобретается лишь со временем и при проявлении волевого упорства в тренировках!

Смысл соревнований состоял в том, что победитель должен с места за десять произведённых подряд толчковых упражнений прыгнуть дальше всех участников соревнования! Из трёх попыток в зачёт шла самая удачная, но это совсем не говорило о возможности дать себе хоть малейшую поблажку, ибо воздух уже прогрелся до едва колыхавшегося сизого марева и выдыхался с трудом. Даже у зрителей, почти недвижно следивших за прыгунами, на лбу выступили капельки-росинки пота, а сколько же его прольют соревнующиеся, было нетрудно догадаться. По всему выходило, что решающими окажутся первые прыжки, если, конечно, удастся на них максимально настроиться, вложить в исполнение их всю духовную и физическую силу, помноженную на мастерство!

Больше двух часов длилось соревнование. Почти до самого конца результат, показанный Анатолием Петровичем в третьей попытке, оставался лучшим. Но вот парнишка-якут, шедший третьим, не самого внушительного телосложения, наоборот, даже несколько худощавый, но резвый, как бегун на короткие дистанции, прищурился и без того узкие глаза, всей грудью вдохнув горячий воздух, под подбадривающие звучные крики и хлёткое, слившееся в волновой гул дружное хлопанье сородичей, что есть сил оттолкнувшись, произвёл последнюю попытку. При приземлении, потеряв равновесие, он упал, но несмотря на то, что результат не был объявлен судьёй, победно вскинул руки, ибо и невооружённым глазом было хорошо видно, что ему удалось приземлиться дальше всех отметин, оставленных в песчаной яме прыгавшими ранее соперниками! Тотчас с импровизированных трибун в виде брёвен и лавок к нему бросились родные и близкие и, не давая подняться, чтобы освободиться от веревочных пут, порядком натёрших ноги, стали радостно обнимать его и поздравлять с невероятным успехом! Когда, наконец, страсти сородичей улеглись, и они помогли счастливому чемпиону встать, к нему подошёл и Анатолий Петрович. Он не стал, отдавая должное заслуженной победе более удачливого соперника, высказывать искренне щедрю похвалу, а просто крепко, по-мужски, пожал потную руку парня.

Мария, оказавшаяся в одном энергетическом поле танцующих, настолько прониклась своей чуткой душой древним обрядовым действием в сопровождении нескончаемой песни олонхоуста, что ощутила прилив вдохновенных сил. Благодаря им она стала верить в будущее, которое обязательно обернётся для неё долгожданным счастьем. Но жара давала о себе знать медленно подступающей усталостью, свинцовой тяжестью наливавшей ноги. И всё равно она бы танцевала и танцевала... Но в какой-то момент ей подумалось о молодом председателе и захотелось увидеть его, быть рядом, чтобы если не добрыми словами, то участливым взглядом поддержать его. И, сомкнув руки своих соседей, она легко, как бабочка, выпорхнула из хороводного круга. Однако Анатолий Петрович настолько был увлечён зажигательным ходом соревнования, что, сколько она, вставая на носки, чтобы быть лучше видимой, ни смотрела в его сторону, как громко, стараясь своим звонким голосом перекрыть зрительский гул, ни кричала, он не видел и не слышал её! И когда стало ясно, что не ему досталась победа, скорей досада на судьбу, чем сожаление о случившемся тенью омрачило её милое лицо. Но вскоре, подбежав к Анатолию Петровичу, не спеша надевавшему рубашку, по его спокойному, всё ещё сосредоточенному взгляду, уже говорившему, что всё, мол, в порядке, я более чем доволен, вдруг почувствовала какую-то неизведанную раньше светлую теплоту в душе... И всё-таки, — вот неисправимая во веки женская любознательность! — как бы между прочим, тихим голосом, но глубоко участливо спросила:

— Вы сильно расстроились, да?

— Нет!.. Конечно, если бы я всего несколько часов назад, шибко подгоняемый страстным желанием юности, сломя голову не бросился в реку, на борьбу с её мощным течением и не потратил изрядно сил, то исход соревнований мог бы быть и иным! Даже самая малая победа требует заблаговременной концентрации всех духовных и физических сил! С наскоку да на удачу ничего серьёзного добиться невозможно! Это закон жизни, и он, как известно, обсуждению не подлежит, а вот исполнять его надо всегда в полной мере и беспрекословно!

— А вы, Анатолий Петрович оптимист и, видать, закоренелый! — сказала Мария,

но тут же спросила: — А может, просто умеете, как говорится, хорошо держать удар вдруг посуровевшей судьбы?

— И первое, и второе в любом случае считал бы для себя весьма лестным! Верить до конца в свою звезду или оставаться бойцом, пусть на пределе воли, — примеры, достойные уважения! Но конкретно сегодняшние соревнования меня откровенно обрадовали тем, что я к своему удовольствию ещё раз убедился в бесконечной неиссякаемости свежих сил, вливающих в нынешнюю жизнь! Это значит, что листва её могучего дерева густа и никогда даже на тон не пожелтеет, не скукожится, а потом и не начнёт мертвенно опадать... Я верно говорю? Ты со мной согласна? Или у тебя есть своё чёткое мнение?

— Кто знает, может быть, и есть, да только я пока его в себе распознать не могу... Значит, остаётся и дальше слушать вас!

— Желание слушать другого — это хорошо! — сказал Анатолий Петрович. — Но совсем замечательно — слышать его!..

Когда краснощёрое, в лучистом ореоле солнце пошло на закат, пришло время и кульминации Ысыаха, заключающейся в обрядном окроплении огня, символизирующего небесное светило. Огонь был разведён в большом железном чёрном, как воронье крыло, котле с вваренными по всей окружности верха кованными из кружковой стали языческими знаками. Котёл был установлен на кирпичном фундаменте на правой стороне аласа, рядом с медленно погружавшимся в светло-фиолетовый сумрак и потому казавшимся всё таинственней густым лесом. Вокруг буйно зеленела почти вошедшая в полный рост духмяная трава, предусмотрительно, чтобы участники праздника случайно не потоптали её, обнесённая устроителями Ысыаха по кругу пеньковой верёвкой на берёзовых кольях, вбитых в землю. Рядом с котлом стояла эмалированная объёмная ёмкость, наполненная кумысом. На почтительном расстоянии от уже почти сполна разгоревшегося огня в волнующем молчании застыли все многочисленные участники праздника, лишь порой дети шаловливо начинали шуметь, но тотчас, приструненные родителями, утихали.

И вот на аласе появился крепко сложенный, широкоплечий, статный мужчина, ещё не старый, с тёмными густыми бровями, нависавшими над напряжённо глядящими в сторону заходящего солнца узкими острыми глазами, с ровно постриженными усами и квадратным подбородком, обрамлённым чёрной, коротко подстриженной бородкой, одетый в суконовую светло-жёлтую капюшонную шапку и в такого же цвета длинный, почти до пят, суконовый халат с прикреплённой на уровне груди выпуклой круглой медалью, символизирующей восходящее утреннее солнце. Шёл он настолько степенно, важно, с таким достоинством, что у впервые приехавших зрителей невольно складывалось твёрдое впечатление, что сейчас случится что-то очень-очень замечательное.

— Кто это? — коснувшись локтя Анатолия Петровича, едва слышно, но с нескрываемым интересом спросила Мария.

— Ылгысчът! По-русски — заклинатель!

— А что он будет делать?!

— Подожди немного! Скоро сама увидишь!

Между тем мужчина, подойдя к котлу, твёрдо взял в левую руку длинную и широкую волосяную кисть, напоминающую метёлку, окунул её в ёмкость и, пропитав кумысом, сначала обильно окропил им огонь, а затем светло-зелёную, густую траву и молодую, клейкую листву ближних деревьев. При этом он постоянно что-то одухотворенно говорил, время от времени молитвенно вознося руки к тускнеющему высокому небу.

— Как, я правильно считаю? — вновь спросила Мария. — Заклинатель только что принёс солнцу бескровную жертву — кумыс! Но я, не зная якутского языка, не понимаю, что он говорит!

— Он обращается к верховным божествам — духам огня и земли, — ответил Анатолий Петрович, не отрывая глаз от ылгысчъта. — Он усердно просит их в Новом году ниспослать всему якутскому роду благополучия, размножения, приплода скота и лошадей, всяческого изобилия и заслуженных благ! Как только он, низко поклонившись почти зашедшему солнцу, замолчит, можно считать, что празднование Ысыаха закончилось.

И действительно, едва заклинатель смолк, приглашённые гости потянулись к реке, а жители наслега стали расходиться по домам с чувством уверенности в завтрашнем дне. Им непоколебимо верилось, что всё загаданное при привязывании цветных ленточек непременно сбудется, что, оттанцевав хоровод осохай, они значительно укрепили и продлили свою жизнь, и она будет исполнена света, добра и любви, что в спортивных соревнованиях, символизирующих борьбу зимы с летом, победило и в этот раз солнечное тепло. И хотя усталость всё больше давала о себе знать, одухотворённые людские души, словно пережив затяжные, нудные дожди, наконец-то зацвели небесной радугой...

Хороши речные вечера во многих ближних и дальних местах нашей необъятной земли, исполненной сокровенной жизни, порой совсем невидимой глазу, но настолько ощутимой, что невольно кажется: вот-вот — и она заговорит человеческими голосами, зазвучит на ветках, как на туго натянутых струнах от пробегающего по ним резвого ветерка, наполнится птичьим стройным пением. Но в южной Якутии именно в июньскую пору они более, чем где-либо, особенно вдохновенно прекрасны, словно наделены какой-то обнадёживающей светлой тайной!..

Солнечное колесо, весь день лучезарно катившееся по высокому небу, наконец, скрылось на самом горизонте за лесистыми сопками. Но вечерний сизо-чёрный мрак, с каждой минутой стущаясь до непроглядности, не опустился плотным покрывалом на затихающую землю, хотя бесчисленные звёзды, плазменно горящие во главе с ковшом Большой Медведицы, из которого до самого утра изливалось широким потоком лучистое серебро, ещё в свой черёд не проклюнулись, как цыплята из хрупких яиц. Само небо, словно раскалённое в горновом пламени до белого языкастого свечения железа, исходило таким икрящимся, фосфоресцирующим светом, что взгляд продолжал отчётливо, почти как днём, видеть далеко во все стороны, лишь подёрнутые лёгкой, нежно-розоватой дымкой, словно знойное марево, слегка колыхавшееся от ветерка, прилетавшего с реки, где у границ отmelей горели маяки.

Когда Анатолий Петрович с Марией вышли на обрывистый, поросший густым сосяком, крутой берег, то все приглашённые участники праздника, кто на моторных лодках, кто на арендованном у речного порта пассажирском теплоходе покинули гостеприимный наслег. Вокруг установилась настолько глубокая тишина, что были хорошо слышны монотонно зудящие серые комары, которых из-за ветра, отгонявшего их в глубь леса, стало не так уж много. Влажная прохлада, волнами исходящая от речной воды, приятно освежала разгорячённые лица, вносила в души тихое умиротворение и сладко расслаблявшую тела светлую лень. Безотчетно предавшись ей, молодая пара, которой предстояла далёкая обратная дорога, вместо того чтобы поспешить к сельсоветовской моторке, терпеливо ожидавшей их, села рядом на слегка влажную от только что выпавшей росы, медвяно пахнущую бархатную траву.

Анатолий Петрович нежно обнял Марию за упругие точёные плечи и устремил свой зоркий взгляд в даль речного простора. Сколько бы раз прежде — и в звонкой юности, и в ранней молодости — он, наделённый от природы романтической, мечтательной натурой, в поисках свежей поэтической строчки, нового образа или просто исполнившись горячим желанием утолить жажду прекрасного, это ни делал, всегда убеждался, что родная северная природа своим необъятным величественным размахом и неповторимой красотой, как мудрая, вечная книга, с невероятной магнетической силой, притягивает к себе, и всё в этой жизни видится вновь и вновь глубоко по-новому, настолько она, несмотря на вечную мерзлоту и ярые, жгучие морозы, необычайно многолика!

Широченная, могучая Лена напоминала огромную ленту, бесшумно струившуюся далеко на Север, аж за самый синий окоём. Она была словно окрашена от берегов короткими тёмными тенями, а в самой середине, по стрезню наполнена молочно-белым светом, который, струясь с небес, как в толстом стекле, искристо преломлялся в воде, от чего создавалось такое впечатление, что вот-вот поверхность реки покроется холодными пламенными вспышками, очень похожими на заполярные всполохи, и все вокруг мгновенно станет ещё светлее и красивее! Анатолий Петрович, мысленно ярко представив себе это, так сильно восхитился душой, что вдруг вскочил и, резко протянув руки вперёд, к реке, восторженным голосом произнёс:

— Саха, мин эйиигин таптыбын! — и, посмотрев на Марию, умилённо спросил: — Разве в самом деле не волшебный вечер?..

— Да, очень красиво! А что вы сказали по-якутски?!

— Земле, взрастившей меня, признался в своей сыновней любви! А ты о чём подумала?

— Просто меня удивила ваша неожиданно бурная реакция!..

— Неожиданная, говоришь! Для тебя, согласен, так и есть! А вот для меня самая что ни на есть ожидаемая! И не может быть другой, ибо любить беззаветно, всем сердцем, до самого смертного часа можно лишь тогда, когда понимаешь, что в смысле добра и жажды творить прекрасное значит по самому высшему счёту, возможно, только на той земле, без которой не представляешь своей жизни! Ах, я бы ещё с удовольствием полюбовался ленскими просторами, да ехать надо!

— Надо! — сказала Мария. — Но после вашего чтения праздничного стихотворения меня так и подмывает спросить вас, что означает айхал, которое неоднократно звучало в толпе среди якутов в вашу честь?

— Ну, прямо-таки в таком высоком значении?! Извини, но здесь ты откровенно преувеличиваешь, ибо слово айхал выражает восхищение или восторг, ведь оно по-русски значит слава! Поэтому я иначе, как благодарную похвалу его в свой адрес ну, никак принять не могу! — И, улыбнувшись, добавил: — Поскольку честь имею! Да-да, ту самую, потерять которую для настоящего мужчины значит только одно: умереть!

— Но ведь стихи и правда получились замечательные! Они настолько образны, настолько заряжены духовной энергией, что взрывают сознание, проникают до самого дна в душу, да так, что аж мурашки по коже бегут! Нет, что ни говорите, у вас несомненный поэтический талант! Вам на поэта, а не на экономиста учиться надо, ведь время-то уходит, причём безвозвратно, как ленская вода в Ледовитый океан!

— Мария, может быть, ты и права, но конкретно только в том, что я действительно свыше наделён кое-какими поэтическими способностями. Только для написания воистину великих стихов, — а на другие я не согласен! — этого явно недостаточно. Надо ещё, как минимум, иметь свой, не присущий никому другому, взгляд на события во всех их проявлениях, равно — хороших и плохих! А если судить по максимуму, то и огромный жизненный практический опыт, который, как известно, приходит лишь со временем. Вот поживём, попишем, так сказать, в стол, а там и видно будет, что делать... Но несомненно одно: если уж приходится в литературу, то мастером, с чётким пониманием своей значимости! Конечно, и тогда никто перед тобой из уважения и признания шапку не снимет, ибо, к сожалению, почему-то в обществе сложилось так, что не принято в своём отечестве пророков при жизни заслуженно чтить. Вот после смерти — в полный голос! По этому поводу у замечательного поэта Роберта Рождественского есть поучительные стихи, которые он написал в память о преждевременном уходе Василия Шукшина...

— Я этого артиста знаю! — перебила Анатолия Петровича Мария.

— По известному, получившему всенародное признание кинофильму “Калина красная”? — с ходу спросил тот, голосом выразив радость, а не огорчение, что не смог сразу прочитать памятные стихи.

— По нему! Мне этот фильм очень понравился!

— Ещё бы!.. В таком случае, уверен, тебе будет интересно узнать, как же отозвался поэт на события, произошедшие вскоре после смерти главного героя, поэтому я всё-таки прочту его стихи, а ты внимательно послушай:

*До крайнего порога
вели его, спеша,
алтайская порода
и добрая душа...
Пожалуйста, ответьте,
прервав хвалебный вой:
вы что, узнав о смерти,
прочли его впервой?
Пожалуйста, скажите,
уняв взыгравший пыл:
неужто он при жизни
хоть в чём-то хуже был?
Поминные застолья,
заупокойный звон...
Талантливее, что ли,
стал в чёрной рамке он?
Убийственно жестоки,
намеренно-горьки
посмертные восторги,
надгробные дружки.
Столбы словесной пыли
и фимиамный дым...
А где ж вы раньше были,
когда он был живым?..*

Ну, что скажешь?

— Хорошие стихи, но больно уж прямолинейные!!

— Зато с той честностью, которую без мужества не проявишь! Но, возвращаясь

к нашему разговору, подытоживая его, скажу, что для достижения в поэзии успеха надо обладать огромной харизмой, чтобы в стихах выплеснуть всё, чем живёшь, всё, чем дышишь, всё, что любишь и ненавидишь! А вот её, увы, не приобрести с годами, не выковать волей. Она у каждого человека может быть только от природы! Ну и, конечно, ты должна знать, что на поэта ни в каком институте выучиться невозможно, ибо поэтами, равно как и художниками, рождаются!

Всё время, пока Анатолий Петрович воодушевлённо говорил, он смотрел не на Марию, а в небо, словно, слыша его, сверял с ним свои мысли, обращаемые в слова. Но закончив, тотчас устремил на свою праздничную спутницу вопросительный взгляд, словно по её красивым, с грустинкой глазам хотел убедиться, что понят. Потом просто спросил:

— Пойдём, что ли?

— Как вам угодно! — очень уж тихо ответила она, как будто самого главного, что ей хотелось в этот чудесный вечер услышать от Анатолия Петровича и сказать самой, увы, увы, не сложилось...

Моторист Василий время, которого у него в распоряжении оказалось вдоволь, даром не терял. Сначала, чтобы снять смурную дрему, вызванную томящим полдненным зноем, он довольно долго купался, а как только солнце пошло на закат, убрав съёмные сидения, прямо на днищевых решётках, постелив на них старую, выдавшую самые суровые виды фуфайку, блаженно вытянулся во весь рост, закинул руки за голову и погрузился в молодой, здоровый сон. Но разбуженный лёгким толчком в плечо, тотчас, словно по строгой команде, вскочил и, быстро свыкшись с вечерней явью, мельком оглядел своих пассажиров и как бы извиняясь, что позволил себе в рабочее время расслабиться, произнёс:

— Отдохнул я — так отдохнул, до конца жизни хватит!..

— Ну, брат, ты и загнул! — добродушно улыбнувшись, ответил ему Анатолий Петрович. — Впрочем, пусть будет по-твоему, ведь не зря же говорят: блажен тот, кто верует! В любом случае, при твоей суматошной развездной работе без, так сказать, выходных и проходных лишний часок отдыха только на пользу пойдёт. Однако пора и отчаливать!

На тот берег переплавились без приключений. “Вихрь”, стройно и басисто гудя, набрал такие высокие обороты, что разогнал лодку до скорости, из-за которой образовавшийся встречный ветер, словно январский мороз, выжимал и выжимал из глаз слёзы, так и норовил унести за борт всё, что было не совсем надёжно прикреплено... Едва миновали Наторинский остров, словно острой косой разрезающий надвое стрелен, Нюя — старинный посёлок лесозаготовителей, сельхозников и охотников, на всей своей немалой протяжённости переливавшийся светом многочисленных окон в домах улицы Набережной, — открылся враз и весь! В прозрачной сумеречности невольно казалось, что не лодка стремительно приближается к нему, а он сам надвигается и надвигается на неё! Не пройдёт и пяти минут, как он жадно вберёт в себя её вместе с людьми, чтобы закружить в такой жизненной круговерти, что устоять в ней будет практически невозможно, если не обладать крепкой волей, которая, как стальной трос, от судьбоносных ударов лишь прогибается, угрожающе звенит, но упорно не разрывается!

Едва, глухо прошуршав дюралевым килем по песчано-галечному дну, лодка замерла, Анатолий Петрович проворно, словно не было за плечами хоть праздничного, но наполненного тревожениями дня, выпрыгнул из неё и помог Марии выйти на берег. Поблагодарил Василия за оказание служебной услуги и, зная, что тому ещё надо плыть к пристани, чтобы под приглядом сторожа оставить на ночь моторку, со словами: “Ну бывай! Всего тебе хорошего!” — с силой оттолкнул лодку от берега. “И вам доброго пути!” — услышал в ответ доброе напутствие.

Вечер был в самом разгаре: сизый сумрак стусился, и от этого высыпавшие на небосводе бесчисленные звёзды казались крупнее, ярче! Их серебристый свет постелил через всю Лену искристо мерцающую дорожку, матово отливал на кузовных изгибах “уазика”. Анатолий Петрович, как заправский водитель, обходя его, обстучал ногой все колеса, стукнул кулаком и по запасному и, убедившись, что всё в порядке, сел за руль. Салон за день прогрелся настолько, что даже с давним приходом вечерней прохлады в нём ещё было душно. Пришлось оставить дверцу открытой настежь. То же самое сделала и Мария. Но несмотря на то, что речной, свежий воздух ободряюще засквозил через салон, и утреннее плавание, и праздничные соревнования, и дневная жарка как-то сразу обернулись сильной усталостью. Она должна была, как обычно, сказаться пропавшим аппетитом, но здоровый, сильный организм взял верх — и так захотелось есть, что нудно засосало под ложечкой.

Первая мысль, что пришла в голову Анатолию Петровичу, говорила о том, чтобы захватить к кому-нибудь из старых знакомых на ужин. Но её пришлось отогнать, ибо на это ушло бы не меньше часа, а то и полтора. Вдруг мелькнула догадка — и он, посмотрев на Марию, сказал:

— Быть не может, чтобы ты, так сказать, про запас, предусмотрительно не положила перед дорогой в сумочку с пяток бутербродов!

— Так и есть!

— Ну и доставай скорее! Мало-мало силы подкрепим! Уверен, и ты очень проголодалась, ведь кроме кумыса, мы ничего другого с самого раннего утра не употребляли! Пусть он из-за своей большой жирности очень сытный, но не настолько, чтобы в полной мере заменить твердую, богатую белками пищу, к примеру, мясо! Но в нашем с тобой положении и хлеба с маслом будет вполне достаточно!..

За поеданием бутербродов, которые казались необычайно вкусными, Анатолий Петрович то и дело смотрел в сторону посёлка. Вдруг его глаза сосредоточились, запылали голубыми огоньками:

— Мария, взгляни на самый верх крутого, лишённого какой-либо растительности крутояра, — и убедившись, что она стала вглядываться в берег, спросил: — Видишь здание, стоящее на самом краю улицы Набережной в значительном отдалении от предпоследнего дома и среди песчаных барханов, словно где-то в среднеазиатской пустыне?

— Да, вижу! Возле него ещё возвышается какая-то конструкция!

— Правильно! Знай, это не что иное, как поселковый телецентр! А обратил я на него твоё внимание потому, что он, пусть не по моему проекту, но под моим руководством был возведён три года назад, когда я работал в леспромхозе строительным мастером. Доставил же он мне забот, верней, самых настоящих переживаний, да таких, что не приведи Бог кому другому!

— Из-за чего? Или из-за кого? По чьей такой немилости? — с нескрываемым интересом спросила Мария.

— Хоть ехать пора, но охотно отвечу, ибо я не только тогда на время впал в бессонье, но и приобрёл первые седины, а такое не забывается! До конца жизни будет служить мне доказательством, что ответственной доли, чем доля руководителя, нет и никогда не будет! Что касается этого телецентра, то с ним никаких проблем не было бы, если бы деньги на его строительство выделили, как и было первоначально запланировано, весной, а не поздней осенью, когда ночью температура уже опускалась ниже двадцати градусов! Устанавливался самый что ни на есть мороз, даже по якутским меркам немалый! А надо было под приёмочную антенну телевизионного сигнала непосредственно из космоса, которую ты назвала какой-то конструкцией, заложить бетонный армированный фундамент на глубину пяти метров и объёмом почти сто пятьдесят кубометров. Это в общем-то не много, да и опасность заключалась не в мощности антенной опоры, а в том, что, если бетон не успеет схватиться в результате химических соединительных реакций, возможных только при плюсовой температуре, то он попросту замёрзнет, а весной, оттаяв, так и не войдя в прочность, станет рассыпаться, как картонный домик! Чем это обернётся для телецентра, догадаться нетрудно!

— Если он выйдет из рабочего состояния, ведь антенна рухнет! — чуть не вскричала Мария. В глазах её заметалась вспугнутой белкой сильная тревога, будто всё, услышанное от Анатолия Петровича, она враз восприняла во всей полноте, как своё, глубоко личное.

— Вот именно! — сказал тот, и, вздохнув, продолжил рассказ: — Так я, чтобы избежать катастрофы, которую, скрывать не буду, справедливо считал концом совсем недавно так удачно начавшейся своей руководящей карьеры, включил мозги, так сказать на полную катушку, лихорадочно ища решения вставшей передо мной в полный рост проблемы. Покопавшись в памяти, я первым делом распорядился, чтобы рабочие в цемент добавляли крупнозернистую чёрную соль по расчёту, сделанному мной, исходя из всех опытов строителей, знающих, что она в определённой мере препятствует замерзанию бетона. Кроме того, мне пришлось пойти на риск, который мог привести к смертельному исходу по неосторожности какого-нибудь строителя, ибо я приказал пустить по всей арматуре электрический ток очень сильного напряжения. Это нужно было для того, чтобы бетон стал подогреваться, как чайник на плите, только изнутри. Понимая, к какому печальному исходу в случае неудачи может привести мой рискованный эксперимент, я сутками в течение двадцати дней — времени, необходимого для набирания бетоном пятидесяти процентов твёрдости, при которой уже никакой мороз ему не опасен, — жил на стройке телецентра! Там и ел, и спал, и, конечно, надеялся, что удача и в этот раз не отвернётся от меня! Но всё равно, зацементировав фундамент, установив антенну и дождавшись часа, когда она начала принимать со спутника первые телевизионные сигналы, я не чувствовал себя в покое. Только весной, в один из майских дней, что есть сил ударив по фундаменту кувалдой, услышал твёрдый, глухой гул, исходящий из его нутра и ознаменовавший, что бетон — живой и крепкий, с моей души словно тяжеленный камень отвалился! Вот такая приключилась история, подтверждающая мнение: хорошо то, что хорошо кончается!

Воспоминания дались Анатолию Петровичу так трудно, что на его высоком лбу выступили капельки пота и, он, прерывисто дыша, завёл двигатель. Дав ему хорошо прогреться, повёл “уазик” не в сторону Набережной улицы, а к крутолобому выезду на объездную дорогу, проходящую вдоль телеграфной линии и выходящую напрямик на городскую трассу. Обычно, как помнилось по юности, дём и в зимнее, и в летнее время провода были любимым местом диких голубей, да в таком количестве, что вся линия казалась нотной тетрадью с музыкальными, написанными сизыми чернилами нотами. Чудно!

На значительное время в салоне установилось молчание: каждый думал о своём. Анатолий Петрович, отрешаясь от взволновавшего душу недавнего производственного прошлого, уже думал о завтрашнем дне... За прошедший год всем коллективом “Сельхозхимии” добившись увеличения почти в два раза вывозки органических и минеральных удобрений на совхозные поля для внесения под вспашку, приготовления компоста, состоящего в равных пропорциях из бурого торфа и скопившегося за зиму на фермах навоза, в этом году за наступившее наконец-то лето уж очень хотелось добиться ещё более ощутимых результатов. А ведь надо было не забывать и о житейских проблемах трактористов, водителей, слесарей и конторских служащих. Как всегда, в их ряду стояла на первом месте наиболее острая, очень трудно решаемая квартирная проблема. То, что она повсеместно в стране вряд ли когда-нибудь будет решена до конца, не могло служить оправданием бездеятельности... И Анатолий Петрович вскоре после того, как был назначен председателем, несмотря на отсутствие у хозяйства в необходимом количестве денег, как говорится, на свой страх и риск, ну и, конечно, под свою партийную ответственность смело приступил к строительству первого четырёхквартирного брусового дома. Да разве передумать о всех сложных делах большого предприятия, требующих безотлагательного решения? Да никогда! И Анатолий Петрович под ровное гудение двигателя, шелестящий шум колёс то и дело, напрягая лоб и сдвигая к переносице брови, чуть слышно вздыхал...

Непростым выдался день и для Марии... С самого утра она находилась рядом с человеком, то поющим свои песни и сочиняющим стихи, то безоглядно переплывающим многоводную реку с мощным течением, то произносящим праздничную, зажигательную речь, которая никого на аласе не оставила равнодушным, то, охваченного соревновательным пылом, участвующим в спортивном состязании, где чужой победе радовался, как своей, то восхищающимся красотой земли, на которой родился и в благодарность за это признающийся ей в сыновней любви... Анатолий Петрович, словно обрабатываемый искусным мастером алмаз, открывался ей всё новыми гранями своего кипучего характера. А за свою, в общем-то, лишь входящую в зрелость жизнь сколько уже им совершенно добрых дел на пределе физических и духовных сил. Но когда их не хватало, на выручку приходила воля, как ановский булат, выкованная до вдохновенного звона. Такого целеустремлённого мужчину, знающего, для чего он пришёл на эту землю, понимающего, что ему надо от своей кипучей жизни, которую он одолевал, как широкою и глубокою реку с засасывающими водоворотами, она на своем пути встретила впервые.

Да у неё, вчерашней студентки, иначе и быть не могло, ведь по сути за плечами был лишь институт, который, конечно, давал теоретические и кое-какие сезонные практические знания, но не опыт самостоятельной жизни со всеми многочисленными, порой нерешаемыми проблемами. Не зря же проректор по учебной части на выпускном вечере, напутствуя новоспечённых агрохимиков в трудовой путь, сказала: “А теперь, дорогие молодые люди, постарайтесь как можно скорей забыть многое из того, что вы почерпнули в институтских стенах!” Пусть в этих словах было больше шуток, чем правды, но ведь и в самом деле, приступив к работе в “Сельхозхимии”, она за неделю успела убедиться в том, что для успешного выполнения своих обязанностей ей, прежде всего, не хватает опыта. А те парни, которые вместе с ней учились, некоторые даже нравились, чем отличались от обычных студентов? Да ничем, если не брать во внимания разность их характеров, наклонностей, привычек и потребностей! Тогда этого хватило даже для того, чтобы влюбиться в одного из них, только из этого ничего доброго не вышло. И уж не потому ли, что жизнь не била её со всей строгой суровостью, упрямо уча и уча разбираться в людях, хотя бы тех, которые находятся рядом с тобой, делают ту же работу, что и ты? Скорей всего, так и есть, хочешь ты в этом откровенно признаться самой себе или нет.

И вдруг с разбитым сердцем, без каких-нибудь крепких перспектив даже в отдалённом будущем, увидеть, познать в полной мере жизнь такой, какой она ей грезилась во сне, о которой наяву мечталось, на её пути встает огромной скалой, что никак не обойти, не объехать, мужчина, в свои тридцать лет вполне состоявшийся как руководитель. Было от чего закружиться голове да так, что вдруг обнаружившаяся в душе тяга к нему одновременно не только радовала, но и пугала...

Мария ещё долго бы мысленно разбиралась в своём беззаботном прошлом и неопределённом настоящем, может быть, даже и решилась бы заглянуть в будущее, но вдруг

Анатолий Петрович, обращаясь к ней, заметно осевшим, хриловатым голосом произнёс:

— Не знаю, как тебя, но меня что-то так в сон клонит, что глаза слипаются! Один раз даже чуть не вырубился. С такой ездой и беда приключиться может, ведь кювет рядом и весьма глубокий!

— Так давайте остановимся, час-другой вздремнём!

— Среди дремучей тайги? При комарах, которые враз понабьются в салон и так искусают наши лица, что они, опухнув, станут неузнаваемы! И как же мы в таком виде появимся на работе? Что скажем? Нет, лучше ты мне что-нибудь интересное, захватывающее Расскажи из своей жизни, ведь я о тебе, кроме того, что ты из рабочей семьи и закончила институт, ровным счётом ничего не знаю, а, поверь, хочется!..

— Из моей жизни? — удивлённо переспросила Мария, но не услышав ответа, выдохнула: — Скажете тоже! Она ведь, по большому счёту, только начинается и какой будет, одному Богу известно!

— Как говорится, хозяин барин! Но в таком случае, поспрашивай своего спутника о чем-нибудь важном! Быть не может, чтобы я тебе как непосредственный начальник и просто мужчина не был интересен! Молчишь! Значит, я не ошибаюсь! А ответы, заставляющие до звона в ушах напрягать мозги, враз сонливость как рукой снимают! Так что не медли!.. Когда ещё такой случай представится!..

— Так и быть — уговорили! Только, чур! — не обижаться, если я вдруг покажусь чересчур назойливой! Договорились?!

— Знаешь, есть такая поговорка “Назвался груздем, так полезай в кузов!”, да и кулаками после драки не машут! Слушаю!

И всё равно Мария, прежде чем задать первый вопрос, волнующий её, несколько секунд молчала, отвернувшись к дверце, словно собираясь с мыслями, считала сосны, мелькавшие за стеклом. Наконец, спросила:

— А вы знаете, что о вас думает коллектив “Сельхозхимии”?

— Что думает, что думает! — как бы про себя сказал Анатолий Петрович, но затем заключил: — Да разное: и плохое, и хорошее!

— И чего же больше?!

— Думаю, в равной мере!

— А конкретно, с чувством самокритики, можете?

— Постараюсь! Осуждения несомненно заслуживает моя излишняя горячность, порой переходящая в грубость, а также высокая требовательность в работе, сказывающаяся тем, что немногие способны при выполнении производственного плана соответствовать ей! А ведь знаю, что спрашивать надо с учётом среднего уровня! Но это исключительно моя проблема. И я её рано или поздно, но решу! Одобрение моего руководства заключается, в первую очередь, в том, что мне удаётся сплотить, нацелить трудовой коллектив на выполнение, увы, спущенного сверху плана, каким бы он был! А значит, работники получат не только повышенную зарплату, но и премии! Это очень важно, ведь многие семьи крепки не только любовью, но и достатком!

Как бы подводя черту под своим ответом, я хочу сказать, что, конечно, для меня мнение каждого члена нашего коллектива важно, поскольку, как говорится, со стороны виднее, особенно большое. И порой настолько добрый совет или строгая критика открывает глаза на решение того или другого вопроса, что, радуясь возможности их более скорого и успешного решения, с досадой вопросительно чешешь затылок: “Как же я сам-то не додумался!..” В своей работе становишься похожим на упорного старателя, который, напав на золотиносную жилу, не считаешь со временем, с силами, со здоровьем, наконец, упоённо разрабатывает её всё глубже и глубже, приходя в неопикуемый восторг от каждого самородка! И всё же, следуя народной поговорке “На Бога надейся, да сам не плошай!”, мой судьбоносный путеводитель и судия — это моя совесть, ибо только она своевременно и сполна не позволит принять неверное решение, пойти обманной дорогой. На неё да на небеса я молюсь!

Анатолий Петрович, помолчав, спросил Марию:

— Ну, как мой ответ? Он удовлетворил твоё любопытство?

— Даже больше, чем я ожидала!

— Тогда жду следующего вопроса!

— Знаете, он будет такой! — тотчас начала Мария, но вдруг, словно споткнувшись о какую-то невидимую преграду, замолчала.

— В чём дело? — осторожно поинтересовался Анатолий Петрович.

— В том, что мне хочется выяснить одно обстоятельство, только оно настолько личное, что я и не знаю, как это сделать!

— Слов не хватает?! А ты не бойся, говори от души!..

— Хорошо! До меня агрохимиком у нас в организации довольно продолжительное

время работала одна молодая замужняя женщина... Так вот, это правда, что ей пришлось уловиться из-за вас?!

Анатолий Петрович долго не отвечал, даже сбавил скорость, словно был не слабее, чем снарядным взрывом, оглоушен услышанным. И как можно было сразу отвечать, когда он думал, что глубокая душевная рана зарубцевалась, а она вдруг снова закровила. Недавнее прошлое, обернувшееся страданиями, если не забылось, то отодвинулось далеко, в какой-то самый дальний край памяти, а теперь приблизилось настолько, что было словно наяву видно, то плачущее, то смеющееся... А ведь если он и был в чём виноват, так это в том, что за всепоглощающую, вдохновляющую исключительно на добрые дела вечную любовь принял пусть самую высокую, самую яркую, но всё же только страсть, которая — увы, увы, увы! — как мгновенно вспыхнула, так ничуть не медленнее и погасла. Но оказалась такой сильной, что заставляла совершать необдуманные поступки. И, чего греха таить, Анатолий Петрович порой ей беспрекословно подчинялся, но, опомнившись, не находил себе места от собственного порицания своих поступков, хотя они вовсе не были плохими, заслуживающими людского осуждения. Просто у них не могло быть будущего, а жить без надежды на него — всё равно, что в ступе воду толочь! Время шло, но силы для ответа не находились.

Мария своим чутким сердцем поняла, что заданный ею вопрос внёс не просто сумятицу в чувства Анатолия Петровича, а оказался для него слишком тяжёлым, и отвечать на него значило лишь одно: задним числом бессмысленно мучиться. И чтобы помочь ему справиться с собой, она тихим-тихим голосом, словно сама себя, спросила:

— А если эта женщина вернулась бы, что бы вы сделали?

Анатолий Петрович понял её участие и, облегчённо всей грудью вздохнув, тотчас, словно именно этого вопроса всю дорогу ждал и вот наконец-то, как глотка воды в страшный зной, дождался:

— Ровным счётом ничего! Разве что, встретившись где-нибудь, а это в нашем небольшом городе запросто могло бы случиться, я бы отнёсся к ней, как к старой знакомой, с которой у меня давным-давно нет ничего общего, что и показало время. И потом, как снаряд не попадает в одну воронку дважды, так и я в студёную, с подводными ямами реку, какой бы она заманчивой и красивой ни казалась, дважды не войду.

11

Разбирая в тишине рабочего кабинета ежедневную почту, которой обычно набиралась целая папка, Анатолий Петрович среди множества документов, писем, заявлений увидел вызов на весеннюю сессию из института, где заочно учился на факультете “Экономика и организация строительного производства”. Вылетать надо было не позже, чем через четыре, максимум — пять дней. Таким образом, времени для окончательной подготовки почти не оставалось... Правда, все письменные контрольные он сумел отослать в течение зимы, но оставалось ещё выполнить несколько чертежей несущих балок перекрытий многоэтажного дома и рассчитать их прочность. Для этого срочно требовалось, во-первых, взять за свой счёт отпуск, а во-вторых, найти такое уединённое место, где можно было бы с головой погрузиться в выполнение учебных заданий.

Написать необходимое заявление и сообщить о нём по телефону в Якутск своему непосредственному начальнику, председателю республиканской “Сельхозхимии” Ляпунову оказалось делом десяти минут. А вот где, у кого как можно скорей да укромней приютиться на несколько дней, надо было ещё хорошенько подумать. И вдруг Анатолия Петровича всерьёз осенила мысленная вспышка: “А попрошусь-ка я во временные постояльцы к Марии! Лучшего места ведь всё равно не найти: весь день, пока она будет на работе, квартирой смогу распоряжаться по собственному усмотрению!.. Соседи меня, надеюсь, не знают, так что вряд ли будут по всяким пустякам беспокоить...” И он, не теряя время, через секретаршу вызвал нового агрохимика. Буквально через пять минут она вошла к нему, смущённая, с опущенными глазами, и, скромно сев на предложенный стул, стоявший у стола совещаний, покорно замерла...

— Мария Васильевна, — заговорил Анатолий Петрович. — Я боюсь показаться назойливым, но в связи с тем, что мне необходимо срочно подготовиться к сессии, — представьте, я всё ещё студент! — осмеливаюсь попросить вас на несколько дней приютить меня у себя! Обещаю быть в высшей степени порядочным человеком! Ну, так как?

Услышав неожиданную просьбу, Мария Васильевна сразу как-то вся преобразилась: подняла свои большие, с грустинкой глаза, вспыхнувшие чистым светом, щёки её густо покрыл розовый румянец, и она, словно решив что-то важное для себя, твёрдо произнесла:

— Да, конечно, поживите! У меня вам никто мешать не будет! Я ведь смогу даже помочь вам, к примеру, по химии! Только...

— Что замолчала! Говори, раз начала, — поддержал её Анатолий Петрович голосом, уже успевшим привыкнуть к начальственному тону.

— Только ведь разные нехорошие слухи поползут, сначала — по нашей организации, потом — и по всему городу. Я-то человек маленький, а вы в городе у всех на виду, тем более — партийный! Ещё объясняться перед руководством придётся. Вас это не смущает?

— Нисколько! Сплетни, которые ты назвала слухами, как любая уличная грязь, повисят да, высохнув, отпадут. Поэтому к ним надо относиться, как к ветру: какой только мусор он не носит, пока не утихнет! Так и горожане почешут грязными языками, да и уймутся! А мы с тобой уподобимся верблюжьему каравану, который, как бы остервенело его моськи ни облаивали, продолжает невозмутимо идти своей дорогой!

— Значит заселяйтесь! Только не смогли бы вы ответить мне на один, извините, совсем не служебный вопрос?

— Не служебный, говоришь! Интересно! Ну что же — задавай!

— А вы на меня не обидитесь, или пуще того — не рассердитесь? — засомневалась, даже жалея, что решила сама на вопрос, Мария.

— А вот это я тебе обещать не могу, ибо, сама знаешь, что словами в равной мере можно и казнить, и миловать! Только отступать поздно! Всегда надо сначала всё хорошенько взвесить, обдумать, предусмотреть все последствия, а потом решаться на поступок, каким бы он сложным ни был. Так что я тебя очень внимательно слушаю!

— Хорошо! — заметно осмелев, почти спокойно сказала Мария, но неожиданно сделала глубокую паузу, после которой вдруг спросила: — А где вы жили все последние дни? Не на улице же!

— Где жил?.. Где жил?.. — словно про себя, едва слышно повторил Анатолий Петрович и призадумался. Но через минуту-другую заговорил снова, причём быстро. — Отвечу так: если бы между нами ничего не было, — ты понимаешь, что я вкладываю в эти слова, — то останавливался бы на ночлег там и с той, у кого меня ночь застала бы, как прежде, увы, случилось не раз и не два! Но поскольку жизнь подарила — да-да, именно подарила! — мне встречу с женщиной, которая вдруг стала мне глубоко не безразлична, то я квартировал у старого друга, весьма интересного человека! При случае я тебя с ним обязательно познакомлю! Он, раньше меня получив повышение по службе, переехал в райцентр. Рядом с Щучьим озером, щедро богатым карасями размером с ладонь, получил казённый дом со всеми хозяйственными постройками и приусадебным участком. На нём стал успешно и со знанием сельскохозяйственного дела выращивать в основном картофель, а по мелочовке — овощи: морковь, редису, лук и укроп. Раннюю и позднюю — под засолку — капусту, с которой, лучше меня знаешь, сколько до самого конца осени хлопот, покупал на местном рынке, но чаще — в совхозе.

Год назад, получив должность председателя, переехал в город и я. Но, к сожалению, жильём не был обеспечен, поэтому в срочном порядке на личные сбережения купил дом на улице Окружная, вернее, сруб с крышей. До окончания строительных и отделочных работ друг любезно предложил пожить у него в свободной комнате, где я лишь ночевал, день проводя на службе, а вечер до поздней ночи — на своей стройке: то возводил веранду, то штукатурил комнатные стены и потолки. Однако, как сильно ни уставал, всё же каким-то чудом находил в себе силы на сон грядущий ещё и почитать что-нибудь из классики, иногда даже писать стихи... Конечно, все это давалось нелегко! Но поскольку я по природе своей созидатель, то был очень счастлив видеть результаты своего личного труда. Пусть пока воспользоваться ими в полной мере не удалось, но ведь не только я достигал их, но и они, радуя мастерством души, озаряя красотой сознание, делали меня вдвойне, а может, втройне богаче в духовном и в физическом плане! Что может быть выше этого? Пожалуй, только одно — непреходящая любовь к женщине, та самая, что во все века является для настоящих мужчин путеводным, животворящим огнём!

Отвечая на вопрос Марии, Анатолий Петрович заметил, что она всё больше и больше светлела, в глазах засверкали радостные искры, а когда он закончил, то и облегчённо вздохнула. Догадываясь, чем она могла быть встревожена, что её порядком мучило, он, подумав: “Ну, вот как удачно обернулся для неё личный вопрос! По крайней мере, все её сомнения разрешены — и добро!” — всё-таки решился спросить:

— Что-нибудь ещё хочешь услышать из моей жизни, такой насквозь холостяцкой, что сквозь неё то морозный ветер пронесётся со свистом, то июльский зной палит, как чугунная пушка раскалёнными ядрами?

Конечно, ей по мере того, как она из его рассказа узнавала о своём непосредственном начальнике всё больше и больше, захотелось задать ещё несколько вопросов. К примеру, как так могло получиться, что он, такой деятельный, такой энергичный, занимая такую ответственную должность, при разводе с женой остался вообще без жилья? Почему совсем не придавал значения своему внешнему виду — ходил на работу в одном

и том же джинсовом, изрядно поношенном костюме, в несменяемых чёрных потёртых туфлях с сильно сбитыми каблуками? Хорошо знающие его люди это могли объяснить тем, что для него с самого раннего детства было важнее всего исполнение исключительно по высшему счёту порученного дела, коль он за него взялся, неважно, нравилось оно или было на дух непереносимо! А знакомые? Только одно: неприкаянный неряха, и в тридцать лет гол как сокол! И этот, по их мнению, ничёмный человек управляет огромной организацией?! Стыдоба — да и только! От того, что именно так, скорей всего, думают незнающие люди о понравившемся ей человеке, становилось обидно и за него, и за тех людей, для которых поговорка “Встречают по одежке, а провожают по уму!” определяет человеческие отношения. Но как бы ей ни хотелось хотя бы советом помочь молодому председателю, она разумно считала, что не имеет никаких прав вмешиваться в его личную жизнь. Поэтому с едва скрываемым сожалением, надо признать, не без некоторого лукавства на поставленный вопрос лишь коротко и твёрдо ответила:

— Да нет! Вы мне сказали намного больше, чем я хотела знать! Только, пожалуйста, не сердитесь за это на меня!

— Без проблем! А вот за гостеприимство огромное спасибо!

И, дорожа каждой минутой, Анатолий Петрович, как всегда, назначив своим приказом исполняющим обязанности председателя Эльзу Ренатовну, после обеда, переехав на правах квартиранта в квартиру, по его просьбе выделенную новому агрохимику, вдохновенно принял за институтские контрольные. Вечером с работы возвратилась Мария с холщовой сумкой, наполненной доверху продуктами, на её лице, словно весенний, исполненный тепла золотой луч, светилась откровенно радостная улыбка.

Анатолий Петрович, вскочив из-за журнального столика, который он приспособил под учебный, по-домашнему тепло произнёс:

— Ну ты, девушка, даёшь!.. Такую тяжесть несла! А я ведь уже купил в местном магазине на свой страх и риск многие продукты да в таком количестве, что они едва вместились в холодильник! Даже не забыл о бутылке хорошего сухого грузинского вина!

— А разве сегодня важный праздник?!

— Можно сказать, что целых два!

— И какие же?

— Первый — это моя сессия! Ведь учиться заочно на моей страх какой сумасшедшей работой совсем не просто! Но я не сдаюсь! Второй заключается в том, что, как бы наша жизнь ни сложилась, лично для меня ты останешься тем ненаглядным ясным светом в окошке, который своим сиянием делает даже самую чёрствую душу доброй, заставляет и в горе с оптимизмом и верой в свои силы смотреть вперёд!..

Видя, что при его словах, произнесённых искренне, на душевном подъёме и так щедро отмечающих её добродетель, Мария как-то уж очень сильно засмушалась и даже захотела кое-что оспорить, но он резко вскинул высоко руку, мол, я верно знаю, что и когда говорить! И она враз, как погашенный вольным ветром на речном просторе небольшой костёр, в душе не то чтобы уныло погасла, но безмолвно покорилась его воле... Всё же, помолчав с минуту, посчитала необходимым спросить:

— А как же подготовка к сессии?!

— Пораньше лягу спать, пораньше и встану, — уверенно ответил Анатолий Петрович. — И вино этому ничуть не помешает, ведь сама не раз была свидетелем, что я больше одного фужера не пью! Я бы вообще от вина отказался, если бы оно, употребляемое в меру, не приносило удовольствие, не вдохновляло. Знаешь, я давно заметил, что после того, как я немного выпью, мне хочется писать, и не что-нибудь, а стихи, и, конечно же, о любви, возвышенной и вечной!

— Хорошо! Убедили! А раз так, то я быстро приготовлю ужин, а вы пока можете продолжить свои институтские занятия...

— Вот и славно! Только у тебя, такой предусмотрительной, не может быть, чтобы от вчерашнего ужина ничего не осталось!

— Есть котлеты! Я их на целую неделю нажарила!

— Котлеты! Это же такая вкуснятина! Мне лучшей еды и не надо!

— В таком случае, — игриво улыбнувшись, сказала Мария, — прошу вас, уважаемый Анатолий Петрович, через десять минут к столу!

За ужином они меньше говорили, чем ловили взгляды, исполненные сокровенных надежд, яркого света и живительного тепла! Да и как могло быть иначе, когда их, словно магнитом, тянуло к друг другу! Он, всё полнее и полнее охватываемый в душе чувственной нежностью, лишь благодаря железной воле едва сдерживал себя, чтобы, не допив вино, вскочить, сильными руками, как пушинку, подхватить Марию и унести в гостиную на такой желанный, знакомый диван. И горячо, прерывисто дыша, чуть ли не сходя с ума от жгучего желания близости, желания сбросить с себя одежду и помочь это сделать ей,

покрывать всё молодое, ядрёное, чудно пахнущее парным молоком девичье тело мелкими, частыми поцелуями, солнечно ласкать упругие груди, ловить полные, сочные губы, отчего страсть ещё с большей силой так воспламеняет кровь, что она вихрем несётся по венам, упругими молоточками постукивая в виски! Она, не в силах остаться безучастной к его ласкам и поцелуям, потянется к нему, и он войдет в неё, слившись с ней в один животрепещущий мир гармонии и счастья, чтобы, забыв обо всём на свете, изредка только видя горящие глаза друг друга да слыша жаркие — до сладкого стога! — слова, пусть не понимая их смысла, но зная, что они продиктованы свыше и могут лишь утверждать то, что уже давно говорят страстные объятия. И они своими душами, словно белокрылые ангелы, вознесутся на небесную поляну с раскрывшимися цветами таких удивительно прекрасных нежных тонов и оттенков, что упоительное чувство близости достигнет своей сверкающей вершины, чтобы огнеподобно, словно грозовые, свинцовые тучи от мощного тока, разрядиться неопишуемым восторгом и ликованием!..

Утром, когда Анатолий Петрович, проснувшись, по привычке, выработанной ещё в детстве, резко встал, то сразу понял, что Мария уже убежала на работу. Накинув на плечи байковый халат, оставшийся ему от старой семейной жизни, шлепя босыми ногами по разошедшимся коричневым, но довольно чистым половицам, он прошёл на кухню. На обеденном столе увидел записку, в которой Мария предусмотрительно и заботливо сообщала, завтрак и обед в холодильнике, надо лишь на электрической плитке разогреть то и другое! Внизу размашисто она приписала: “Целую!..” Это заставило глубоко задуматься над простым вопросом: “Так кто же они теперь, любовники или пусть гражданские, но всё же муж и жена?” Однозначный ответ в голову не приходил, от этого стало не то чтобы грустно, но как-то уж очень угнетающе непривычно, ибо больше всего в этой жизни Анатолий Петрович не любил, образно говоря, пребывать без конкретной цели между небом и землёй. И всё же, приняв холодный, бодрящий, наполняющий энергией тело контрастный душ, а потом позавтракав, он почувствовал, что его настроение заметно улучшилось. И, может быть, оно стало бы вообще замечательным, тем более после такой, исполненной глубокой, незабываемой чувственности, чудной ночи, если бы, несмотря на всю случайность, а главное — поспешность, затянувшегося первого супружества оно не доставило ему столько переживаний, тревог, порой доводивших его до отчаяния... Жизнь к Анатолию Петровичу в полной мере обернулась поговоркой “Обожжешься раз, вечно на холодную воду дуть будешь!” Вот он и дул, то есть всё никак не решался предложить Марии руку и сердце, хотя и понимал, в какое неудобное положение он продолжает ставить её, такую милую, такую светлую, такую необычайно симпатичную! Не говорило ли это о том, что он поражён чужеродными микробами самолюбия? Говорило! Пусть это и было не таким острым, порой даже всепоглощающим, как у Марии, но в любом случае не делало ему чести! И Анатолий Петрович неутомимо боролся с ложным самолюбием, причём не без успеха. В конце концов, оно стало походить на безоружного человека, который только и мог, что впустую грозиться словами, как бы они сердито и беспрерывно ни извергались из глотки!

А день разгорался с большой солнечной силой. Ледоход к этому времени на Лене прошёл, ветер знобкий, порывистый, ещё ночью дувший изо всех сил, на рассвете как в воду канул. На смену ему установилась тихая, солнечная, ох, какая жаркая погода. Просохшие до звона брусчатые стены за день прогрелись настолько, что в небольшой квартире уже к обеду становилось нестерпимо душно. Чтобы хоть как-то проветрить её, Анатолий Петрович стал открывать настежь створки всех окон, но вскоре от этого пришлось отказаться, ибо сосед-отпускник, едва протерев похмельные глаза, с утра пораньше выходил во двор с включённым магнитофоном, из которого во всю мощь динамиков несся хриплый голос Высоцкого, и, устроившись на завалинке, попивал прямо из горлышка пиво местного изготовления, причём бутылку за бутылкой. Призывать хоть к какому-то порядку хмельного человека — дело пустое... И Анатолий Петрович, махнув на него рукой, мол, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало, спасался от духоты и жары напольным вентилятором, медленно вращающимся по кругу в заданном режиме.

За день до вылета на сессию утром, едва за Марией закрылись двери, словно выждав, когда она уйдёт, кто-то неуверенно позвонил в дверь. “Это кого нелёгкая принесла в такой неурочный час?” — недовольно подумал Анатолий Петрович, только разложивший в гостиной на столе, прямо перед входной дверью, толстый лист ватмана и все необходимые чертежные принадлежности. Но, открыв дверь нараспашку, тотчас невольно сделал шаг назад: на лестничной площадке стояли его старшие по должности и по возрасту коллеги: главный инженер сельхозуправления Пётр Иванович Иванов, седовласый, с сухим усталым взглядом, вышедший на пенсию, но продолжающий заниматься делом, которому посвятил лучшие годы своей жизни, а также председатель земельного комитета Степан Григорьевич Матвеев, якут, среднего возраста, с густыми, жёсткими

волосами, зачёсанными назад, с узкими монголоидными чёрными глазами, и начальник молокозавода Ирина Сергеевна Фёдорова, родом из бурятских степей, круглолицая, с тонкими, кажущимися капризными губами. Удивившись столь неожиданному визиту сослуживцев, Анатолий Петрович тем не менее не растерялся и тепло поздоровался с ними, спокойно, но не без удивления, пригласил зайти в квартиру. Однако по озадаченным глазам незваных гостей было хорошо видно, что им очень неудобно перед ним. Оставалось только понять, почему они с утра пораньше заявили, чего такого серьёзного ради? И, он как бы облегчая им выполнение какой-то неловкой миссии, обратился ко всем сразу с прямым, не позволяющим нести словесную околесицу, вопросом:

— Чему обязан визитом столь уважаемых людей?

Ирина Сергеевна оказалась смелей мужчин:

— Анатолий Петрович, сразу просим у вас прощения за такой ранний и предварительный не оговорённый приход, но мы сами, честно говоря, не по своей воле попали, так сказать, словно куры в ощиц...

И, жутко покраснев, замолчала.

— Говорите, говорите! Я вас внимательно слушаю! — спокойно ровным голосом подбодрил её Анатолий Петрович.

— Хорошо!.. Дело такое... В общем, нас к вам, можно сказать, как ответственную комиссию, прислала заведующая отделом сельского хозяйства райкома партии Наталья Константиновна Петрова с целью точно узнать, уехали вы на экзаменационную сессию или нет. К ней якобы поступили сигналы о том, что вместо учёбы вы, извините, ведёте аморальный образ жизни, конкретно — спутались с какой-то молодой женщиной лёгкого поведения, а это не может не очернить в глазах общества высокое звание коммуниста... Вот так — ни больше ни меньше!

И, словно сбросив с плеч тяжёлую, страх как непосильную ношу, Ирина Сергеевна облегченно выдохнула: “У-х!”

— Всё понятно! Даже более чем!.. Но коли, дорогие товарищи, тем более, мои коллеги, вы как комиссия ко мне пришли, то смело приступайте к выполнению столь важного поручения!

— Анатолий Петрович, мы вас знаем хорошо, чтобы о чём-то плохом думать! — вдруг перехватил инициативу у коллеги Пётр Иванович. — Поэтому нам будет вполне достаточно того, что вы сами, как считаете нужным, ответите на поставленные Петровой вопросы!

— Вам виднее! Так вот, если вы всё-таки пройдёте в гостиную, то увидите, что я на самом деле готовлюсь к сдаче сессии. А где посчитаю нужным это делать, уж позвольте решать мне самому, ведь это исключительно моя прерогатива и право! И, к вашему сведению, завтра утром вылетаю в институт! Что же касается, как выразилась Наталья Константиновна, “женщины лёгкого поведения”, то вы должны были, поднимаясь ко мне в квартиру по лестнице, с ней встретиться. Она буквально минуту назад отправилась на работу!

— Это с новым агрохимиком “Сельхозхимии”, что ли? — наконец-то подал удивлённый голос и председатель земельного комитета.

— Именно с ней!

— Так она же... — вновь заговорила Ирина Сергеевна. — Как мне хорошо известно, совсем недавно, а именно этой весной с отличием закончив сельскохозяйственный институт, рекомендована для работы в нашей районной системе первым заместителем министра Ляпуновым! В таком случае, я, право, отказываюсь что-либо понимать!

— А тут и понимать нечего, поскольку, если бы даже она и в самом деле являлась женщиной лёгкого поведения, то это без серьёзных доказательств не говорило бы ни о моём моральном падении, ни о невозможности, скажу так, по этическим соображениям квартировать у неё. Или я позволяю себе бред нести, уважаемые коллеги?!

— Да нет, говорите правильно! — ответил за всех Пётр Иванович.

— В таком случае, я попросил бы позволить мне и дальше выполнять учебные обязанности, тем более, что я намерен и эту сессию, как всегда, сдать досрочно, ведь в районе посевная компания на носу!..

— А всё-таки, что передать Наталье Константиновне? — без вины виновато спросила, окончательно приди в себя, Ирина Сергеевна.

— Только одно: искреннее, глубокое пожелание от всей моей студенческой души семейного, а главное — супружеского счастья!..

— Анатолий Петрович, вы в самом деле это сказали серьёзно? — чуть ли не хором дружно спросили нежданные гости.

— Более чем!

Члены так называемой комиссии пришли в некоторое смятение. Но опять же Ирина Сергеевна первой подала голос:

— И вы думаете, что вашего пожелания будет достаточно, чтобы Петрова перестала в отношении вас ставить вопрос ребром?..

— Не знаю, как в дальнейшем поведёт себя уважаемая Наталья Константиновна, но уверен, что мои слова будут ею приняты к серьёзному сведению, которого вполне хватит, чтобы больше, по крайней мере, в отношении меня, не заниматься чепухой! Поверьте, говорить так у меня есть все основания! А теперь я хотел бы как можно скорее вернуться к подготовке к экзаменационной сессии! Извините!

Закрыв за “высокой комиссией” дверь, Анатолий Петрович хотел продолжить начатый ещё вчера расчёт прочности балки перекрытия, но в голове всё путалось, душа кипела от возмущения: “Она, эта Петрова, совсем совесть потеряла! От ревности — а от чего ещё? Только от нее! — опустила до оскорбления ни в чём не повинной молодой девушки, между прочим, её, пусть опосредствованно, но подчинённой, можно сказать, надёжной смены партии!.. Как только вернусь, сдав экзамены досрочно и только на отлично, приду к первому секретарю и выложу всё что думаю о заведующей сельскохозяйственным отделом! А, впрочем, себе же хуже сделаю, хотя бы тем, что глупо уподоблюсь ей! В конце концов, Петрова побесится, да и успокоится, не совсем же она круглая дура! Или всё-таки правы говорящие, что у женщины от любви до ненависти — один шаг?! И надо же было в этой жизни случиться так, что эта весьма властная особа влюбилась в меня, годящегося ей в сыновья, по уши, как семнадцатилетняя десятиклассница! Тоска!..”

Вечером Мария, вернувшись с работы, хотя и выглядела из-за бессонной ночи утомлённой, всё же первым делом не без волнующего женское, чуткое сердце тревожно-го интереса спросила:

— Анатолий Петрович, а сегодня утром, когда я уходила на работу, какие-то важные люди поднимались по лестнице, случайно, не к вам?

— Ко мне, ко мне!

— И что же им надо было? Если не секрет.

— В общем-то, ничего! Так, выполняли одно скучное поручение, вернее, прихоть, одной высокопоставленной дамы — только и всего!

— А я всю дорогу в контору, сколько ни думала о них, ну, никак не могла понять — откуда они пришли, для чего?!

— Не бери в голову — всё нормально! Лучше объясни-ка мне, как проще выразить при помощи формул химический процесс распада бетона во взаимодействии с лиственничной смолой!

— А для чего это надо?

— Всё знать будешь, скоро состаришься, а щедро данную тебе матушкой-природой такую необыкновенную красоту как можно дольше беречь надо! Давай помогай, да поживей, учительница!..

В круговерти событий, дел, встреч и разговоров Анатолий Петрович так закурился, что сначала откладывал на завтрашний день приобретение авиабилета, а потом и вообще о нём забыл. В то время заранее не заказанное право на вылет почти точно значило, что в нужное время в самолёте свободных мест не будет. Но, как известно, нерешаемых вопросов нет, какая-нибудь добрая душа да найдётся, чтобы оказать необходимую помощь. Ещё работая в совхозе “Нюйский” главным строителем, Анатолий Петрович познакомился с молодым человеком, наполовину греком, наполовину русским, но по записи в паспорте украинцем, Андреем Викторовичем Петровским, мужчиной тридцати лет, среднего роста, с римским носом, с вьющимися густыми тёмными волосами, спортивно сложенным. Родом из города Харькова, приехал он в таёжный посёлок после окончания торгового института и был принят на работу в местное сельпо на должность старшего товароведа. Очень быстро зарекомендовал себя грамотным, энергичным работником, и где-то через год был переведён с повышением в районное управление сельпо заместителем председателя. Как человеку семейному, имеющему на иждивении двух пацанов-погодков, организация купила ему в старом районе города Мухтуе отдельно стоящий просторный брусовой дом, в который он и въехал со всей своей семьёй: женой Галиной и двумя шустрými сыновьями-погодками Андреем и Виктором.

Петровский во время всеобщего дефицита, особенно на импортные товары, как человек, распоряжающийся ими, быстро оброс деловыми знакомствами со многими людьми, в том числе и из женской половины, занимающими в городе ключевые посты в разных отраслях производства, быта и культуры. В аэропорту судьба свела его с заместителем начальника, молодой симпатичной блондинкой. С ярко накрашенными, полными губами, с подведёнными чёрной тушью ресницами она выглядела очень даже эффектно. Об одной из таких красоток романтический поэт при расставании мог бы трогательно написать: “И ангел в униформе красоты уже разъединяет наши руки...” В зону её должностной ответственности входила служба регистрации и отправления пассажиров на вылет,

как раз то, что позарез надо было в настоящее время Анатолию Петровичу. И он по телефону попросил о помощи своего хорошего знакомого. Тот охотно откликнулся...

И утром, точно в назначенное время, он на служебной голубой “Волге” подкатил прямо к крыльцу геологоразведочной двухэтажки, поднялся на лестничную площадку. Мария, желая проводить квартиранта, до обеда отпросилась с работы и вместе с ним, как только раздался дверной звонок, чтобы не отрывать великовозрастного студента от дорожных сборов, сама вышла встречать гостя. Поздоровавшись со своим товарищем, вышедшим из гостиной, Петровский при виде красивой молодой женщины тотчас расплылся в масляной улыбке, обнажая белые, как первый октябрьский снег, ровные, влажные зубы:

— Ну, теперь понятно, почему Анатолий Петрович в последнее время забыл ко мне дорогу! Ну, теперь и я его понимаю, ибо от блеска такой красоты и даже своё имя совсем не грех запечатать!

— Петровский, хоть ты ещё тот мастер соловьём заливаться перед представительницами прекрасной половины человечества, но должен знать, что всему своё время и место! Тем более, что самолёт ждать не будет! Ты лучше мне скажи: то, что я просил, ты привез?

— Обижаешь, дорогой, обижаешь! — ответил он вальяжно, с чувством такой важности, как будто занимает, по крайней мере, место первого секретаря райкома. — В машине лежит, только пакет получился довольно тяжёлый, но ведь своя ноша не тянет! Так?!

— Верно говоришь! Поехали!

— Да-да, сейчас поедem, нет — полетим!.. Но как только вернешься с учёбы, то — дай честное слово! — что вместе с... Но, извини, ты даже не соизволил представить мне свою красавицу!

— Это ты меня извини! Звать её Мария!

— Так вот, вместе с Марией уж не откажитесь, будьте добры пожаловать в гости! Жена будет очень рада новому знакомству!

Анатолий Петрович тем временем уже открыл дверь, вынес на площадку чемодан и потянул товарища за рукав: “Всё! Пошли! Пошли!” Он повернулся и было уже хотел спускаться по лестнице, как вдруг Петровский, теперь уже обращаясь непосредственно к Марии, повторил своё приглашение. Она, чистой и светлой души человек, без всякой задней мысли, исключительно из чувства такта ответила:

— И вы заходите! Я вас ухой из свежей стерляди угощу! Только вчера вечером, как только знакомые Анатолию Петровичу рыбу из какого-то посёлка привезли, я её с запасом на ужин сварила!

В аэропорт действительно не ехали, а, словно на пожар, летели на такой бешеной скорости, что непременно и взлетели бы, будь у машины хоть какие-нибудь крылья. И всё равно к зданию аэровокзала подкатили тогда, когда уже полным ходом шла посадка на рейс. Петровский, взяв у Анатолия Петровича паспорт, быстро скрылся в коридорной глубине служебных помещений. И буквально через несколько минут, радостно улыбаясь, вернулся с билетом, на котором уже стояла необходимая отметка о регистрации. Из-за пусть небольшой, но задержки с билетом в самолет Ан-24, летевший в Братск, Анатолий Петрович по трапу поднялся последним, занял свободное кресло в самом конце салона и уже хотел, вытянув ноги, расслабиться, чтобы успокоиться от всех предполетных тревожений, как вдруг дежурная по вокзалу в сопровождении стюардессы поднялась на борт и громко объявила:

— Уважаемые пассажиры! Из-за ошибки службы регистрации превышен допустимый взлётный вес! Кто из вас последним вошёл в самолет?

Анатолий Петрович от услышанного внутренне напрягся, словно перед опасным прыжком, но, уверенно подняв руку, ответил: “Я!” Дежурная подошла к нему и, извинившись, попросила покинуть самолёт, пообещав, что завтра он будет обязательно посажен на этот же рейс. Теперь, перед самым взлётом задавать ей хоть какие вопросы, пытаться что-нибудь горячо выяснять было делом бесполезным. И Анатолий Петрович мысленно уже вовсю летевший в небе, к великому своему огорчению, остался на земле. Выйдя на привокзальную площадь, заставленную автомашинами встречающих и провожающих горожан, он ещё постоял некоторое время, словно с ним могло произойти чудо, позволившее бы ему всё же улететь, но услышав, как самолёт, из которого его только что выдворили, трогаясь с места, мощно взревел двигателями, досадливо сплюнул и, сев в подъехавшее такси, уныло попросил водителя:

— Командир, будь добр, подбрось в “Разведчик”!

— Да вопросов нет!

Когда водитель, приехав в геологический посёлок, свернул с центральной улицы в ставший за несколько последних дней хорошо знакомый проулок, то Анатолий Петрович к своему удивлению, от которого даже в глубине души невольно вздрогнул, вдруг увидел стоящую рядом с крыльцом двухэтажки “Волгу”, точь-в-точь цветом похожую на машину Петровского. Словно враз обрушившись в знойный мираж, чтобы избавиться от него, даже резко мотнул раз-другой головой, но напрасно: обознаться он никак не мог. От сознания этого сердце невольно болезненно, как бывает только в приступе ревности, часто-часто с кричащей силой застучало. Тем не менее, не забыв о чашках, он щедро рассчитался с таксистом и быстро вбежал на второй этаж, порывисто позвонил. Дверь открыла Мария и, увидев, Анатолия Петровича, невольно смутилась, но нашла в себе силы, чтобы более-менее уверенно громко воскликнуть:

— Вы?! Вернулись!?

— Кто это? — тотчас раздался из кухни голос Петровского.

Но вместо того, чтобы услышать ответ, он увидел вошедшего в кухню товарища, час назад оставленного им в аэропорту. Однако не растерялся, не пришел в замешательство, а буднично, лишь положив на стол ложку, которой только что ел борщ, спросил:

— Что случилось? Почему не улетел?!

— Эти дурацкие вопросы задай своей аэропортовской знакомой! Хотя после драки, как говорится, кулаками не машут!

— Нет, ты толком можешь все объяснить!..

— Могу! Дело в том, что мне продали лишний билет!

— И ты из-за этого расстроился?!

— Конечно! Ведь я распланировал сессию с таким расчётом, чтобы уже через неделю, максимум — десять дней вернуться!

— Ну, а если это сделаешь чуть позже, то что — произойдёт непоправимая трагедия?! — спросил Петровский и сам же твёрдо, с вызовом ответил: — Да быть такого не может!

— Для кого как!.. После драки поздно кулаками махать! Ты лучше мне, своему другу, ответь, с какого такого страшного перепуга сюда вернулся? Или в самом деле что-то забыл?

— Так время-то обеденное! Думаю, коль Мария в гости пригласила, то зачем визит откладывать, тем более — ухой обещала угостить!

— Пусть будет так. Но в таком случае, что же супругу не захватил, ведь с аэропорта мимо своего дома проезжал?

— Понимаешь, понимаешь!.. Поспешил... — замямлил Петровский.

— Ладно, не отвечай! Мне в отношении тебя всё или почти всё сполна ясно — горбато, верно говорят, могила исправит!

— Это ты о чем?

— Сам знаешь! Да и при Марии не хочется тебя ниже плинтуса опускать! Только, знай: я, дорогой товарищ, перед тобой в долгу ну, ни в коем случае не останусь — характер не позволяет! Слышал, что муж симпатичной сотрудницы вашего сельпо, на которую ты, юбочный охотник, как на редкую дичь, глаз положил, в долгую командировку улетел, так вот я сегодня к ней не просто на ужин загляну, чего ухаживания разыгрывать, а с ночёвкой! Ну, точь-в-точь как в стихах: “...Что нежничать, легли так уж легли!..” Да и надо же где-то бедному студенту хотя бы до завтрашнего утра, надеюсь, в этот раз для меня удачного, приютиться! А теперь, званый, не званый товарищ, поднимайся и убирайся к чёртовой матери! Если сам не можешь, то я тебе это сделать с превеликим удовольствием помогу!

— Ты это на полном серьёзе?!

— Что ни на есть! — резко ответил Анатолий Петрович и, схватив Петровского за руку, дёрнул его на себя: — Пошли, ещё раз по-доброму говорю! А какой я бываю в драке, сам знаешь!

Нежданному гостю ничего не оставалось, как поневоле вскочить и с такой поспешностью направиться к двери, что он забыл на столе пачку дорогих сигарет. Анатолий Петрович схватил её и, крикнув Петровскому: “И свое поганое курево заberi, чтоб даже ни на грамм твоим духом в этой квартире не пахло!..” — и вслед за ним выбежал на улицу, но прежде, скорей всего, самому себе с горечью громко произнёс: “Да и мне, похоже, уввы, уввы, здесь больше делать нечего!..”

Мария на протяжении всего времени, покамест мужчины на повышенных тонах выясняли между собой отношения, не проронила ни слова: как встала потерянно у плиты, опустив безвольно руки, так и стояла как вкопанная... Но при последних словах Анатолия Петровича она резко побледнела, подбородок у неё нервно, часто задрожал, казалась, ещё минута — и она разрыдается...

Всего несколько лет назад Анатолий Петрович даже не думал о Братском индустриальном институте или о каком-нибудь другом техническом высшем учебном заведении. Но, как в случае со лесотехническим техникумом, в котором он учился на отделении “Гражданское и промышленное строительство”, продолжающийся стремительный карьерный рост требовал одновременно с углублением практических ещё и теоретических знаний, тем более что без них получить заветный диплом, для одних казавшийся пропуском в сладкую жизнь, для других действительно дающий законное право заниматься любимым делом, было невозможно. Понятно, ни к первым, ни ко вторым Анатолий Петрович относиться не мог, ибо после крушения юношеской мечты — стать морским офицером, — захватившей его романтическую душу страстно, он вынужден был, волей-неволей, следовать исключительно в русле, определённом своей судьбой, пусть однажды и отвернувшейся сурово от него, заставив этим нежданно и обидно страдать.

Окончательно уподобиться механическому роботу, действующему строго по электронным командам, ему, к счастью, не позволила природная многогранность природы. Сначала он вроде исключительно для себя ещё больше увлекся лепкой, да так успешно, что иного будущего, кроме призвания скульптора, знакомые, близкие и родные люди ему не предсказывали. Потом в его романтической душе стали всё чаще и чаще, где бы он ни находился, куда бы ни ехал, оживать поэтические слова, яркие образы, и можно было, как оказалось, выплеснув их на бумагу, облегчить душу и ощутить восторженное чувство солнечного полёта. И вообще, можно было заявить о себе, как о начинающем писателе, тем более, что, кроме лирических стихов, его ещё время от времени тянуло писать и прозу — рассказы о многих событиях, участником которых он был сам, и о людях, с кем бок о бок в поте лица трудился.

Всё шло к тому, что надежд закончить технический институт оставалось всё меньше и меньше, ибо всё чаще затаённо поглядывалось в сторону Литературного института. Конечно, Анатолий Петрович понимал, что никакой вуз не научит писать лучше, глубже, но не сомневался в том, что с его помощью, вернее, с помощью полученных в нём знаний, прежде всего, по истории отечества, ещё шире разовьётся его мировоззренческий кругозор. Однако привык он, прежде чем раз отрезать, не семь, а сто семь раз отмерить. Хотя в случае с литературой это не давало никаких конкретных результатов, что порой очень печалило и без того за все годы юности истрадавшуюся душу и, в конце концов, заставляло, к сожалению, вновь убеждаться в неизбежности и предопределённости судьбы...

Но пока надо было учиться в индустриальном институте, в который он, кстати, поступил, лишь сдав профилирующий предмет — высшую математику — на отлично, поскольку техникум закончил с красным дипломом. И всё-таки Анатолий Петрович относился к новым, более сложным занятиям, как к любому доброму делу, со всей ответственностью, на максимуме своих природных способностей, которые от упрямо развивал и развивал, и поскольку ему бесконечно казалось, что профессиональную работу никто лучше него не сделает, то и каждую сессию он превращал в бешеное соревнование — чуть ли не на разрыв аорты! — с целью обязательно к финишу сессии прийти первым. В его конкретном случае это означало лишь одно — все зачёты и экзамены сдавать в самые короткие сроки и обязательно на отлично, чтобы скорей вернуться к любимому труду. Такое напряжение, кроме способностей к учёбе, требовало уединения, строгого исполнения, расписанного им самим буквально по минутам, наполненного по самый край занятиями учебного графика.

Поэтому на весь период сессии Анатолий Петрович, прилетев в Братск, селился в городской гостинице в одноместном номере, сколько бы за него ни надо было платить. Спал не больше четырёх часов в сутки, а чтобы за этот короткий учебный период хотя бы поддерживать силы на работоспособном уровне, на всю ночь открывал створки окон настежь, ибо где-то вычитал, что чем прохладней ночь, тем быстрее человек восстанавливает во сне силы. Завтракал в номере заранее купленными в гостиничном буфете кефиром и батоном, запивая их водой из-под крана. Обедал, если позволяли учебные обстоятельства, в институтской столовой за рубль с мелочью. Ужинал снова в номере бутербродами. Никаких знакомств со своими коллегами — студентами заочниками — старался не заводить, да и редко когда с ними встречался, чаще всего экстерном сдавая экзамены. Если можно было не подкреплять силы, он вообще бы отказался от пищи, лишь бы как можно лучше изучить тот или другой предмет и закрепить полученные знания.

И всё-таки в свой первый приезд, было это поздней весной, Анатолий Петрович попросил водителя такси, везшего его из аэропорта в гостиницу, показать знаменитую,

в своё время прогремевшую на всю страну Братскую ГЭС. Тот согласился, однако предупредил, что, к сожалению, по самой плотине проезд строго сквозной. За остановку запросто можно полатиться водительскими правами!

— Ничего, со стороны посмотрю! Ты только, пожалуйста, привези меня на такое укромное место, чтобы с него можно было обозреть не только всю знаменитую плотину, но и её окрестности, а там разберёмся! — успокаивающе ответил ему Анатолий Петрович.

— Извините, но это вы разберётесь! — поправил водитель пассажира.

— Пусть будет так! Только вези, куда прошу!

Ещё с дороги размах, с которым была построена гидроэлектростанция, показался Анатолию Петровичу самым настоящим чудом, тем более, что оно являлось рукотворным! Никакие египетские пирамиды не могли сравниться с ним! Но чтобы получше разглядеть грандиозное сооружение, любознательный студент, едва выехали из режимной зоны на высоченный, скалистый берег, упрямил водителя остановить машину и, выйдя из неё, поднялся на самую высокую точку скалистой сопки, густо поросшей хвойным лесом. С неё и плотина, и водохранилище, с невиданной силищей подпирающее её, и река, вспененная слетающей со стометровой высоты водой, в напористом полёте проворачивающая огромные лопасти турбин, были видны, как на ладони. Враз одним взглядом это всё охватить было невозможно, пришлось бросать его то в одну сторону, то в другую, причём по несколько раз, но всё равно сполна удовлетворить свою любознательность он не смог! Да и как! Ведь более величественную панораму и представить себе было трудно. Она своей неповторимостью вместе с дующим сильно верховым ветром врывается в душу, вызывала сладкий восторг, захватывала дух!

И сразу стало понятно, почему известные композиторы, поэты да и просто неравнодушные люди, такие, как Алексей Марчук, который был проектировщиком, автором уникальных работ по перекрытию великих сибирских рек, на этих скалистых берегах могучей реки писали стихи, музыку... И вечерами у костра они исполняли свои песни, со скоростью молнии приобретавшие признание и любовь молодых почитателей литературы и любителей романтики, приехавших на всесоюзную стройку в глухую, неоглядную тайгу, где, живя в обыкновенных брезентовых палатках, неумоимо возводили сверкающее стеклом и удивляющее высотой огромное здание своего будущего! В это время в полный голос о своём большом композиторском таланте заявила ещё совсем молодая Александра Пахмутова, написавшая на слова Николая Добронравова песню о таёжных первопроходцах-геологах, которая очень быстро получила всесоюзное признание. Она так пришлась по душе Анатолию Петровичу, что он выучил её наизусть и часто, оставшись в одиночестве, проникновенно пел: “Главное, ребята, сердцем не стареть, // песню, что придумали, до конца донять. // В дальний путь собрались мы, а в этот край таёжный // только самолёт можно долететь”. А потом и припевал: “А ты улетающий в даль самолёт // в сердце своем сбереги: // под крылом самолёта о чём-то поёт // зелёное море тайги”. Слова песни были откровенно просты, лишены большого поэтического мастерства, но, положенные на красивую музыку, они звучали в душе жизнеутверждающим гимном, призывали в тому полёту мысли и чувства, в котором только и может человек раскрыть в себе самое чистое, самое заветное!..

И поэт Евгений Евтушенко посетил скалистое, поросшее хвойным лесом берега Ангары, отступившей под напором технического прогресса и задора и воли неустранимых молодых парней и девочек. Позднее, вдохновлённый их трудовой героикой, он даже создал поэму, которую так и назвал — “Братская ГЭС”. С его творчеством Анатолий Петрович восемнадцатилетним парнем познакомился чисто случайно... Однажды, сразу после привоза из районного центра новой книжной продукции привычно забежал в поселковый магазин, где знакомая симпатичная продавщица, подруга его сестры, статная, с карими глазами и пленительной белозубой улыбкой сочных губ, зная его тягу к творчеству вообще, а к поэтическому — в частности, по доброте душевной разрешила ему зайти за прилавок, чтобы под ним, словно в каком-нибудь подвальном полумраке, посмотреть некоторые книги, которые, по её мнению, могли бы быть ему очень интересны.

Увлечённому нежданно-негаданно привалившей удачей, Анатолию Петровичу вдруг на глаза попался какой-то двухтомник в черном переплёте. Он вытащил его на свет и тут понял, что это были избранные стихи Евгения Евтушенко, того самого, о котором прежде только слышал по всесоюзному радио и со слов своего бывшего классного руководителя, преподавателя русского языка и литературы. Сказать, что он сильно обрадовался находке, было нельзя, но то, что ему захотелось ознакомиться лично с творчеством известного поэта, — безусловно! В первое же свободное от работы в совхозе вечернее время он занялся этим. Но только прочитав стихи “Свадьбы”, которые

до глубины души потрясли его, в первую очередь, той художественной правдой, что может быть передана словами исключительно в одном случае: когда автор, вольно или невольно, но был непосредственным участником описанных событий. И Анатолий Петрович понял, что ему повезло открыть для себя поэта, от природы щедро одарённого поэтическим даром!

От охватившего душу глубокого волнения он даже отложил в сторону двухтомник, встал и начал ходить по гостиной, где с младшим братом с малолетства ночевал из-за тесноты квартиры на раскладном диване. В его сознании крепло понимание, что настоящими стихами можно считать только те, которые исполнены животворной, вдохновенной силы, о чём бы они ни поведали — о горе или счастье! Но вот он дошёл до стихов, написанных во время теплоходного путешествия молодого поэта по Лене с остановкой в прибрежных районных центрах для поэтических выступлений в местных клубах и домах культуры, и сначала пришёл в недоумение, потом в раздражение, вскоре сменившееся осуждением!.. Это произошло потому, что стихи о северном крае и о людях, испокон веку живущих в нём, явно не получились, поскольку слишком уж были продиктованы обыкновенной созерцательностью. “Нет, что ни говори, как ни оправдывай одарённого поэта, но иначе, как умело зарифмованными публицистическими репортажами, эти его сочинения назвать нельзя!” — с горечью подумал Анатолий Петрович.

Особенно раздражало юношескую душу, даже в некоторой степени оскорбляло то, что о его родной, любимой каждой клеточкой земле, которая, как кобылица жеребенка, вскормила его и подарила духовные крылья для высокого полёта, наконец, благодаря которой, как в своё время Уралом, уже сегодня прирастает мощь и величие всей огромной советской страны, вроде бы талантливый поэт не нашёл духовных сил, чтобы подняться до наивысших высот поэтического вдохновения, как это произошло с ним при написании тех же замечательных стихов “Свадьбы”. И всё же Анатолий Петрович дочитал двухтомник до конца, и, хотя совсем не редко в нём встречались весьма превосходные строки, изменить вдруг своё сформировавшееся прохладное мнение о гремевшем на всё отечество поэте уже не смог. И в последующее время, если его кто-нибудь настойчиво просил высказаться о Евгении Евтушенко, он просто откровенно говорил: “Извините, но я — не критик, не литературовед, а всего лишь читатель, от имени которого могу сказать лишь одно: что интересующий вас поэт, к сожалению, не мой...”

В этот прилёт в Братск, который со временем стал в Восточной Сибири центром не только энергетической, но и деревообрабатывающей, целлюлозно-бумажной и алюминиевой промышленности, тоже захотелось хотя бы проехать по плотине. Но из-за того, что, можно сказать, целые сутки были брошены псу под хвост и, что уж там говорить, по своей вине, выразившейся в наплевательском отношении к своевременному приобретению авиабилетов, Анатолий Петрович, не желая больше терять ни минуты, из аэропорта на такси сразу поехал в институт. И удачно, поскольку успел в самом конце рабочего дня застать на месте заведующую учебной частью заочных факультетов Нину Сергеевну Воробёву, женщину хотя давно пенсионного возраста, но каким-то чудом сумевшую сохранить прямую, словно девичью, статью, зоркий взгляд, а главное, являясь уроженкой Ленинграда, она была словно насквозь пропитана высоким тактом общения и обращалась к студентам и к преподавателям исключительно по имени и отчеству. Она обладала удивительно культурной речью, говорила негромко, но так, словно после каждого слова ставила жирную точку. Удивительно, седина волос, которую она не скрывала, не старила её, а лишь делала элегантно строгой.

Когда Анатолий Петрович, тяжело дыша от быстрого подъёма по крутой лестнице с мраморными ступенями, вошёл к ней в кабинет, она, тепло ответив на его вежливое приветствие, промолвила:

— А я вас ещё вчера поджидала... Почему опоздали? Что-то серьёзное случилось на работе или в семье?

— Спасибо за беспокойство, но, к счастью, у меня всё хорошо, просто не позаботился заблаговременно приобрести билет!..

— Это бывает, причём со многими! А что всё-таки смогли прилететь, хотя и с опозданием, — это, голубчик мой, славненько, ведь за несдачу сессии из института исключат в два счёта! Список всех экзаменов и зачётов я, как обещала в телефонном разговоре, в полном объёме для вас составила. С какого предмета хотели бы начать в этот раз?..

— С самого сложного — сопромата!

— Представляет, а я так и знала! И с преподавателем Ольгой Ивановной Стрельниковой, вы её должны помнить по сдаче технической механики, она такая

дородная, статная, всегда строго одетая в чёрный костюм, я уже договорилась, чтобы она у вас экзамен приняла!

— Помню, конечно! А в какой аудитории и когда я смогу её найти?

— Завтра утром в пятьсот пятой!

— Это на пятом этаже? — уточнил Анатолий Петрович.

— На пятом, голубчик, на пятом! Но предупреждаю, лифт на ремонте!

— Вот и хорошо!

— Да?! А мне в такую тягость!.. Ну, ни пуха вам ни пера!

— Подождите! Я тоже приехал к вам не с пустыми руками, — откровенно сказал благодарный студент-заочник и поспешил поставить на стол целлофановый пакет, почти доверху наполненный. — Это мои гостинцы, между прочим, ваши любимые!

Ольга Ивановна несколько смутилась, поблекшие щёки зажглись стыдливым румянцем, чтобы быстрее побороть смущение, она всё же негромким голосом заинтересованно спросила:

— А чем именно решили меня удивить в этот раз?

— Да, как всегда, дефицитными продуктами: красной икрой, шпротами, сайрой, а для ваших ненаглядных, дорогих внучат положил ещё и несколько банок сгущённого молока!

— Спасибо большое за угощение! Только мне интересно, как это вы умудряетесь в наше теперешнее, совсем не простое время, когда на магазинных прилавках обыкновенной варёной колбасы свободно не купить, такие, можно сказать, деликатесы доставать?

— Знаете, у меня руководитель районной торговой организации “Сельпо” хороший знакомый!.. Иногда чем может помогает!

— Доброе знакомство! Им дорожить надо! Ну, до завтра? Спасибо вам!

— Не за что!..

А вот в гостинице Анатолию Петровичу, можно сказать, сильно не повезло, поскольку вообще никаких свободных номеров не оказалось. Как пояснила администраторша, из-за ежегодно проводимого в городе международного форума по спасению редких животных.

— А как же мне в таком случае быть?! Может, всё-таки куда-нибудь подселите бедного студента! — не теряя надежды, с умоляющей, жалостливой улыбкой попросил Анатолий Петрович.

Администраторша, совсем молоденькая, лет восемнадцати-девятнадцати, белокурая, с голубыми, так и стреляющими глазками, с ресницами, подведёнными тушью, глубоко вздохнула и с такой силой выдохнула, что белоснежная прозрачная сорочка туго натянулась на полной груди, и явно обозначились розовые соски, вдруг сказала:

— Знаете, сто первый двухместный номер забронировал военный, полковник, но вселился в него почему-то один. Может, вы с ним поговорите... Он только что, вернувшись со службы, взял ключи!

— Спасибо за совет! Я так и поступлю!

Полковником оказался Игорь Михайлович Звонов, пятидесятилетний мужчина, среднего роста, совершенно лысый, с внушительным, сильно выпирающим вперёд “пивным” животом и, как многие полные люди, с доброжелательным характером. Не без интереса выслушав Анатолия Петровича, он тотчас разрешил ему подселиться. Когда же разговор зашёл об оплате, сразу по-военному твёрдо сказал, как отрезал:

— Что вы! Какие деньги! Тем более со студента! Номер мне оплатило Министерство обороны, в котором имею честь служить! А то, что я проживаю один, так за это благодарите моего сослуживца, заболевшего буквально в день отъезда из Москвы в командировку. Да и я вам, думаю, никаких проблем не создам, ибо большее время суток провожу с инспекцией в местных воинских подразделениях!

— Нет, так не пойдёт! — ответил Анатолий Петрович и, достав из чемодана бутылку знаменитого армянского коньяка, протянул её полковнику: — Возьмите хоть это в знак благодарности!

— А вот от такого благородного напитка не откажусь! Сразу признаюсь, люблю иной раз рюмку-другую с устатку выпить! — благодарно принимая бутылку, удовлетворённо воскликнул полковник. И, на несколько секунд легко задумавшись, вдруг неожиданно предложил:

— А может, сегодня, так сказать, за знакомство, и чтобы сессия удачно сложилась, мы с вами грамм по сто выпьем?!

— Да я бы с удовольствием, но, к сожалению, должен отказаться, поскольку уже завтра утром сложный экзамен сдавать!

— Понимаю, понимаю! — многозначительно сказал полковник. — Тогда вы тут по-хозяйски устраивайтесь, а я, с вашего доброго разрешения, в гостиничный ресторан

поужинать схожу! — и, уже направившись к двери, вдруг остановился: — А может, всё-таки поужинаем вместе?

— Да не беспокойтесь за меня! Я, честно говоря, совсем не голоден!

Добродушный полковник напомнил Анатолию Петровичу, что он тоже с юных лет мечтал посвятить всю свою жизнь военной службе. И если бы так случилось, то он уже был бы в звании не меньше капитанского! Только здоровье подвело... Но, видно, точно всё в руках судьбы: по странному стечению обстоятельств, вызванному халатным отношением к своему врачебному долгу председателя медицинской комиссии, пусть лишь всего курс молодого бойца, но в армии пришлось послужить. Однако — воистину неисповедимы пути Господни! — и этого времени хватило понять, что всё-таки на этот свет он пришёл для чего-то совсем другого!

Назавтра, ровно в девять часов утра, Анатолий Петрович, взяв один из многочисленных экзаменационных билетов, аккуратно разложенных на преподавательском столе, сел на самую дальнюю парту и стал тщательно готовиться. Когда уже заканчивал решать третью задачу, вдруг в дверь неуверенно постучали. Ольга Ивановна, подняв голову с крашенными в каштановый цвет волосами, повелительно громко сказала:

— Кто там?! Входите!

В дверном проёме сначала показалась коляска с грудным младенцем, потом сама мать, лет двадцати пяти, с высокой причёской, ярко накрашенная и со вкусом одетая в чёрную юбку и голубую сорочку, очень идущую к её фиолетовым огромным глазам. Вообще, глядя на эту молодую женщину, можно было сказать, что она похожа на лесную птаху с вычищенным до блеска оперением — такой чистой веяло от неё! Анатолий Петрович даже восхищённо подумал: “Надо же, какая молодец!.. Так выглядеть, имея ребенка на руках, да ещё учась в высшем учебном заведении, может только женщина или сильно любящая себя, или от природы являющая собой аккуратность в высшей степени!..”

Между тем молодая мать-студентка, оставив коляску с младенцем у самых дверей, как бы виновато подошла к преподавательнице:

— Ольга Ивановна, извините, что беспокою! Но я зашла только узнать, когда вы сможете принять у меня экзамен!

— Да хоть сейчас! — тотчас, словно только и ждала этого вопроса, ответила строгая, но, видать, очень уж сердобольная преподавательница. — Что же вы будете грудного ребенка и себя мучить! Просто ума не приложу, как это вы вообще по такой крутой лестнице, да ещё с детской коляской ко мне на пятый этаж поднялись!

Вдруг младенец заплакал. Мать тотчас бросилась к нему, взяла на руки и, качая его, ласково стала успокаивать. Но он не унимался — и всё! Видно, требовал материнскую грудь или, описавшись, ну, никак не желал лежать в мокрых пелёнках. Преподавательница в свои немалые годы знающая по себе, как нелегко растить детей, быстро встала из-за стола и, подойдя к студентке-матери, участливо спросила:

— Зачётка с вами?

— Да! В сумочке лежит!

— Дайте её мне!

И без лишних слов, словно упрямо подгоняемая всё усиливающимся плачем малыша, быстрым шагом вернулась за стол:

— Конечно, я вам, дорогуша, при всём своём желании и понимании вашего непростого положения, пятёрку поставить никак не могу, а вот тройку или даже четвёрку — с удовольствием! Ну, так как?..

— Даже не знаю, что и сказать! Мне так неудобно, так неудобно! — покраснев, пролепетала молодая мать. — В общем, если вас на самом деле не затруднит, то за понимание я вам очень буду благодарна!

— Вы это о чём? — вдруг снова став бесстрастно строгой, даже суровой, многозначительно спросила преподавательница.

— Ой, извините! Я просто хотела сказать, что буду помнить о вас исключительно как о замечательном, отзывчивом человеке!

Анатолия Петровича поведение Ольги Ивановны ничуть не смутило. Ещё учась в техникуме, он понял, что к студентам-заочникам, особенно великовозрастным, успевшим пройти серьёзную трудовую и жизненную школу, многие преподаватели относятся благодушно. Порой даже чересчур. К примеру, один математик, на вид очень строгий, а на самом деле в душе искренне добрый, войдя в аудиторию, сразу объявлял:

— Уважаемые студенты, кого из вас устроит тройка, не медля, дабы не задерживать других, подходите с зачётками ко мне, а те, кто хочет получить более высокую оценку, — готовьтесь!..

Понятно, что и такое отношение было ненормальным, ибо печально плодило недоучек, что отрицательно сказывалось на профессиональном уровне выпускников

техникума. Но ведь были среди преподавателей и такие, кого иначе, как людьми, потерявшими всякий стыд и совесть, назвать было невозможно! Без всякой оглядки, они по двухсторонней договоренности использовали студентов в личных целях: одни в поте лица трудились на их дачах и приусадебных участках, другие ремонтировали автомашины, третьи производили ремонтные работы квартир. В качестве расчёта студенты-бедолаги, не отдававшие себе отчёта в том, что без необходимых строительных знаний никакого объекта качественно, а главное — самостоятельно не построить, естественно, получали необходимые для успешной сдачи сессии липовые оценки. Не случайно Анатолия Петровича в техникумовском общежитии земляк, тоже студент, только последнего курса как-то спросил:

— Не знаешь, о ком говорится: “Стоит дуб и держит липу...”?

— Увы, природа не наделила меня чересчур даром смекалки! Поэтому лишний раз попусту напрягать мозги не буду! Сдаюсь!

— Да о выпускнике нашего лесотехнического техникума!

Но чего греха таить, в эту сессию и Анатолий Петрович первый раз в жизни пошёл в некоторой степени на сделку со своей совестью. К концу десятого сессионного дня ему, благодаря помощи заведующей учебной частью Нине Сергеевне, оставалось сдать лишь экзамен по истории научного коммунизма. Но преподаватель, мужчина в возрасте около тридцати лет, выше среднего роста, худощавый, с чёрными волосами, зачёсанными назад, в очках с мощными линзами, от чего карие глаза его казались неправдоподобно большими, выслушав ответы на все вопросы билета, то ли потому, что, как ему показалось, студент говорил не вполне убедительно, то ли он решил глубже проверить его знания такого важного в то время предмета, вдруг задал дополнительный вопрос, сколько конкретно делегатов было на съезде РСДРП в Цюрихе, проходившем незадолго до революции тысяча девятьсот пятого года. Анатолий Петрович, как ни напрягал память, вспомнить точно не смог, а поскольку молчать уже было просто неудобно, взял, да и наугад ответил:

— Восемнадцать!

— А вот и неверно! — сказал преподаватель и, сделав паузу, в течение которой внимательно пролистал зачётку, продолжил — Я думаю, вы не захотите четвёркой портить общее впечатление от ваших, как я вижу по сплошным наивысшим оценкам, хороших знаний, поэтому вам придётся, как это, может быть, для вас не грустно, ещё раз заглянуть ко мне!

— Извините, это ну, никак, по крайней мере, до следующей сессии, невозможно! Я уже на завтра позаботился взять обратный билет на самолёт! — возмутился Анатолий Петрович — Сами должны понимать, как весной потопаешь, так зимой и полопаешь!..

— Не совсем понял вас! Точнее можете выразить свою причину!..

— Могу! Вот вы меня только что спросили о делегатах, старых партийцах, которые, преследуемые вездесущей царской охранкой, вынуждены были ради общего, в том числе и нашего с вами счастья тайно, далеко, за границей разрабатывать важные документы о свержении тяжкого гнёта самодержавия и строительства нового, справедливого строя и, рискуя свободой, претворять свои судьбоносные решения в жизнь! Так я, можно сказать, в память об этих замечательных людях несу свет коммунизма, как эстафетный огонь, в светлое будущее!..

— Вы хотите сказать, что работаете в партийных органах?!

— Нет, я, не жалея живота своего, служу родной нашей партии тем, что выполняю её ответственные поручения по развитию государственных предприятий! К примеру, в прошлом году в качестве заместителя главного инженера леспромхоза организовал и руководил строительством всего необходимого для заготовки древесины, идущей на экспорт, на новых лесных массивах, отдалённых от места сплава на добрую сотню километров... А сейчас основательно укрепляю материально-техническую базу районного объединения “Сельхозхимия”! На носу посевная! От того, насколько, возглавляемая мной организация хорошо удобрит совхозные поля, напрямую зависит урожайность сельскохозяйственных культур! А я, простите, только потому, что от природы имею достаточно хорошую память на числа, да и имена тоже, смогу порядком подвести райком партии! Не смешно ли? Смешно! Нет, право слово, обидно!

— Что ж вы мне сразу не объяснили своё положение! — несколько дрогнувшим голосом сказал преподаватель, приподняв очки и потирая переносицу, поскольку доводы Анатолия Петровича произвели на него большое впечатление. — В самом деле, на все вопросы, поставленные в билете, вы действительно дали вполне исчерпывающие ответы, поэтому без всяких сомнений заслуживаете достойной оценки!

И, достав из внутреннего кармана ручку, заправленную чёрными чернилами, поставил оценку “отлично” в тёмно-синюю зачётную книжку и, отдав владельцу, на прощание крепко пожал ему руку.

Вернувшись в гостиницу, Анатолий Петрович стал не спеша собираться в обратную дорогу. Положив в чемодан со сменным бельём учебные пособия, необходимые для подготовки к следующей сессии, задумался, что же ему делать с оставшейся бутылкой коньяка. Тут вернулся полковник и сразу с порога доброжелательно, на правах близкого знакомого, с лёгкой весёлой улыбкой на тонких губах спросил:

— Ну, как дела у студента? Отмучился?

— Да! Сегодня сдал последний экзамен! И как-то сразу, внутренне расслабившись, почувствовал, что страшно, как будто от долбёжки кайлом на жутком морозе мёрзлой глинистой земли, устал!

— Оно и не мудрено! Иначе и быть не может при продолжительном недосыпе!.. А с лица-то как спал — кожа на скулах, как на походном барабане, натянулась до звенящей синевы, ну, хоть дежурному по полку утренний подъём на ней играй!.. Шучу!

— А я вот на полном серьёзе предлагаю вам, уважаемый Игорь Михайлович, за успешную сдачу мной очередной сессии выпить! Теперь это мне с чистой совестью сделать можно! Нет, нужно! Да ещё как! Ведь все экзамены сдал на отлично! Поскольку со своим алкоголем в ресторан идти крайне неудобно, поэтому я сейчас мигом сбегая в гостиничный буфет за закуской, и мы у себя в номере за милую душу приглубим сбережённую мной на всякий, так сказать, пожарный случай бутылочку этого! — и Анатолий Петрович глазами показал на стоящую на столе бутылку знаменитого кизлярского коньяка “Багратион”. — Идет?!

— Вполне!

После первых же ста граммов благородного напитка, выпитых из гостиничного гранёного стакана, по нутру разлилось успокаивающее тепло, в ушах тихонько зашумело, а вот в голове, всё ещё забитой до предела учебной информацией, прояснело. И Анатолий Петрович, с таким удовольствием дожевывая тонкий, сочный ломтик лимона, что даже слегка причмокнул о небо языком, посмотрел на полковника пристальным, долгим взглядом, словно продолжал решать на экзамене сложную задачу по важному расчёту теплопроводности бруса внешней брусовой стены здания. Наконец, задумчиво, со всей серьёзностью заговорил:

— Знаете, Игорь Михайлович, а я ведь тоже, правда, ещё в ранней юности мечтал посвятить свою жизнь воинскому служению Отечеству! Да здоровье подвело! Но уважение к армии, к её солдатам и офицерам осталось в душе, да и в сознании непоколебимым! Поэтому я в некотором роде нахожусь в недоумении от тех статей, которые начали появляться в некоторых центральных газетах, бесперомонно бросающих тень на армейскую службу по причине якобы разросшейся до невероятных размеров дедовщины. Я сам, пусть не до конца положенного срока, но служил в радиотехнических войсках, это позволяет мне считать, что, по крайней мере, в нашей части неуставных отношений между старослужащими и новобранцами не было! Разногласия случались! Но не более того! Так вот, что вы можете сказать, как служащий в самом министерстве на такой должности, которая позволяет вам не с чьих-то слов, а самому лично знать истинное положение вещей! В общем, правду пишут корреспонденты-пострелы или нет?!

— Отвечать, как на духу?!

— Конечно!

— Ну, тогда, прежде чем ответить, давай ещё по сто грамм выпьем, причём исключительно за наши славные вооружённые силы!

— Согласен! — сказал Анатолий Петрович и заполнил на треть стаканы коньяком, в лучах электрического света красиво переливающимися золотыми оттенками, и вдохновенно чокнулся с полковником.

Залпом выпив коньяк, утерев губы платком, тот стал не спеша, словно расставляя каждое слово, как солдат на плацу, отвечать:

— Значит так, понятие “дедовщина” появилось сравнительно недавно, вскоре после того, как молодые уже стали служить по два года, а призванные в армию до выхода соответствующего распоряжения правительства во исполнения закона о воинской обязанности, как и их предшественники, выслуживать три года, а на флоте и того больше — четыре! В тех частях, где командиры, в первую очередь, взводов и рот, извините за грубое сравнение, словно многие начальники колоний, отстранившись от своих прямых обязанностей, сделали пресловутыми смотрящими воров “в законе”, также переложив выполнение своего долга по соблюдению всеми без исключения солдатами норм устава на старослужащих, вот там с каждым годом и стали усиливаться тенденции произвола по отношению к молодым, особенно только что призванным. Вмешайся вовремя начальник такой части в творимый его младшими офицерами бардак, поставь слишком зарвавшихся на место или вообще уволь с позором в запас, уверен, уда-

лось бы в самом зародыше искоренить признаки появившихся в отдельных частях неуставных отношений, и мы бы с вами о них и думать забыли!

— Но неужели, — перебил Анатолий Петрович полковника, — это приняло такие катастрофические формы, что даже всевидящая цензура вынуждена пропускать публикации, явно вызывающие недовольство армией, прежде всего, у родителей молодых солдат! Если так пойдёт дальше, военную службу опустят до такого уровня, что возникнет ещё одна проблема: призыва на военную службу в том объёме, который строго диктуется обороноспособностью нашего Отечества!

— Поверьте, мой младший товарищ!.. — начал полковник. — А впрочем, давайте выпьем ещё понемногу, а потом я вам выскажу свой, более глубокий взгляд, но уже не на пресловутую “дедовщину”, поскольку никаких катастрофических форм этого позорного явления в армии нет и, надеюсь, не будет! Более того, в тех вооружённых конфликтах, к примеру, таких, как афганский, где принимают участие подразделения наших вооружённых сил, про неуставные отношения солдаты узнают лишь из писем родных, прежде всего, — матерей!.. Вот так-то! Но вам будет интересно узнать нечто другое, более важное, более злободневное, более опасное, чем пресловутая “дедовщина”, будь она неладна!

Анатолий Петрович разлил коньяк по стаканам. Собеседники выпили, полковник снова одним глотком, а его визави не спеша, завидно смакуя вкус алкогольного напитка, со вкусом катая его, словно мягкие, созревшие горошины, языком во рту.

— Так вот! — многозначительно сказал Игорь Михайлович. — Есть такое утвердившееся мнение, что у России, а теперь и СССР есть только два настоящих союзника — это армия и флот! Не вам объяснять, до какой степени усилилось противостояние между нашей страной и США. Их политическое и военное руководство спит и видит, как бы ослабить наши вооружённые силы. Сделать это извне со страной, обладающей огромным запасом ядерных боеголовок, способных несколько раз уничтожить всё человечество, невозможно. Вот они и используют любой, даже самый незначительный шанс, в том числе и “дедовщину” якобы как раковые метастазы, проросшие во всём теле советской армии, чтобы изнутри начать разрушать нашу невиданную военную мощь! А предателей, готовых за американскую “зелень” заложить душу дьяволу, у любого народа всегда хватало и, к сожалению, хватает. Теперь тебе, Анатолий Петрович, понятно, что такое на самом деле неуставные отношения, как они сознательно раздуваются и используются нам во вред!

— Это-то я как раз понял, но всё равно никак не могу взять в толк, хотя вроде не дурак, о чём думает, куда смотрит до сих пор высшее руководство, в первую очередь, политическое, ведь каждому самостоятельно мыслящему человеку достаточно понятно, кто у нас в стране рулит на самом деле всем и вся?..

Тут полковник прежде, чем ответить, не без тревоги посмотрел по сторонам и, словно их могли подслушивать, пальцем показал на потолок, едва слышимым шёпотом заговорщицки произнёс:

— А ты что, в самом деле думаешь, что там, наверху, всё сплошь патриотически настроенные люди?! Если это так, то ты, к сожалению, глубоко заблуждаешься, ибо и в руководстве государства есть самые настоящие враги, смотрящие туда же, за ту же проклятую “зелень”, куда и все главные редакторы продажных газет смотрят!

— Да быть такого не может! — чуть не вскричал, вскочив со стула, Анатолий Петрович, ибо, как молодой коммунист, слепо верил в незапятнанность и принципиальность в отстаивании коммунистических завоеваний руководителей дорогой ему партии и правительства!

— Тише! Тише! Ишь, расшумелся, как петух на насесте! — урезонил его полковник. — Поверь, я знаю, что говорю! И правоту моих слов в полной мере, думаю, совсем не далёкое время докажет! В любом случае, мы с тобой станем свидетелями того, о чём я только что сказал!

— Вы что, ясновидящий?!

— Нет, просто кое-что секретное знающий!.. Может быть, даже больше, чем надо, чтобы спокойно спать всюду, как дома, куда бы меня военная служба, которой я отдал столько лет, ни заносила!

Последняя часть разговора с полковником настолько сильно впечатлила Анатолия Петровича, что было ударивший в голову хмель как рукой сняло, и, улегшись в постель далеко за полночь с надеждой поскорей заснуть, чтобы перед полётом хоть немного отдохнуть, он не сомкнул глаз. Ему, воспитанному на примерах беззаветного служения отечеству, было до сердечной боли горько сознавать, что в то время, когда он, можно сказать, с семи лет всего себя самозабвенно отдаёт созидательному труду, неважно, надеясь при этом по призыву партии и правительства построить светлое

будущее или нет, там, на самом веру, что ни думай, что ни говори, но по словам знающего военного его начисто предают! Вновь и вновь перед ним невольно вставал извечный русский вопрос: “Что делать?” Но на него находился только один ответ: “Жить и работать ещё вдохновенней, ещё целенаправленней, на самый что ни на есть разрыв аорты! И если так будет поступать большинство граждан, то никогда никакой враг не сокрушит его любимой Родины!..”

А то, что, побывав в качестве обыкновенного, хотя и очень любознательного туриста, за границей и невооруженным взглядом цепких глаз увидев, насколько лучше, верней, богаче живётся простому люду на Западе, не вызывало в его душе ни зависти, ни восхищения. В некоторой степени возникало лишь сожаление, что всё никак не удаётся у себя дома построить запланированный — уже трудно вспомнить, когда — социализм, в который, в отличие от коммунизма, он праведно верил, — да! Но это опять же неоспоримо говорило о необходимости во всём, чем бы он ни жил, что бы ни делал, быть первым или никаким!

13

Самолёт, выполняющий рейс по маршруту “Братск–Ленск” был ранним. Солнце ещё только начало всходить из-за сопков, поросших хвойным лесом в несколько сотен километров вековой сибирской тайги, а воздушное судно уже, как иголка хлопок, прошло своим дюралевым туловищем перистые, озарённые снизу золотосными лучами, а сверху казавшиеся бесконечными снежными барханами, кудрявые, сплошные облака. Моторы, во время взлёта работавшие на форсаже, от чего ревели раненным зверем, и корпус, как тело в простуду, была мелкая дрожь, теперь в пронзительно сильней вышине, казавшейся, хотя так на самом деле и было, без края и конца, гудели стройно, успокаивающе.

Анатолий Петрович, довольный целиком исполненным, по крайней мере, для себя, ученическим долгом, с удовольствием расслабил сильно уставшее за последние десять дней тело, будто не головой работал, а против воли своей ворочал с утра до поздней ночи тяжеленные камни, и, закрыв глаза, вдруг поймал себя на мысли, что, если и вспоминал о Марии, то редко и как о чём-то далёком, туманном. Обиделся на неё? Нет! Да он и права-то на это не имел! Но вдруг резанувшее по сердцу чувство, ну, явно похожее на ревность, когда он в тот злополучный день вернулся из аэропорта, не сошло хлебавши, как ни крути, говорило, что симпатичная агрохимичка волей-неволей стала ему безразлична. Что же касается Петровского, то очень уж хорошо зная его похотливую суть и считая, что он поступил по отношению к человеку, которого называл другом, если не предательски, то необъяснимо с точки зрения порядочности, он без всякого сожаления в своём сознании, как неверную фразу в стихах, напрочь вычеркнул его из числа своих старых друзей.

Да, он был такой: если уж после долгих, мучительных раздумий, взвешиваний всех “да” и “нет”, рвал с людьми добрые отношения, то сразу и с корнями!.. Иначе просто не могло быть, поскольку не прощающий себе даже малой оплошности, — иначе он до сих пор бы, образно говоря, продолжал на совхозной ферме крутить коровам хвосты, — Анатолий Петрович глубоко в душе оставался суров и требователен к другим. А к тем людям, которых по-настоящему считал друзьями, — особенно! Уже давно не занимаясь лепкой даже исключительно для себя и ещё не став, по своему мнению, настоящим писателем, он, между тем, как сам считал, благодаря именно своему максимализму, проявлявшемуся во всём и везде в полной мере, смог состояться, назло времени и судьбе, как руководитель-производственник.

Лишь природная любовь к труду не изменяла ему, приносила то настоящее удовольствие собой, верней, неповторимое, ни с чем не сравнимое счастье, когда жизнь кажется такой прекрасной, что будь за спиной крылья, взлетел бы под самые облака и там, под ослепительно ярким, золотосным солнцем, в поразительно лазурном, бесконечном небе, не зная ни усталости, ни покоя, парил бы и парил, как горный орёл в чёрно-коричневом оперении, отливающим блескучей чёрно-бурой синевою, дав полную волю душе выражать свои чувства в звонком пении, словно весенний соловей поутру в густом лозняке на берегу речки, словно ручей, подпрыгивающий волнами на камнях и говорливо несущий прозрачные, холодные — до ломоты зубной! — свои воды к большой реке-матери. Поэтому, прекрасно понимая, что непреходящие заботы сразу же по прилёту нахлынут, как морская волна, окатят с головой, Анатолий Петрович даже не понял — как, но мысленно сполна перестроился на них, с нетерпением ожидая, когда же, наконец, самолётное шасси с резким, визгливым шумом коснётся ленской взлётно-посадочной полосы!

Но вот наконец-то это произошло! И он уже через час после приземления вошёл в свой рабочий кабинет, огляделся. Всё: и мебель, и папки с документами, лежавшие на столе, и книги, выстроенные в ряд на полках в стеклянном шкафу, и плотные шторы на окнах, — словно говорило ему, что он никуда и не уезжал! От этого тёплого чувства сразу на душе стало по-рабочему полновесно спокойно. Но всё же хотелось скорее узнать, как закончились предпосевные работы механизированных отрядов в совхозах, да и вообще про всю деятельность вверенной ему организации. И он через секретаршу пригласил зайти в кабинет Эльзу. Едва она, дружески улыбаясь, поблёскивая линзами очков, переступила порог, как подскочил к ней, обеими руками пожал её тонкую ладонь, да так нечаянно сильно, что она даже негромко вскрикнула.

— Прости! Не рассчитал с жару, с пылу силы! — весело сказал Анатолий Петрович. — Давай присаживайся и скорей рассказывай, как у вас идут без меня дела! Надеюсь, хорошо! Или всё же, не успев выйти из одной проблемы, тотчас попадаете в другую?!

— Вы так говорите, — ответила не без обиды Эльза, — словно отсутствовали не полторы недели, а не меньше года! Между тем, осмелюсь доложить, что все поставленные вами производственные задачи выполнены! В том числе и строительные! Правда, вчера в конце рабочего дня из Якутска зачем-то звонил Ляпунов, вас спрашивал...

— И что ему надо? Он попусту тревожить не будет!

— Наверно, так, ибо просил вас по приезде с сессии срочно перезвонить ему! Как я поняла из разговора с ним, у него есть важное сообщение, касающееся вашей дальнейшей работы!

— Ты его правильно поняла?

— Надеюсь! Да вы ведь сами можете всё узнать прямо сейчас — долго что ли трубку поднять? Один момент!

— Так и сделаем!

И Анатолий Петрович набрал знакомый номер. Трубку взяла, как обычно, секретарша. Но что-либо выяснить не удалось, поскольку Ляпунов срочно вылетел по заданию министра в рабочую командировку. Когда он разочарованно положил трубку, Эльза, сделав озабоченные глаза, тем не менее как бы между прочим промолвила:

— Конечно, то, о чём я хочу спросить, исключительно ваше личное дело, но поскольку в своё время вы попросили меня позаботиться о нашей новой сотруднице, то не могли бы вы мне сказать, что именно произошло перед самым отлётом на сессию между вами и Марией?

— Ничего особенного, всё, как у людей!.. Только коли спрашиваешь, то, готов биться об заклад, что всё сама прекрасно знаешь!

— Знаю! Но только то, что Мария в день вашего отъезда в институт на работу вообще не вышла! А вечером ко мне домой завилась с опухшим, красным лицом! Видать, плакала! Все мои расспросы увенчались лишь её жалобой на себя, как она выразилась, “самую настоящую дуру!” На мой вопрос: “Почему!” — ответила: “Потому, что продолжаю смотреть на жизнь, словно через розовые очки, хотя она в лучшем случае бело-чёрная, как старое кино!”

Услышанное одновременно обрадовало и озадачило Анатолия Петровича. Было приятно узнать, что к нему Мария равнодушна! Но как вырвать с корнями пусть только сомнение в её порядочности, невольно закравшееся в душу, и теперь, в разговоре с Эльзой, зачем-то напомнившее о себе какой-то необъяснимой тяжестью, да так, что враз говорить вообще расхотелось. Но поставить хоть какую-то точку в разговоре с женщиной, которую считал своим настоящим другом, надо было... И Анатолий Петрович пересилил себя:

— Эльза, мы с тобой без всяких натяжек люди свои! — сказал он вполне спокойно. — Поэтому скажу в лоб, может, даже и грубо, за что прошу заранее меня простить. Так вот, любая порядочная женщина, прежде чем лечь в постель с серьёзным мужчиной, должна положительно ответить хотя бы на один вопрос: “Хочет ли она с ним серьёзных отношений, вплоть до создания семьи?!” И ответив на него положительно, вести себя в соответствии с этим! Если твоей молодой подруге не хватает жизненного опыта, так не стой в стороне, а будь рядом с ней — и в мудром поступке, и в добром слове!.. Больше, по крайней мере, сейчас мне сказать тебе нечего, да и вряд ли надо!

— Понятно! А ночевать к нам придёте?

— К сожалению, по крайней мере, не сегодня... Нет. Надо большого брата навесить! Сама понимаешь, как это для нас с ним важно!

А жизнь, как сноровистая лошадь, неслась во весь опор, то угрожающе храпя, то страшно вставая на дыбы, чтобы всякий раз попытаться сбросить всадника... И надо было не только удержаться в седле, но ещё и управлять жизнью, надо было, как

хороший шахматист, просчитывать все дела на десять-пятнадцать ходов вперёд и только потом приступать к ним, и вершить безоглядно, не теряя ни минуты! И Анатолий Петрович вместо того, чтобы до конца разобраться в своих отношениях с Марией, хотя прекрасно понимал, что ставит молодую женщину в неловкое положение, словно подвешивая между небом и землёй, закончив одно дело, тотчас приступал к другому, а порой умудрялся при помощи своих заместителей заниматься одновременно двумя, а то и тремя. Лишь один раз, встретившись с Марией в слабо освещённом даже днём коридоре первого этажа, посчитал её такой обворожительно чистой, что взглянул на молодую женщину с глубокой нежностью, не позволяющей ей ни на йоту не терять надежду, и она в ответ благодарно и радостно зарделась лицом.

Вскоре его вызвал первый секретарь Михаил Викторович Скоробогатов через свою секретаршу, женщину средних лет, полноватую, с умными, синими глазами, с первых дней знакомства почему-то с симпатией относившуюся к молодому председателю “Сельхозхимии”, которое она выражала своим спокойным, бархатным голосом, говоря с ним по телефону, или при редких встречах, связанных с совещаниями в райкоме. Но почему-то в этот раз она не сообщила, конкретно к какому вопросу ему следовало подготовиться. Поскольку порой так случалось и раньше, то Анатолий Петрович не придумав очередному вызову партийного начальства большого значения, лишь, положив трубку, совершенно спокойно подумал: “Наверно, опять срочно необходима какая-нибудь серьёзная помощь совхозам в подготовке к сенокосу...”

Скоробогатов был не из местных, лет пятидесяти, высокий, поджарый, со светлыми волосами, аккуратно зачёсанными назад, с острым, даже колючим взглядом, с тонкими, немного бледными губами. Говорил, даже в самые критические моменты, не повышая строгого, с звонким тембром, сухого голоса. Он, к уважению горожан, из спрессованного до предела времени каким-то чудом умудрялся почти ежедневно выкраивать час-полтора для езды на велосипеде. Люди с пустыми языками и чёрствой душой на этот счёт то ли в шутку, то ли всерьёз судачили: “Это он от инфаркта пытается убежать! Только из-за его собачьей работы, без выходных и проходных ну, никак не получится!..”

Анатолия Петровича первый секретарь встретил очень даже уважительно. Едва он вошёл, встав из-за стола, сделал по кабинету несколько шагов навстречу и крепко, по-мужски, пожал протянутую руку. Вежливо пригласил сесть поближе и сначала задал несколько дежурных вопросов, на которые получил исчерпывающие ответы, при этом из его глаз не исчезала, а, наоборот, только усилилась какая-то непонятная глубокая озабоченность к срочно приглашённому молодому руководителю. Внезапно замолчав, Скоробогатов встал и начал ходить вдоль длинного стола совещаний взад-вперёд, сцепив пальцы рук за прямой спиной, несколько оттопырив мастерски пошитый и сидящий на плечах, как влитой, серый пиджак. Наконец, собравшись с мыслями, снова заговорил:

— Анатолий Петрович, прошу вас внимательно выслушать мою, скажем так, большую просьбу, поскольку она для руководства района очень много значит сегодня, в самый разгар сельскохозяйственных работ...

— Хорошо, уважаемый Михаил Викторович, я вас слушаю.

— Вы лучше других руководителей-сельхозников района знаете, что несколько лет назад было на базе Нюйского отделения совхоза “Ленский” послешно организовано новое хозяйство, ибо полтора года назад работали в нём, если мне по-прежнему не изменяет память, заместителем директора по строительству. Так вот, есть мнение нашего уважаемого бюро райкома рекомендовать обкому партии и министерству сельского хозяйства назначить вас директором этого, прямо скажу, проблемного совхоза, ставшего моей самой настоящей, непреходящей головной болью!

Заметив, как протестующе вскинулись брови Анатолия Петровича, первый секретарь замолчал, надеясь, что тот, по молодости вспливав, выговорится, и тогда дальнейший разговор будет вести легче. Но его надежда не оправдалась. Молодой руководитель уже научился обуздывать свою горячую натуру. Он лишь глубоко вздохнул и сжал пальцы руки, лежащей на столе, в кулак. И первый секретарь сам был вынужден продолжить разговор, так непросто начавшийся:

— Поймите, за четыре года существования совхоза во главе его поменялось четыре директора! Ровно по одному за год! И всех освобождали как не оправдавших высокого партийного доверия... В результате самое большое в республике хозяйство оказалось на последнем месте по всем производственным показателям. Мы, руководство района, больше так экспериментировать с кадрами не можем. Обком, да и министерство сельского хозяйства нас не поймут...

— Ну, а я-то тут при чём? Ведь только год назад вы своей партийной волей меня из этого же совхоза, правда, с повышением, за что искренне вам признателен, перевер-

ли на другую, не менее ответственную работу, с которой, между прочим, я совсем неплохо справляюсь! Но буду работать ещё лучше, со временем глубже вникнув в суть нового для меня производства! В конце концов, надо было меня не переводить в район, где я был вынужден, так и не получив обещанной квартиры, все сбережения потратить на покупку дома, а сразу поставить во главе этого, ставшего вашей головной болью проблемного совхоза! Или три предыдущих, как вы выразились, эксперимента с кадрами не стали сигналом, что с директорским корпусом в сельском хозяйстве давно, извините, не до экспериментов! Кстати, а куда подевался ваш последний назначенец, как я смог убедиться, человек с большим жизненным опытом?

— С ним полный расчёт вышел!

— Это как же?

— Сразу после посевной взял недельный отпуск якобы для медицинского обследования в Новосибирске. Но летал туда или нет, никто не знает! Однако есть информация, что зашил! Да, хотя и стыдно мне это говорить, повторю: зашил, причём по-чёрному!

— Но ведь, как мне известно, в совхозе почти все заместители в прошлом работали директорами. Назначьте кого-нибудь из них...

— В том-то и дело, что работали...

— Не понимаю вас!

— А тут и понимать нечего! Если бы они были толковыми руководителями, то и поныне работали бы ими, а не слетались, как сороки на подводу с хлебом, со всех концов нашей необъятной страны на Север, в наш район, где получили приличные подъёмные деньги, должности и прочее... А потом, как говорится, в кусты...

— И то верно!

— Как и то, что в настоящее время положение в совхозе сложилось действительно аховое. Исполняющий обязанности директора главный зоотехник даже не смог организовать прополку капусты, и теперь на площади восемьдесят гектаров вымахал по пояс бурьян! Ветер по нему, как по морю, волнами гуляет! Сам видел. А на носу — сенокос! Если ещё и с ним совхоз не управится, то сколько же скота придётся под нож пустить — даже подумать страшно!

И вдруг перешёл на “ты”:

— Анатолий, не упрячься, по-отцовски прошу тебя, помоги!..

Тут кандидат на директорское кресло не то, чтобы дрогнул, но вспомнил то ли о долге, прежде всего, нравственном, то ли в нём заговорила безответная благодарность — ведь это первый секретарь помог ему развестись с первой женой. И как! Одним звонком в суд! А ведь мог не делать этого! И по тем временам, может, даже не имел морального права. Человек! Настоящий! В общем, совесть взяла верх над самолюбием Анатолия Петровича, и он согласился, но хватило ума и смелости поставить условие. Всего лишь одно... А именно:

— Уважаемый товарищ первый секретарь, ваша взяла, но в совхоз я должен приехать, прежде всего, серьёзным человеком, а потом уж хорошим руководителем... — твёрдо сказал он.

— Не понял, объясни доходчивее!

— В общем, мне в этот раз надо помочь с ускоренной регистрацией брака! — немного сконфузившись, попросил Анатолий Петрович.

— Ну, ты даёшь! Давно ли развёлся, а? И вот теперь снова решил жениться! Молодец, ничего не скажешь... Нет, точно с тобой ну, совсем не соскучишься, слушаю тебя и не пойму, чего больше хочется — петь или плакать! — искренне оживился первый секретарь.

— Петь, и только петь! — сказал Анатолий Петрович. — А значит, хоть режьте меня, но холостым не поеду!

— Вот чёрт! А на ком жениться-то решил, если не секрет?

— Да есть одна особа на примете! Вы её должны знать...

— Это, случайно, не новый ли агрохимик?..

— Агрохимик, агрохимик...

— Так она же совсем недавно к нам в район приехала! Когда только успел девку окрутить? Ну точно — наш пострел везде поспел!

— Товарищ первый секретарь, какая вам разница? Или вы уже передумали насчёт моего директорства?

Михаил Викторович хотел о чём-то ещё спросить Анатолия Петровича, но, резко повернувшись к окну, выходящему на улицу, немного помолчал и сказал задумчиво, скорей себе, чем ему:

— Время не терпит: капуста зарастает, картофель сохнет, а тут ещё на носу сенокос! Да уже и к уборочной надо готовиться!

И, словно находился один в кабинете, отрешённо взял одну из многочисленных телефонных трубок и кому-то в неё строго сказал:

— Марья Ивановна, сегодня, сразу после обеда к вам зайдёт один наш уважаемый товарищ, надо его сочетать браком с... забыл, как звать её, в общем, сами увидите. И чтоб никаких там проволочек... Вам ясно?

И, видимо, услышав утвердительный ответ, со светлой улыбкой, озарившей лицо, на котором как-то сразу разгладились морщины, положил трубку:

— Ну, давай, Анатолий Петрович, ещё раз женись, может быть, тебе, наконец, и в любви, как в работе, повезёт, ведь жизнь, что тельняшка, то белая, то синяя... Но чтоб завтра же с утра сел на совхоз, все необходимые бумаги о переводе без тебя согласуют с кем надо и сделают, ты только заявление об увольнении с прежней работы напиши!

— Виктор Петрович, пока вы разговаривали по телефону, у меня созрела ещё одна просьба, и заключается она в том, чтобы вы дали распоряжение нашему начальнику управления сельского хозяйства Паку производственный план на следующий год утвердить именно тот, какой я представляю со всеми необходимыми экономическими расчётами и пояснительными записками. В общем, план будет спущен не сверху, а обоснованно предложен, так сказать, снизу, откуда, как ни крути, как ни верти, всегда виднее и сегодняшнее, и будущее. Договорились?

— Подожди со своим "договорились"! Ты сначала толком поясни, что это району в конечном результате даст?!

— Как что!.. Позволит, наконец, хозяйствовать, руководствуясь не волонтаристским методом, а хозяйственным расчётом, покажет, что в наших суровых климатических условиях спасительно для развития сельского хозяйства, а что, наоборот, губительно. Работать не на ощупь, вслепую, а зряче — только и всего!

— Теперь понятно! Но смотри! Если твой план не удастся, то мне точно башки не сносить, да и тебе тоже!

— Поживём — увидим!

— Да иди уж!

Вышел Анатолий Петрович на улицу в таком состоянии, как будто его из полымя да в ледяную прорубь бросили. Но коль назвался груздем, то надо было лезть в кузов, причём без сомнения и страха, как нырнуть со скалы в любимую морскую пучину, в которой всякий отпуск он находил такое отдохновение для души, которое позволяло не только осмыслить жизнь до мелочей, но и вершить её без оглядки!

А июньское солнце полыхало в синих бездонных небесах с такой силой, так ослепительно, что от взгляда на него в глазах расходились радужные круги, и только сощурив их, можно было, да и то расплывчато, видеть, как золотистые лучи исходят от светила не сплошным потоком, а длинными, до самой земли световыми пучками, чем-то похожими на перевязанные суслоны пшеницы. С многоводной, чистоструйной Лены лёгкий ветерок, по-мальчишески ероша на голове волосы, нёс живительную прохладу, которую хотелось вдыхать полной грудью, явно чувствуя в душе такой огромный прилив сил, что казалось, ещё немного — и можно будет ворочать горами! Но самое главное — впервые после долгого молчания, которое по воле свыше потребовалось для глубоких поисков самого себя, а потом и для выражения своей души в добрых делах, внезапно, как в срединной юности, снова написались стихи, в которых Анатолий Петрович ещё не любил Марию, влетевшую в его жизнь, как быстрокрылая синица, спасаясь от лютых морозов и диких выюг в квартирную форточку, но уже почему-то всей душой ненавидя город, который принёс ей столько страданий: "Мне ненавистен этот город, // где ты жила, где ты росла, // где вдруг нагрянувшее горе // глотками полными пила. // Не выдержала и сбежала // одна — куда глаза глядят!.. // Сквозь неумолчный шум вокзалов // без направлений, наугад... // Пылали над землёй зарницы // высоким плазменным огнём... // И надо ж было так случиться, // что встал я на пути твоём. // Встал, как живое отраженье // твоей судьбы в иных мирах, // стал для тебя я, как спасенье, // и сам презрел безумья страх... // В суровом жизненном просторе, // где все расписано судьбой, // свела нас не любовь, а горе, // не счастье сблизило, а боль..."

Подъехав к зданию конторы, Анатолий Петрович вышел из машины и направился в свой кабинет не порывисто, как обычно, а не спеша, словно ещё до конца не определился в своём решении по отношению к Марии. Он прошёл по длинному внутреннему глухому коридору, показавшемуся после улицы мрачноватым, больно уж тёмным, и по бетонной лестнице с покрашенными белым суриком металлическими поручнями поднялся на второй этаж. Секретарша Светлана Георгиевна, женщина бальзаковского возраста, высокая, статная, с русыми волосами, туго собранными на затылке в пучок, с голубыми близорукими глазами, при появлении начальника встала и с вопросительно

вытянувшимся лицом замерла. Анатолий Петрович на секунду задержал на ней ничего не значащий, прямой взгляд и попросил:

- Будьте добры, пригласите ко мне Марию Васильевну! Срочно!
- Она куда-то вышла!
- Так найдите! Тоже мне проблема!..

В кабинете Анатолий Петрович не сел за стол, а подошёл к окну, из которого открывался вид на дорогу, ведущую к автобусной остановке, и стал, как в то утро, когда увидел идущих вместе своего заместителя и новую работницу, смотреть отстранённо на улицу, словно хотел сравнить первые душевные ощущения к молодой особе с сегодняшними, ставшими стремительно развиваться после недавней ночи то ли любви, то ли страсти, то ли просто желания здорового мужского организма обладать молодым телом приглянувшейся женщины. Ушёл в свои раздумья так глубоко, что даже не слышал, как скрипнула дверь и вызванная им Мария Васильевна вошла. И только когда она, постояв минуту, другую, решила деланным кашлем напомнить о себе, Анатолий Петрович, повернулся, поймал её недоумённый взгляд и, продолжая хранить молчание, жестом руки пригласил сесть за стол, а сам стал ходить по кабинету, потом остановился и, нежно улыбувшись, не отрывая глаз от её красивого лица, как само собой разумеющееся, сказал:

— Мария, понимаешь, мне буквально полчаса назад в райкоме партии неожиданно предложили возглавить совхоз, тот самый, в который мы вчера с инспекцией работы нашего механизированного отряда ездили. По дороге я тебе ещё говорил, насколько крепко душой врос в это хозяйство, поскольку свой трудовой путь семнадцатилетним пареньком в качестве скотника начал именно в нём, когда оно было лишь одним из отделений совхоза “Ленский”, которое на протяжении целых пятнадцати лет возглавлял мой отец. Помня об этом и переживая за то плачевное состояние, в котором он оказался по вине власть предержащих, я не смог отказаться. Но переехать снова из города за более чем сто километров в посёлок жить и трудиться я хотел бы именно с тобой! Поэтому, очень тебя прошу... — тут он вдруг замолчал, словно удивился сам своей смелости в решении такого важного вопроса, как супружество. Но, коль нырнул в реку, то надо было и выныривать, чтобы плыть и плыть по волнам неоглядного жизненного моря, и он, лишь выдохнув, закончил выражать мысль: — Пожалуйста, выходи за меня замуж!

- Как замуж?! — удивилась она.
- Как все небезразличные друг другу люди...
- А разве мы с вами объяснялись на этот счёт?

Анатолий Петрович сделал вид, что не расслышал вопроса, и продолжал своим вопросительным взглядом буквально сверлить Марию! И ей не ничего другого не оставалось, как тихо спросить:

- А подумать можно?

— Конечно!.. Но, увы, не больше часа, ибо после обеда нас с тобой уже будут ожидать в загсе. Да, совсем забыл сказать: если поженимся, то уже завтра утром должны будем ехать...

Тут как-то сразу Мария взяла себя в руки, трезво подумала: “А что за час можно решить? Да ровным счётом ничего! И зачем, когда этот молодой мужчина, действительно, мне нравится, прежде всего, за оправданную самоуверенность...” — и, вздохнув скорей с облегчением, чем с тревогой, глядя в синие глаза Анатолия Петровича, обращённые на неё в ожидании, чуть слышно сказала:

- А я согласна...

— Вот и здорово! Вот и прекрасно! Ты даже не можешь себе представить, как же я глубоко благодарен тебе за понимание!.. А все, скажу так, недоразумения, успевшие случиться между нами, давай как можно скорей забудем, словно их вообще не бывало! Только, надеюсь, ты не будешь возражать, что из-за острой нехватки времени, — после регистрации брака начнём готовиться к переезду, — наш свадебный вечер проведём уже на месте, в совхозном посёлке Нюя, в гостях у моего закадычного друга детства и юности Иннокентия Авдеева?

- Конечно, нет!

Через полчаса они уже расписались в городском загсе, находящемся на первом этаже здания райисполкома. Вручив слегка смущённым молодожёнам свидетельства о браке, заведующая загсом Марья Ивановна, женщина средних лет, полная, с круглым, румяным лицом, делавшимся книзу шире из-за жировых складок, образовавшихся одна над другой на короткой шее, но с такой искренней светлой улыбкой полных, накрашенных ярко губ, что невольно казалась самой её величиством добротой, вручила Марии ещё и талон, дающий право на покупку в местном ювелирном магазине

золотого супружеского кольца. Заметив вопросительный взгляд Анатолия Петровича, она несколько сконфуженно, словно оправдываясь, виноватым голосом прошелестела, как газетная бумага, подхваченная свежим, порывистым ветром:

— Извините и не обижайтесь, ибо мужчины, женившиеся во второй раз, лишены права приобретения ещё одного кольца! Такие порядки!..

— Марья Ивановна, я даже и не думал расстраиваться, хотя и в первый раз в сельсовете мне почему-то не выдали положенного “золотого” талона! Зато теперь куплю себе красивую, объёмную печатку, тем более, что давно о ней мечтаю! Да-да! Вот так увидел на курорте у одного важного господина на пальце красиво и весело переливавшуюся в солнечных лучах всеми цветами радуги драгоценность — и душой загорелся!..

Когда вышли на улицу, то Анатолий Петрович предложил:

— Мария, давай-ка после похода в ювелирный магазин зайдём в самый лучший городской ресторан, находящийся в здании гостиницы, чтобы, во-первых, утолить голод, ведь как-никак с самого утра не ели, а во-вторых, выпьем по бокалу сухого вина за наше, надеюсь всем сердцем, счастливое, полное любви и понимания семейное будущее!

— Я согласна!

Ресторанов в городе было несколько. Но Анатолий Петрович привёл Марию в самый ближний к заосу, только что открывшийся, ещё пахнущий свежей краской, центральный, находившийся в здании пятиэтажной гостиницы на первом этаже, фасадом выходящий прямо на полноводную Лену, величественно катившую свои прохладные воды, конечно, не через всю Азию — с юга на север! — но на протяжении более чем трёх с половиной тысяч добрых километров к морю Лаптевых. В просторном зале с эстрадой, на которой по вечерам играл местный вокально-инструментальный ансамбль, почти никого не было. Молодожёны сели за столик, аккуратно накрытый свежей шёлковой скатертью, стоявший у самого окна, большого — чуть ли не во всю бетонную стену! Так что великая сибирская река со скалистыми сопками, поросшими вековыми, могучими лиственницами и меднокорыми соснами с раскидистыми кронами, словно сразу от берега круто взлетающими в небесную синь; с грузовыми и пассажирскими судами, то и дело плывшими, если не вверх, то вниз по течению, звучными гудками приветствуя друг друга, была видна, как на ладони.

Анатолий Петрович сначала попросил подошедшую официантку, высокую девушку с повязанным вокруг талии белом фартуке с оборками по краям, с симпатичным лицом, на котором голубые глаза светились глубокой доброжелательностью и учтивостью, поставить в вазу с водой огромный букет тёмно-бордовых роз, который он по дороге купил в цветочном киоске и подарил коленопреклонённо, несколько артистично, но от души смущённой Марии. Потом, когда она исполнила его просьбу, и стол приобрел праздничный вид, заказал всё, что дорогая супруга выбрала из меню для обоих, а уж потом как бы неожиданно, словно подчиняясь какой-то необъяснимой магнитной силе, вновь посмотрел в витринное стекло, за которым на переднем плане лежал береговой крупнозернистый песок со сверкающими фиолетовыми искрами густо вкрапленной в него пластинчатой слюды. На втором, — разлившись во всю полноводную ширь на добрых два километра, речная лента, совершенно не движима ни ветром, ни пароходными волнами, влажно отливала синеватой сталью, до того прозрачной, что в ней глубоко, — чуть ли не до самого дна! — отражались перистые, от солнечных лучей снизу розовые, но всё же в основном белые-белые, как первый октябрьский снег, крупные, разных форм и оттенков облака, изредка как бы черчаемые на мгновение-другое редкими чайками, с криками проносившимися по-над самой рекой, то не без труда взлетая круто вверх, то так стремительно срываясь вниз, что испуганно думалось: “Ну, точно влетят в воду!..” Но они каким-то чудом умудрялись на выходе из пике лишь чиркнуть упругим крылом, как остро наточенным ножом, её зеркальную гладь. На третьем — сразу от противоположного берега круто вверх высоко уходили скалистые сопки, поросшие густым хвойным лесом, от которого до самой середины речного полотна стелились лёгкие светлые тени. А на четвёртом, самом дальнем, враз открывалась бездонная глубина пронзительной синевы небосвода с взошедшим на свою небесную вершину бело-золотым солнцем в ореоле малиново-золотистых лучей, светящих так ослепительно ярко, что человеческий взгляд был не в силах выдержат их напора!

Казалось, что сама матушка природа невольно удивлённо восклицала: “Художники, живописцы, ну, где же вы, где! В какой безвестности запропали?! Скорей хватайте свои холсты, натянутые на подрамники, и масляные краски, устанавливайте на берегу мольберты и, не теряя ни минуты, нет, даже секунды на размышления или того хуже — сомнения, а с ходу, с жару, с пылу пишите с меня свой бессмертный пейзаж, чтобы вслед за временем идти в самую вечность, для чего и дала я вам бесценный дар художника для отображения меня и того сурового времени, в котором вам именно посчаст-

ливилось, а не иначе, жить, какие бы страдания не пришлось перенести, какие бы муки не выдалось перетерпеть, тем более, что жизненные лишения только укрепляют веру в свои силы, в свою волю, в своё предназначение земное, способное в полной мере, в конце концов, обратиться в небесное!..”

И всё-таки в тот день Анатолий Петрович лишь глубоко, но без сожаления вздохнув, стал любоваться не Леной, а своей новой женой. И когда они выпили из хрустальных, праздничных бокалов прекрасного грузинского вина за заключённый брак, он мягко взял её тонкие, немного влажные руки, скорей всего, от всё ещё никак не проходящего волнения, поднятого в душе столь знаменательным событием всей её, ещё такой молодой жизни, в свои руки, поднёс к губам, и, не отрывая горящего взгляда от так нравившихся ему бездонных, как небеса, карих глаз с грустинкой, покрыл их лёгкими, но такими жаркими поцелуями, в которых выразил и всю душевную признательность, и вдруг охватившую его мятежную душу светлую, как ясный солнечный восход, оглушающе чистую нежность. Конечно, он ещё не был несказанно счастлив, но с радостью понимал, что у него появился ещё один, очень важный стимул для того, чтобы безоглядно жить каждый день, как последний!.. Дальше молчать было неудобно. И Анатолий Петрович заговорил:

— Мария, меня все последние дни интересует вопрос, который молодые люди обычно задают до заключения брака!

— Но ведь из каждого правила есть исключения! Не правда ли?

— Согласен, есть! Так вот, пожалуйста, моя дражайшая половинка, ты и ответь мне, только искренне, ну, как на духу: какое впечатление я, прежде всего, как человек произвёл на тебя, когда мы встретилась в моём рабочем кабинете вскоре после твоего приезда?

— Противоречивое!.. В то утро, дожидаясь приглашения зайти, чтобы представиться тебе в качестве новоиспеченного агрохимика, я сидела в приёмной. Через тонкую филленчатую дверь был отчётливо слышен твой строгий голос. Так вот, он с каждой минутой всё поднимался и поднимался вверх, пока ни взлетел, гремя небесным громовым раскатом! Почему-то казалось, что каждое твоё слово относилось ко мне! Я даже с тревогой посмотрела на секретаршу. Она, поймав мой встревоженный взгляд, мило улыбнулась и не без иронии сказала:

— Не переживай! Это наш молодой председатель уму-разуму учит своих седовласых заместителей. Видать, в совхозе, из которого он только что приехал, с организацией работы нашего механизированного отряда дела обстоят не на должном уровне! Только и всего!

— Потом в кабинете разом всё стихло! — стала продолжать Мария. — И в приёмную стали один за другим стали выходить твои заместители с явно озабоченными, сосредоточенными, пунцовыми лицами, на которых читалось, что они сверх своих возможностей нагружены твоими производственными задачами, которые надо решать безотлагательно и в полном объёме! Думаю: “Да, молодой руководитель, однако, ещё тот кремень — такие искры высекает, что от них любое горючее вещество с первого раза вспыхивает!.. Что же со мной-то будет?” А между тем секретарша говорит: “Он один остался — заходи!.. Да будь смелее! Он красивым женщином, особенно молоденьким, благоворит!..” Ну, я, как перед прыжком в воду, на глобус, вздохнула глубоко несколько раз и приоткрыла дверь. А ты уже, не снижая голоса, с кем-то требовательно говорил по телефону, да так громко, как будто хотел докричаться до человека, находившегося не менее, чем за сто километров. Увидев меня, широко махнул рукой, мол, проходи, садись. Ну, я прошла, присела на самый краешек стула, сижу, дрожу, как осиновый лист! Вот так!

— Ну, а потом? — хитро улыбаясь, явно довольный рассказом Марии, продолжал допытываться Анатолий Петрович.

— Вскоре ты собрался снова ехать в дорогой твоей памяти совхоз, видно, не терпелось проверить, как заместители исполнили твои указания. С собой взял только меня, к тому времени уже приступившую к исполнению в полном объёме своих профессиональных обязанностей с применением всех тех знаний, которые получила в институте и на летней практике. Всю дорогу туда и обратно, как бы лихо ты ни управлял машиной, читал мне по памяти стихи Сергея Есенина, такие, как “Письмо к женщине”, “Шаганэ, ты моя, Шаганэ”, “Заметался пожар голубой” и многие другие. Читал с такой проникновенной нежностью, с таким душевным светом, что я невольно подумала: “Надо же, какой начитанный! И, оказывается, совсем не суровый, а очень даже милый, добрый мужчина, от которого исходит столько тепла, что так и хочется в его огромных волнах, как в южном море, купаться и купаться!..” Я уже тогда отдавала себе отчёт, что у тебя очень сложная, неординарная натура, но при этом не могла отделаться от мысли:

“Любая женщина будет чувствовать за этим волевым, жадным до жизни человеком, знаящим, что ему от неё надо, как за каменной стеной! Конечно, его сильному характеру невозможно не подчиниться, но ведь сила любой женщины в её слабости!..” После этого я уже не могла относиться к тебе, скажу так, без живого интереса!..

— Ну, вот и ладно! Как говорится, извини за прямоту, но не зря же в народе говорят: “Были бы кости, а мясо нарастёт!..” Надеюсь, ты верно понимаешь, к чему я так образно сейчас сказал?

— Думаю, что да!

Вообще Анатолий Петрович к любым танцам относился прохладно. С грехом пополам смог, скорей, как должное, а не как необходимое, с помощью старшей сестры Натальи разучить танго. Но во время этого первого супружеского обеда с Марией вдруг, взглянув загадочно на неё и лукаво улыбнувшись, почему-то вспомнил поселковые молодёжные вечера, которые каждую субботу организовывала завклубом, женщина балъзакского возраста, светловолосая, с жизнерадостным лицом, всегда старавшаяся одеваться по моде. В клубе — бывшем Божьем Храме, — поскольку он был чрезвычайно высок, в сильные морозы, как бы его ни отапливали при помощи самодельных батарей из водопроводных труб, навешенных вдоль стен под каждым окном, температура не поднималась выше десяти градусов. Всем молодым людям танцевать приходилось в том, в чём они обычно ходят зимой: в шубах, фуфайках и пальто — без опасения, что могут быть неправильно поняты. От жаркого дыхания в помещении было сумрачно, поскольку свет от нескольких ламп, свисающих с высокого потолка на электрических проводах, словно увязал в сплошном паровом облаке, поднимавшемся вверх...

Однажды молодой Анатолий шутки ради вообще пришёл на вечер в укороченном, но широченном тулупе, в лохматой собачьей шапке с опущенными ушами, надвинутой до самых бровей, и в серых валенках с загнутыми глубоко голенищами, от чего они при движении почти не гнулись и приходилось их как бы переставлять... Со стороны это выглядело уж больно неестественно, даже в определённой степени комично... Едва завклубом переменяла пластинку, и по залу, лаская слух, нежа душу, поплыла размеренная, светлая музыка, Анатолий пригласил на танец свою одноклассницу, немного боясь, что будет в своём потешном наряде отвергнут, но она, как ни в чём не бывало, протянула руку... И только старухи в видавших виды меховых шубах, пуховых полинялых шалях с концами, туго повязанными на шеях, не пропускавшие ни одного вечера, сидя на скамейках, стоящих вдоль стен, как подслеповатые куры на насестах, склонились одна к другой, щуря глаза, осуждающе и горячо зашептались, исподволь тыча пальцами в сторону молодого человека, мол, посмотрите, какой отъявленный нахал объявился на вечере.

От воспоминания этого в общем-то ничем не примечательного случая Анатолий Петрович — действительно, неисповедимы пути Господни! — в душе встрепенулся, да так, что вдруг ему неодолимо захотелось танцевать. Резким взмахом руки он тотчас подозвал симпатичную официантку и попросил пригласить директора ресторана. Минут через пять она в белом, накрахмаленном халате, застёгнутом на все пуговицы, отчего её располневшая фигура вырисовывалась особенно рельефно, с высоким колпаком, плотно сидящим на голове, приветливо улыбаясь, подошла к столику и, тепло поздоровавшись, сказала:

— Анатолий Петрович, вы меня приглашали?

— Да!

— Чем могу быть полезна?

— Поскольку музыканты у вас только по вечерам, то сделайте, пожалуйста, для меня, вашего хорошего знакомого, исключение: коль артисты играют исключительно по вечерам, то распорядитесь поставить в магнитофон кассету с записью какого-нибудь итальянского танго на ваш вкус... Да, простите, забыл вам представить мою супругу, с которой мы всего час назад, расписавшись в загсе, стали мужем и женой!

— Какая прелесть! — воскликнула директорша. — Меня величают Александрой Ивановной! А вас, уважаемая молодая особа, как?

— Мария! — тотчас услышала она в ответ и, поздравив молодожёнов со знаменательным в их жизни событием, вежливо удалилась.

Вскоре из динамиков, к немалому удивлению завсегдатаев ресторана, по залу волнами потекла чарующая, светлая музыка. Анатолий Петрович тотчас галантно пригласил Марию на танец, и они на площадке перед эстрадой впервые слились в танго, и так непринуждённо, с таким желанием, как будто им только в душе и жили. И оба, пусть каждый по-своему, но в одном русле вдохновенно думали: “Хорошо бы, если бы и супружеская жизнь, как этот прекрасный танец, сложилась настолько удачно, насколько вообще это возможно на свете между мужчиной и женщиной...”

Представлять нового директора управлению совхоза первый секретарь направил свою заведующую сельскохозяйственным отделом Наталью Константиновну Петрову, женщину замужнюю, недавно перешагнувшую тот временной рубеж, после которого говорят: “Баба ягодка опять!..” Она обладала таким сильным романтическим характером, что ни положение в обществе, ни ответственная должность не являлись для неё помехой в удовлетворении порывов страстной души, в том числе относящихся к мужчинам. До перевода в райком, работая директором торговой организации в посёлке речников Пеледуи, она имела продолжительный роман с главным зоотехником местного совхоза. Но на новой работе едва в её поле зрения попал недавно назначенный в совхоз заместителем директора по строительству молодой Анатолий Петрович, как она тотчас, так сказать, положила на него свой пылкий глаз. Как-то зимой приехал в совхоз под предлогом, что ей необходимо ознакомиться с ходом строительства нового коровника в якутском наслеге Наторе, попросила директора в качестве сопровождающего отправить с ней своего нового заместителя. Он тотчас подобострастно выразил согласие и дал Иванову соответствующее распоряжение. Тот его без лишних слов принял к исполнению. Было решено ехать на закреплённом приказом директора за строительным отделом стареньком самосвале, выдавшем многочисленные, в том числе и печальные виды за десять лет своей службы в условиях Севера, порой становившихся и вовсе невыносимыми.

День выдался замечательный: ядрёный мороз выморозил высокое небо до звенящей синевы, солнечные лучи так щедро заливали скованную льдами Лену, что слежавшийся колючий снег сверкал чёрнёным серебром, а светло-голубые льдины торосов, вставшие во время ледостава на ребро, сияли световыми радужными вспышками-всполохами, своей яркой красотой изумляя и радуя взгляд. От высокого берега, поросшего смешанным лесом, среди которого на сером фоне лиственных деревьев выделялись своей тёмно-зелёной хвоей высоченные, в два обхвата, лиственницы и ели, чуть ли не до середины реки стелились длинные, языкастые фиолетовые тени, а величественные сосны, растущие на противоположном берегу, озарённые солнцем, горели яркой медью мощных стволов, словно церковная купольная позолота.

Но больше всего впечатлял многокилометровый, в один взгляд неохватный, белый-белый, как рассыпчатый сахар-песок, речной простор с висящими в ледяном воздухе понад крутыми, обрывистыми берегами редкими, лёгкими, белесыми облаками-туманами. И сколько бы Анатолий Петрович ни всматривался в окружающую даль, его острый взгляд не выхватывал ни одного живого существа, и если бы не стая чёрных ворон, слетевшая с тополей и накинущаяся на труп какого-то животного, не устоявшего перед напором жестокого якутского мороза и теперь падаляю лежавшего на колком снегу, у самого ледового среза, то могло бы показаться, что время и в самом деле остановилось.

Когда самосвал, преодолев мёрзлую речную ширь, стал, натужно гудя двигателем, взбираться на крутолобый берег, Анатолий Петрович вдруг почувствовал, что его бедро слегка сжала горячая рука Натальи Константиновны. Он понял намёк высокого начальства и тотчас стыдливо посмотрел на водителя Егора, эвенка, но тот невозмутимо, лишь сузив и без того узкие глаза-щёлочки, управлял автомашиной. Анатолий Петрович посчитал самым благоразумным поступком в данной ситуации сделать вид, что ничего особенного не произошло, и даже не повернулся к романтической женщине. Однако трезво подумал: “Не зря говорят, что эта высокопоставленная женщина явно не промах... Вот и на меня обратила своё более чем понятное внимание! Интересно, чем же это обернётся? Впрочем, время, как всегда, покажет...”

И оно действительно не заставило себя долго ждать. Буквально спустя неделю через директорского секретаря ему передали, что в ближайшую пятницу к пяти часам вечера его вызывает начальник отдела сельского хозяйства райкома партии. А вот с какой важной целью, словно забыли или специально не захотели предупредить. Анатолий Петрович, хотя смутно уже догадываясь зачем он срочно потребовался в этот раз высокому начальству, однако на всякий случай подготовил подробную записку о ходе строительства всех совхозных объектов, включая и коровник в Наторе, и точно к назначенному времени прибыл в райком.

Кабинет Петровой находился на недавно надстроенном четвёртом этаже, куда с третьего веда крутая, прямая, без площадки, железная лестница с мраморными ступенями и деревянными, отполированными и покрашенными под орех перилами. Постучав в высокую дверь и услышав важное: “Заходите!” — он вошёл в кабинет, в котором прежде ни разу не был. И с интересом окинул его быстрым взглядом. Помещение было сравнительно небольшим, прямоугольным, но свободно вмещающим в себя

длинный ряд стульев с мягкой обивкой, стоявших вдоль левой стены от двери, а с правой в углу, перед большим окном, украшенным лёгкой, прозрачной тюлью, за тяжёлыми коричневыми шторами стоял холодильник “Минск” и два стола — рабочий и для совещаний. С чисто побеленного высокого потолка свисала трёхрожковая люстра из богемского стекла, которая несмотря на то, что света ранних сумерек явно не хватало для освещения кабинета, ещё не была зажжена. Но ярко горела настольная лампа под розовым, шёлковым абажуром, в свете которой Наталья Константиновна просматривала какие-то служебные бумаги.

К вошедшему и скромно поздравившемуся Анатолию Петровичу она, деланно сухо ответив на приветствие, не вышла навстречу, словно давая понять, кто в кабинете хозяин, а слегка улыбнувшись накрашенными полными губами, пригласила сесть за стол. Но молодой строитель, словно принимая вызов, занял один из стульев у самой двери. Положил ногу на ногу, достал из папки докладную записку и устремил на начальника отдела вопросительный взгляд, твёрдо говорящий: “Вы меня вызывали — я прибыл! Готов к докладу и исполнению дальнейших указаний!..” Вдруг без стука дверь распахнулась и в кабинет запросто заглянула пожилая женщина, одетая в длинный синий халат, с ведром и шваброй в руках. Увидев её, Наталья Константиновна тотчас довольно вежливо, но с заметным волнением в бархатном голосе сказала:

— Степанида Ивановна, я ещё задержусь... Можете идти домой!
— А как же уборка? — спросила уборщица.
— В понедельник наведёте порядок! Хорошо?
— Как прикажете! — с готовностью ответила женщина, но прежде чем уйти, как-то многозначительно посмотрела на Анатолия Петровича.

Едва дверь закрылась, Наталья Константиновна быстро заперла её на ключ. И когда повернулась, то молодой строитель увидел перед собой совершенно другую женщину, ибо она не только одарила его улыбкой, исполненной открытости и тепла, но и томным взглядом женщины, страшно соскучившейся по мужской ласке. Но сдерживая свой страстный порыв, она нарочито медленно открыла холодильник и бесцеремонно перейдя на “ты”, учтиво спросила:

— Анатолий, что будешь пить — вино или шампанское?
— Вообще-то в том положении, в котором я оказался, лучше бы выпить водочки, но коли её нет, то с удовольствием выпью немного сухого вина! Только, вот глупый, всё никак не могу понять, по какому это такому важному случаю, ведь даже календарных праздников что-то и в самое ближайшее время не предвидится?

— Действительно, глупый! — игриво ответила Наталья Константиновна. — Неужели до сих пор не понял, что праздники — это не только те дни, что отмечены красными цифрами в календаре, но и другие, которые люди устраивают себе сами. И поверь мне, знающей женщине, они чаще всего бываю важнее и солнечней тех, что установлены законом. Ответь, разве новое, более близкое знакомство двух людей — не повод, чтобы выпить по бокалу-другому?

— Согласен, повод! Но при условии, что эти люди друг другу совсем не случайно близки духовно! Иначе, к сожалению, можно будет с утра до вечера, через день да каждый день гулять!

— А ты, Анатолий, не такой уж и простой, каким можешь показаться на первый взгляд! — заметила Наталья Константиновна, передавая ему бутылку шампанского. — Открой, пожалуйста!

— Хорошо! Но ответьте, быть непростым — это плохо или хорошо?

— Кому как!

— А лично для вас?

— Для меня? По крайней мере, интересно!

Когда они выпили по бокалу, Наталья Константиновна предложила повторить, но Анатолий Петрович наотрез отказался, сославшись на немалый путь назад в совхоз. Но тотчас был остановлен женским, не терпящим возражений вопросом: “А если я попрошу тебя остаться, останешься?” Он был припёрт к стенке без права отмолчаться. И в кабинете, освещённом только светом настольной лампы, Анатолий Петрович, прежде чем ответить, сквозь лёгкий сине-золотой сумрак оценивающе посмотрел на свою начальницу и отметил, что она, всё ещё сохраняющая следы явной привлекательности, тем не менее, из-за пусть небольшого, но всё же избыточного веса не отвечала вполне его мужскому вкусу. Никогда прежде не изменявший своему жёсткому правилу разделять постель только с женщинами, чьей красотой пылко восхищался, он теперь должен был или остаться собой, или переступить через порог, за которым его дальнейшая сексуальная жизнь могла сложиться, как угодно. И всё же он не отказал женщине, к которой был совершенно равнодушен.

Испугался, что она может сломать так удачно начавшуюся его начальническую карьеру? Нет, поскольку он уже настолько высоко зарекомендовал себя как перспективный руководитель, что входил в кадровую десятку самого первого секретаря и, скорее, сам мог бы доставить немало неприятностей начальнику отдела... Просто, живя со своей женой, как кошка с собакой, когда всё чаще хочется в ссоре бросить ей в лицо слова райкинского монолога “Закрой рот, дура! Я всё сказал!..”, он стал к чужим женщинам относиться, исходя из поговорки “Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало...” Но одно переступить через себя мысленно, и совершенно другое — физически. Тем не менее, спокойно смотря в глаза Наталье Константиновне, он уточнил:

— А как вы себе это представляете? Ведь, насколько мне известно, состоите в браке? Или к какой-нибудь вашей подруге пойдём в гости?

— Можно и к подруге! Но мой муж, работающий главным охотоведом государственного пушного хозяйства, на две недели уехал с инспекцией таёжных промыслов. Вот ко мне на квартиру где-то через час и приходи.

И назвала адрес.

Дом, в котором жила Петрова, оказался самым большим в городе — пятиэтажный, с шестью подъездами, покрашенный в светло-розовый цвет, только прошлой осенью сданный в эксплуатацию, ещё не огороженный, но уже с оборудованной детской площадкой со всеми игровыми строениями: песочницами, грибочками, горками-катками и т. д. По дороге к нему в заметно сгустившихся сине-фиолетовых сумерках, выше к небу становящихся совершенно чёрными, от чего загорающиеся звёзды казались ещё ярче, ещё выразительней, Анатолия Петровича всё никак не покидала упрямая мысль о том, каким же таким действенным образом он будет ломать себя, неволить свою упрямую, волевою душу. Ну, действительно, как?! И вдруг его осенило: “Надо просто, словно хороший артист, сыграть роль любовника, только в спектакле по имени “жизнь”. Если другие люди могут на театральной сцене или на съёмочной площадке перевоплощаться в другой, иной раз даже в чуждый их сознанию образ настолько, что начинаешь верить не только их слезам радости и горя, но и горячим монологам, то почему это не смогу сделать я? Ведь по сути, хороший руководитель в определённой мере тот же актёр, причем самого сложного плана — психологического!

Едва он позвонил, как почти сразу дверь открыла Наталья Константиновна, одетая лишь в китайский шёлковый, настолько прозрачный халат, что сквозь него ясно и потому ещё более волнующе было видно матовое тело и розовые соски полных грудей. Глаза её лучились светом сбывшейся надежды, магнитом притягивали к себе. Не говоря ни слова, лишь порывисто, тяжело дыша, Анатолий Петрович прямо на пол сбросил дублёнку с ондатровой шапкой — и подхватил на свои сильные руки женщину, страстно желавшую его грубой мужской ласки, только успевшую томно охнуть, и ураганным ветром понёс её в спальню. Но роль страстного любовника ему пришлось играть лишь в самом начале импровизированного им самим первого акта сочиняемой в творческой голове пьесы, ибо от того счастья пылкой близости, которое исходило от партнёрши, он неожиданно для себя почувствовал, что, словно солнечная батарея, заряжается желанием сделать её ещё счастливей, ещё удовлетворённой — и становился неутомимым...

Только в понедельник рано утром, когда ещё на улице стояла мёрзлая, густая, почти непроглядная темень, в которой свернувшийся от стужи воздух фосфорно светился, словно рассыпался на миллионы микроскопических искр, он покинул квартиру, ставшую для него на целых двое суток раем не раем, но в любом случае — не адом. Угрызения совести если и отягощали душу, то не настолько сильно, чтобы жалеть, по сути, о предательстве своих устоявшихся принципов по строгому отношению к чужим женщинам. Он даже наивно считал и верил, что за непростое насилие над самим собой заслужил какой-то необычной награды, и если небесам будет угодно, то они рано или поздно, но обязательно хоть как-нибудь вознаградят его.

И вот теперь по пыльной и длинной дороге, трясаясь на заднем сиденье райкомовского “уазика”, он пронзительно, до внезапной, острой боли в сердце неожиданно понял, что рядом с ним и в самом деле сидит словно сошедшая к нему по воле свыше, его новая жена с так почему-то нравившимся ему звонким именем Мария! И Анатолий Петрович с глубокой нежностью ещё крепче сжал руку молоденькой супруги. А когда она, укачавшись на многочисленных песчаных ухабах от долгой езды, ненадолго задремала, невольно уронив свою прелестную головку на его сильное плечо, он обнял её хрупкие, точёные плечи и попросил водителя хоть немного сбавить скорость.

Наталья Константиновна тотчас вопросительно обернулась и, то ли от всё никак не проходящей ревности, то ли недовольная тем, что новоиспечённый директор, как своим, командует райкомовским водителем, строго посмотрела на Анатолия Петро-

веча, но, словно споткнувшись об его умиротворенную улыбку, решила промолчать. Тем более, она не могла со всей ответственностью не понимать, какими непростыми мыслями он должен быть теперь обуреваем по самому высшему счёту, ведь то, что ожидало его в разваленном совхозе, кроме как добровольной каторгой, назвать чем-нибудь другим было бы крайне несправедливо.

Страшило не то, что совхоз лежал, как загнанная, сдыхающая лошадь на боку, а что симпатичный ей молодой человек, согласившись возглавить его, по сути, отрезал себе все пути, кроме одного — вперёд и только вперед! — с чётким осознанием того, что *или грудь в крестах, или голова в кустах!* Ведь то, что не удалось сделать четверым умудренным жизненным и производственным опытом матерым руководителям, намного старше него, должен совершить он, прежде имевший лишь начальственный опыт в трудовых коллективах в пять, если не десять раз меньших по объёму производства, чем совхозный. Ситуация многократно усложнялась ещё и тем, что из пяти отделений четыре были чисто национальные — якутские, в которых трудились люди, выросшие на своих древних обычаях и самобытной, веками формировавшейся культуре. Выучившие, по сути, чужой язык, тем не менее, они в основном продолжали мыслить и воспринимать жизнь, как их далёкие предки, оставаясь в душе детьми своего народа, а он, молодой, амбициозный руководитель, был, есть и будет до конца дней своих до мозга костей русским!..

Тут Наталья Константиновне вспомнился очень курьёзный случай, произошедший как раз в национальном, самом большом отделении совхоза “Беченчинском”, находившимся в ста километрах от центральной усадьбы, в бескрайней звериной да птичьей тайге. И она решила рассказать о нём Анатолию Петровичу: “Мороз прошлой осенью ударил на редкость рано — в самом конце сентября. Не заставил себя долго ждать и снегопад, да такой обильный, что за ночь засыпал полутораметровым слоем все поля, похоронив до конца не убранную капусту. И вот вместо того, чтобы хоть какое-то количество ценной продукции спасти, поставить на зимнее содержание крупный рогатый скот, всё мужское население, как по команде, вместе с управляющим, быстро снарядившись, подстёгиваемое древним охотничьим инстинктом, отправилось в тайгу промыслять пушного зверя. В результате таких, ну, совсем не предвиденных обстоятельств, райкому совместно с управлением сельского хозяйства пришлось самим спешно заниматься организацией всего производственного процесса, вплоть до завоза из других отделений совхоза скотников, трактористов и слесарей! Даже ставить обратно на фундамент упавшую от резкого ветрового порыва высоченную дымовую трубу центральной котельной!”

— Ну, что скажешь на это?! — тотчас, закончив рассказывать, с нескрываемым интересом спросила она Анатолия Петровича.

— Только одно: “Умный в гору не пойдёт! Умный гору обойдёт!..”

— Что-то больно уж неопределённо! Да и ну, совсем не ново! Больно уж как-то избито... Ближе к сути вопроса можешь?

— Да вроде ближе и некуда!.. Впрочем... Дело в том, что я с детских лет рос среди якутов. До сих пор нахожусь в крепких дружеских отношениях со многими из них! Поэтому немало чего из якутской самобытной жизни мне знакомо не из знаменитого народного эпоса “Олонхо” и других замечательных этнографических книг, а пережито по полной, не только с радостью, но и с болью!.. Исходя из всего этого было бы смешно, если бы я, к примеру, стал учить их ещё и деловому русскому языку, а вот трудиться с учётом всё совершенствующейся культуры ведения животноводства и растениеводства обязательно буду. Тем более, что якуты очень мозговитый, любознательный народ, всё новое они схватывают буквально на лету!.. Но опять же работать с ними надо не революционным путём, а исключительно эволюционным! Ведь не зря же умные люди говорят, что капля — и та камень точит!.. Или я опять привёл неудачно и не к месту набившую оскомину поговорку?

— Нет, — как раз к месту! И ты, Анатолий Петрович, хоть и молодой руководитель, но размышляешь вполне здраво! — добродушно заключила Наталья Константиновна и весь оставшийся путь до самого здания совхозной конторы не проронила ни слова, словно внезапно вздремнула или глубоко ушла куда-то в свои непростые мысли.

Исполняющий обязанности директора совхоза Семён Викторович Бахтин, он же и главный зоотехник, мужчина лет пятидесяти, высокий, поджарый, с заострившимся носом и бегающими, недобрими карими глазами, встретил представителя райкома и нового директора на крыльце конторы управления. За руку поздоровался с каждым. Пропуская вперёд начальство, пригласил их зайти в помещение управления, предупредительно сказав: “Все специалисты в сборе! Ждут вас!..”

Совхозная контора размещалась в длинном одноэтажном деревянном старом здании под двухскатной шиферной крышей, как бы разделённом капитальными стенами на три части — самую большую, центральную, рубленную из ядрёных сосновых брёвен, в которой находились кабинеты главных специалистов и их отделов, и два брусовых пристроя. Один, меньший, занимал фельдшерский пункт, где оказывалась первая всевозможная медицинская помощь работникам совхоза, и второй — с кабинетами директора, его заместителя и главного бухгалтера.

Представление коллективу нового директора прошло в его довольно просторном кабинете, с двумя окнами, выходящими на чей-то частный огород, густо засаженный разросшимся, со светло-зелёной ботвой картофелем. Вдоль обеих стен стояли вряд стулья, пол был деревянный, сплошь застланный утепленным коричневым, довольно истёртым линолеумом. Напротив рабочего стола, рядом с дверью, обитой чёрным дерматином, солидно возвышался книжный шкаф с остеклёнными дверцами. Освещался директорский кабинет двумя трехрожковыми светильниками отечественного производства, свисавшими с высокого потолка, словно специально побеленного к приезду нового директора и потому сыро пахнущего ещё до конца не просохшей известью.

Пока Наталья Константиновна, представив Анатолия Петровича, чёткой, твёрдой речью ставила перед работниками управления первостепенные производственные задачи, он вглядывался в лица своих заместителей, хотя со многими из них был знаком по недавней совместной работе, когда руководил совхозным строительством, хорошо знал цену их профессиональным и человеческим качествам. И в самом деле, они почти все прежде успели поработать директорами. К примеру, сидевший рядом с Бахтиным главный инженер Дмитрий Сергеевич Ивановский в недавнем прошлом возглавлял подсобное хозяйство в Сальске, а главный агроном Геннадий Васильевич Хохлов — один из подмосковных совхозов. Невольно возникал коварный вопрос: «Почему эти вроде бы профессионалы на возглавляемых ими участках производства до сих пор не проявили своих лучших качеств?..» Не найти на него быстрого, а главное — верного ответа могло значить для очередного директора только одно: стать пятым неудачником.

Едва представитель райкома закончила свою нравоучительную речь, как посчитала свою миссию законченной и, попрощавшись с коллективом, слушавшим её без особого воодушевления, направилась к машине, понимая, что Анатолий Петрович обязательно проведёт её. Но прежде чем последовать за начальством, он объявил перерыв на десять минут, сообщив, что после него проведёт производственное совещание. Уже сидя в машине, Наталья Константиновна, словно вдруг вспомнив о чём-то очень для неё важном, вышла и, как только новый директор, уже тепло попрощавшийся с ней, быстро подошёл, скорей с тревогой, чем с жалостью посмотрела ему в сосредоточенные глаза и по-дружески, заметно дрогнувшим голосом, глубоко вздохнув, произнесла:

— Анатолий Петрович, я за тебя очень переживаю! Ты видел, какие матёрые волки — твои заместители! Но больше всего остерегайся Бахтина, ибо скажу тебе по секрету, что у меня уже скопилась целая папка его доносов на двух последних директоров. Он спит и видит лишь себя во главе совхоза. Я перехватила взгляд, которым он смотрел на тебя. Так вот, кроме зависти и ненависти я ничего в нём не прочитала!..

— Дорогая Наталья Константиновна, я до глубины души тронут вашей заботой о моем сегодняшнем и будущем. Конечно, я по системе Зодиака не лев, не козерог, а всего лишь рыба. Но поверьте, далеко не окунь... Месяца через два приезжайте с инспекцией, и если, ознакомившись с ходом производства, не скажете, что я — рыба-меч, мне действительно нечего делать в этом совхозе, да и не только в нём!..

— Ну, в любом случае, держись! Сразу дай им понять, что ты пришёл надолго, а главное — не с пустой головой!..

— Постараюсь!

— До встречи, меч-рыба! — и Наталья Константиновна, обнажив белые, слегка влажные зубы, на прощанье ириво улыбнулась.

15

Новый директор, несмотря на свою молодость, относился к той категории руководителей, которые не тратят времени на выяснение отношений со своими подчинёнными, кроме тех, которые только начали свой трудовой путь, но действительно перспективные. Он сразу задавал такой темп работы, который был необходим для выполнения общих поставленных задач. Уже через месяц проявлялись способности каждого из заместителей. Тех, которые в полной мере справлялись со своими обязанностями, он всячески поощрял, в первую очередь, финансово, а других приглашал к себе в кабинет, где, щадя их самолюбие, с глазу на глаз, вежливо предлагал перейти на другую,

менее сложную и ответственную работу или вообще уволиться по собственному желанию. И всегда, при любом состоянии духа находил в себе силы и мудрость делать это так убедительно, что редко когда оставался непонятым...

Вернувшись в кабинет, он тотчас спросил:

— Кто является управляющим центрального отделения?

— Я, Дмитрий Иванович Козлов! — встав, представился мужчина лет сорока пяти, среднего роста, крепко сбитый, с твёрдым взглядом серых небольших глаз, с волнообразно зачёсанными назад чёрными, как смоль, густыми волосами, одетый в потёртый синий пиджак, в такие же выдавшие виды тёмно-синие брюки и, несмотря на установившуюся жаркую погоду, обутый в изрядно сбитые кирзовые сапоги.

— Очень приятно! — спокойно сказал Анатолий Петрович и, ещё раз оглядев неопрятно одетого управляющего, задал ему вопрос:

— Объясните, пожалуйста, как вы могли позволить капусте зарости непролазными сорняками, тем самым приостановив её рост не менее, чем на полмесяца, а это значит, что за оставшееся время до её уборки она едва ли успеет налиться сполна, если даже в ближайшее время и будет быстро прополота и щедро, но в пределах необходимого, подкормлена всеми необходимыми минеральными удобрениями?

— Понимаете, я приступил к выполнению своих непосредственных обязанностей всего месяц назад и единственное, что за это небольшое время мне удалось сделать, так это создать из десяти женщин-полеводов звено, которое в настоящее время и занимается прополкой.

— А какая общая численность вашего отделения?

— Почти сто пятьдесят человек!

— Дмитрий Иванович, а вам не кажется, что из такого большого штата выделить для спасения на ваших глазах погибающей капусты всего десять работниц ничем иным, как, мягко говоря, халатным отношением к исполнению своих прямых обязанностей назвать нельзя?

— Может, и так! — вспыхнув сухим, скуластым лицом, с тонкими, почти бескровными губами, ответил на директорское суровое замечание управляющий и стал горячо оправдываться. — Только ведь на носу — сенокос, и я не мог все силы не бросить на подготовку к нему! И потом, я неоднократно писал на имя главного агронома и исполняющего обязанности директора Бахтина докладные, в которых обстоятельно просил, даже требовал выделить на прополку дополнительных работников! Тем не менее отделению не была оказана помощь, хотя мне известно, что ежегодно для прополки капусты наши шефы — такие, как Мурбайская геологическая экспедиция, согласно двухстороннему договору, должны на весь летний период командировать несколько десятков своих сотрудников!

— С вами, Дмитрий Иванович, всё ясно! Садитесь! — хлёстким и крайне недобрым голосом произнёс Анатолий Петрович.

И устремил взыскательный взгляд на главного агронома, единственного заместителя, который был всего лишь на два-три года старше него:

— А вы, Геннадий Васильевич, что скажете? По крайней мере, чем объясните своё бездействие, хотя, согласен, тоже совсем недавно возглавили полеводческую службу?

— Объясню тем, что не в моих правилах прыгать через голову! — начал почему-то сразу говорить вызывающе громко главный агроном. — Вести переговоры с начальником экспедиции — не моя прерогатива, а в нашем случае — исполняющего обязанности директор совхоза!

И, хмуро сдвинув белесые, словно выжженные полевым знойным солнцем широкие брови, замолчал, как будто, прилетев с другой планеты на минуту-другую, собрался улетать обратно...

“А главный агроном, видать, фрукт ещё тот! И, к сожалению, именно под его началом, по крайней мере, некоторое время придётся в качестве рядового агронома работать моей жене! Н-да!..” — грустно подумал Анатолий Петрович. И уже было хотел поднять Бахтина, но прекрасно понимая, что тот специально для того, чтобы вся вина за погибающую капусту легла на загулявшего бывшего директора, вдруг не стал это делать, ибо справедливо посчитал, что нет смысла толочь в ступе воду!.. Но всё-таки задал ему вопрос:

— Семён Викторович, не назовёте ли вы мне численность работников, включая меня, управления совхоза со всеми обслуживающими — ремонтными, строительными, лесозаготовительными и гаражными — службами?

— Не менее ста двадцати человек, Анатолий Петрович!

— Серьёзная сила! А вкупе с центральным отделением и вообще огромная! Горы можно ворочать! Да какие!.. — и тоном, не терпящим какого-либо возражения, рубя,

как шашкой лозы, каждое слово, сурово продолжил: — С завтрашнего дня управляющему центральным отделением и моим заместителям, конечно, за исключением скотников-пастухов и доярок, работников всех служб вывести с самого утра на прополку! В связи с этим начальнику отдела кадров подготовить соответствующий приказ и через полчаса, — не позже! — занести его мне на подпись!

— А реплику можно? — злорадно и нагло улыбаясь, с самодовольным видом оглядев всех присутствующих на совещании коллег, напыщенный, как хорошо откормленный гусь, спросил Бахтин.

— Валяйте, Семён Викторович! — в душе уже еле сдерживая себя, чтобы не ответить своему заместителю, как он того заслуживает, но все же более или менее спокойно разрешил Анатолий Петрович.

— Значит, словно в сорок первом году, когда фашистские войска стремительно приближались к столице, мы, образно говоря, заколотим двери конторы и все окна досками крест-накрест, да ещё и напишем плакат, что все ушли на фронт? Я правильно понимаю?

— Если вам это в самом деле придаст силы и вдохновения, чтобы прополоть хотя бы половину от того, что я постараюсь сделать, то можете на самом деле заколачивать двери и писать свой плакат!

— А что, вы сами тоже выйдете в поле? — удивился Бахтин.

— Обязательно! Причём в первых рядах!

После такого ответа главному зоотехнику ничего не оставалось, как наглухо замолчать и, нервно сев, закинуть ногу на ногу. А Анатолий Петрович уже более мягким голосом снова спросил:

— Ещё какие-нибудь реплики есть? Или даже предложения?

Но поскольку после директорского твёрдого заявления, не терпящего возражения, о выходе на прополку в кабинете повисла глубокая тишина, Анатолий Петрович, в душе почти успокоившись, сказал:

— Ну, если больше никто не желает высказаться, то на этом совещание объявляю законченным! Все, кроме коменданта и председателя профсоюзного комитета свободны, верней, должны до конца рабочего дня провести в трудовых коллективах разъяснительную работу о важности спасения погибающей капусты. И предупреждаю, что, не приведи Бог, если хоть один находящийся у вас в подчинении человек без уважительных причин посмеет не выполнить мой приказ!..

Председатель профсоюзного комитета Григорий Николаевич Авдеев был мужчиной пенсионного возраста, полный, с “пивным” животом, с обрюзгшим синеватым лицом, на котором, заплывшие жиром тёмные глаза выражали лишь психологическую усталость. И не случайно, ибо был он большим любителем гульнуть по любому маломальски значимому случаю, за что и поплатился увольнением с прежней руководящей должности, на которой проработал не один десяток лет в местном сельпо. А сидящая рядом с ним комендант управления Дина Степановна Яшина, женщина пятидесяти лет, высокая, с пышной грудью, как у дородной хохлушки, с круглыми, удивительно синими глазами, которым чёрные подковки бровей придавали выражение строгости, покорно ждала, что же ей скажет не по возрасту суровый, в чём она только что убедилась, директор...

Но Анатолий Петрович не торопился с разговором, словно забыл, зачем попросил остаться ответственных работников совхоза. На самом же деле он все ещё не мог до конца унять душевный внутренний взрыв, вызванный самым настоящим преступным бездействием Бахтина, да и Хохлова тоже. Подумать только! Эти люди, получая небольшую государственную зарплату, пустили на самотёк организацию прополки тридцати гектаров пашни, засаженной ценной, так необходимой для обеспечения работников алмазодобывающей отрасли сельхозпродукцией, ожидаемый урожай которой даже по самым скромным подсчётам мог составлять не менее тысячи тонн! А ведь это ещё и немалые деньги, значительная часть которых должна быть выплачена рабочим в виде зарплаты! “Кстати, — подумал директор, — надо, не откладывая в долгий ящик, узнать у главного бухгалтера, как обстоят дела с её выдачей”. И наконец, внешне вполне успокоившись, он заговорил:

— Мне известно, что бывший директор для своего проживания построил на берегу Лены самый настоящий особняк. Я ни в коей мере не собираюсь его судить, но прежде, чем принять нужное мне решение, скажите, пожалуйста, Иван Петрович Виктор, тот самый ветеран, потерявший на войне руку, который, даже уйдя на заслуженный отдых, продолжал многие годы летом не просто возглавлять сенокосное звено, но ещё и мастерски управляться с конной косилкой, неумоимо скашивая траву, всё так же живёт в старом доме вместе с многочисленными семьями старшей дочери и внука, работающими в нашем совхозе?

— А где же ему ещё жить? Ведь с того времени, когда вас, Анатолий Петрович, забрали в район, для рабочих не было построено ни одной квартиры! — печально ответил Григорий Николаевич.

— Обидно! Но жизнь продолжается — и то, какой она будет, во многом зависит от нас! А с особняком давайте поступим так: вместо меня в него въедет со своей семьей, верней, всеми семействами уважаемый ветеран. Думаю, это будет в высшей мере справедливо!

— А как же вы?! — удивлённо спросила молодого директора Дина Степановна. — Где жить будете, ведь не одни — с женой?!

— Всего год назад, когда я заканчивал работать прорабом, в многосемейном доме на улице Лесной одна квартира была оставлена под небольшую гостиницу. Она, случайно, не заселена?

— Нет! Но там ведь всего две небольшие комнатки и крохотная кухня!

— Дина Степановна, а нам с женой в настоящее время и такой площади больше, чем надо! Или народная поговорка, что влюблённым и в шалаше — рай, потеряла в наше далеко не романтическое время актуальность? Надеюсь, что нет! А коль так, то на этом и закончим квартирный разговор! Или у профсоюза есть возражения?

— Что вы, Анатолий Петрович! Как говорится, хозяин — барин!..

— Тогда я чисто по-человечески попрошу вас, Дина Степановна, мою жену с вещами на своей машине, а я знаю, что у вас для обслуживания хозяйственных нужд есть бортовой “уазик”, подвезти к гостинице и помочь молодой женщине заселиться. Так же передайте ей, что часа через два, максимум, три я подъеду. Хорошо?

— Конечно!

Когда дверь за комендантом закрылась, председатель профсоюзного комитета, прежде чем покинуть директорский кабинет, вдруг, вытерев носовым платком выступивший на лбу пот, произнёс:

— Анатолий Петрович, я прожил немалую жизнь, многое повидал, пережил, пересмотрел всяких руководителей и должен вам сказать, что, мне думается, на вас прервётся директорская чехарда.

— Это почему же?

— Да хотя бы потому, что первый же день своей работы во главе совхоза вы начали с заботы о простых, но заслуженных людях!

— Спасибо за ваш проникательный ум! Но, смею вас заверить, что так будет всегда, пока я буду возглавлять совхоз! Поэтому убедительно прошу вас, Григорий Николаевич, в список нуждающихся в достойном жилье поставить мою семью последней! — заметив, что профсоюзный, убелённый сединами лидер хотел ему что-то возразить, тотчас твёрдо добавил: — И это моё решение окончательное! Обсуждению не подлежит! Больше не смею вас задерживать! Напоследок хочу нам с вами искренне, так сказать, от души пожелать успехов в совместной работе!

— Охотно присоединяюсь к вашим добрым словам!

Едва за освобождённым профсоюзным лидером закрылась дверь, Анатолий Петрович, зная по своему опыту, что руководитель, если хочет добиться стабильно ритмичной работы предприятия, должен, в первую очередь, так сказать, “танцевать” от гаража и, конечно, от бухгалтерии, тотчас по внутренней связи попросил зайти главного бухгалтера. Это была женщина, казашка, не старше тридцати лет, но всё ещё не замужем, статная, с фигурой, словно выточенной, с полной, высокой грудью, с несколько узковатыми по-азиатски, но такими выразительными голубыми глазами, что они придавали всему лицу с правильными чертами удивительную прелесть и обаяние, то самое, которое заставляет мужчин оборачиваться и долго смотреть вслед с саднящим сердцем восклицанием: “Какая женщина! Но, увы, не моя!..” Одета она была в строгий чёрный костюм, плотно облегавший стройную фигуру, её чёрные лакированные туфли на высоких каблучках в дневном свете матово поблёскивали. Скромно зайдя в кабинет, она села на крайний стул, у самой двери, подобрав стройные ноги, а руки с длинными, музыкальными пальцами крестообразно сложила на круглых коленях. И на вопросительный пронизывающий взгляд директора несколько сконфуженно произнесла:

— Слушаю, вас, Анатолий Петрович!

— Алла Сергеевна, ответьте, как у нас обстоят дела с выдачей заработной платы и со сдачей материальных отчётов вообще?

— И то, и другое — неважно!

— Конкретно!

— Можно и так! Задолженность по зарплате к настоящему времени уже составляет более двух месяцев. На расчётном счету — ни копейки. Отчёты руководителями среднего звена, за небольшим исключением, в чётко установленный срок не сдаются.

Значит, возглавляемая мной бухгалтерия не в состоянии в полном объёме свести и сдать баланс в вышестоящую организацию. Кроме того, рабочие табели и наряды на сделанные работы составляются с большой задержкой, а ведь без их обработки никакую зарплату не выплатить, если даже в совхозе и были бы деньги!

— А не скажете, почему так с отчётностью из рук вон плохо? Неужели руководители служб не понимают, что своей безответственностью рубят сук, на котором сами же и сидят?

— Понимать-то они понимают, да вот исполнительская дисциплина хромает, можно сказать, как у степной лошади, на все четыре ноги!

— Ладно, мы вместе с вами наведём надлежащий порядок! А вот что делать с пополнением счёта, думать нам с вами крепко надо! Хотя уже и теперь ясно, что без получения в банке кредита нам не обойтись!

— Но его ведь можно получить только под что-то! К примеру, под животноводческую продукцию! Но, к сожалению, план надоя за первое полугодие сорван! Значит, молоко и мясо отпадает!

— Ничего! Если в ближайшее время спасём капусту, — а мы это непременно сделаем! — то я постараюсь договориться с управляющим банка выдать кредит под неё! А пока вы с главным экономистом подготовьте все необходимые расчёты. И ещё! Очень важное! Поскольку в совхозе из пяти отделений в четырёх трудится коренной народ — якуты, то давайте договоримся о том, что пока заработная плата не будет выдана им, работникам управления ни копейки не выплачивать. Ведь не зря же говорят, что рыба гниёт с головы! Вы меня, Алла Сергеевна, поняли?

— Очень даже хорошо!

Оставшиеся два часа до окончания рабочего дня Анатолий Петрович решил посвятить визитам к директору школы и председателю сельсовета. Обоих он хорошо знал. С первым, Иваном Абрамовичем Хорошиловым, познакомился ещё тогда, когда, работая мастером по строительству в леспромхозе, производил в школе капитальный ремонт. Второй, Игорь Сергеевич Моряков, был не кто иной, как третий по счёту бывший директор совхоза, под началом которого ещё два года назад, до своего перевода в район, Анатолий Петрович занимался строительством. Первому визит решил нанести директору школы. По дороге к нему самокритично подумал: «Да, лихо я начал директорство! Закрутил гайки ответственности накрепко! Как бы в строгом, даже суровом спросе со своих специалистов выполнения служебных обязанностей палку не перегнуть!.. Но коль взялся за гуж, то ни в коем случае нельзя дать себе возможности убедиться, что не дюж. А если буду своими подчинёнными правильно понят, а главное — оценён, то на резьбовой виток-другой гайки можно будет и ослабить... Но лишь в том случае, когда сполна буду убеждён, что огромный производственный маховик так раскрутился успешно, что волей-неволей специалисты, чтобы поспеять за ним, станут выдавать на-гора все свои природные и приобретённые способности и знания, причём вполне самостоятельно, то есть без хоть какой-нибудь оглядки на меня... Что и должны были делать с самого начала своей работы в совхозе...»

Ивана Абрамовича он застал в школьном рабочем кабинете. Увидев старого знакомого, тот, сверкнув заметной проплешиной на затылке, встал из-за стола во весь свой двухметровый рост, широко развёл длинные руки совсем не с преподавательскими пальцами, а рабочими — в садинах, мелких трещинках, забитых землёй, — и, белозубо улыбаясь, не без радости, с лёгким украинским акцентом произнёс:

— Ба! Кто к нам пожаловал!

И, поздоровавшись за руку с Анатолием Петровичем, пригласил его сесть напротив. С минуту молчаливо разглядывал, словно хотел, в первую очередь, понять, что же изменилось в характере гостя. Потом сказал:

— Наслышан, наслышан, что в твоём лице в нашем совхозе новый директор появился! Очень рад, что именно ты занял это место! Ведь я тебя, может, как никто в посёлке, благодаря моей увлеченности психологией, знаю. В том, что совхоз, как бегемота из болота, сможешь вытащить, даже не сомневаюсь, тем более, говорят, не один приехал, а с новой, весьма и весьма молодой интересной женщиной... А значит, есть кому вдохновлять на производственные свершения! Но что это я друга, как соловья, баснями кормлю... За дружескую встречу выпьем по чашечке кофе или чего-нибудь покрепче, к примеру, хорошего армянского коньяка?

— Спасибо, дорогой! Как-нибудь в другой раз, ибо сегодня времени у меня в обрез! А к тебе я, считай, прямо с дальней дороги приехал за помощью! И шибко надеюсь, что по старой, доброй памяти не откажешь.

— Поверь, всё, что в моих силах, сделаю!

— Так вот. Тебе, наверно, не по слухам известно о заросших напрочь многогектарных капустных посадках в центральном отделении?

— Конечно! Я мимо них, верней, бурьяна, вымахавшего по поясу, и задавившего бедную культуру, каждую субботу на протоку Старицу рыбачить прохожу и с глубоким огорчением думаю: “Руки, как этот бурьян, повидавать бы да по башке хорошенько дать всем без исключения совхозным горе-руководителям!..”

— Это без нас сделают! Мои предшественники — тому свидетели... А ты мне, пожалуйста, отправь с завтрашнего утра как можно больше старшекласников на прополку капусты, понятно, не без оказания со стороны совхоза шефской помощи в виде денег. Надо же тебе на что-то для младшекласников организовывать зимой горячее питание!

— Всё-то ты, Анатолий Петрович, знаешь! Но поскольку предложение дельное, я его принимаю! Утром жди ребятшек в количестве двадцати—двадцати пяти с учительницей, отвечающей за организацию и проведение летней практики. А деньги когда на счёт школы перечислишь?

— Эх, Иван Абрамович, что ни говори, но своей еврейской хватке ты не изменяешь! Молодец! Куй железо, пока горячо! Но не волнуйся: как только с работой управимся, так сразу же и рассчитаюсь!

— Лады, дорогой, лады!

Однако прежде чем покинуть гостеприимный кабинет, Анатолий Петрович, ещё раз посмотрев на руки товарища, спросил его:

— По-прежнему пополняешь семейный бюджет продажей на рынке выращенного на приусадебном участке завидного картофеля?

— А как иначе! Я ведь на Север приехал не за романтикой, а заработать честным трудом деньги на приобретение в родной Украине достойного жилья. Для этого в кооператив вступил, первый взнос сделал, но надо чётко, согласно договору, следующие оплаты вносить. А с чего? С моей зарплаты? Это нереально, ведь сам должен знать, какая она, пусть и директорская, но всё равно небольшая — едва на жизнь да на заочную учёбу в иркутском институте иностранных языков хватает! Вот и кручусь, как белка в колесе, между школой и огородом!

— Всё верно говоришь! — сказал Анатолий Петрович и не без грусти добавил: — Только смотри, как бы тебе картофель боком не вышел!..

— Это с какой стати?!

— А с той, дорогой товарищ, что в руководстве нашего района один интересный тип появился, рекомендованный самим обкомом, так он считает занятие каким-либо личным трудом, кроме основного, вредным!

— В хрущёвщину возвращаемся?!

— Нет, ответственный, высоко поставленный руководитель откровенно считает, что на основной работе надо трудиться с такой самоотдачей, чтобы о какой-нибудь другой и думать не хотелось! Ладно, я всё-таки побежал, но, как только устроюсь, в гости пригляшу! Да было бы неплохо возродить наши вечерние встречи, на которых мы с таким удовольствием рассуждали, даже спорили о литературе и о жизни вообще!

— Так возродим! — сказал Иван Абрамович, но в его грудном, как бы трубном голосе уже не звучали беззаботные нотки...

Хотя солнце уверенно пошло на закат, на улице было так светло, что казалось, день ещё в самом разгаре. Действительно, сильно нагретый воздух даже и не думал остывать, зной палил с такой силой, что дышалось с трудом, от нескольких быстрых движений на лбу выступала обильная испарина. Спасительного речного ветра почти не ощущалось, листья берёз, клёнов и тополей в аллее, устроенной учениками несколько лет назад перед фасадом школы, бессильно свисали с густых веток, и кроны деревьев не были, как обычно, ярко-зелеными, а были бледными, словно обескровленные человеческие лица. И всё же надо было торопиться, тем более, что, посмотрев на часы, Анатолий Петрович понял: до окончания рабочего дня оставалось всего каких-то двадцать минут. Он быстро прыгнул на сидение директорского “уазика” и, так как до сельсовета было рукой подать, вскоре лихо подъехал к нему.

Председатель сельсовета тоже оказался на месте. И Анатолий Петрович удовлетворённо подумал: “Однако мне сегодня определённо везёт!.. Интересно — к добру или худу?” Но при виде своего бывшего подчинённого Моряков как-то сжался, словно в ожидании плохой вестки. Как сидел за столом, так и остался сидеть. Сухо поздоровавшись, ещё суше предложил сесть и в немом ожидании устремил на гостя взгляд своих татарских коричневых глаз на лоснящемся от жира круглом лице, как бы недовольно вопрошающий: “А тебе-то что от меня надо?..”

За год совместной работы Анатолий Петрович хорошо изучил человеческие качества бывшего директора и не удивился такому казённому, холодному приёму. Да и чего другого можно было ожидать от человека, который — вот идиот! — тщательно, слов-

но страшный грех, скрывал свою национальность. Знающие люди не раз рассказывали, что когда к нему пришёл его ближний земляк и запросто, как само собой разумеющееся, заговорил с ним на родном языке, то он сделал вид, что не понимает его, и без всякого зазрения совести, на русском с недовольством спросил, чего от него хочет уважаемый посетитель.

Ещё больше удивляться можно было другому: как этот совершенно безвольный, не любящий, а главное — не желающий понимать и слышать простых людей, можно сказать, никчёмный человек не сумел вместе со своими в общем-то опытными многочисленными заместителями организовать в совхозе работу по выполнению государственного плана производства растениеводческой и животноводческой продукции? За это он был с треском уволен с должности директора, но — порой везет же некоторым людям! — каким-то расчудесным образом умудрился занять кресло местного представителя власти.

Но время всё сильнее поджимало, ибо в этот вечер Анатолий Петрович, как и обещал перед отъездом из города своей молодой да красивой жене, ещё должен был у друга юноши на квартире организовать свадебный вечер. Поэтому он лишь вежливо, но пронизывающим, словно гипнотизирующим, сосредоточенным взглядом посмотрел в холодные глаза председателя и попросил его написанный им текст с просьбой ко всем домохозяйкам и пенсионерам посёлка за двойную плату выйти завтра с утра пораньше на прополку капусты сообщить несколько раз по поселковому радио, желательно вскоре после окончания рабочего дня. И, неожиданно получив от Морякова утвердительный ответ, даже пришёл в некоторое недоумение. Вдруг остро захотелось узнать, чем же именно в этот раз в своей готовности выполнить просьбу руководствуется председатель сельсовета, взял да напрямик весьма жёстко спросил:

— Николай Трофимович, а разве представители советской власти на местах не несут ответственности за всё, что происходит на подведомственной им территории, в том числе и на совхозных полях?!

— Как вам сказать!.. — нехотя начал Моряков.

Но был перебит Анатолием Петровичем.

— Да очень просто, в строгом соответствии с законом!

— Конечно, несут!

— Так что же вы, председатель, на глазах которого гибнет ценная сельхозпродукция, сиднем-то сидите, а ведь ещё, как мне известно, продолжаете стоять на учёте в совхозной первичной партийной организации! Или звание коммуниста вас тоже ни к чему не обязывает?!

Вместо того, чтобы честно и обстоятельно ответить на справедливо поставленные вопросы, Моряков вдруг побагровел сытым, жирным лицом, возмущённо вскинул чуть ли не к самой рыжей чёлке редкие брови и, брызгая слюной чуть ли не на весь кабинет, вскричал:

— А что это вы со мной, как с мальчишкой, разговариваете и в мои дела свой нос суёте?! Мне и без вас есть перед кем ответ держать!

— Вот и держите! Только по совести! Хотя... Впрочем, нет никакого смысла времени терять на зряшные разговоры!

— Вы это о чём?

— О самом главном: сегодня капусту надо спасать — только и всего! — категорично ответил Анатолий Петрович и, коротко бросив озадаченному председателю: — Всего хорошего! — вышел на улицу. Но на крыльце остановился, словно хотел вернуться, чтобы высказать этому безмозглому упырю, кем тот в его глазах выглядит. Но лишь с горечью подумал: “И зачем только такие люди рождаются, ведь от них никакой пользы, словно от быка — молока, обществу нет! Это в лучшем случае, а в худшем — и во все вред выходит, поскольку со своей безысходной некомпетентностью, да что уж там — тупостью! — они любое доброе дело на корню губят... Только, к счастью, на этом свете умных, совестливых людей всё-таки неоспоримо больше. Вот Иван Абрамович, хоть и говорит, что приехал с Украины за деньгами, а по сообщению “районки” школу всего за два года в образцовые вывел, при этом ещё успеваешь повышать уровень своих знаний, для чего решил получить второе высшее образование! Молодец! Нет, как порой ни сердчай на жизнь, но именно по таким, как директор школы, о ней надо судить — и вряд ли ошибёшься...”

От сельсовета, сам управляя повидавшим виды, натужно гудящим “уазиком”, направился к гостинице, ставшей по его воле, их с Марией семейным гнёздышком. Порывисто, словно весенний ветер, вбежав в дом, он застал жену в отдалённой комнате, где была лишь полутораспальная кровать да несколько старых стульев. Правда, на полу был ещё постелен синтетический коричневый ковролин. А Мария смотрела в окно

с такой глубокой задумчивостью, что сразу не услышала появления мужа. А когда пришла в себя, то посмотрела на него своими карими глазами с лёгкой грустинкой, которая придавала им такую бездонную, невольно притягивающую глубину, что хоть ныряй в них всей душой — и плыви, плыви и плыви, словно по космической бесконечности.

— Так о чем это мы задумались, дорогая жена? — жизнерадостно, с энергичной теплотой в звенящем голосе спросил Анатолий Петрович. — Уж не думаешь ли с сожалением о том, в какую глухомань я тебя завёз?

— А вот и не угадал, поскольку та местность, где я родилась и выросла, ничуть не насыщенной жизнью, чем эта. Только там вместо безбрежной тайги на сотни верст вокруг простирается полынная, сухая, а в зной и вовсе выжженная степь, где единственное, что радует глаз, так это берёзовые островки, по-тамошнему называющиеся колочки.

— Не переживай, милая, твоя женская судьба сложится удачно! Слово даю! А теперь, будь добра, побыстрей соберись, а то мой друг Иннокентий Авдеев со своей женой Натальей нас уже заждались!

— По какому случаю?

— А ты разве забыла о моем городском обещании?

— Нет! Но мы же к вечеру не готовились!

— Это не совсем так, ибо еще из города я предупредил друга, чтобы он организовал классную — из свежей осетрины! — закуску, а спиртное: водку, коньяк, вино и шампанское — я захватил с собой!

— То-то, занос набитый до отказа рюкзак, я отчётливо слышала, как в нём что-то стеклянное весело позванивало! — сказала Мария и начала быстро приводить себя в порядок.

16

Дружба между Анатолием Петровичем и Иннокентием Авдеевым зародилась ещё в те годы, когда они были вихрастыми пацанами, звались просто Кеша и Толя и, как все мальчишки, страшно любили играть в так называемую войнушку. Как-то само собой получилось, что вся ребятня улицы Короленко, на которой они проживали, разделилась на две не то чтобы враждующие стороны, но на противостоящие команды — это точно. В зимнее время, когда ночные, навзрыд воющие, выюги наметали огромные — в два метра и более высотой! — сугробы, в которых снег так плотно слёживался, что при помощи ножевок члены обеих команд выпиливали что-то вроде блоков и из них строили крепости с толстыми стенами и смотровыми башнями. А чтобы они были крепкими и могли выдержать штурм вооружённых не только тугими, как резиновые мячики, снежками, но и деревянными саблями и пиками осаждающих “воинов”, крепость обильно поливали водой, привозимой на конских санях в железной бочке с реки добродушным дядей Петей, мужчиной пятидесяти лет, высоким, с густыми тёмными бородой и усами, в которых прятались тонкие губы, а при улыбке обнажались жёлтые от никотина зубы. Скорей всего, он потакал шустрой ребятне потому, что своих детей у него почему-то не было, а посмотреть, с каким отчаяньем и упорством “воюют” чужие, было ему в большую радость. При успешном взятии одной из команд “вражеской” крепости, “завоеватели” её не ломали, а лишь на самой высокой башне вывешивали свой символический победный флаг. И, как их далёкие предки в Масленицу, “братались”, вечером собираясь в местном клубе, и, бурно подводя итоги прошедшей “войнушки”, и заодно намечали срок новой, ещё более грандиозной, как правило, в следующее воскресенье — единственный свободный от многочасовых занятий в поселковой школе-десятилетке день.

В одной команде верховодил Виктор Авдеев, и хоть Кеша приходился ему двоюродным братом, “воевал” он во второй, руководимой Анатолием. И в школу при любой погоде они ходили вместе, двухкилометровой дорогой в один конец, почти с одного конца посёлка в другой, наперебой говоря о волнующих их юные души вопросах, всё больше и больше сближаясь духовно. И казалось, что во взрослой жизни они пойдут параллельными путями, но судьба рассудила иначе. Иннокентий как закончил школу механизации, так и сел за баранку трактора “Беларусь” и словно прикипел к ней до конца жизни, а Анатолию, тоже выучившемуся на тракториста, в двадцать шесть лет, можно сказать, чисто случайно представилась возможность уже на конкретном, “взрослом” деле проявить сполна все свои незаурядные организаторские способности.

И он не растерялся! Словно много лет только и ждал этого судьбоносного времени, враз окунулся в него с головой, и какими бы ни были бурными его стремительные волны, не захлебнулся, не утонул, выплыл на крутой, обрывистый берег судьбы победителем. Это тотчас было отмечено вышестоящим начальством, и жизненная колея Анатолия совершила крутой, на целых сто восемьдесят градусов поворот. Если прежде

он с умом подчинялся начальственной воле, то теперь сам стал повелевать чужими жизнями, по крайней мере, на производстве. По-разному повернулась к ним судьба и на семейном фронте. А именно, если Анатолий женился слишком рано, то его друг, можно сказать, с большим опозданием, только под тридцать лет. Однако это ничуть не мешало двум мужчинам оставаться верными друзьями, делить, как в знаменитой песне, “хлеба краюху — и ту пополам...”

В жёны Иннокентий, видный парень, на которого заглядывалась, по которому вздыхала и сохла не одна девушка в посёлке, взял не местную, а из города, воспитательницу детского сада Наталью. Была она ладного сложения, светловолосой, с немного скуластым лицом, на котором, как весенние небесные всполохи, горели искренним жизнелюбием голубые глаза. Тонкие губы говорили о сильном характере. Так оно на самом деле и было. Вступив в брак, она сохранила независимость взглядов как на саму жизнь, так и на процессы, происходившие в ней. Даже на всевозможных выборах отдавала свой голос только за того кандидата, которого лично она считала более достойным, чем другие. Переехав к мужу в двухкомнатную квартиру, она и на работу устроилась по своей профессии в совхозный детсад, к стати, расположенный через дорогу от дома, в котором жила, в новом одноэтажном просторном брусом здании, для красоты и сохранения тепла обитом вагонкой по двухслойному толю.

Заслышав машину, въезжающую во двор, Иннокентий с Натальей, приветливо улыбаясь, выбежали встречать гостей на высокое, со сплошными перилами крыльцо. Анатолий Петрович, захлопнув дверцу, помог немного смущённой жене выйти и, неся в одной руке тяжёлый рюкзак со спиртным, а другой держа Марию за руку, пошёл навстречу друзьям и, подойдя, крепко за руку поздоровался с другом, а его жене галантно поцеловал ручку. И тотчас восторженно произнёс:

— Друзья, представляю вам свою половинку — Марию! Прошу любить и жаловать не меньше, чем меня, нет, даже больше!

— Ну, Анатолий, ай, да молодец, какую писаную красавицу взял себе в жёны! — восхищённо сказал Иннокентий, слегка пожимая точёную руку зардевшейся лёгким румянцем Марии.

— То, что у твоего друга губа не дура, всем известно! — высказала своё мнение Наталья. — Только, мужики, не забывайте, поражаясь до глубины души женской красотой, поклоняться ей!

— Это не в мой ли огород камушки? — деланно обиделся Иннокентий.

— А хотя бы и так! — отпарировала жена и воскликнула: — А что же это мы на улице стоим? Проходите, дорогие гости, в дом!

Когда Анатолий Петрович с женой, сопровождаемые хозяином, вошли уютную, но небольшую гостиную, на разложенном и покрытом свежей узорчатой скатертью столе уже стояла закуска. С кресла, стоящего в углу, рядом с мягким диваном, тотчас повернувшись к гостям лицом, поднялась очень даже симпатичная, с большими синими глазами, среднего роста, хрупкая, как созревший тростник, девушка. Во всём её непопачканном облике было что-то такое одновременно и вызывающее, говорящее о глубоком чувстве своего достоинства и притягивающее к себе, как магнит, причём настолько выразительно, с такой силой, что Анатолий Петрович на несколько секунд задержал на ней свой удивлённый взгляд. Это не ускользнуло от ревнивого внимания Марии, но она лишь плотно сжала губы. А между тем Иннокентий весело произнес:

— Друзья, с удовольствием представляю вам младшую сестру моей дражайшей половины — Ирину! Она студентка Иркутского политехнического института. Между прочем, учится отлично! В настоящее время, находясь на каникулах, решила навестить нас! И мы, конечно, этому очень рады!

Гости познакомились с Ириной. Но при этом, если Анатолий Петрович, взглянув озорным взглядом ей в глаза, наклонился и прикоснулся горячими губами к её прохладной руке, то Мария лишь краешками губ улыбнулась и словно нехотя кивнула головой студентке. Снимая на ходу передник, в гостиную вошла Наталья, видать, только что стоявшая у плиты — лицо её было разгорячённо пунцовым, на кончике носа выступили капельки пота. Она пригласила всех сесть за стол. Иннокентий тем временем возился с магнитофоном с двумя круглыми, большими полторачасовыми бобинами, наконец, включил его, и из разнесённых по углам гостиной динамиков невидимыми волнами поплыла эстрадная итальянская музыка. Заметив, как довольно улыбнулся друг, он несколько хвастливо промолвил:

— Анатолий, как видишь, я и не думал забывать о твоих эстрадных пристрастиях! — И вдруг шлёпнул себя по лбу: — Ба! А я вот, дурень, и не поинтересовался, какую музыку любишь ты, Мария! Извини! И если итальянская тебе не нравится, то я в один момент поставлю другую кассету с песнями, которые тебе больше по душе!

— Что ты, Иннокентий, не стоит, ибо я тоже большая поклонница и Фольки, и Кутуньо, и Пупо! — к своей радости, услышал он в ответ. — Мы с девчонками в институтском общежитии чуть ли ни каждый вечер буквально заслушивались их мелодичными, красивыми голосами!

Пока они так увлечённо разговаривали между собой, Анатолий Петрович осторожно открыл бутылку шампанского и осторожно, стараясь, чтобы напиток не хлынул через края, разлил шипучий напиток по хрустальным, в свете сверкающим тонкими гранями бокалам.

— Друзья, как говорит мой один хороший знакомый, — непринуждённо, даже очень весело и громко сказал он. — Самозванцев нам не надо — председатель буду я, то есть хотел бы первым произнести тост! Надеюсь, дорогие друзья, вы не будете против этого?

— Конечно, нет! — за всех тотчас ответила Наталья.

— Спасибо, дорогая! Во-первых, я хотел бы напомнить, что сегодня мы собрались по случаю нашего бракосочетания с моей ненаглядной Марией. Я понимаю, насколько это оказалось для вас неожиданным, но уверен, непродолжительность нашего знакомства может в полной мере являться гарантией долговечности семьи, тем более, если супруги целенаправленно проявят мудрость, которая позволит укрепить чувства очень даже симпатизирующих друг другу людей. Во-вторых, как сказал один известный поэт, по-моему, Степан Щипачёв, “жизнь прожить — не поле перейти...” Поэтому я хочу предложить выпить не столько за наше с Марией вступление в брак, сколько за веру в наше счастье!

И одним махом до дна осушил бокал. Но едва выпили и остальные, как Иннокентий протестующе воскликнул:

— Нет, дорогие друзья, так мы с вами далеко не уедем!.. Ни в поле жизни, ни в море счастья настоящая любовь невозможна без свадебного поцелуя! В общем, горько! Горько! Горько!

— Действительно, горько! — поддержала мужа Наталья. — Иначе точно семейная жизнь слаще мёда не сложится!

Не осталась в стороне и Ирина. Но она лишь с озорными искристыми огоньками в глазах захлопала в свои небольшие, аккуратные ладошки. Новобрачным ничего не оставалось, как только впервые на людях счастливо сомкнуть уста. Но Анатолий Петрович вложил в поцелуй столько продолжительной нежности, что у Марии, словно от хорошего сухого вина, слегка зашумело в висках и закружилась голова.

— А слово для следующего тоста я предоставляю своей супруге! — не дав опомниться от первого поздравления, невозмутимо сказал Иннокентий. — У неё это получается куда лучше, чем у меня! Наталья, не подведи мужа — держи пламенную речь!

— Однако я, — ты уж, дорогой муж, извини! — буду кратка. Хочу просто от всей нашей небольшой, но, заметьте, крепкой семьи пожелать вам, Анатолий и Мария, жить в полном достатке, страстно любить друг друга и, конечно, завести как можно больше прекрасных детей! И тоже с радостью провозглашаю: “Горько! Горько!..”

И опять новобрачные сомкнули свои ещё не остывшие от прежнего горячего поцелуя уста. Только в этот раз Мария уже не пыталась смущённо прикрыться лицом мужа, ибо после первого тоста успела солнечно подумать: “А что это я так ревниво отреагировала на взгляд мужа, словно он совершил что-то неприличное? Посмотрел — да и посмотрел. От этого ни с меня, ни с него ведь точно не убудет...”

После второго тоста Наталья принесла из кухни только что вынутый из духовки, с коричневой, обильно помазанной сливочным маслом и от того нежно поблескивающей корочкой рыбный пирог и, ловко разрезав его на ровные кусочки, разложила всем по тарелочкам.

— Не знаю, удалась ли мне стряпня, но я старалась!

— Тут и сомневаться не стоит! Заранее говорю: “Удалась! Да так, что наши гости пальчики оближут!..” — похвалил жену Иннокентий.

Анатолий Петрович попробовал пирог и аж причмокнул:

— Точно, такой вкуснятины я ещё не ел!

И все принялись с апетитом ужинать, при этом и Мария, и Ирина тоже хвалебно отзывались о вкусовых качествах явно удавшегося свадебного пирога. Но за ужином женщины как-то незаметно повели между собой понятные лишь им разговоры, а мужчины, быстро управившись с едой, вышли на крыльцо. Анатолий Петрович просто подышать свежим воздухом, а Иннокентий, заядлый курильщик, подымить “Беломором”, который предпочитал всем другим папиросам.

Дневная жара, раскалившаяся за день до зноя, наконец-то заметно остыла. И хотя казалось, что воздух оставался недвижим, лёгкое дуновение ветерка с реки обвевало

лица шелковистой прохладой. Давно спустившийся с высоких, почти безоблачных небес на землю вечер был настолько прозрачно светло-синим, что взгляд, устремлённый далеко вперёд, ясно различал и противоположную улицу с одноэтажными, рубленными в лапу старинными домами, и на другом берегу Лены поросшие густым еловым лесом крутолобые скалистые сопки, над которыми, чуть ли не касаясь вершин деревьев, не спеша, словно зная, что впереди очень долгая дорога, восходил матово серебристый месяц. За тесовой оградой по улице изредка проходили редкие прохожие, стрекоча, как полевые кузнечики, проезжали мотоциклы. Густая, песчаная пыль, поднятая ими, крылатым облаком стелилась по-над дорогой, захватывая своими серыми крыльями и стоящие вдоль улицы дома с оградами и огородами. В соседнем дворе какой-то мужчина, явно с целью отогнать вездесущих комаров, чтобы корова при доении вела себя спокойно, разжёл дымок в железном баке с коровыми “лепешками”. Сизый, горьковатый на вкус, щиплющий ноздри дым медленно поднимался вверх, полупрозрачными волнами расходился вокруг. Всё это было до боли знакомо Анатолию Петровичу, и всё же он поймал себя на мысли, что смотрит на те же дома как-то больно уж по-другому, изнутри, что ли, а не отстранённо. И в его башке невольно вспыхнула мысль: “Да это всё потому, что теперь я отвечаю за благополучие всех людей, работающих в совхозе. И только от моих действий и решений зависит, поверит ли мне народ... Да, тяжела ноша руководителя, ох, как тяжела...”

Иннокентий, закурив, с наслаждением, словно целые сутки не курил и, как обычно в таком случае говорят, у него аж уши опухли, глубоко вдохнул горьковатый дым и, сощурился задумчиво карие, с тёмными белками глаза, как бы с облегчением выдохнул. Тотчас противно зудящие вокруг комары стали отлетать в стороны.

— Слушай, друг, — спросил его Анатолий Петрович. — А что думают наши совхозные рабочие по поводу моего приказа?

— По-разному... — охотно сказал тот. — Одни, которым надоела чехарда с руководством и связанный с этим всё углубляющийся бардак, явно положительно. Даже говорят, что наконец-то пришёл хозяин, знающий дело. Другие, те, что привыкли плыть по течению, на работе, так сказать, бить баклуши, всерьёз задаются вопросом: “А точно директор не только выгонит на прополку своих заместителей, но и выйдет сам?” А третьи — знай, есть и такие! — вдруг сделались больными, которым почему-то в одночасье стал противопоказан физический труд внаклонку, да ещё на жаре, и, уверен, они завтра с утра побегут в амбулаторию на приём к врачу, чтобы тот посадил их, страх как “хворых”, на больничный. Но таких, думающих лишь о своем благе, немного. Их мнимое недомогание никоим образом не повлияет на выполнение задуманного тобой плана.

— Ну, а сам-то ты что скажешь?

— Только одно. “Если бы ты не действовал решительно, напористо, то никогда не достиг бы той вершины, на которой находишься по праву сейчас! А хорошо это или плохо — решать лишь тебе самому. Ведь что бы я тебе ни посоветовал, ты всё равно всё сделаешь по-своему и, конечно, будешь прав, хотя бы потому, что со своей высоты видишь намного дальше, чем я, простой тракторист”. Вот так-то, друг! Однако пора возвращаться за стол. Да и наши любимые, наверно, заждались уже!

Но когда они вошли в гостиную, то были немного разочарованы, ибо женщины продолжали так увлечённо обсуждать волнующие их вопросы, что не сразу заметили мужчин, неожиданно почувствовавших себя не то чтобы лишними, но рано вернувшимися — точно. И вдруг Иннокентий, выключив магнитофон, от чего в комнате враз повисла глубокая тишина, громким голосом, не принимающим возражений, произнёс:

— У меня есть классное предложение! И заключается оно в том, что мы сейчас быстро соберёмся и поедем купаться на Нью! Она уже вполне после затянувшегося паводка вошла в русло, обнажив свои пляжи с зернистым, шёлковым песком. Он за день настолько прогрелся, что лежать на нём будет одно удовольствие! Не менее тёплой стала и речная вода. Она, словно бархат, охватит тело с такой освежающей ласковостью, что вылезать на берег не захочется! Да и нашим гостям после долгой, пыльной дороги из города надо снять накопившуюся усталость, тем более, что завтра в поле под палящим солнцем сил потребуется немало!

— Ой, дорогие друзья, а я даже совсем не думала в этот вечер купаться и поэтому, конечно же, не захватила с собой купальник! — как бы несколько виновато сказала Мария. Наталья, смерив взглядом ее фигуру, успокоила:

— Это дело поправимое! Я тебе один из своих на выбор одолжу!

И женщины сорочьей стайкой упорхнули в спальню переодеваться.

— А мы, Иннокентий, что — в трусах предстанем перед нашими красавицами? Го-ни плавки! — потребовал Анатолий Петрович.

— Нет проблем! — согласился друг. — Тебе какого цвета больше по нраву — чёрного, белого или, может, голубого?..

— Тоже спросишь! Чёрного, конечно!

Через десять минут друзья в машине, управляемой Анатолием Петровичем, проехав по улице метров пятьсот, сразу за совхозной конторой свернули в правый проулок, с одной стороны которого стояли дома с огородами, сплошь засаженными картофелем, с другой — возвышался длинный, рубленый из сосновых, окантованных с двух сторон брёвен коровник с огромным сеновалом. Миновав его, повернули влево и выехали на обрывистый берег Лены. По нему, поднимая столбы серой, въедливой пыли, пронеслись до протоки Старицы, успевшей обмельть настолько, что она представляла собой безобидный, можно даже было сказать, жалкий ручей в ширину не более пяти-шести метров. Зато за ним возвышались такие зыбучие, вязкие сугробы песка, что, только с включённым передним мостом на повышенных оборотах первой скорости удалось с трудом преодолеть их и покатыть по Большому острову, который в паводок полностью уходил под воду, потому неизменно каждое лето на нём рождался густой, высокий травостой, и сенокосному звену, возглавляемому много лет отцом Иннокентия, удавалось заготавливать сена почти на всех бурёнок центрального отделения совхоза.

Вскоре впереди замаячил высоченный тёмно-зелёный ельник, окружённый со всех сторон утинными озерами с крепким глинистым дном, обрамлёнными, словно природный бриллиант дорогой оправой, сочной, но больно уж вострой, как якутский нож, осокой, с берегами, богатыми такой чёрной смородиной, что её гроздь, налившись, матово отливая боками крупных ягод, отягощали ветви до самого среза воды. Сразу за ельником дорога, прорубленная в густом тальнике, нырнула вниз к самому речному берегу в каких-то двухстах метрах от устья, за которым степенно и величаво, словно самая настоящая царица всех сибирских рек, несла себя далеко, на крайний Север, державная красавица-Лена.

Здесь Анатолий Петрович и остановил машину, поставив её на ручной тормоз. Тотчас защёлкали дверные замки, и на песок один за другим высыпали поздние купальщики. Иннокентий быстро сбросил рубашку с брюками, снял сандалии и вприпрыжку, как в далёком детстве, с задорным улюлюканьем побежал по песку так быстро, что из-под успевших загореть до шоколадного цвета пяток забили песчаные фонтанчики. А влетев в воду, стал, смешно, по-лягушачьи высоко поднимая ноги, по пологому дну уходить всё глубже и глубже, пока, наконец, не поплыл, как рыбацкий поплавок при поклевке, то погружаясь с головой в стремнину, то выныривая на гладкую поверхность реки. Следом за ним, оказавшись проворней старшей сестры и новой знакомой, к реке пошла Ирина, неся свою, словно выточенную на природном станке, стройную фигуру с покатыми плечами, с волнующе округлыми бёдрами, так величаво, что Анатолий Петрович невольно несколько секунд любовался ею, при этом даже напрочь забыв, что снятые брюки продолжает держать в руках... Это не ускользнуло от ревнивого внимания Марии. Она, сузив глаза, раз-другой с осуждением посмотрела на мужа и с гневной досадой подумала: “Нет, это уже слишком!.. Он что, точно запал на более молодую, чем я, ну, самую настоящую пигалицу?! Если я всё же ошибаюсь, то, в любом случае, зачем меня ставить в неудобное положение перед Натальей — ведь она же не слепая!..”

В этот момент ей вдруг до боли захотелось побыть одной. Но словно сойдя с небес на грешную землю, Анатолий Петрович, как ни в чем не бывало, подошёл к жене и, взяв за руку, потянул за собой... Но у среза реки он, увидев, что Марию словно охватила боязнь воды, отпустил её и стал входить в реку один, причём медленно, приятно чувствуя, как она своей бархатной прохладой понемногу охватывает тело. По коже пронеслись лёгкие мурашки, заставившие слегка сжаться душу. Но когда он, с головой окунувшись в реку, начал мощно грести руками, то ему быстро стало тепло, захотелось плыть и плыть. Быстрое течение сносило его к разделённому большой водой на два рукава широкому устью. Тогда он, словно по воле свыше, вступил с ним в борьбу, ощущая всё усиливающуюся нагрузку на мышцы рук и ног. Минут через двадцать, порядком устав, он ясно почувствовал сильное просветление в голове, и все треволения прошедшего дня словно бесследно пропали, на душе стало так легко, что сильно захотелось петь, но он только всё продолжал упрямо плыть и плыть, словно забыв обо всём на свете. И только когда с песчаного, пологого берега Иннокентий энергично замахал ему, мол, пора возвращаться, увидел, что женщины уже оделись, он, хотя немного и пошатываясь от усталости, но с сожалением, будто не доделал край как нужную работу, вышел из воды. С сияющим от полученного от плавания удовольствия лицом подбежал к машине и, достав из сумки махровое полотенце, докрасна растёр своё молодое, мускулистое тело.

— А вот теперь можно и ехать! — весело сказал он.

— Конечно, едем, время-то уже к полуночи приближается! — воскликнул Иннокентий. — Но отдав столько сил борьбе с течением, завтра, нет, можно сказать, уже сегодня, ты, Анатолий, на прополке капусты каким огневым порохом зарядишь себя, ведь хочешь, не хочешь, а в передовиках тебе надо во чтобы-то ни стало быть?!

— А тем самым, неоднократно проверенным — волевым! Зря, что ли, я на твоих глазах с самого детства непосильным трудом кую и кую характер, как заправский кузнец?! Поверь, дорогой, не зря!

Высадив друзей у дома, Анатолий Петрович с женой, всю дорогу молчавшей, словно ушедшей глубоко в себя, через пять минут езды въехал во двор и у самого крыльца, под окном остановился. Мария сразу же зашла в дом, а он, наконец увидев перемены, произошедшие с ней, и немало им удивившись, в полном недоумении остался стоять на улице, словно надеялся под небом с слабо горящим, одиноким месяцем, как бы опустившимся в лёгких сиреневых сумерках, проанализировав праздничный вечер, понять, в чём же он провинился перед женой, чем обидел её. Но в глубокой тишине, нарушаемой лишь звоном страшно надоедливых, больно кусающих комаров, серьёзных причин для изменения поведения жены не нашёл. Глубоко, словно разочарованно вздохнув, не спеша вошёл в дом. Свет ни в одной комнате не горел. Мария вместо того, чтобы разобрать постель, сидела в гостиной и, опершись рукой о мягкую спинку кресла, молча смотрела грустным взглядом куда-то в сумеречное окно, за которым, освещённые серебристыми лучами луны, плывущей в глубокой небесной синеве, были хорошо видны конусообразные верхушки высоких сосен, с толстой корой, словно покрытой кованной медью, с густыми хвойными кронами, с прошлогодними сухими шишками.

— Мария, извини, что беспокою, но ты мне можешь толком объяснить причину, которая, судя по вдруг охватившей тебя хмурости и замкнутости, сильно гнетёт душу? — стараясь быть вполне спокойным, тихо спросил Анатолий Петрович серьёзно расстроенную жену.

— Извини, но этот вопрос, мне кажется, должна задать тебе я! Считаю, что я это уже сделала! Будь добр ответить на него, как на духу!

— Да мне нечего отвечать, поскольку я за собой не чувствую никакой вины, по крайней мере, такой, чтобы о ней говорить!

— Даже так!.. Ну, ты и даешь!.. А унижать меня как женщину, между прочим, свою жену, в глазах своих старых друзей и пигалицы, их студентки-родственницы — это, потвоему нормально?! В порядке вещей?!

— Милая, ты о чём таком странном говоришь?!

— О том, дорогой, что мой законный муж весь вечер неприлично пялился и пялился на студентку! Знаешь, смотрела я на тебя и в самом деле по-настоящему боялась, как бы твои, извини, бесстыжие глаза из орбит не вылезли! Если ты такой влюбчивый, то на мне-то зачем женился и привёз в эту захолустную таёжную дыру? — и, не дожидаясь ответа, вызывающе заявила: — В общем так! Я решила завтра же первым автобусом возвратиться в город! А оттуда улететь домой, чтобы, как можно скорей забыть всё, что было между нами, как страшный сон!

Анатолий Петрович, тотчас поймав себя на мысли, что его предположение насчёт ревности Марии, к сожалению, оправдалось в полной мере, на некоторое время ещё не с сожалением, но уже с грустью замолчал. Тогда у него всерьёз оставался только два выбора. Первый — это сказать себе: “Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало...” — и как-нибудь попытаться уснуть, таким образом предоставить жене время успокоиться и утром, которое, как известно, вечера мудрее, скорей всего, изменить своё ультимативное решение. И второй, заключающийся в том, чтобы сполна, несмотря на позднее время, объясниться с женой в надежде если не на полное, то хотя бы терпимое примирение. И, решив сделать именно так, он не спеша, но уверенно заговорил:

— Конечно, ты вправе поступать по своему усмотрению, и я это не собираюсь оспаривать! Но должен напомнить старую истину, гласящую, что редко когда решения, принятые в горячке, в обиде и в ревности, бывают на поверку единственно верными. Да и потом, совсем не зря же сказано: прежде чем один раз отрезать, семь раз отмерь! В отношении Ирины, честно признаюсь, что я порой действительно восхищённо любовался её красотой и не по возрасту ранним умением показать себя в чужих глазах равно самостоятельной и величавой, что ли... Это природный дар! Поэтому к нему иначе, как с уважением, относиться нельзя! Но я смотрел, как ты выразилась, на студентку, с не большим восхищением, чем делал бы это в художественном музее, глядя на мастерицу написанную картину. Да-да, именно так — и только! Что она для меня? Вспыхнувший на одно-другое мгновение небесный всполох, который, быстро сгорев, кроме светлого воспоминания лицемерия прекрасного, в душе ничего не оставит. И сколько

ещё в моей жизни будет таких ярких всполохов, только одному Богу известно. Но чем больше, тем лучше, ибо с каждым из них моя душа будет очищаться от накипи горького бытия, чтобы взлетать на такую высоту жизненного вдохновения, на которой только и возможно творить счастье, чтобы делиться им с другими! К сожалению, я ещё пока не могу твёрдо сказать, что от страстной любви к тебе схожу с ума. Но ты женщина, которая мне нравится, которую я назвал своей женой, заметь, уже раз жестоко обжегшись на супружестве. Это говорит о том, что я вполне осознанно, взвесив, обдумав все твои хорошие и не очень качества, принял для себя, может быть, самое главное в жизни решение — связать до конца дней моих свою судьбу с твоей. При этом я никаких клятв, заверений в верности от тебя не потребовал! Да и сам не давал! Чтобы жить в мире и согласии одной семьёй, надо в одночасье не бросаться высокопарными словами, а, словно дом, пусть по кирпичику, но неотумимо, день за днём, строить отношения доверия, надежды и любви между мужем и женой. Другого, чтобы в супружестве быть счастливым, не дано, да и вряд ли надо! Я отдаю себе отчёт, и было бы хорошо, если бы ты смогла меня понять, что десятилетняя разница в возрасте, которая существует между нами, некоторое время будет чаще мешать, чем помогать, не только слушать, но и, самое главное, — слышать друг друга. Значит, если мы хотим на самом деле создать настоящую семью, в которой, в конце концов, не только наши будущие дети были бы скрепляющим цементом, но и великая любовь, то должны запастись терпением, выдержкой, которая не позволит от недовольства друг другом уходить в себя, как сегодня сделала ты, а спешить в спокойном разговоре произвести так называемый “разбор полётов”. Принято считать, что в начале всего на земле было Слово, так пусть оно никогда, ни при каких обстоятельствах не изменит нам... Всё, что волновало мою душу, я, кажется, с присущей мне от природы честностью, сполна сказал. Поймёшь ли ты меня или нет — не знаю!.. Но очень хочу надеяться хотя бы на то, чтобы ты смогла услышать крик моей души! А теперь, извини, я хочу спать, тем более, что мне ни свет, ни заря подниматься...

И Анатолий Петрович, больше ни слова не сказав, быстро разделся, разобрал постель, лёг на пружинистую кровать и, накрывшись лёгким жаккардовым одеялом в белоснежном пододеяльнике, наконец-то с удовольствием позволил телу, весь день сжатому, как стальная пружина, расслабиться. Минут через пять легла и Мария, повернувшись к нему спиной. Но он от этого не расстроился, а, обняв её за такие милые, хрупкие плечи, нежно прошептал: “Дорогая моя, хорошая! Всё будет хорошо, вот увидишь!..” И, резко откинувшись на подушку, даже и не заметил, как провалился в глубокий, полный сновидениями молодой сон. Всё, что было хорошего и плохого пережито за совсем непростой день, выходило из его горячего сознания, освобождая его для новых, скорей всего, ещё больших тревожностей нарождающегося дня.

Мария, наоборот, сколько ни пыталась быстрее заснуть, сделать это у неё никак не получалось — в глаза словно спички вставили... Иначе и быть не могло, ведь в её голове мысли, одна другой мрачней, пронеслись вихрем, сердце билось часто-часто, как синица в силках. Поняв, что уснуть не удастся, она откинула одеяло и, встав, как была в одной просторной ночной рубашке, так и подошла к окну. Лёгким движением раздвинула тюлевый занавес, чтобы лучше видеть луну, чей матово белый свет буквально ломился сквозь широкое окно в гостиную. Он серебрил её упругую, высокую грудь, ложился, как первый снег на ещё теплую землю, на распущенные густые волосы, лёгкой волной ниспадавшие на покатые плечи. Зная со слов двоюродной сестры, врача, что долгое зношение на закат укрепляет нервную систему, она вопросительно подумала: “А луна случайно не успокаивает?..” И как бы в поисках ответа стала пристально вглядываться в ночное светило, взошедшее на самую вершину своей крутой бесконечной небесной дороги. И — о, чудо! — через несколько минут почувствовала, что дышать стало легче, ровнее, мысли, хоть ещё порой и вскипали, как речные струи на перекатах, но уже обретали ровное, словно послушное, течение...

Больше всего Марию мучило то, что мужчина, с которым она решила связать свою судьбу, на второй же день супружества, как ей упрямо думалось, пренебрёг ею. И сделал это пусть на глазах своих друзей, но слишком уж вызывающе, словно нарочно! В сознании один за другим вспыхивали вопросы: “Так чего же можно ожидать от мужа в дальнейшем? Ещё горше обиды, ещё большего унижения?..” И ответив на них: “Скорей всего!..” — решила, что завтра, верней, уже сегодня первым автобусом она уедет, обязательно уедет!.. Но тут, словно по воле свыше, мысли потекли словно в обратную сторону, по другому руслу: а может, я всё-таки ошибаюсь! Анатолий не такой мужчина, который способен на предательство. Ведь объясняя своё восхищение чужой красотой, он не стал юлить, оправдываться, а сказал так, как чувствовал, думал на самом деле. И всё же она не может позволить себе ошибиться ещё раз, ведь это может оказаться

если не роковым ударом, то такой тяжёлой душевной раной, что до конца своей жизни слёзы на кулак мотать придётся! А ведь мечталось о чистой любви, о возвышенном счастье, о дорогой семье, где бы радостно звучали голоса подрастающих детей!

Меж тем ночное время неумолимо проходило, исчезая где-то далеко-далеко... Хотя луне-полуночнице ещё предстояло светить и светить, но уже восточный окоём неба мягко зарозовел узкой полоской. В соседнем дворе раз-другой прокукарекал петух, но поскольку его слишком ранние крики остались безответными, то и он больше не взрывал хрупкую предутреннюю тишину. В гостиной стало прохладно. Мария зябко поежилась плечами, и, так ничего окончательно в отношении своего настоящего и будущего не решив, глубоко вздохнув, вернулась в кровать, чувствуя, что сейчас она точно, лишь положит голову на подушку, заснёт.

17

В это утро подёрнутое маревой дымкой солнце, выкатываясь на синий, почти безоблачный небосвод из-за лесистого горизонта, пылало с такой силой, так светоносно, что уже к шести часам на улице было ясно, как днём. Не успевший довершить свой небесный путь полный месяц, словно человек, напрочь забытый жизнью, как-то уж очень непривычно одиноко смотрелся среди ликования золотого света. На окнах большой комнаты, где спали новобрачные, были подвешены к деревянным коричневым карнизам лишь прозрачные, воздушные узорчатые тюли, через которые солнечные лучи лились стремительно широким потоком, горяча лица спящих супругов. Если Мария, во сне ощутив их тепло, лишь повернулась набок и натянула на голову одеяло, то Анатолий Петрович, словно по армейской команде, широко открыл глаза, бросил взгляд на ручные часы и тотчас, смахнув с себя одеяло, поднялся. Взглянул с грустью на сладко спящую жену, может быть, на самом деле в последний раз, тяжело вздохнул, глубоко подумав: “Чему быть, того не миновать! Хотя, ничего не скажешь, всё как-то до обидного нескладно у нас с ней получилось... А ведь так славно начиналось! Жаль, даже очень жаль... И всё-таки раньше времени лить слёзы по второй семье не стоит. Жизнь ведь подобна тельняшке, где светлая полоса сменяет тёмную!.. Вот на это, а не на преждевременное разочарование и стоит надеяться, а значит, что бы ни случилось, продолжать вдохновенно и солнечно жить!”

По-армейски быстро оделся в рабочую одежду: брезентовые брюки и куртку, — ноги обул в проверенные спортивные кроссовки, в которых для поддержания спортивной формы набегал не одну тысячу километров. Вдруг подумалось: “Когда это было?! Да совсем недавно — год назад! И то, что я из-за вечной занятости забросил кросс, мне чести не делает... При чётком раскладе суток по часам всегда можно выкроить время на здоровье... Как говорится, порох надо всегда держать сухим!..” От прогретых за прошедший день сосновых стен веяло теплом, и в тесной квартире было душно. Захотелось как можно скорее выйти на свежий воздух, вдохнуть его всей грудью, да так, чтобы грудная клетка затрещала! Пройдя на кухню, Анатолий Петрович на скорую руку позавтракал пирогом — гостинцем Натальи, успевшей при расставании заботливо вручить его молодожёнам, и осторожно, на цыпочках, чтобы не разбудить жену, вышел на улицу, оставив дверь не запертой...

Несмотря на ранний час, в соседних дворах уже раздавалось звяканье подойников, говорящее о том, что хозяйки приступили к дойке коров. Пёстрокрылый петух, с чёрными перьями на груди, развернув крылья, взлетел на ограду и деловито, громко, словно заявляя на всю округу о своём птичьем значении, несколько раз зычно и в то же время как бы ворчливо прокричал: “Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку!” — почти заглушая звонкое чириканье воробьёв, синиц и чижей. Въедливая мошकारа, придавленная ранним солнцем, скрылась, зато на смену ей, как угорелые, залетали, гудя грозно и натужно, многочисленные слепни, предвещающая днём очень сильный зной. В немногостывшем за ночь воздухе не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка. А утреннее огромное красно-золотое солнце так ослепительно палило, что от взгляда на него слезились глаза. До капутного поля — через низкорослый сосняк с жидкими кронами — было не больше пяти минут ходьбы. Быстро пройдя через него по петляющей, как заяц при беге от лисы, между деревьев тропинке, сплошь усыпанной старой коричнево-жёлтой хвоей, Анатолий Петрович вышел к самой крепкой городье в пять листовенных, ошкуренных с двух сторон жердей, прибитых к вкопанным в землю на глубину не менее, чем на метр, столбов, толщиной чуть ли не в обхват.

Одним махом преодолев её, он невольно остановился... Широкая межа густо заросла тёмно-зелёным пыреем, на котором утренняя роса ещё не успела высохнуть и радужно сверкала в солнечных лучах. Радостным казалось, что природа щедро рассыпала,

словно полными пригоршнями, по траве слегка влажный, морской жемчуг. От одного взгляда на его красоту душа начинала восторженно петь, словно в башке должны были вот-вот вспыхнуть долгожданные стихи... Сразу за межой — больше, чем на километр, — простиралось море вымахавшей по пояс сочной, с крепкими, как проволока, стеблями лебеды. Где-то в её глубине, напрочь задавленная мощным сорняком, погибала едва пошедшая в рост капуста, но рядки, на которых она была посажена, ещё проглядывали... Анатолию Петровичу, когда он оглядывал этот своеобразный сорняковый фронт, не верилось, что его можно было не только прорвать, но сполна ликвидировать. Анатолий Петрович, тяжело и глубоко, как перед прыжком со скалы в море, вздохнул, но твёрдо и смело сказал сам себе: “Глаза бояться, — это точно, но и бесспорно то, что руки делают!..” — и, сразу захватив два рядка, приступил к прополке. Ему хотелось до начала рабочего дня лично провести хронометраж, чтобы безошибочно установить такую норму, которая была бы посильна каждому работнику, пришедшему на прополку. А значит, и позволяла бы с учётом премиальной доплаты в самом деле хорошо заработать!

За час непрерывной работы Анатолий Петрович, как ни старался, смог продвинуться вперёд лишь метров на двести—двести пятьдесят. Основная трудность прополки состояла в том, что лебеду, толщиной в палец, пустившую свои крепкие корни глубоко в рядок, надо было выдергивать с оглядкой, которая позволяла бы вместе с сорняком не выдернуть и саму капусту. Смотреть на неё без сердечной жалости было невозможно, настолько она стала вялой, чахлой, с поникшим и наполовину высохшим стеблем, с свернувшимися, схожими с сильно истёртой в руках печатной бумагой, белыми-белыми, ну, совершенно безжизненными листьями. Незнающий человек безнадежно махнул бы на всё это рукой. Но год работы в “Сельхозхимии” для Анатолия Петровича не прошёл даром. Он верно понимал, что если удастся быстро освободить капусту из сорнякового плена и несколько раз обильно полить её с подкормкой мочевиной и калием, то она не только продолжит рост, но ещё и успеет к осени налиться упругими кочанками. Конечно, придётся рисковать, тянуть с её рубкой как можно дольше, но это уже другое дело, успех которого зависел лишь от умелой организации уборочной.

В установленное приказом время первыми со всех сторон от посёлка к полю стали подходить и собираться на травяной меже в группы совхозные рабочие. За ними, чуть ли не строем, пришли во главе с учительницей школьницы. А следом по одному, по двое, с тямками на плечах потянулись и домохозяйки. Радости Анатолия Петровича не было предела. Да и как он мог не ликовать душой, когда рабочего люда в течение получаса собралось не меньше двухсот человек! Подойдя к ним, он приветливо, громко, чтобы слышали все, поздоровался и заговорил:

— Уважаемые друзья, во-первых, хочу поблагодарить всех вас от всего сердца за отзывчивость. Во-вторых, я специально, встав пораньше, как вы видите, на собственном опыте убедился, что каждый из вас сможет, понятно, но без труда, отягчающегося дневным зноем, прополоть по одному рядку. Справившемуся с этой нормой, кроме положенной оплаты, будет выплачена премия, а те, кто перевыполнит её хотя бы наполовину, получают двойное вознаграждение! Причём все односельчане, пришедшие на помощь совхозу по доброй воле, получают деньги сразу же после окончания рабочего дня! В-третьих, чтобы не тратить время на дорогу на обед, он будет организован здесь, на меже, причём за счёт совхоза. В связи с этим прошу коменданта к часу дня подвести из сельповской столовой и первое, и второе, и третье. Ответственным за расстановку людей по полю и подсчёту сделанной работы назначаю управляющего центральным отделением Дмитрия Ивановича Козлова. А за расчёт — главного бухгалтера совхоза. Если есть вопросы, то смело задавайте!

— Конечно, есть! — сказала женщина средних лет, полноватая, с головой, повязанной белым платком, одетая в серую юбку и светлую, видать, мужнюю рубашку с короткими рукавами. — А точно не назовёте максимальную сумму, которую можно будет заработать?

Анатолий Петрович быстро прикинул в уме необходимые цифры расценок с учётом премиальных и уверенно произнёс:

— Не менее двенадцати рублей!

— Это получается, из расчёта в месяц больше трёхсот! В три с лишним раза больше, чем я получаю в сельповской пекарне, мучаясь от жары, исходящей от раскаленной печи, не меньше, чем на солнечном зное! — довольно воскликнула женщина. — Да за такие деньги, честно говоря, я день и ночь готова не уходить с этого поля!

— Тогда что же мы стоим?! — поддержал её мужчина пенсионного возраста, но ещё очень даже крепкий, широкоплечий, выше среднего роста, с карими, прищуренными от солнца глазами, в синей клетчатой рубашке и кирзовых сапогах. — Где там управляющий, пусть скорей нас, страшно охочих до работы, расставляет по рядкам!

И, не дожидаясь управляющего, сам направился в поле, следом за ним — и остальные, воодушевленно жестикулируя руками, на ходу разговаривая друг с другом. Провожая их радостным взглядом, Анатолий Петрович вдруг услышал, что к нему обращаются... Обернулся и увидел стоящего рядом со смущённым лицом главного бухгалтера Очирова.

— Слушаю вас! — сказал он.

— Простите, — сказала Алла Сергеевна, — но ведь вы знаете, что денег в кассе нет! Как же я выполняю без них ваше распоряжение?!

— Очень просто! В последние полгода я жил один и, получая хорошую зарплату, смог скопить кое-какую сумму... Зная от вас же наши финансовые проблемы, захватил её с собой. Думаю, на несколько дней этих денег хватит, а там ещё чего-нибудь придумаем...

И, достав из внутреннего кармана куртки довольно толстую пачку ассигнаций, передал совхозному финансисту. Между тем Мария всё не появлялась. “Неужели точно решила уехать? Если это так, то я или в самом деле ничего не понимаю в женщинах, или предела самолюбию жены, действительно, нет! И всё же обидно не это, а то, что разум не может укротить гордыню!..” — с болью в сердце подумал Анатолий Петрович и с понурой головой вернулся к своим начатым рядкам. Но через совсем небольшое время, с головой уйдя в тяжкую работу, твёрдо надеясь во что бы то ни стало прополоть больше всех, вдруг услышал над собой прозвучавший тихо, но словно прогрохотавший громом среди ясного дня, уже успевший стать ему дорогим и милым голос жены:

— А товарищ директор со мной рядком не поделится?

— Мария! — поднимаясь, радостно воскликнул Анатолий Петрович. — Всё-таки пришла! Ну, какая же ты у меня молодец!

И, еле сдержав себя, чтобы порывисто, словно напрочь забыв, что они в поле не одни, не прижать к груди и на глазах у всех не расцеловать в губы супругу, окрыляясь душой, произнёс:

— Ну, конечно, присоединяйся, родная!

Теперь, несмотря на то, что женская сила и выносливость по сравнению с мужскими являются более слабыми, с удовольствием принимая её, он тем не менее должен был для достижения поставленной перед собой задачи работать ещё упорней. А солнце палило всё сильнее и сильнее, словно решило именно в этот день проверить на излом людские характеры: сдуют, вынесут или в придачу к жаре донимаемые кусачими насекомыми, в конце концов, ругая жизнь последними словами, бросят прополку и безоглядно уйдут с поля. Однако люди в меру своих сил медленно, но неуклонно, буквально на коленках двигались и двигались к маячившей на противоположной стороне яркой зелени, казавшейся такой недостижимой — будь она трижды неладна! — меже.

Как солёный пот ни заливал въедливо глаза, с ладонями, ставшими от обильного сока лебеды зелёными, Анатолий Петрович, краем глаза временами посматривал за женой, старавшейся изо всех сил не отстать от мужа. И вдруг он поймал себя на мысли, что каждый прополотый метр рядка придаёт ему дополнительные силы, ибо лицемерие освобождённых от сорняка капустных кустиков вызывало в душе звонкую радость. Порой ему даже казалось, что это он сам на последнем пределе своей стальной воли, пусть всего лишь по пяди, с руганью, с криками, но вылезает из мрачной губительной трясины к жизнеутверждающему свету! Поэтому совсем неожиданно для него прозвучал продолжительный автомобильный сигнал, возвещающий о времени обеда. Выпрямившись во весь рост, он оглядел поле и с радостью увидел, что впереди него с женой никого нет, а до межи осталось не больше ста метров! С глубокой нежностью и заботой посмотрел он на усталое, даже слегка осунувшееся, красивое лицо Марии, держащейся обеими руками за поясницу.

— Притомилась, милая?!

— Есть немного!

— Да нет, притомилась, коли я, хотя с детства привычный к прополке, и то сам спины почти не чувствую! Но ничего, скоро поедем, чуток передохнём, и сразу намного легче станет, тем более, что через два часа беспощадный зной, наконец-то, на спад пойдёт!

И они направились к поросшей густой травой пырея широкой меже, где комендант с водителем уже расставили кверху днищем обыкновенные ящики, а на них одна на другую — горками! — положили эмалированные глубокие миски, рядом с ними — алюминиевые, от времени сильно потемневшие кружки и ложки. Попросив жену сесть спиной к изгороди, чтобы можно было, прислонившись к ней, расслабить тело, Анатолий Петрович, как все, выстоял быстро продвигавшуюся очередь, хотя и постоянно слышал со всех сторон:

— Да проходите, проходите прямо к раздаче!

На что вежливо отвечал:

— Спасибо! Но мне будет удобней вместе со всеми...

Не спеша подкрепив свои силы вполне добротным обедом, народ довольно расслабился. Мужчины, закулив, с жадностью вдыхали никотиновый дым, а женщины, разбившись ещё перед обедом на стайки, делились поочередно последними поселковыми новостями. В этих словесных сводках, — Анатолий Петрович готов был биться об заклад, — конечно, в первую очередь, говорилось о нём и его новой молоденькой жене, приехавшей, можно сказать, из-за тридевять земель. Но он не только не расстраивался, а вообще не придавал этому никакого значения, ибо был в душе твёрдо уверен в незлобности женских пересудов — так, между делом, посплетничают раз-другой, да и умолкнут, захваченные более новыми, по-настоящему значительными событиями. Несмотря на то, что Мария нет-нет да вопросительно поглядывала на него, продолжать ночной разговор именно сейчас, когда так ладно зашпорилась очень важная работа, ему явно не хотелось. Всё необходимое, значимое он, как мог, убедительно ещё ночью сказал. И коли она всё-таки, переломив гордыню, пришла и рядом с ним плечом к плечу спасает капусту, то, значит, его слова для неё, к счастью, не оказались пустым звуком. А может, она сама сумела найти в себе необходимые силы признать, что случай со студенткой — лишь случай и есть, причём совершенно безвинный. Но прекрасно понимая, что впереди ещё целых полдня страшно утомительной работы, он крепко, может быть, даже до боли сжал её горячую, хрупкую ладонь, словно хотел, чтобы часть его большой, нестрашной силы как можно полней перетекла в её нежное тело.

Мимо проходил управляющий. Анатолий Петрович остановил его. И не без радости посмотрев ему в глаза, поинтересовался:

— Дмитрий Иванович, как думаете, до обеда процентов десять от общей площади капусты освободили от сорняков?!

— Если не больше!

— Вот и славно! После прополки прошу вас зайти ко мне для подведения итогов и определения плана на завтрашний день. Но уже сейчас необходимо заняться организацией ночного полива тех участков поля, на которых капуста прополота. Поставьте на эту ночь самых ответственных поливальщиков и строго-настрога накажите им, чтобы они ни при каких обстоятельствах не торопились, на каждой стоянке делали не менее десяти кругов поливочного дождя. А ещё лучше, если они будут лить и лить до тех пор, пока внешняя влага не соединится с земляной. Да пусть обязательно одновременно произведут подкормку мочевиной... Мария Васильевна норму внесения рассчитает! Хотя в таком плачевном состоянии капусты, как говорится, кашу маслом не испортишь! И всё же... Дмитрий Иванович, надеюсь, вы меня достаточно хорошо поняли?

— Понял! Но можно вопрос?

— Пожалуйста!

— Откуда у вас, Анатолий Петрович, такое глубокое знание агрономии, ведь вы, насколько я знаю, по профессии — строитель?

— Верно говоришь, строитель, причём, как и ты, светлого коммунистического будущего, хотя сам я себя привык и в шутку, и всерьёз называть самым настоящим пожарником!..

— Кем-кем, извините? Не понял!

— Повторяю: пожарником, только борющимся не с обыкновенными лесными пожарами, а с теми, которые возникают, к примеру, как у нас в совхозе, из-за нерадивого хозяйствования! А растениеводство со всеми его проблемами я знаю хорошо потому, что вырос на земле. И если, говорят, норвежцы рождаются с лыжами на ногах, то, следуя этой легенде, обо мне можно смело сказать, что я появился на свет с тяпкой в одной руке, с литовкой — в другой! Вот так-то! До вечера!

И, повернувшись к Марии, нежно сказал:

— Дорогая, надо идти, ведь, хочешь не хочешь, можешь не можешь, но сегодня необходимо не только закончить наши рядки, но, минимум, прополоть еще по одному. Не знаю — почему, но мне кажется, что фундамент моего успешного директорства закладывается именно на этом поле! А раз так, то надо его сделать максимально крепким!

Между тем солнце, вкатившись на самую вершину своей небесной горы, раскалилось до малинового цвета, словно кузнечная поковка, и прогрело воздух настолько, что, вдыхая его, ты чувствовал, как он горячит гортань, печёт голову. Чтобы не получить солнечного удара, Анатолий Петрович, едва опустился между рядками, наломал лебеды и сплел из неё два сплошных венка в виде кепок. Один надел на голову Марии, другой — на себя, и с новой силой начал полоть. В одном месте неосторожно с силой дернул огромную, толстенную, твёрдую, как бамбук, лебеду и ахнул, ибо увидел, что держит в руке и вырванный из земли с корнями капустный кустик. Тотчас с огорчени-

ем подумал: “Нет ничего глупее, спасая растение, вдруг, пусть нечаянно, но самому убить его!” — и стал внимательней следить за быстрыми движениями своих рук.

Чем ближе они с женой продвигались на коленках к начальной меже, тем всё упрямей, вместо радости хорошо сделанной работы, в голове у Анатолия Петровича горел вопрос: “А придёт ли завтра столько же, как сегодня, народу?..” И спросил он себя об этом неслучайно, ибо по себе чувствовал, как он, молодой, выносливый, привыкший с детства к тяжкому сельскому труду, и то сильно устал: руки налились свинцом, спина протяжно ныла, в висках гулко стучала кровь. Хотелось прямо в поле лечь между бороздами, чтобы хоть на несколько минут расслабить натруженное тело, дать возможность сердцу унять частый пульс.

Но наконец-то зной, достигнув своей наивысшей температурной степени, действительно начал спадать, а с широких просторов реки спасительно подул ветер, пусть лёгкий, но приятно ласкающий прохладой разгоряченное, с пылающими щеками, с потрескавшимися от частого облизывания губами, уставшее, словно сохшееся лицо. “Конечно, — продолжал напряжённо думать Анатолий Петрович, — можно собрать людей, сказать пламенную речь о важности их участия в общем деле. И он это обязательно сделает! Но дураку понятно, что теперь, когда в магазинах стали наблюдаться перебои даже с продуктами первой необходимости, а промышленные вещи, в первую очередь, тот же велосипед, можно купить лишь по благу или по распределению торговой комиссии при сельсовете, время голых призывов к жертвованию здоровьем, благом семьи, да и просто личной свободой безвозвратно прошло! Единственно, что может сегодня заинтересовать народ в труде, — это, бесспорно, одно: деньги и только деньги... Значит надо их во чтобы-то не стало достать... Пусть даже влезть в долг, но — достать!”

И, дополов с женой свои рядки первыми, Анатолий Петрович, отправив жену домой, сам пошёл к людям, растянувшимся по огромному полю на значительное расстояние друг от друга, по пути твёрдо заверяя каждого, что тот, кто отработает до самого конца прополки всего многогектарного поля, получит премию уже в двойном размере. В ответ одни люди одобрительно кивали ему головой, другие обещали подумать, третьи, а таких, к счастью, оказалось немного, были так измучены работой на жаре, да ещё и внаклонку, что, хоть и выражали готовность работать и дальше, но Анатолий Петрович верно понимал: на их помощь, увы, скорей всего, больше рассчитывать не стоит.

Управляющий центрального отделения зашёл в кабинет директора в семь часов вечера. С заострившимся лицом, на котором глаза выражали сильную усталость, сначала молча сел за стол и, сняв запylённую кепку, положил её на колени, вытер носовым платком вспотевший лоб и лишь потом вопросительно посмотрел на Анатолия Петровича.

— А что так озадаченно смотришь, ну, словно от зноя забыл, для чего я тебе пригласил! — сказал тот, — Давай-ка не спеша, подробно доложи, сколько всё-таки сегодня удалось прополоть?

— По моим подсчётам, выходит не менее десяти гектаров!

— Так ведь это пятая часть от всей площади капусты!

— Наверно, так и есть! Но, думаю, с каждым днём темп борьбы с сорняками, пусть постепенно, но всё же будет падать — слишком уж тяжело даётся прополка! Да ещё на такой жаре, словно нарочно резко усилившейся с началом основных полевых работ!

— Дмитрий Иванович, ты не паникуй! Согласен, какого-то количества работников мы завтра точно недосчитаемся! Предвидя это, я решил удвоить самым стойким премию при окончательном расчёте!

— Слышал!.. И дополнительные деньги, конечно, свою положительную роль сыграют. Только как бы, спасая капусту, мы не оставили на зиму без достаточного корма если не весь совхозный скот, то скот центрального отделения — точно! А этого, сами понимаете, я никак не могу допустить! Пусть с заготовкой сена ещё можно некоторое время потянуть, но к закладке силоса надо приступать немедленно: зелёнка уже в колос пошла. Не мне вам, Анатолий Петрович, объяснять, что это значит...

— Точно — не мне! Поэтому сегодня же из самых крепких, надёжных мужиков на добровольной основе создай звено в количестве десяти человек, и пусть они уже с утра приступят к работе... Но, в первую очередь, всё же будем закладывать в траншею не зелёнку, а лебеду с капустного поля. Неразумно позволять такому добру задаром пропадать! Да и лишнее количество сочного корма никогда не помешает.

— Какого добра?! Этой лебеды — сорняка, что ли?

— Именно её, которая, действительно, для капусты — смерть, а для бурёнок — самая что ни на есть жизнь! Или забыл, сколько в войну, можно сказать, миллионов сельчан она спасла от голодной гибели?!

— Извините, я в городе вырос, потому и неверно подумал!

— Это не беда, если сердцем примешь село! А вопрос с лебедой считай решённым! — сказал Анатолий Петрович. — И ещё, будь добр, список всех работников, вдруг ушедших на больничный, предоставь мне к завтрашнему утру! После прополки разберёмся, кому в самом деле противопоставлена работа внаклодку, а кто является самым настоящим без совести и чести симулянтом! Слух о списке быстрее всякой молнии разлетится по посёлку, и лоботрясы будут поставлены перед выбором: или всё же вместе со всеми делить полевые тяготы, или, в конце концов, быть уволенными! А уж по какой статье, профком решит...

— Анатолий Петрович! — чуть не взмолился управляющий. — Все ваши распоряжения, согласен, верные и своевременные, но когда же я спать-то буду?! Да и дома меня скоро совсем потеряют!..

— Во-первых, не ты один, поскольку, чтобы несколько разгрузить тебя и мне самому быть оправданно спокойным, контроль за поливальщиками этой ночью я буду осуществлять сам. Во-вторых, — тут директор сделал длительную паузу, во время которой как-то непонятно грустно посмотрел в глаза своего подчинённого, и то ли шутя, то ли всерьёз, продолжил: — Знаешь, Дмитрий Иванович, у нас с тобой на том свете, хочешь не хочешь, но будет такое огромное количество времени, что и на невероятный отдых, и на ох какой долгий сон с лихвой хватит!..

— И всё-таки, Анатолий Петрович, вам-то зачем за поливом следить? В конце концов, для этого в совхозе есть главный агроном!

— Согласен, это так! Но, к сожалению, констатировать, что в самом прямом смысле он пока только в штатном расписании и значится... Исполняя он свои прямые должностные обязанности на совесть, с честью, не пришлось бы в такое горячее время, край нужное для закладки силоса и подготовки к сенокосу, устраивать поселковый аврал!

— Выходит, вы ему не доверяете?

— Ответу так: не хочу работу, проделанную сегодня с таким трудом, пустить псу под хвост!.. Хотя ты и вырос в городе, но уже должен знать, что для ускоренного роста капусты, начавшей получать в необходимом объёме солнечный свет и тепло, безотлагательно требуется полив, полив и ещё раз полив! А так называемых окладчиков, то есть людей, даром получающих деньги, наподобие нашего главного растениевода, всегда хватало, а вот, образно говоря, трубуокладчиков и сегодня днём с огнём в необходимом числе вряд ли сыскать!

— А вы, Анатолий Петрович, случайно, не поэт?

— Даже и не знаю, что сказать! Но, по моему глубокому убеждению, все люди в душе рождаются поэтами, но со временем по-настоящему становятся ими, увы, единицы! И с этим ничего не поделаешь, ибо каждому человеку всё, до самой незначительной мелочи, на жизнь вперёд небесами расписано! А ты почему меня об этом спросил?

— Да больно вы красноречиво говорите!

— Ах, если бы ещё так и работать!.. Однако время бежит, а нам с тобой надо хоть немного отдохнуть. Будь здоров!

Анатолий Петрович, каким ни чувствовал себя уставшим, домой решил пойти пешком. По почти часовой дороге хотелось обдумать не только завтрашний день, но и, как шахматист, просчитать вплоть до самой уборки весь производственный ход совхоза. Ведь душу и сознание тревожила не одна сенозаготовка! Надо было ещё спешно готовить к долгой, суровой якутской зиме котельные, теплотрассы, опрессовывать отопительные системы зданий школ, детских садов, клубов и больниц, а там, где они изрядно износились, то и капитально ремонтировать, причём во всех пяти отделениях. Напряжённно думая об этом, он, по профессии строитель, наверно, впервые в жизни с такой глубокой грустью и сожалением отметил, что при его предшественнике за целый год так и не приступили к строительству ни одного серьёзного объекта... Что там ни говори, а народная поговорка “Сани надо готовить летом, а телегу — зимой...” была, есть и будет в сельском хозяйстве крайне актуальна.

Дневной зной окончательно спал, но почти от полного безветрия было душно, поэтому, хоть и дышалось в полную грудь, но не без труда.

К тому же автомашины и мотоциклы, то и дело проезжая мимо по высохшему до скрипа под ногами песчаному полотну улицы, поднимали такие огромные облака пыли, что она долго висела в воздухе, влезала мошкаркой в глаза, словно напильник, сухо драгла гортань и, забивая нос, заставляла громко чихать, а насквозь пропитанную солёным потом рабочую одежду покрывала толстым, серым слоем и на ходу сыпалась на землю. Но желанию осмыслить будущее в этот раз не суждено было сбыться. Едва Анатолий Петрович вышел на улицу Новая, всего лишь полтора года назад под его началом целиком построенную, как на него океанской волной нахлынули воспоминания...

В то время, когда он десятилетним мальчишкой был родителями привезён на постоянное местожительство в этот посёлок, здесь со стародавних времён, отвоеванное у вековой тайги, простиралось в длину на добрый километр просторное поле, засеянное ячменём. Стоило напрячь память, как перед глазами начинали ходить, словно в ветровом море, золотистые волны, своей солнечной красотой восхищая взгляд, радуя сердце. На огромных брезентовых полах, расстеленных по колкому жнивью, возвышалось внушительными горками промолоченное комбайном ядрёное зерно, чтобы, обдуваемое горячим воздухом, скорей просохло. Через это поле был самый короткий путь до школы. И на протяжении целых долгих шести лет, с сентября по май, Анатолий проходил его два раза в день — туда и обратно, осенью — по почти непролазной слякоти, сквозь дожди, а зимой, в сорокаградусные морозы, которые от дующего с юга сильного ветра и крутящегося по-над дорожным снежным полотном хиуса словно усиливались вдвое.

Казалось, что ветры, словно разъярённые медведи своими страшными когтистыми лапами, раздирали лицо в кровь. Они пробирались сквозь тёплое ватное пальтишко до самых костей, вызывая в теле до дрожи сильный озноб. Чтобы напрочь не обморозить уши и щёки, порой приходилось, пригнувшись, шаг за шагом, идти против ветра спиной вперёд, словно на ощупь в глубокой темени продираешься через густую, лесную чащу! Но стоило миновать поле, войти в хвойный лес, как ветер с хиусом, словно запутавшись в густых ветвях, стихали, лишь верхушки сосен, мёрзло поскрипывая, продолжали качаться из стороны в сторону. Воспоминание оказалось таким острым, что Анатолий Петрович, будто наяву, ощутил, как по телу пробежали холодные мурашки. Но вместе с тем тотчас появилась свежесть, и он ускорил шаг.

Взбежав по крыльцу на веранду, резко распахнул дверь и невольно замер, ибо перед ним во весь проём, прикреплённая к верхней колоде, свисала до самого пола техническая сероватая марля, позволяющая на всю ночь оставлять открытой дверь, чтобы остывший уличный воздух освежал комнаты, а комары с мошкой и другой гнус, словно в бессилии, облепив марлю с уличной стороны, затихали... Осторожно отвернув край марли и войдя в коридор, Анатолий Петрович оказался в светлых сумерках. Посмотрев на окно, увидел, что оно занавешено плотными тёмно-синими шторами, по виду старыми, но свежевыстиранными. По всем комнатам из-за того, что строители когда-то так и удосужились навесить двери, свободно разносился вкусный запах жареного картофеля и котлет. Из небольшой кухни в синем переднике, с пылающими щеками, с вилкой в руке, выглянула сияющая Мария.

— Пришёл наконец-то! — заботливо сказала она. — Давай скорей, дорогой муж, приводи себя в порядок и садись за стол!

— Слушаюсь, товарищ домашний командир! — шуточно в ответ произнёс Анатолий Петрович, страшно радуясь перемене в настроении жены — с хмурого до веселого, — словно в природе, когда затяжные, нудные дожди наконец-то сполна сменяет солнечная устойчивая погода.

На веранде, сбросив с себя потную, пыльную одежду, набрал из бочки, стоящей возле калитки, полный таз воды. Поставил его на большую листовничную, со смолистыми отметинами от сучков по бокам тяжелую чурку и, довольно пофыркивая, помылся, чувствуя, как влажная прохлада чудодейственным образом, словно рукой, отвалила от тела огромный камень усталости. В голове солнечно светились мысли: «А Мария-то — какая молодец! Несмотря на то, что сама тоже страшно устала, всё же нашла в себе силы, пусть, понятно, не без помощи, видать, или очень доброй, или впрямь предусмотрительной комендантши, но быстро оборудовать гостиницу в семейное гнездо и даже приготовить вкусный ужин. В чём в чём, а в хозяйственной активности ей точно не откажешь!» И тут он вдруг впервые в полной мере осознал, что у него, действительно, есть жена, именно та, о которой так солнечно мечтал в юности, которую искал на протяжении всех последних лет, впопыхах часто наступая на одни и те же грабли, с которой он может быть спокоен за свой, так сказать, тыл. И его душу с силой наполнила такая глубокая нежность к родной женщине, что он, весенним ветром влетев в кухню, на секунду-другую остановил горящий взгляд на прекрасном лице жены, несколько удивлённой решительным видом мужа, затем, не говоря ни слова, как пушинку, подхватил её на жилистые руки и понёс в большую комнату, где одиноко стояла аккуратно застеленная покрывалом кровать. Мария, словно ждала этой минуты целую вечность, обвила его шею руками, всем горячим, упругим телом прижалась к нему, но всё же обессиленно, заплетаящимся языком, словно впадая в глубокий сон, прошептала:

— Милый, а ужин?..

Анатолий Петрович, порывисто дыша, с сердцем, казалось бьющимся приглушённо в самом горле, готовом, как выпущенная из клеточки птица, взмыть в бесконечно синюю высь, торопливо ответил:

— Потом, родная, потом!..

Позже, уже в поздних вечерних сумерках, накрывших тёплой волной комнату, между плотными шторами каким-то чудом проскользнул лунный серебристый свет и упал на лицо сладко спящей Марии. Умилённо любуясь дорогим образом, Анатолий Петрович с душой, умиротворённо тающей, словно тонкая восковая свеча от языкастого огневого пламени, неожиданно вспомнил стихи великого русского поэта Николая Некрасова, как никакие другие, соответствующие времени и его душевному состоянию, и несколько раз умилённо прочитал их про себя: “...Если проза в любви неизбежна, // так возьмём и с неё долю счастья: // после ссоры так полно, так нежно // возвращенье любви и участия...”

18

Денежный расчёт на поверку оказался верным — почти все сельчане отработали до конца прополки. Даже школьники, загоревшие дочерна хрупкие девчонки и угловатые мальчишки, на директорское удивление, не подкачали. Анатолий Петрович подвёл итоги недельной самоотверженной работы. Прополотая в первые три дня капуста по новой весело зазеленела и, кустаясь, на глазах пошла в рост. Собранной с поля и заложённой в траншею на силос лебеды оказалось больше двухсот тонн — ощутимая прибавка к коровьему рациону, позволяющая надеяться на много дополнительных литров молока и килограммов ежесуточного мясного привеса. А значит, и на деньги, так необходимые для развития совхоза! Правда, пришлось влезть в немалые личные финансовые долги, чего никогда прежде не приходилось делать. А вот выручать своих друзей и родных при покупке ими дорогостоящих вещей, таких, как мебель, ковры, даже мотоциклы и автомашины — очень часто! Увы, не все оказывались порядочными и своевременно отдавали денежные долги, к примеру, друг детства Александр Тарасов вот уже несколько лет, получая хорошую зарплату, из приличной одолженной ему суммы не вернул ни рубля. Конечно, это раздражало, но не настолько, чтобы получилось в полном соответствии с народной поговоркой: “Если хочешь потерять друга, то дай ему в долг денег!” И потом, Анатолий Петрович считал, что рано или поздно, но у товарища совесть обязательно заговорит... Да и деньги, как ни крути, когда бы ни были возвращены, всегда будут кстати, ибо в этом мире всё — и хорошее, и плохое — держится на них, “проклятых”!

То, что пришлось потратить, можно сказать, чужие рубли для спасения капусты, совсем не огорчало! Как говорится, были бы кости, а мясо нарастёт! А вот то, что среди вдруг сказавшихся больными оказались и некоторые руководители среднего звена, а также стоящий по должности намного выше их главный зоотехник Бахтин, огорчило очень! Узнав об этом, Анатолий Петрович о нём не без ехидства подумал: “Да, на прополке, в дикую жару продираешься сквозь стоящую стеной лебеду — это не строить в кабинетной прохладе один за другим подлые доносы в высокие партийные инстанции на своих коллег и бывшего директора! Ну, ничего, я тебе создам такие условия в строгих рамках должностных обязанностей, что ты или начнёшь, если, конечно, способностей хватит, работать с полной отдачей, или, как миленький, в лучшем случае, уволишься по собственному желанию!.. Но и дальше морочить голову мне да и всему совхозу не позволю!”

Прежде чем ехать в банк с необходимыми документами-расчётами для получения кредита, он пригласил к себе главного экономиста Маульга Акимовича Капаева, карачаевца, уроженца Северного Кавказа, коренастого, ниже среднего роста, с чёрными, вьющимися кольцами, как у цыгана, волосами, с не менее чёрными глазами, настолько острыми, что когда они смотрели в упор, то казалось, что пронизывают до самой души, словно проверяя на прочность твою волю и духовную силу. Анатолию Петровичу он сразу понравился своей сдержанностью, хотя, казалось бы, южная горячая кровь должна была давать о себе знать... Но как же порой было со стороны странно видеть, что он идёт из магазина домой налегке, с гордо поднятой головой, а его жена, хрупкая, как тростинка, совсем невысокая женщина, с двумя огромными сумками в тонких, сильно отягнутых руках покорно, тяжело и часто дыша, боясь отстать от напыщенным гусем вышагивающего мужа, быстро перебирает ногами, обутыми в коричневые поношенные туфли на низком каблучке... В общем, что ни говори, но горец — и на Крайнем Севере горец!..

Войдя в кабинет, главный экономист, в сдержанной улыбке сверкнув белоснежными зубами, вежливо поздоровался с директором и сел в выжидательной позе не за стол, а на серединный стул левого ряда, протянувшегося вдоль стены до самых дверей. И получалось так, что несколько специалистов на планёрках оказывались вне дирек-

торского обзора, только левым глазом, да и то скосив его, он мог их видеть. Это несколько раздражало, поскольку привычка разговаривать с людьми, не отрывая от них испытывающего взгляда, давала о себе знать...

— Здравствуй, здравствуй, уважаемый Маульт Акимович! — звонко ответил на приветствие Анатолий Петрович. — А ты знаешь, что мы с тобой, как ни крути, но, можно сказать, земляки?

— Нет! Но я от кого-то из местных слышал, что почти каждый свой отпуск вы проводите где-то на Северном Кавказе!

— Это точно! В самом славном курортном городе, известном на весь мир своими целебными нарзанными водами, Кисловодске, от которого до горного поселения Красный курган, где, выйдя на пенсию, живут мои родители, можно сказать, рукой подать — пятнадцать минут езды на маршрутном автобусе. Но мне больше нравится навещать из Кисловодска мать с отцом пешком — через ущелье, по горам, восходящим к самому белоснежному Эльбрусу! Идёшь — и сердцем поёшь от природной красоты, так чудесно воспетой великим русским поэтом Михаилом Лермонтовым, как на ладо-ни, открывающейся перед тобой! А воздух-то там какой! Объёмный, прозрачный, словно хрустальный, чистый, как отстоявшаяся в глубоком омуте речная вода. Своей целительной озоновой насыщенностью пьянящий, будто хорошее, большой выдержки, сухое грузинское вино! Дышишь им полной грудью и невольно чувствуешь, как в голове светлеет, и всё тело наливается большой силой!..

— А вы, Анатолий Петрович, бывали в Домбае?

— К сожалению, нет!

— Ну как же! — воскликнул Маульт Акимович, — Это ведь самое прекрасное место, может, даже во всём мире! По крайней мере, с давних пор существует утверждение, что тот, кто не видел горного Домбая, тот не знает в полной мере Кавказа! Вам обязательно надо там побывать!

— Спасибо за добрый и, надеюсь, полезный совет! В следующий отпуск я обязательно им воспользуюсь, а сейчас я пригласил тебя вот по какому важному, даже очень важному вопросу... Ты лучше меня знаешь, что все совхозы в республике по объективным и субъективным причинам планомерно убыточны, хотя бы потому, что стоимость затрат на получение того же килограмма мяса в живом виде из-за почти девятимесячного стойлового периода на два раза превышает, к примеру, затраты в Московской области, где, понятно, климат намного теплей и мягче. Конечно, можно и дальше получать государственные дотации на покрытие убытков, и в то же время, как это ни парадоксально, представлять к высоким правительственным наградам и званиям работников, добивающихся наиболее высоких успехов... Но я от природы не люблю ни в чём плыть по течению, надеясь на милость жизненных волн. Вот мне и подумалось, что если я, руководя “Сельхозхимией”, смог всего за один год почти в два раза повысить все производственные плановые показатели, то почему бы и наш совхоз не просто вывести в передовые хозяйства в республике, но смело замахнуться на цель куда выше: сделать его, — не удивляйся! — самокупаемым!

— И как вы, можно сказать, смело, если не отчаянно, это чудо себе представляете? — не без удивления спросил Маульт Акимович.

— Животноводство у нас убыточно, причём напрочь! Так? Так! А вот растениеводство, наоборот, даже при получении планового, сразу скажу, не очень высокого урожая, — прибыльно. Сократить поголовье скота нам ни райком, ни управление сельского хозяйства не позволит, а вот против увеличения производства овощей и картофеля ни те, ни другие возражать не будут. Более того, в связи со всё возрастающими и возрастающими объёмами добычи алмазной промышленности, а значит, и увеличением там рабочей силы, чьими поставщиками мы являемся, думаю, будут очень рады!

— С этим, Анатолий Петрович, я согласен! Но вы должны со всей серьёзностью отдавать себе отчёт, что для претворения в жизнь ваших, извините, мечтаний, потребуются большие деньги, а у нас каждая копейка сверху расписана! Да если бы необходимые средства и удалось изыскать, то всё равно за внеплановое расходование их по головке министерское руководство ох, как не погладит... Думаю, и года не пройдёт, как совхоз возглавит шестой директор... Конечно, вас, перспективного молодого руководителя, без работы точно не оставят, но ваш дальнейший карьерный рост, можете не сомневаться, будет под большим вопросом. Вам это надо?

— Не надо! Но этого не произойдёт!

— И на чём же может базироваться такая уверенность?

— В первую очередь, на ваших детальных экономических расчётах, обосновывающих возможность работать рентабельно! И на том, что мы постараемся максимально обойтись своими силами в рамках утверждённого годового финансового бюджета.

Как понимаешь, увеличения производства продукции растениеводства можно добиться лишь двумя путями. Первый — это расширение площади засеваемых полей, но, поскольку он слишком затратный, мы его сразу отменяем. А вот по второму — увеличению урожайности — и двинемся! Повторяю, исключительно собственными силами! И это не просто слова! На наше счастье, всего в каких-то пяти километрах от посёлка находятся огромные природные запасы торфа — десятки тысяч тонн! Создав свой большой механизированный отряд, состоящий из бульдозера, экскаватора и самосвалов, в том числе и тракторов “Беларусь” с тележками, оборудованными мощными гидравлическими подъёмниками, наподобие “Сельхозхимовского”, мы и приступим к разработке ценного природного удобрения, в первую очередь, для приготовления компоста, ибо голый торф отдачу даст не раньше, чем через пару-тройку лет, а вот вкупе с навозом и комплексными минеральными удобрениями — в первый же год! Правда компосту, чтобы стать полноценным перегноем, необходимо с добавочными компонентами минеральных удобрений хотя бы полгода полежать в кучах-отвалах, время от времени обильно поливаемых дождевальными установками и перемешиваемых бульдозерами, тем не менее, надеюсь, что уже в следующую осень сможем добиться от наших полей получения значительной прибавки к урожаю!

— Анатолий Петрович, а от меня-то как экономиста для реализации ваших планов что конкретно требуется?

— Так я же уже вам это сказал!.. Не поняли?! Хорошо — повторяю: со своими специалистами максимально верно экономически рассчитать, сколько необходимо сверх плана получить овощей и картофеля, чтобы в пересчёте на деньги перекрыть большой убыток, наносимый животноводством! Только и всего! Теперь-то понятно?

— В полной мере! Только конкретно скажите, к какому именно сроку необходимо выполнить ваше, сразу признаюсь, сложное задание?

— К двадцатому июля!

— Так это же через два дня! Боюсь, не успеем!

— Надо успеть, Маулыг Акимович, надо! Поскольку в самое ближайшее время я полечу в Якутск и там попробую на приёме у министра выпросить под наш план повышения урожайности хоть какие-то деньги для подстраховки. Вдруг да повезёт!.. Только с начальством, сам знаешь, на пальцах что-либо доказывать — всё равно, что опилки пилить. Поэтому, времени не теряй, иди и приступай к работе. Спогна справишься с ней — получишь из директорского фонда дополнительную премию! Или ты на Север не за длинными рублями приехал, чёрт тебя подери?!

— В общем-то, точно — за ними!

— Вот и договорились!

Но Анатолий Петрович на этом не отпустил главного экономиста... Вдруг как-то сразу посуровев лицом, неожиданно спросил:

— Маулыг Акимович, вот ты меня в гости приглашаешь, и я за это благодарен тебе! Но не зря же говорят, что тому, кто забудет старое, выколот не один, а оба глаза! Я имею в виду горькую память твоего народа, который после освобождения Северного Кавказа от немецких захватчиков был в течение суток, без всякого следствия и суда, но не без вины, а конкретно — за активное содействие оккупантам выселен из родных мест войсками НКВД, которыми в то время руководил, кстати, грузин Лаврентий Берия. В товарных вагонах, в которых обычно перевозят скот, горцев, успевших захватить с собой в дальнюю дорогу лишь кое-что из одежды и продуктов, под конвоем вывезли в казахстанские, мало заселённые, можно сказать, голые степи, зимой нещадно продуваемые морозными вьюгами, а летом выжигаемые сильным зноем! В результате этого старые немощные и просто больные люди, лишённые своевременной медицинской помощи, напроць изголодавшиеся, погибли. Скорей всего, они были наспех похоронены на полустанках, и теперь вряд ли отыскать их могилы... Хотя после войны сталинское решение о выселении карачаевцев, как и других кавказских народов, было осуждено новой властью, и они смогли вернуться на родину, как же должна кровоточить у них душа и сегодня! А значит, пусть не враждебно, но по меньшей мере — с недоверием твои однородцы могут и поныне относиться к русским людям, хотя они сами тоже невольно оказались заложниками того, может быть, самого жестокого времени в истории нашей страны! И, понимая это, разве я смогу на отдыхе среди твоих сородичей чувствовать себя в полной мере раскованно, безоглядно восхищаться красотой лесистых гор, отвесных скал, глубоких ущелий со стремительно сбгающими к равнине реками, бурно вскипающими на порогах, грозно ударяющими волнами в гранитные стены высоченных берегов! Или я всё же в своём невольном опасении ошибаюсь?

— Прежде чем ответить, — сказал Маулыг Акимович, — я бы хотел, Анатолий Петрович, с вашего позволения, задать свой вопрос! Можно?

— Пожалуйста!
— А почему вы считаете, что за те страдания, которые пережил мой народ, он должен обижаться именно на русских?!

— Да потому, что в нашей большой, многонациональной семье братских народов почему-то всегда виноват старший брат!..

— Спорить не буду — есть такое!..

— О чём тогда речь?.. Слушаю!..

— Во время депортации, — после небольшой паузы заговорил Маулыт Акимович по существу заданного ему вопроса, — я еще находился в чреве матери и родился вскоре по приезде нашей многодетной семьи в казахстанские степи. Насколько суровой мачехой обернулась для неё ссыльная жизнь, могу судить лишь по тому, что из восьми детей, моих старших братьев и сестёр, за годы войны умерли пятеро, естественно, от болезней, которые в результате хронического недоедания, постоянных зимних простуд смертельной хваткой, почище всякого репья, цеплялись за ослабленные организмы! Но в школе, где вместе учились и дети репрессированных, и дети переселенцев из охваченных огнём войны областей, и дети местных казахов, разногласий на национальной почве между учениками почти не проявлялось! Конечно, как среди всякой ребятины, не обходилось без потасовок и даже драк, но в основном они возникали из-за обидных поступков хулиганистых задир. Ими чаще всего оказывались мальчишки, так называемые жертвы безотцовщины и сиротства, что, к сожалению, в военное, грозное лихолетье встречалось нередко.

Дома родители, в первую очередь, старались привить нам к поневоле оставленной родине глубокое чувство любви, которое у них в разлуке с ней лишь обострялось. Как они это делали? Долгими вечерами в тесной комнатухе забитого до отказа переселенцами саманного дома, при тусклом свете сильно коптящей керосиновой лампы, зимой у железной печки, так называемой буржуйки, а летом за единственным колченогим столом рассказывали одновременно с тоской и восхищением о красоте своего горного края. Причём так образно, что всё услышанное как бы оживало: я мысленным взором видел поросшие изумрудной шелковистой травой горные склоны, где степенно паслись бесчисленные отары овец; пастухов с накинутыми на плечи шерстяными тёмными бурками, в высоких папахах, с длинными палками в руках, на которые можно было опереться при длительном вынужденном стоянии или с их помощью загонять непослушных животных в хлева, построенные из камней; горные вершины, увенчанные снежно-льдыстыми шеломами, в лучах рано всходящего огненно-золотого солнца сверкающие чистейшим серебром; гордых орлов, поднявшихся в необычайно густой синевы высокое небо и там свободно парящих, расправив во всю ширь свои могучие крылья; костры, горящие языкастым пламенем, словно перебегающим с одной хворостинной ветки на другую, которые то и дело потрескивали так звучно и хлётко, что кажется, будто в костре взрываются винтовочные патроны; на лисьей охоте прищоренных всадниками стремительных, неутомимых тонконогих скакунов с развевающимися по ветру густыми гривами и хвостами, с по-лебяжьки грациозно выгнутыми шеями, светоносно лоснящимися от выступившего пота! От этих ярких мысленных картин начинало часто-часто биться сердце, вдохновенно загорались глаза, и я всё больше и глубже проникался любовью к моей земле, хотя я наяву её и не видел!

Невольню зачарованный рассказом главного экономиста, тем не менее Анатолий Петрович, когда тот сделал паузу, произнёс:

— Маулыт Акимович, я согласен, что Кавказ необычайно красив! Но неужели твои родители, пережившие самое большое, какое вообще может быть на свете горе — потерю своих кровиночек-детей, — ничего не говорили о своем отношении, как ты выразился, к депортации?

— Может быть, между собой они и выражали боль или даже гнев на тогдашнюю власть, но при нас — никогда! Скорей всего, потому, что боялись пробудить в ещё не окрепших детских душах, воспринимавших жизнь прямолинейно и только в чёрном или белом цвете, чувство, схожее с тем желанием, которое движет кровной мстью... Ведь это у нас, горцев, сидит на генном уровне, в подкорке сознания!

На некоторое время в кабинете установилась томящая тишина, слегка нарушаемая лишь доносившимся из приёмной частым постукиванием печатной машинки да нудным гудением настойчивой мухи, безрезультатно пытавшейся сквозь оконное стекло вылететь на улицу, где в плотной тени здания конторы буйно, словно щедро подкармливаемая удобрениями, до самых окон разрослась крапива, а в голубом с редкими перистыми облаками небе начавшее спускаться солнце говорило об скором окончании рабочего дня. Каждый внутренне чувствовал, что разговор не окончен, ибо Маулыт Акимович на поставленный вначале разговора с директором вопрос так

до конца и не ответил. Поэтому, понимая это, деланно негромко кашлянув, он заговорил первым:

— Из всего, мной сказанного, можно делать вывод, что, выросший, пусть и в военное лихолетье, но в многонациональной среде, я иначе, чем дружески, с пониманием относиться вообще к людям не могу! И русские — не исключение! А с учётом того, что на формирование моего мировоззрения оказала большое влияние их культура, то я испытываю к ним устойчивые дружеские чувства! И это не просто слова, ибо таких великих писателей, как Михаил Лермонтов, силой огромного таланта восторженно воспевавший в своих бессмертных произведениях Кавказ, мы, горцы, имеем определённые основания считать своими, как это, говорят, делают эфиопы в отношении к Александру Пушкину! Так что, Анатолий Петрович, без всяких сомнений приезжайте в гости! Хотя бы для того, чтобы убедиться в правдивости моего ответа на ваш вопрос!

— Спасибо! Я принимаю кавказское приглашение! Но пока мы, можно сказать, по душам беседовали, мне, думаю совсем не вдруг, захотелось коснуться и ещё одной, совсем не простой темы — жестоких репрессий печально известного тридцать седьмого года, да и других лет, как предшествующих ему, так и последовавших за ним, вплоть до смерти Сталина. Скажи, как на духу, они оправданны или всё-таки нет?!

— У-у! Анатолий Петрович, куда вас, человека, занимающегося всю сознательную жизнь производством, понесло!..

— Ты хочешь сказать — в политику?!

— Вот именно!

— Пусть будет так! Только могут ли события прошлого, красным колесом безжалостно прокатившиеся по человеческим судьбам, не волновать и сегодня, хотя бы для того, чтобы в будущем жить без оглядки, без страха за себя и своих родных, знакомых?

— Думаю, что вы правы!

— Тогда и выскажи своё мнение о репрессиях!

— Оно исключительно отрицательное!

— Но ведь государственные мужи, раскрутившие страшный маховик до чудовищных оборотов, были вполне разумными, ответственными людьми. Отсюда вытекает ещё один вопрос: “Для чего им надо было это делать?”

— Чем больше временами думаю о репрессиях, тем ближе прихожу к версии, что советские органы хотели одним выстрелом убить двух зайцев... — сказал Маулыт Акимович. — Во-первых, действительно выявить всех, как тогда говорили, врагов народа, в интересах других государств предавших родное отечество, то есть ставших работать на их вездесущие разведки. Во-вторых, — что более существенно, — в целях скорейшего развития промышленности, не имея для этого необходимого количества средств, получить дополнительную дармовую рабочую, верней, рабскую силу, которую можно было бы беспрепятственно перебрасывать с одной грандиозной стройки на другую! А то что при этом от недоедания и физического перенапряжения гибли тысячи и тысячи ни в чём не повинных людей, власть не волновало, ибо она считала, что цель оправдывает средства, какими бы бесчеловечными они ни были!

— Ну, Маулыт Акимович, а ведь и я пришёл к такому же выводу! — воскликнул Анатолий Петрович. — Надо же! Мы, оказывается, с тобой не только в некотором роде влечёт, но ещё порой и одинаково мыслящие люди! Меня это радует, поскольку и в совместной работе по развитию совхоза нам будет легче находить общий язык, а значит, и более эффективно, и быстрее претворять производственные планы в жизнь!

— Я тоже рад! И признателен вам за столь содержательный разговор! — и, поднявшись, довольно улыбаясь, спросил: — Можно идти?..

— Конечно! Как порой ни полезно озадаченно помнить о прошлом, а жить надо настоящим! И мне ещё надо успеть подготовиться к поездке в банк — надеюсь получить так необходимый совхозу кредит, да и другие вопросы, не терпящие отлагательства, хотелось бы решить.

Наступили глубокие сумерки, когда Анатолий Петрович, просмотрев все документы, необходимые для успеха завтрашней поездки, мысленно в деталях представив запланированные встречи, наконец, направился домой. Было то самое летнее время, когда вплоть до рождения рассвета не становится темнее, словно и на суровом Севере, как на Балтике, бывают белые ночи, в которых, почти как днем, видны земные дали и небесная высь. Редкие звёзды хотя и загораются, но их свет совершенно не различим, а они сами кажутся слабо мерцающими угольками в давно прогоревшем костре. Тем не менее, взгляд, как магнитом, тянет к ним, словно где-то в их бесконечно пульсирующем ореоле находится разгадка вечной жизни, исполненной страстной любви и непреходящего чувства духовного полёта, вернее, вдохновения, с которым только и под силу вершить большие дела и делать великие открытия. В такие минуты хочется, забыв все треволения

минувшего дня, предаться самым смелым, устремлённым в далёкое будущее мечтам. И Анатолий Петрович, скорей всего, так бы и поступил, но к сожалению, несмотря на то, что воздух понемногу остывал, было так душно, что уже через несколько минут быстрой ходьбы на лбу его обильно выступила испарина, дышал он с трудом, отрывисто. Пауты и конские слепни вместо того, чтобы понемногу впадать в кратковременную спячку, продолжали носиться, как угорелые, звучно жужжа и грозя кровожадно впиться в открытые части тела. Это могло говорить о том, что воздух настолько наэлектризован, что ближе к ночи жди если не ливень с раскатистыми громами и трескучими молниями, то проливной, хлещущий струями, как плетью, дождь — уж точно!

Однако Анатолий Петрович, не чувствуя никакого разочарования, наоборот, с чувством глубокого тепла, согревающего душу надеждой на добрый вечер с женой, вошёл в дом. Помывшись, набросился на ужин, вкусно приготовленный Марией, но едва утолив голод, он откинулся на спинку стула, расслабил уставшие мышцы тела и сказал:

— Дорогая, у меня сегодня состоялся с главным экономистом Маульгом Акимовичем очень обстоятельный разговор, в котором мы с ним, думаю, надёжно для обоих обсудили помимо производственных вопросов и другие, касающиеся сложного периода в жизни нашей страны!

— Уверена, что инициатором его был ты! Или всё же ошибаюсь? — спросила Мария и, сев мужу на колени, одной рукой обняв его за мускулистые плечи, озорно сверкнула глазами: — Отвечай!

— Ты угадала! Но главной для тебя весьма приятной новостью будет то, что мы этой осенью обязательно поедим, пусть в несколько запоздалое, свадебное путешествие, на Северный Кавказ! Кстати, тебе там приходилось бывать? Или ты каждое лето в самом деле только ездил в составе студенческого отряда на горный Алтай?

— Так и есть! И очень этому рада! Ты даже себе представить не можешь, какая там красивая природа! Смотришь на горные, страх какие высоченные хребты, увенчанные снежными венцами, на порожистые реки, стремительно, как птицы, уносящиеся куда-то в низовую, солнечную даль, и восхищённого взгляда оторвать от них не можешь!

— Вот и будет с чем сравнить милый сердцу Алтай! А на обратной дороге заедем на недельку в гости к твоим родителям, надо же мне предстать пред грозные очи тещи, ведь, как-никак, я, в некоторой степени, виноват перед ним в том, что без доброго родительского благословения женился на его любимой дочери! Одним словом, украл! Словно в самом деле неисправимо привержен древнему горскому обычаю!

19

В райцентр Анатолий Петрович выехал назавтра пораньше — часов в шесть, на самой зорьке, чтобы до банка успеть застать в кабинете начальника речного порта Евгения Ивановича Каминского, чья крупная организация находилась на основании двухстороннего договора в шефских отношениях с Батамайским отделением совхоза. Очень хотелось убедить его в необходимости выставить ещё одно механизированное сенокосное звено, чтобы как можно скорее наверстать вынужденно упущенное из-за пропалки капусты время. Да и появляться в самом начале рабочего дня с просьбой о серьёзном кредите к управляющему банком Клавдии Васильевне Петровой, слышней среди клиентов строгой, было неразумно, поскольку, несмотря на свою молодость, Анатолий Петрович успел неплохо изучить женскую волнообразную натуру, от природы очень часто с утра бывающей раздражительной, даже непредсказуемой.

И в качестве первого примера он мог бы привести поведение своей матери, которая почти каждое утро, словно действительно не с той ноги вставала, сборы отца на работу проводила в нудном, тягостном ворчании. То это муж сделал не так, то другое... И он, в свою очередь, возглавляя большой трудовой коллектив, вместо того чтобы спокойно готовиться психологически к трудовому дню, конфликтовал с супругой и не мог дожидаться минуты, когда, наконец, сможет выскочить на улицу. Порой поведение благоверной так ему досаждало, что он демонстративно на некоторое время даже уходил из семьи. И как же тогда преображалась мать! Она часами с тоской в глазах не отходила от окна в надежде, что вот-вот во двор войдёт муж, с замиранием сердца посматривала на открывающуюся дверь: уж не он ли, такой любимый, такой родной, наконец, вернулся! Вот Анатолий Петрович и думал: “Пусть управляющая войдёт до обеда в обычный, свойственный только ей деловой ритм, до конца выплеснув на своих подчинённых всё своё душевное недовольство, вот тут-то я и предстану перед ней с сияющей улыбкой и цветами...”

Почти две недели удручающей жары не могли пройти бесследно. Земные испарения где-то на юге всё скапливались в облаках, обращая их в отягощённые, как коровье

вымя молоком, обильной влагой. Ночью, зародившийся в сопках ветер, сорвавшись, словно злая собака с цепи, бешено, с огромной силой обрушился на посёлок и его окрестности. Он, проносясь по улицам, поднимал высоченные, крутящиеся столбы пыли и нёс за околицу, по пути словно жадной, хищной рукой вбирая в круговёрть всё, что было ему под силу: — и дровяные щепки, и обрывки газет, и даже мелкие металлические предметы... Но главное — ветер в считанные минуты согнал на небо, словно пастух большое овчье стадо, свинцовые тучи, отчего на улице, где обычно в летнее время даже ночью почти всегда было светло, как днём, потемнело до непроглядности.

Наконец, по небосводу, сначала с грохотом, как телега по булыжной мостовой, прокатился из конца в конец страшный гром, а вслед за ним с сухим треском, как пороховые заряды, запылали одна за другой зигзагообразные белые молнии, которые своим мощным небесным огнём озаряли чёрное небо, а вонзаясь в деревья, — мгновенно, словно костром, охватывали их целиком яростным, беспощадным пламенем. Людям, в страхе зашторившим или закрывшим ставнями окна, оставалось лишь надеяться, что не загорятся соседние деревья, означая начало огневой стихии, одной из самых страшных на свете, — таёжного неукротимого пожара... И, может быть, так и случилось бы, если бы на землю вскоре не обрушился такой проливной ливень, как будто молниевые пики враз вспороли брюхатые, свинцовые тучи. Он наотмашь беспощадно хлестал и хлестал по шиферным кровлям и деревьям с густой ветвистой кроной, срывая с них слабые, почему-то преждевременно пожелтевшие листочки, неистово топтал и вминал в вязкий грунт совхозных полей вошедшую в полный рост зелёнку, шумно пузырясь и хлюпая, заливал до самых краёв все лесные низинки, выбоины и колдобины на просёлочных дорогах и мутными бесчисленными ручьями-потоками нёсся в сторону малых таёжных рек, где, смешавшись с их струями, бурно втекал в величавую водную бездну Лены, в которой наконец-то находил временное успокоение своей природной мятущейся водяной душе...

Гроза, как внезапно началась, так же внезапно и закончилась. Уже через час о ней говорили лишь отливающие серебром капли, скатывающие с крыш и деревьев, чтобы, с лёгким звоном падая в разлившиеся лужи, рождать лёгкие круги, как слабая поклёвка пескарей. Но вскоре в песчаный грунт впиталась вся дождевая вода, оставив на земле после себя лишь влажные тёмные разводы. А когда Анатолий Петрович ровно в назначенное время вышел из дома к подъехавшей машине, то и небо окончательно очистилось от мрачных туч, а следом за ними поплыли лёгкие перистые облака, малиново подсвеченные снизу солнечным, оранжевым восходом, и о ночном ливне напоминал лишь влажный, свежий, легко вдыхаемый всей грудью прохладный и чистый воздух. Со всех деревьев, нежно лаская душу, неслась птичья звонкая разноголосица.

Едва миновав посёлок, выехали на гравийно-песчаную трассу с яйцеобразным полотном, с которого любая небесная влага вмиг скатывалась по откосам в водоотводные канавы и глубокие кюветы. Только в небольших дорожных выбоинах ещё продолжала стоять фиолетовая дождевая влага. Пыль от бешено вращающихся колёс не поднималась, в салоне было ощутимо прохладно. И, несмотря на сильную тряску на ухабах, под стройный, но всё же монотонный, утомляющий рокот двигателя Анатолий Петрович задумался не о предстоящих очень важных встречах и переговорах с серьёзными руководителями, а о своей личной жизни, которая, слава Богу, вроде начала налаживаться. Мария после, можно сказать, рождённой на пустом месте, но так сладко закончившейся ссоры развила активную деятельность по устройству уюта в семейном гнезде.

Во-первых, она каким-то образом, видать, вновь не без помощи комендантши, приобрела в местном сельпо небольшой, но очень красивый кухонный гарнитур, все предметы которого были отделаны тёплого цвета тонким пластиком, матово отливавшим в дневном свете, а дверцы были украшены блестящими металлическими изящными небольшими ручками. И вместо старой рассохшейся мебели с тонким вкусом, присущим только избранным женщинам, расставила новую в небольшой комнате с единственной кирпичной печью с чугунной плитой, обогревающей в зимнее время всю квартиру. Во-вторых, в зной наспех повешенные на окна тяжёлые шторы, по одному виду которых можно было судить, что прежде они употреблялись в сельском клубе, удачно заменила на другие, пошитые в местном ателье из лёгкой, но очень плотной портьерной коричневой ткани с белыми продольными полосами, придававшим им элегантный, радующий взгляд вид. В-третьих, старый холодильник, местами сильно проржавевший, устало и ворчливо тарахтевший на всю квартиру и мешавший легко засыпать, сдала на совхозный склад, а вместо него временно, пока не будет куплен свой, оттуда же взяла и поставила новый, такой же модели, — “Минск”.

Решив первую задачу по созданию уюта, Мария загорелась желанием навести свой порядок и в остальных двух комнатах. Но в местных — ни в сельповских,

ни в проднабовских — магазинах спальной и гостиной мебели не было. Убедившись в этом, она попросила мужа достать её в городе. Анатолий Петрович находился в дружеских отношениях с таким же, как он сам, молодым начальником управления районной торговли. Но когда по телефону обратился к нему с просьбой о мебели хотя бы для гостиной, то тот лишь пообещал из осеннего привоза зарезервировать её, а продать, поскольку практически весь потребительский бытовой товар в то советское время был строго лимитирован, сможет только по соответствующей разнарядке райкома. При этом намекнул, что поскольку Анатолий Петрович находится у первого секретаря в известном фаворе, то считает, что на его соответствующее заявление будет высоким начальником без каких-либо проблем наложена необходимая резолюция.

Следя за хлопотами жены, Анатолий Петрович радовался им, ибо понимал, что у него, наконец, появилась женщина, самостоятельно взявшая все непростые заботы по дому на себя и таким образом негласно распределившая семейные обязанности, словно в глубокой древности: женщина заботится о том, чтобы, образно говоря, в доме не погас очаг, а мужчина — о хлебе насущном... Несколько дней назад она пришла из магазина взволнованная, со следами слёз на пылающих щеках, и стала ходить взад-вперёд по большой комнате в глухом молчании, сцепив перед собой руки, нервно подрагивая подбородком, словно была готова вот-вот горько, на всю квартиру разрыдаться! Анатолий Петрович был не на шутку встревожен состоянием жены, и ему ничего не оставалось, как спокойно, но не без внутренней тревоги тихо спросить:

— Мария, что случилось? Будь добра, объясни!

Но вместо ответа она порывисто подошла к нему с продолжающим дрожать мелко-мелко подбородком, с глазами, полными справедливых, но горьких слёз, и, как ни пыталась сдержаться, но всё же, горько уткнувшись головой в твёрдую грудь мужа, взяла да и расплакалась, при этом её хрупкие плечи судорожно содрогались, а руки безвольно повисли вдоль стройного, но как бы враз ослабшего тела. Анатолий Петрович, нежно обнимая и глядя по голове жену, стал её успокаивать:

— Ну, что ты, родная, что ты так расстроилась! Я же с тобой! Ты мне очень дорога! Ну, хотя бы перестань плакать, милая!

И она понемногу взяла себя в руки и, утерев глаза чистым носовым платком, быстро-быстро, словно боялась, что её перебьют и она так и не сможет высказать самого главного, заговорила:

— Понимаешь, я сегодня в обед забежала в промышленный сельповский магазин и тотчас заметила, как все находящиеся в нём женщины стали сначала нагло — в упор! — разглядывать меня, потом специально громко, чтобы я могла всё слышать, как сороки, зататорили между собой: “Ну, теперь понятно, почему он бросил жену с ребёнком — захотел молодого девичьего тела... Подлец, да и только!” И сказано это было с таким ясным намеком, что как будто тебе не тридцать лет, а все пятьдесят. Ну и, конечно, ты ещё и окаянный развратник! От жгучей обиды мне захотелось, как в детстве, горько разрыдаться, но я всё-таки нашла в себе силы даже виду не показать, что глубоко оскорблена. Наоборот, показала им, этим жестокосердным поселчанкам, что они не на ту напали! И на весь торговый зал громко, словно со всего размаху, жёстко бросила им: “Женщины, как же вы обделены судьбой, коль вам больше делать нечего, как только копаться и копаться в чужом грязном белье?.. Неужели не противно? Ведь большей гадости и придумать трудно!.. Если вы, бездушные, жестокосердные, хотя бы ещё раз при мне плохо скажете о моём муже, то, предупреждаю заранее, я за себя не отвечаю!..” После моих слов в магазине повисла такая глубокая тишина, что показалось, будто время остановилось... Наконец, продавщица, от удивления округлив глаза, словно онемевшая, молча обслужила меня вне очереди, да так быстро, что сплетницы даже ртов не успели раскрыть!

Душой глубоко обрадовавшись смелости, нет — мужеству дорогой жены, Анатолий Петрович всё же спросил её:

— Ну, а почему же тогда ты так расстроилась? Ведь смогла же из короткой, словесной стычки победительницей выйти!

— Да потому, что они в самом деле считают меня виновной в распаде твоей бывшей семьи! Но ведь это совсем не так!

— Не так! Я развёлся с первой женой задолго до твоего приезда! Но ты должна понять, что, во-первых, на каждый роток не накинешь платок, во-вторых, — ничего нет страшней тупой зависти!

— А при чем тут это? Никак не пойму!

— При том, что по сравнению с ними, извини, обабившимися, — привыкшими одеваться абы как, словно с одного плеча, в невзрачные кофты, тёмные, не всегда хорошо выглаженные юбки, выходить из дома на люди в обыкновенных растоптанных

тапочках, ты, пусть просто, но с художественным вкусом одетая, с сверкающими от чистоты волосами, благоухающая французскими духами, в импортных туфлях на высоких каблуках выглядишь самой настоящей королевой!

— Разве это плохо?

— Прекрасно! Но твои-мои поселчанки, как бы внешне небрежно ни выглядели, остаются женщинами, которые в душе тоже жаждут быть красивыми, но по многим причинам, порой даже не зависящим от них, не могут этого сделать или просто настолько ушли с головой в хозяйские хлопоты по дому, заняты воспитанием своих многочисленных детей, что и не хотят... В любом случае, твое умение недорого, но весьма эффектно одеваться, твоя ухоженная красота для них — оскорбляющий их самолюбие вызов! Ведь никто из них никогда не признается в своём неряшестве, никогда! Но поверь, пройдет некоторое время, и они же будут своим подрастающим дочерям тебя ещё в пример ставить! Что же касается меня, то какой правды или справедливости я могу ожидать в этом почти “родном” посёлке, где каждый пятый человек является если не близким, то дальним родственником моей первой жены? Абсолютно никакой! Вот такой расклад, по крайней мере на сегодня, моя родная.

После этого разговора, из которого Анатолий Петрович узнал, как его — да-да именно его! — Мария достойно вела себя в магазине, отстаивая его доброе имя, он стал относиться к ней с ещё более возвышенным чувством глубокой благодарности, всё больше и больше понимая, как она ему дорога и необходима в этой жизни, которая с каждым днём по воле бездарных, от старости ставших самыми настоящими маразматиками власть имущих становится всё беспросветней!

Накопившаяся в теле больше чем за неделю тяжкой прополки усталость, треволения за погибающую капусту и огромная работа по решению всего объёма производственных проблем, свалившихся Анатолию Петровичу на голову, как снег с крыши, вместе с тряской дорогой, укачивающей, словно морская пологая волна, сделали своё дело, и он, держась за ручку, медленно погрузился в сон, в котором ничего, кроме спящей капусты, всё плывущей и плывущей перед глазами, не видел. Проснулся он от того, что машина остановилась. Медленно, словно налитые свинцом, разорвал веки и увидел перед собой огромные, очень похожие на цапель, подъёмные портовые краны на мощных стальных ногах-опорах, с длинными клювами-стрелами, двигающимися то в одну, то в другую сторону, разгружая пришвартованные к пирсу баржи непосредственно в автомашины с длинными прицепами. По портовой площадке, стрелоча бензиновыми моторами, взад-вперёд сновали автопогрузчики с гидравлическими подъёмниками, напоминающими огромные вилы. С палуб барж то и дело сквозь металлический скрежет и визг доносились команды: “Вира!”, “Майна!” Рядом с машиной возвышалась двухэтажная деревянная контора с двухскатной шиферной крышей, обитая зелёной вагонкой. От времени и непогоды на ней во многих местах краска вспучилась или вообще отпала, и здание имело жалкий и неприглядный вид, совсем не соответствующий статусу алмазодобывающей компании, одним из многочисленных подразделений которой являлся речной порт, кстати, по объёму перерабатываемых грузов второй на Лене.

Анатолию Петровичу повезло: начальника порта Евгения Ивановича удалось застать на месте, в большом, несколько мрачного вида кабинете с окнами, выходящими на реку с судами, что позволяло, сидя за рабочим столом, следить за всем ходом разгрузочно-погрузочных работ и в случае каких-то сбоя в их отлаженном годами ритме по громкой связи давать мастерам необходимые указания. “Да, руководить из кабинета — это не мотаться по всем отделениям, на один объезд которых требуется целая неделя, включая воскресенье!..” — отметил про себя как бы между прочим Анатолий Петрович. И за руку поздоровался с вышедшему к нему навстречу из-за стола начальником речного порта, мужчиной сорока лет, с фигурой волейболиста: высокой, поджарой, с длинными руками. Одет он был в чёрный костюм с туго повязанным тёмным с белыми мелкими крапинками шелковым галстуком. Его лицо было красивым, с теми мягкими, правильными чертами, которые обычно у женщин вызывают чувство досады, ибо говорят о слабоволии, неумении, да и нежелании до конца решать круто поставленные суровой жизнью вопросы.

Но именно это обрадовало Анатолия Петровича, поскольку, от природы обладая сильной волей, перед которой не раз всерьёз тушевались и сильные личности, он мог быть уверен, что его сегодняшний визит будет удачным. Так оно, в конце концов, и получилось. После дежурных фраз о здоровье и семье, с удовольствием попивая в прикуску с печеньем свежесваренный чай, любезно поданный на чёрном с красными цветами китайском подносе симпатичной молоденькой, лет восемнадцати — не больше! — секретаршей с так и стреляющими в гостя голубыми, подведёнными чёрной тушью глазами, с ярко накрашенными полными губами, Анатолий Петрович без каких-либо

обиняков, напрямую, как говорится, в лоб высказал свою производственную просьбу. Однако Евгений Иванович, словно его не поняв или не расслышав, вдруг спросил:

— Говорят, у вас там, на нижней стрелке Туруктинского острова стерляди целыми стаями ходят — это правда?

— Наверно, коль моя супруга быстро установила контакт с местными рыбаками, и я почти каждый день в обед ем стерляжью уху...

— А мне ты можешь организовать, скажем, уже в какой-нибудь из ближайших выходных ловлю стерляди? Понимаешь, меня с детства хлебом не корми, но дай возможность вволю порыбачить!

Прежде чем ответить, Анатолий Петрович недоумённо подумал: “А какого чёрта он мне с рыбалкой голову морочит, когда я его конкретно, более чем обоснованно попросил выставить дополнительное сенокосное звено? Не пойму! Ну, да ладно... Посмотрим, что будет дальше...”

— Говоришь, устроить рыбалку? Да запросто! — сказал от так воодушевлённо, как будто сам с удочками сутками пропадал на реке. — Можешь считать, что лучшие местные рыбаки тебе компанию составят! Да на такие стерляжки косяки наведут — пальчики оближешь!..

От этих заманчивых слов слащаво-красивое лицо Евгения Ивановича расплылось белозубой улыбке. И он не без удовольствия, словно предвосхищая богатый улов, потёр руки и предложил:

— Может, грамм по пятьдесят коньяка?

— Да с удовольствием!

После первой рюмки выпили и по второй. И только после этого начальник речного порта, вдруг несколько посуровев, спросил:

— Когда, говоришь, надо звено выставить?

— Чем скорее, тем лучше!

— В течение трёх дней устроит?

— Вполне!

— Только в эти выходные жди меня, в какой конкретно день — субботу или воскресенье — я по телефону сообщу! А приеду не на служебной машине, а на катер-глицере — люблю с ветерком прокатиться!

— Да хоть на вертолёт прилтай! Пустым, слово даю, не уедешь!

Тепло попрощавшись, Анатолий Петрович вышел на улицу и, посмотрев на часы, прикинул, что до обеда ещё успеет заглянуть в районное управление сельского хозяйства к своему непосредственному начальнику — председателю Паку: уж больно хотелось из первых уст узнать, как идут сенокосные дела в других совхозах. Но почему-то вдруг, как магнитом, его потянуло к Лене, словно захотелось с высоты причальной стенки полюбоваться ею с вышоченными лесистыми сопками, то подступающими к самому срезу воды, то удалявшимися вглубь вековой, почти непроходимой тайги. А на как бы освободившемся приречном пространстве образовались после весеннего паводка заливные луга с обильным травостоем, где в это время уже полным ходом разворачивалась сенокосная работа. Из хвойного леса выступали столбообразные гранитные скалы, казавшиеся мощными ребрами тела сопки, в щелях которых гнездились празднично белоснежные, но словно с траурными чёрными повязками на самых концах, словно боевой лук, изогнутых мощных крыльях чайки в ожидании, когда их птенцы самостоятельно отправятся в полёт... Лена была прекрасна с ослепительно горящим в полдень в пронзительно синих-синих небесах солнцем в круговом ореоле исходящих пучками светло-оранжевых лучей, словно луна, зажигающих невысокие гребни волн серебряным светом, перекрашивая речную воду из темно-синей в изумрудные тона; с неизменно ветровым простором, но лишь несколько раз за лето становящимся штормовым, когда двухметровые валы с белыми пенными гривами с шумом сердито накапывают на берег, яростно бьются в отвесные стены гранитных скал, срывая с жидковатых цепей лодки, чтобы нести и нести их до самого Ледовитого океана.

Анатолий Петрович подошёл к самому краю довольно высокой бетонной стенки, крепко взялся за железные, окрашенные в тёмно-зелёный цвет поручни ограждения, но от одного взгляда, как в туманную бездну без дна, на плещущуюся внизу и стремглав несущуюся по течению тёмную воду с многочисленными воронками, засасывающими всё, плывущее вниз по течению — щепки, хвою, обломки досок — куда-то глубоко, в самое речное чрево, потрясённо, словно впервые в жизни, подумал: “Господи, если можно с чем-то сравнить непрерывное течение времени, так только с этой стремниной, остановить которую не под силу даже самым большим на свете — семидесятиградусным! — якутским морозам! А ведь она протекает круто с юга на север, то есть снизу вверх земного шара на протяжении более чем трёх тысяч километров! С ума можно сойти от

сознания, какую же силу надо иметь для этого! Чудо какое-то! Но не менее важно другое — откуда она берётся?

Ответить, что всё дело в земном тяготении, было бы очень просто, да и не совсем верно! Так где же истина? Где?! Увы, увы, не знаю! А знаю ли я саму жизнь со всеми её многочисленными горестями и радостями? Скорей всего, в полной мере нет! Иначе бы порой не уподоблялся людям, упрямо пытающимся изобрести свой велосипед, иными словами — учащимся, в конце концов, идти верным путем не на чужих, а на своих горьких ошибках, что, к сожалению, не говорит о моём большом природном уме. Нет, называть себя дураком я никак не могу. Но тем не менее, всё страдаю и страдаю, то из-за одного, то из-за другого, словно хожу по какому-то заколдованному кругу бесконечных потерь... Вот и во второй брак с Марией, которая значительно моложе меня, бросился, как в омут с головой. И что теперь делать? Конечно, плыть дальше в стремительном потоке жизни, верней, надеясь, что женская мудрость покроет недостаток житейского опыта. Судьба так подстроила или жизнь так легла? А решкой или орлом? Проще всего на это, как всегда, ответить: “Время покажет!..” Но очень уж хочется, словно корни могучих деревьев в глубину почвы, прорасти мозгами в грядущее или хотя бы краешком глаза время от времени пытливо заглядывать за грань его, чтобы иметь возможность если не отвести суровую беду, то толком, основательно подготовиться к её вдохновенному отражению...

От напряжённой работы глубоких мыслей голова, как будто спяну, закружилась. Чтобы вернуть равновесие, Анатолий Петрович, ещё крепче ухватившись за стальные поручни ограждения, несколько раз резко мотнул ею, полусознанно говоря себе: “Ладно, философ хренов, по крайней мере, сегодня, чем глубже задумываешься о вечном, тем больше задаёшься непосильными вопросами. Тем самым, пусть не напрасно, пусть не в пустую, но всё же без заметных успехов тратишь драгоценное время, а ведь оно не стоит — летит, как быстрокрылый стерх, всё быстрее и быстрее, с только ему понятным значением! Да и ехать надо!..”

20

Руководитель управления сельского хозяйства Владимир Андреевич Пак, к которому Анатолий Петрович отправился из речного порта, был не из местных. Родившийся во время войны под Владивостоком в многочисленной корейской семье, он с малых лет вместе с родителями с раннего утра до позднего вечера пропадал в совхозном поле, выращивая разнообразные растительные культуры: морковь, капусту, перец, кабачки — всего не перечить! — постигая своими натруженными руками, смекалившей головой и вдумчивой душой сложное, трудоёмкое мастерство возделывания почвы, чтобы она становилась всё щедрей и щедрей на урожай. Там же на восточных рубежах нашего отечества и получил высшее сельскохозяйственное образование, которое, кроме заветных институтских “корочек” да некоторых теоретических знаний ему, по сути, ничего дать не могло, но позволяло в полной мере пройти трудный путь от рядового агронома до директора подсобного хозяйства морского порта.

Женился он довольно поздно, почти в тридцать лет на своей соплеменнице. Единственный сын, к отцовскому сожалению, не пошёл по стопам предков, а увлечшись морем, закончил высшее мореходное училище. Стал плавать на сухогрузе по морям-океанам. Родители, оставшись одни, по какой-то неизвестной в районе причине переехали в Якутию, край суровый, а главное — совсем им не знакомый. Но и здесь, сразу же из-за вечной северной проблемы — нехватки опытных кадров — Пак возглавил управление. От природы вдумчивый, с годами он набрался не только житейской, но производственной мудрости. Не потерял и чувство поисков всё новых и новых сортов семян, используя которые можно было и в суровых климатических условиях добиваться высоких результатов.

Казалось бы, чего ещё надо человеку, почти достигшему пенсионного возраста, занимающего высокий начальственный пост, имеющего хорошие жилищные условия? Но едва он узнал о самом передовом методе выращивания картофеля — голландском, — как тотчас поставил перед министром вопрос о необходимости его скорейшего внедрения в своём районе. Для этих целей выбил у финансистов республики такое количество денег, которое позволило сполна не только закупить семена, но и всю необходимую технику: картофелесажалки, плуги, уборочные комбайны, фрезерные культиваторы и даже трактора и прицепные высоко производительные комбайны, которым аналогов в нашей стране в то время ещё не было. Кроме того, организовал в центральном совхозе “Ленский” месячные курсы для получения механизаторами те-

оретических и практических знаний, необходимых для работы на новой зарубежной, а потому совершенно неизвестной им технике. Не успокоился и на этом!

Из маленькой скандинавской страны, отвоевавшей у моря не одну тысячу гектаров плодородной, бывшей морской земли, покрытой толстым растительным слоем, состоящим из перегнивших за многие тысячелетия морских водорослей и мелких ракушек, он пригласил в качестве преподавателей весьма толковых, имевших необходимое специальное образование, а главное — неоценимый опыт по получению высоких урожаев сельскохозяйственных культур фермеров. Об этом убедительно говорило получение ими уже тогда с каждого гектара по пятьсот центнеров картофеля, а капусты — все сто! Всерьёз подумывал и о следующем шаге: построить современные овощехранилища, позволяющие торговать сельскохозяйственной продукцией от урожая до урожая! И всё же своим директорам совхозов жаловался: “Вот бы ещё нам закупить голландских породистых коров, от которых молока европейцы надаивают в два, а то и в три раза больше, чем мы от наших холмогорских бурёнок! Вот бы дела по снабжению алмазников молочной продукцией резко вверх пошли! Как пошли бы!..” А потом сам же себя мудро и успокаивал: “Видать, точно бодливой корове Бог рог не дал!..” В результате своего такого патриотичного рвения за вверенное ему сельское хозяйство пользовался он и у простых рабочих, и у партийного руководства района вполне заслуженно большим, непререкаемым авторитетом.

Своего самого молодого директора Пак, как всегда, встретил более чем приветливо: благодушной улыбкой, крепким рукопожатием. Едва Анатолий Петрович занял своё привычное место в кресле с мягкими подлокотниками, стоявшем напротив стола совещания, Пак спросил его:

— Что пить будешь — растворимый кофе или свежесваренный корейский чай с твоим любимым печеньем?

— Знаете, ни то, ни другое! — И, посмотрев на свои ручные часы, Анатолий Петрович продолжил: — Обед скоро, не хочется аппетит портить!

— И то верно! Надеюсь, обедать будешь у меня?!

— Да неудобно как-то!

— Тоже нашёл что сказать!.. А мне вот велено первым секретарём передать тебе благодарность за спасённую капусту! Надо же, как ты с прополкой лихо управился! Да и с закладкой зелёнки на силос дела у тебя совхозе идут неплохо. Но всё же ты ошибко-то нос от моей похвалы не задирай, ведь что в своё оправдание ни говори, а начало заготовки сена в центральном отделении, можно сказать, провалено! Знаю, знаю, что из-за производственной необходимости, но всё-таки...

— Как провалил, так и выправлю! Слово даю! А к вам, Владимир Андреевич, в этот раз заехал, конечно, поговорить по душам, но больше всего хочется узнать, как в других совхозах дела идут! — то ли с обидой, то ли с досадой сказал прямолинейно Анатолий Петрович.

Более мудрый руководитель районного сельского производства сделал вид, что этого совершенно не заметил, но удивлённо спросил:

— Уж не намерен ли ты с ними в соревнование вступить?

— А почему бы и нет?! Или, простите, не под моим руководством в “Сельхозхимии” всего за год выполнение государственного плана увеличились по тому же внесению органических удобрений, между прочим, самого сложного вида работ, аж вдвое? Под моим!

— Это в самом деле так! За что тебе лично от меня огромное спасибо! Но в любом случае, ты с матёрными директорами, пусть не по своей вине, но находишься в неравных условиях: у них хозяйства за многие годы на высоком уровне отлажены, можно сказать, работают, как исправные машины, без сбоев, а у тебя совхоз на ладан дышит!

— И что с того? Я ведь для того и пришёл, чтобы его поднять на нужный уровень! И тянуть с этим не собираюсь! Раз взялся за гуж, то, живот свой положу, но в бессилии не скажу, что не дуж! Вот так-то!

— Ладно, Анатолий Петрович, не заводись! Я ведь просто по-отечески только хотел ещё раз дать тебе понять, что дел в совхозе невпроворот, то есть не до жиру, быть бы живу!.. Понимаешь?

— Понимаю! А всё же?..

— Всё же, конкретно отвечая на вопрос, справедливо волнующий твоё здоровое самолюбие, сообщаю, что на первом месте по заготовке грубых кормов, как и ожидалось, идёт совхоз “Ленский”, за ним с небольшим отставанием — “Витимский”. Ответом доволен? — и, не дав ответить, торопливо добавил: — Но я тебе не сообщил ещё одну новость!

— Какую же, осмелюсь полюбопытствовать?

— В этом году, — многозначительно ответил Пак, — по результатам социалистического соревнования, развернувшегося и идущего полным ходом по всей республике, отдельным приказом министра установлено несколько довольно солидных денежных и материальных премий.

— И что там полагается за первое место?

— Для хозяйства с твоим поголовьем скота сто тысяч рублей, а директору — право на получение вне очереди автомобиля “Жигули”!

— Легковушку мне не надо! Тем более — “Жигули”! Мне одни уже, когда я работал в леспромхозе, за активную профсоюзную деятельность выделяли. А вот деньги моему разорённому, лежащему, как подыхающая скотина, на боку совхозу ну, ни в коем случае не помешали ли бы, ведь на увеличение производственных показателей не один год уйдёт, а выживать уже сегодня надо, да не абы как, а достойно!

— А не высоко ли метишь?

— Вы опять за своё! Ну, словно не знаете, что мне, максималисту от природы, как всегда, нужно или всё, или ничего!

— От чего, от чего, а от скромности ты, Анатолий Петрович, точно не умрёшь! Впрочем, если не в твои года не хватать звёзды с неба, то когда! Дерзай! Однако время — обедать... Пошли!

Идти долго не пришлось — начальник управления жил в трёх минутах ходьбы в новом, полгода назад введённом в эксплуатацию, пятиэтажном тёмно-синем жилом доме, на третьем этаже. Хозяйка Инна Викторовна, тоже родом из корейцев, невысокая, полноватая, с узкими глазами-щёлочками, с чёрными — без единой сединки! — густыми волосами, одетая в шёлковый, цветастый халат, в белом передничке, оказалась хлебосольной, видать, очень любящей мужа женой. К стоящей уже на столе квашеной капусте ещё прошлогоднего урожая на первое подала наваристый овощной суп, на второе — мясные биточки с рисом, а в качестве третьего предложила на выбор зелёный чай или брусничный сок. Анатолий Петрович, которому очень уж понравилась перцовый остротой квашенная по-корейски капуста, выпил, чтобы затушить пылающий от красного перца во рту огонь, обжигая небо, с поспешной жадностью два стакана сока и, чувствуя всем организмом приятную сытость, утёр рот салфеткой и горячо поблагодарил хозяйку за вкусное угощение.

Владимир Андреевич не курил, но после сытного обеда предложил своему самому молодому директору выйти на балкон, где то ли от яркого солнца, то ли глубоко задумавшись, по-доброму сузив и без того узкие азиатские глаза-щёлочки, с лёгкой любознательной улыбкой в краешках тонких, добрых губ вдруг спросил:

— Как устроился?

— Нормально!

— Это в общежитии-то? Я как-то раз там ночевал, в одной из двух небольших комнат... Согласен, для холостяка площади хватает, а вот для женатого человека — ну, никоим образом! Ведь рано или поздно дети пойдут! Где их размещать будешь? У себя на голове, что ли?!

— Вот когда родится первый, а может, даже и второй ребёнок, тогда и буду думать о расширении жилья! Да и потом, Владимир Андреевич, откровенно говоря, если на вторую женитьбу я смело решился, но выйдет ли из этого толк — уверенно сказать пока не могу, ведь, сами знаете, я не подарок!.. У меня всегда на первом месте была и, надеюсь, будет работа! А согласится ли с этим моя новая, причём с характером, жена — вопрос непростой. Я, конечно, все силы приложу для того, чтобы ответ на него оказался счастливым! Но ведь вы, поскольку намного старше меня, должны и лучше знать, что семейный дом строится, как любое здание, одновременно с двух сторон, и крыша у него должна быть ну, минимум двухскатная!..

— Тебе виднее!.. Но ты не совсем прав, поскольку ничего дороже семьи, своих детей на свете не может быть. Работа, как легкомысленная женщина, может в любое время изменить, а вот родные души — никогда! Подумай об этом хорошенько! Поверь, это только в молодости кажется, что жизни нет ни конца, ни края, а как перевалишь за её становой хребет, так и оглянуться не успеешь, как старость на всех парах подкатит!.. И вот ещё что: на следующей неделе тебе надо будет слетать в Якутск на утверждение в обкоме партии, да и перед министром сельского хозяйства, своим самым высоким начальником, предстать необходимо, ведь приказ им о твоём назначении директором ещё не подписан!

— Надо слетать, значит, слетаю! Только не получится ли, как в известной поговорке: “Проработал я всё лето на туза да на валета!..”

— Не получился! Дело твоё изучено, решение о твоём назначении принято, просто надо соблюсти протокольные формальности!

— А жену с собой я могу взять?
— Дело, как говорится, хозяйское!..
— Тогда я могу быть свободным?
— Куда так торопишься?
— Да надо ещё в банк заехать в отношении получения кредита!
— Дело с учётом нехватки средств даже для выдачи зарплаты — более, чем перво-степенное! Тем не менее о моих словах в отношении семьи, не будь дураком, помни, причём крепко и всегда!

— Договорились!

С управляющей промышленного банка Зинаидой Евгеньевной Сидоровой Анатолий Петровой был знаком шапочно. Несколько раз заставлял её в кабинете предшественницы Клары Исааковны Усман, совсем недавно — аж в семьдесят лет! — ушедшей на заслуженный отдых. Всегда с ней подчёркнуто вежливо здоровался, не менее вежливо улыбался, отмечая, что Зинаида Евгеньевна, несмотря на свой бальзаковский, срединный возраст, была излишне полноватой. На круглом лице с маковым румянцем на щеках, с жировым вторым подбородком, как-то лукаво светились большие голубые глаза с ресницами, сильно удлинёнными за счёт чёрной туши. Полные, не потерявшие сочность губы отливали вишнёвой помадой. В отличие от своей пожилой начальницы, она одевалась не в кофты и юбки, а в цветастые платья с глубоким вырезом, с широким подолом, но плотно облегавшими её дородную, пышную грудь.

С той недалёкой поры банк переехал в новое двухэтажное каменное светло-жёлтое здание с высоким крыльцом под бетонным козырьком, с двухстворчатой, обитой чёрным дерматином дверью, с довольно большими окнами, надёжно защищёнными от взлома грабителей стальными узорчатыми решетками. Перед зданием для машин клиентов была устроена просторная бетонная площадка-стоянка, обрамлённая с трёх сторон клумбами, зимой, понятно, занесёнными глубоким снегом, зато с наступлением летнего устойчивого тепла на них высаживались разных сортов цветы, своей яркой красотой радующие взгляд.

Ровно в два часа дня Анатолий Петрович с букетом бордовых роз, купленных по дороге в единственном в городе цветочном киоске, переступил порог банковской приёмной. Тотчас молоденькая секретарша, оторвав красивые васильковые глаза от какого-то журнала, несколько удивлённая порывом, с которым вошёл ещё один посетитель, устремила на него лучистый взгляд и, мило ответив на приветствие, спросила:

— Вы, молодой человек, к Зинаиде Евгеньевне?

— К ней! По очень важному делу!

— А разве не знаете, что прием клиентов она ведёт до обеда?

— Тьфу! — ударил себя по лбу Анатолий Петрович. — Конечно, знаю, да вот, дурень, что-то напрочь запамятовал! Но поскольку я для встречи с управляющей проехал больше ста километров, повторяю, по очень важному делу, то не могли бы вы просто сообщить ей обо мне! Может, она для меня сделает исключение из установленных правил... Я вам за исполнение моей просьбы был бы бесконечно благодарен!

То ли секретаршу подкупила его горящее решимостью скуластое лицо с синими пронзительными глазами, словно заглядывавшие в самую душу, а вместе с тем напористость отрывистой речи, то ли она покорно ощутила на себе мощные волевые волны, исходившие невидимыми лучами от крепко сбитого тела неожиданного посетителя, но благодушно спросила:

— Как о вас доложить?!

— Директор совхоза “Ньюский” Анатолий Петрович!

Через несколько минут, выйдя от управляющей с явно озадаченным лицом и оставив за собой открытой массивную, отделанную под орех дверь, она бархатным голосом уважительно произнесла:

— Зинаида Евгеньевна вас примет! Проходите!

Управляющая при появлении молодого директора не встала из-за стола, а лишь холёной рукой показала на мягкое кресло, стоящее у столика, встык придвинутое к большому рабочему столу из ореха с лежащим на нём большим стеклом, под которым были видны аккуратно разложенные листы с какими-то напечатанными текстами.

— Зинаида Евгеньевна, здравствуйте! — бодро поприветствовал хозяйку кабинета Анатолий Петрович и, прежде чем сесть, стремительно подошёл к ней и, наклонившись, галантно поцеловал руку.

— Так вы ещё и кавалер! — с довольной улыбкой сказала управляющая, но тотчас задала вопрос: — Какими это жизненными ветрами вас занесло в нашу бесконечную, шумную суету городскую?

— Да вот, наконец, нашёл время в качестве знака уважения преподнести вам этот скромный букет роз! Говорят, вы их очень любите!

— И всё? — принимая цветы, вопросительно произнесла Зинаида Евгеньевна. — Или есть ко мне более важное дело?

— Даже не знаю, говорить о нём сегодня или не говорить, настолько оно для вас ну, совсем пустяковое...

— Лукавите, Анатолий Петрович, ох, лукавите! Я нашу районную газету читаю, да и без неё о вас достаточно наслышана! У руководителя вашего уровня пустяковых вопросов не бывает!

— Скорей всего, вы правы! Только откуда мне знать, насколько, если директором работаю без году неделя! И какого хозяйства? Порой подумаешь о нём — и невольно плакать хочется! В моём сложном положении уж чего-чего, а вашей мудрости мне точно не хватает. Вот я и решил узнать, как в банке выгодней получить кредит. Может, возьмёте, по примеру Клары Исааковны, надо мной шефство, а я в ответ, чем могу, тем всегда помогу. К примеру, без особых проблем постараюсь избавить вас как руководителя в основном женского коллектива от ежегодных осенних хлопот по обеспечению своих работников овощами и капустой. Да и за свежим мясом зачем по рынкам с утра пораньше или после работы, когда усталость так и валит с ног, бегать, если можно одним звонком решать эту столь жизненно важную проблему!

— За столь доброе предложение премного благодарна! — сказала Зинаида Евгеньевна. — Я над ним, с вашего разрешения, подумаю, ведь оно и правда заманчивое! А кредит под что планируете получить?

— Под капусту! Все необходимые расчёты со мной!

— Это ту самую, которую, если верить районной газете, вы чуть ли не героически спасли, личным примером вдохновляя своих работников?

— Ну, обо мне говорить не стоит! Как говорится, ещё до медных труб не дорос! Да мне бы, перейдя воду, в огне не сгореть! И это в немалой степени зависит от вашего доброго, а главное — прозорливого понимания сложившейся в совхозе финансовой проблемы! — И на несколько секунд замолчав, Анатолий Петрович, со взглядом утопающего хватящегося за соломинку, тем не менее, уверенно спросил: — Поможете?..

— Скажу прямо, отказать не могу!

— Это почему же?

— Да хотя бы потому, что Клара Исааковна мне в самом деле не раз хвалила вас за деловую хватку, умение помнить доброту! А в её мудрости, можно даже сказать, высококом небесном даре — не ошибаться в людях — я неоднократно убеждалась на себе! Так что оставляйте свои расчёты! Я сама их посмотрю, и если они верны, то по моему звонку отправите главного бухгалтера для оформления кредитного договора!

Поблагодарив управляющую банка, Анатолий Петрович уже хотел откланяться, как она неожиданно произнесла:

— В последнее время вы очень часто выступаете в районной газете со статьями, очерками, в которых пишете о производственных проблемах и жизни вообще. Внимательно прочитав их, не могу не задать вопрос: откуда такое разнообразие суждений, обобщений, переживаний, часто настолько оголённых, словно вы наружу выворачиваете свою душу?

— Видите ли, последние четыре года я как бы себе не принадлежу: по решению райкома партии то был направлен на работу в качестве руководителя в леспромхоз, то в строительное управление, то в “Сельхозхимию”, а теперь вот — в совхоз! И везде с одной задачей: вытаскивать эти предприятия, как бегемота из болота, из разрухи. Все выше перечисленные предприятия разных хозяйственных направлений, со своей спецификой работ. Везде для успешного решения поставленной передо мной задачи требовался разный подход, усложняющийся тем, что практического опыта, за исключением сельскохозяйственного, у меня не было. Приходилось на ходу учиться многому! Конечно, прежде всего, — новому в техническом плане! И при этом ещё как-то умудряться не совершать роковых ошибок! Сказать, что мне просто пока везёт, можно. Но это будет неверно! Поскольку я всё больше убеждаюсь, что мне, извините за нескромность, от природы дан немалый дар — обладать организаторскими способностями, как, скажем, художнику — талант писать картины, композитору — музыку, а актёру — перевоплощаться в своего героя, страстно и правдиво играя ту или другую художественную роль!

— Значит, можно без всяких натяжек сказать, что вы в своём роде кризисный директор? Или я всё же ошибаюсь?

— Скорей всего, вы правы! Только я над этим почему-то никогда не задумывался. Просто порученное мне дело старался, во-первых, во что бы то ни стало закончить

сполна, во-вторых, извините за нескромность, так, как это прежде никому не удавалось до меня!

— Уж не карьерист ли ты, Анатолий Петрович?

— Ну, конечно же, нет, ибо всеми правдами-неправдами не лезу, внутренне сжигаемый самолюбием, по служебной лестнице вверх, а, словно пожарник с самолёта на парашюте, выбрасываюсь в самую гущу таёжного пожара, где если не победить, значит только одно — умереть! Вы хоть раз воочию зрели, как горит вековая, дремучая тайга?

— К сожалению, нет!

— А мне многократно приходилось не только смотреть на таёжную огневую стихию, но ещё и своими руками противостоять ей! Было это в самом начале моей трудовой деятельности, когда я работал скотником в совхозе “Ленский”. Это такое незабываемое, невероятно суровое событие, что, если вы не против, то я готов рассказать о нём!

Управляющая посмотрела на часы, о чём-то подумала, что-то решила про себя и, по внутренней связи предупредив секретаршу, что она будет некоторое время занята, произнесла не без интереса:

— Знаете, с удовольствием послушаю!

— Так вот, на помощь лесникам, — стал рассказывать Анатолий Петрович, — безуспешно пытавшимся ликвидировать в глухой тайге очаг возгорания, из совхозных рабочих была спешно сформирована бригада, члены которой, в том числе и я, семнадцатилетний паренёк, получили в необходимом количестве и без всяких обычных проволочек, но строго под подпись, на складе лопаты, брезентовые пологи, противогазы, ведра и вскоре на вертолёте, так сказать, спецрейсом, доставлены были к самому краю вот уже несколько суток бушующего пожара. Там уже вовсю работал бульдозер, по каким-то лесным, потаённым дорогам, а то и вовсе по мелколесью напролом чудом приехавший к месту пожара. Он своим мощным стальным ножом, ломая вековые деревья, вокруг ревущего на ветру, словно нарочно сорвавшегося с небес, огня рыл и рыл, грозно урча, глубокую заградительную траншею. Управлял им молодой, но до того отчаянный тракторист, что иногда смело настолько близко подъезжал к пламени, что даже один раз от упавшей на гусеницу горячей сосны вспыхнул двигатель! Хорошо, что мы, рабочие, были рядом и смогли мигом брезентовыми пологами да землёй сбить с него дико пляшущие языки ревущего, как зверь, красно-золотого огня...

На этом Анатолий Петрович хотел закончить своё памятное повествование, но, видя, с каким вниманием, будто отрешившись от всего остального, слушает его, не перебивая, управляющая банком, решил продолжить:

— Вообще пожары бывают двух видов — низовой и верховой. При первом огонь идёт по земле, от дерева к дереву, от пня к пню, от валежины к валежине, по пути, словно корова языком, слизывая всё, что только может гореть: сухой мох, ветки, хвою и падающую листву. Добравшись до лесины, он только губит кору, а вот сам ствол, наполненный почвенной влагой, силы поджечь ему чаще всего не хватает. Зато при горении выделяется такое количество ядовитого дыма, что он, словно огромные клочья ваты, висит в тайге непроглядно, удушающе, раздирает гортань, как рашпиль, и работать в таких невероятных трудных условиях можно только в исправном противогазе. А в нём и при нормальной-то летней температуре дышать нелегко, а когда воздух раскалён до пятидесяти градусов, то настолько трудно, что сердце бьётся с бешеной силой, словно готовое вылететь из грудной клетки вон. Обильный пот, струясь по лицу, солью, словно огнём, обжигает глаза, и смахнуть его или утереть невозможно! Остаётся лишь часто моргать и, конечно, терпеть! Ох, как терпеть! А ведь надо ещё, не жалея живота своего, орудовать то лопатой, то пологом, то пилой, чтобы сбить или засыпать землёй всё никак не унимающееся прожорливое пламя. После часа такой адской работы всё тело словно наливается тяжеленным свинцом, руки и ноги не слушаются тебя, в голове стоит протяжный, сводящий с ума тяжёлый, будто чугунный гул, словно кто-то невидимый с размаху бьёт и бьёт резиновой палкой по темени, поясница сначала затекает, потом её начинает разрывать боль, очень схожая с трудно переносимой зубной! Но в этом, без даже самого малого преувеличения, земном аду всего страшней заблудиться, ибо чаще всего это значит, в конце концов, напрочь выбившись из сил в поисках выхода на свежий воздух, в полном бессилии рухнуть, как срубленная жердь, на землю, где всё живое выгорело дотла, и, задохнувшись, погибнуть! Поэтому одновременно с оглядкой борясь с удушьем и с огнём, стараешься не выходить за поле слышимости работающего бульдозера. Он, что ни говори, в бушующем лесном пожаре — слуховой маяк, ориентир, да что там! — единственная надежда на жизнь! Если с низовым огнём ещё можно, с умом, организованно действуя, справляться, то с верховым, по своему горькому опыту знаю, что — нет. Представьте сами, как тушить сильное пламя, увлекаемое

порывистым ветром от кроны к кроне, вспыхивающих вмиг сильнее любого костра? Сбрасыванием воды с вертолёта, как иногда показывают по телевизору? Но при этом почему-то на всю страну не сообщают, что именно с помощью отечественной авиации удалось ликвидировать хотя бы один большой очаг возгорания, я уже даже не заикаюсь о самом пожаре. Уже одно это верней всяких слов говорит, что верховой пожар под силу лишь самой матушке-природе. Если она не уймёт резко поднявшийся ветер, летящий со свистом и воем, не обрушит из свинцовых туч, полных, как коровье вымя молока, влаги, проливной, многочасовой ливень, то он, огненно пронесясь, как дикий вихрь до края тайги, тотчас начинает в населённых пунктах одним выдохом поджигать с крыши дом за домом. В таких случаях, к величайшему сожалению, редко когда обходится без человеческих жертв: кто-то при внезапном налёте огня оказался больным настолько, что не смог самостоятельно выбраться из дома на улицу, кто-то решил спасти хоть что-нибудь из хозяйского добра, нажитого за всю долгую, полную лишений жизнь, да не смог второпях рассчитать верно ни свои силы, ни своё время... Да мало ли из-за чего!.. А ведь бывает ещё хуже! Местные власти вместо того, чтобы эвакуировать в срочном порядке людей из зоны, к которой неумолимо приближается пожар, преступно по радио успокаивают их, что таёжный огонь минует село, якобы все необходимые меры для этого давно и в необходимом объёме предпринимаются. И поступают так только потому, что привыкли по-дедовски, да и по нашему русскому, хотя и волевому, но порой очень уж самоуверенному характеру, что позволяет почему-то, как правило, уповать на предательское "авось", просто не желают обременять себя лишней заботой по размещению своего народа на временном месте жительства! Не делают того, для чего поставлены на свои ответственные посты, за что регулярно получают немалую зарплату, причём из бюджета, наполовину состоящего из народных денег в виде налогов, собранных с каждой души в государственную казну! И назвать их иначе, как мерзавцы, язык не поворачивается! Будь моя воля, я бы их судил всем миром и безжалостно расстреливал, чтоб другим властью предержащим неповадно было! Жестоко? Да! Но в высшей степени справедливо!

При рассказе от природы бледное лицо Анатолия Петровича покраснелось, взгляд разгорелся, как таёжный огонь, душа запылала ветровым костром и от пережитого, и от негодования... И он даже не замечал, как порывисто — к месту или нет, — размашисто жестикулировал руками, иной раз даже ударял кулаком по столу! А когда закончил, почему-то, словно стыдясь своей горячности, виновато потупил глаза.

Молчание нарушила управляющая:

— Интересно... Как страстно вы это поведали! Такое не придумать! Это пережить и прочувствовать надо! В связи с этим у меня вдруг возник вопрос: "А вы свой характер с каким бы пожаром сравнили?"

Даже не задумываясь, Анатолий Петрович быстро ответил:

— Конечно, с верховым!

— А почему?

— Да потому, что я так же неукротим, так же порывист, так же целеустремлён! Любая преграда, кроме вдохновения и желания во что бы то ни стало её преодолеть, в моей душе ничего другого не вызывает! Больше скажу: если бы жизнь не воздвигала передо мной одну преграду за другой, то я, чтобы не впасть в апатию, сам бы их искал, а скорей всего, ставил бы перед собой такие проблемы, решить которые можно лишь живя самым настоящим образом на разрыв аорты!

— А не надоело жить, словно ходить по лезвию ножа, тем более вы теперь не один? Вот слышала, что вновь женились...

— Поначалу, честно говоря, внутренне против каждого нового назначения бунтовал. Но потом понял, что мной управляет не райком и не министры, а её величество Судьба, от которой, увы, не убежишь, против которой, к сожалению, восставать бессмысленно! Чтобы не тратить зря времени и не набивать лишних шишек, надо принять её такой, какой она есть, тем более, что судьба — это, прежде всего, суд Божий! Не подчинюсь ему — буду свыше осуждён на такие жуткие муки, что по сравнению с ними управленческие тяготы блаженством покажутся!..

Ещё много о чём хотелось управляющей банка спросить молодого директора самого большого в республике совхоза, тем более, что, как она от Клары Исааковны слышала, он на протяжении многих лет боролся с коварной болезнью и, можно сказать, как птица феникс из пепла, в конце концов, восстал из неё ещё более сильным, целеустремлённым, постигшим жизнь, а главное — понимающим, что ему в этой, такой сложной, настолько порой непонятной жизни надо! Но время поджимало, и она лишь с уважением на прощание ему по-дружески искренне сказала:

— Ну что ж — и дальше живи по судьбе! И пусть ветер успеха подхватывает и не-

сёт паруса твоего корабля! А я теперь знаю, за что Клара Исааковна прониклась к тебе, можно сказать, материнской любовью!

На улицу, к стоящей машине с водителем Петром, молодым парнем, кстати, мужем заместителя главного бухгалтера совхоза, Анатолий Петрович вышел не то что с душой, летящей на крыльях счастья, но довольный вполне своей поездкой в город. Хотелось ещё заехать в “Сельхозтехнику” к всеильному, пользующемуся у районного начальства непререкаемым авторитетом начальнику Геннадию Трифоновичу Наумову... Но вдруг страшно захотелось домой, к дорогой жене, чтобы посмотреть в её огромные, глубокие, как речной омут, красивые с лёгкой грустинкой глаза и до самого утра безнадежно утонуть в них... И он несколько небольших, но важных вопросов по снабжению совхоза недостающей сенозаготовительной техникой для организации ещё одного звена решил по телефону, молодежато сел в машину, добродушно улыбнулся водителю и с лёгкой душой распорядился возвращаться на всех парах домой.

За день взошедшее огневое солнце своими жаркими лучами сполна просушило полотно гравийно-песчаной трассы. Едва выехали на неё с городской бетонки, как за машиной поднялся, закрутился длинный шлейф серой, как ржаная мука, пыли, такой мелкой, что она, взвихренная дико вращающимися колесами, буквально проникала через все щели в салон и, подрагивая, висела, словно случайно вplyвшее в салон облако, воздушной плотной массой, оседая на голове и костюме, даже лезла в глаза и в нос, от чего время от времени приходилось, с опасением, дабы не удариться головой в лобовое стекло, неприлично чихать. Несмотря на то, что все угловые форточки были открыты под встречным углом, чтобы свежий воздух на скорости врвался в кабину, а боковые стекла дверок опущены до конца, было так душно, что дышалось с трудом. Однако это не мешало Анатолию Петровичу всю дорогу находиться в расслабленном состоянии и, как всегда, по выработанной за многие годы привычке, спокойно обдумывать вопрос за вопросом завтрашнего дня, чтобы с самого утра, не теряя ни минуты, отдавать необходимые распоряжения, от четкого, верного выполнения которых напрямую зависела успешная работа огромного организма организации, движимой усилиями почти двух тысяч рабочих, со всеми её многочисленными жизненно важными органами: мастерскими, кузницами, пилорамами, кормоцехами и т. д.

Но как бы это ни было важно, как бы ни требовало полной самоотдачи, Анатолий Петрович нет-нет, да начинал нежно думать о Марии. Веря в небесные силы, он считал, что внезапно, можно сказать, что на пустом месте вспыхнувшая ссора было ниспослана с небес специально для него, чтобы он, обладая сильной волей, добрыми мозгами и честным сердцем, ставящий превыше всего вопросы совести и чести, как бы не одолевали его производственные заботы, не восхищала чужая красота, должен крепко зарубить себе на носу, что семья — священна! Всё, пусть даже свершаемое во вред ей не нарочно, является предательством её устоев. И подлежит незамедлительному искоренению без каких-либо рассуждений, вроде: да надо ещё подумать, посоветоваться со знающими людьми! Коли два человека заключили брачный контракт, не важно — на небесах, в загсе или просто на словах, — значит, они обязаны стать друг для друга тем животворящим огнём, с которым и в самую лютую стужу тепло! Другое, тем более навязываемое извне — чушь собачья, и цена ей — три копейки в самый базарный день! Любая любовь — это, прежде всего, костёр, а, как известно, чтобы он не прогорал, его надо постоянно питать нежностью, страстью и просто добрыми словами, исполненными глубокого участия в жизни дорогого человека!

21

Новый рабочий день Анатолий Петрович начал с небольшого совещания с управляющим центрального отделения и главным агрономом. Оба ещё не успели в полной мере изучить характер недавно назначенного директора и потому были не в силах предугадать, о чём пойдёт речь. И, войдя в кабинет, несколько смущённые его строгим, острым, словно насквозь пронизывающим взглядом, осторожно поздоровавшись, молчали. Не отводя глаз со своих подчинённых, Анатолий Петрович заговорил:

— Я пригласил вас, уважаемые коллеги, для того, чтобы объявить своё решение, созревшее у меня ещё до вчерашней поездки в город... Заключается оно в необходимости срочно создать из работников управления, в том числе и меня, директора, кормозаготовительное звено, которое трудилось бы на горячем подхвате и у силосных закладчиков, и у сенозаготовителей, работающих на самом ближнем участке — за речкой Нюей, причём без освобождения от прямых должностных обязанностей и без какой-либо дополнительной оплаты!

— Звено создать не проблема! — сказал Геннадий Васильевич. — Только когда же специалисты будут управляться со своими делами?

— Как всегда, в рабочее время, поскольку звено будет трудиться только два дня в неделю — в субботу и в воскресенье!

— Ну, а что скажем своим женам, привыкшим, что выходные дни мы проводим в кругу семьи? — не унимался главный агроном.

— Геннадий Васильевич, ты мне тут, пожалуйста, дурака не валяй! Ведь сам же совсем недавно где-то под Москвой возглавлял совхоз, поэтому ну никак не можешь не знать, что в сельском хозяйстве во все, без исключения, ответственные кампании никаких выходных не было и быть не может из-за непрерывного производственного процесса в животноводстве! Если привык при моём предшественнике работать через пень да колоду, то советую тебе как можно скорей отвыкать от этого! Слово даю, хоть я пришёл не по своей воле, но надолго! А чтоб следующий раз тупо не умничал, назначаю тебя руководителем создаваемого управленческого звена! Моё решение окончательное, нравится вам оно или не нравится, но обсуждению не подлежит, и к его чёткому исполнению приказываю приступить немедленно! Правда, меня завтра не будет, планирую с утра пораньше выехать на день в Беченчу, чтобы на месте ознакомиться с ходом сенокоса, и очень хочется повидать животноводов, ведь в настоящее время только за их продукцию и можно рассчитывать на получение стабильных денег! Но ты, Геннадий Васильевич, со своим звеном будешь отряжен в помощь отделенческой бригаде, занимающейся закладкой силоса. Вопросы есть? Вижу по глазам, что нет! Да и, будь добр, подготовь мне соответствующий приказ с пунктом, говорящим о приобщении рабочих выходных дней к отпуску, ибо я, к твоей и некоторых других главных специалистов радости, трудовое законодательство нарушать не намерен! Свободны, коллеги!

— Анатолий Петрович! — вдруг удивлённо спросил управляющий. — А меня, что-то я никак не пойму, зачем приглашали?

— Вы что, сговорились дурака валять?!

— Да нет!

— А коль так, то сначала ответь мне, да покороче, на более чем простой вопрос: “Ты управляющий какого отделения?”

— Центрального!

— Как головой своей городской думаешь, должен знать всё, что происходит на вверенном тебе участке производстве в полном объёме?

— Конечно!

— В таком случае включи побыстрей мозги и сам себе откровенно ответь, для чего в самом деле я и тебя пригласил?!

И, когда руководители, в первую очередь, озабоченные волевым напором директора, не оставляющего никаких возможностей работать иначе, чем было им приказано, уже подошли к двери, он вдруг ровным голосом произнёс в спину главному агроному:

— Геннадий Васильевич, ты уж меня завтра, как товарища прошу, не подведи! Я на тебя очень надеюсь, ибо ты по своему опыту знаешь, насколько важен в такое жаркое время каждый день! Да что там — час!

Ехать в отделение действительно надо было, и не потому, что Анатолий Петрович страх как не любил кабинетную работу, а потому, что поговорку “Доверяй-то, доверяй, но и проверяй!..” он, один раз строго примерив к себе, так и жил в полном соответствии с ней, ибо, находясь непосредственно на производственном участке, старался не только убедиться в исполнении подчинёнными своих обязанностей, в том числе и при выполнении его приказов, но и в случае выявленных ошибок в работе спросить за них таким образом, чтобы глубоко не ранить человеческое самолюбие, то чувство, которое у каждого человека менее всего защищено. То есть своих управляющих бездумно не бить по рукам, а неутомимо вдохновлять на более эффективную управленческую деятельность знающим, толковым советом, а если этого по какой-то важной причине не хватало, то и на деле самому показать, как тот или другой вопрос проще всего решить! Одним словом, он непоколебимо считал, что если после обстоятельных разговоров с подчинённым тот вконец не падал духом, не приходил в растерянность, а наоборот — начинал чувствовать в душе такой прилив созидательной энергии, что петь хотелось, то его директорская проверка удалась в полной мере!

Домой в тот вечер Анатолий Петрович пришёл со значительной задержкой на работе, поскольку перед поездкой решил по сводкам изучить все производственные показатели отделения за последние три месяца, чтобы хотя бы на немного, но верно вникнуть в проблемы, а то, что они есть, сомневаться не приходилось уже потому, что рабочие длительное время не получают зарплату, и можно только удивляться тому, что они упрямо продолжают работать над выполнением плана. Что это — высокая созна-

тельность? Нет, скорей всего, неодолимая тяга к творческому труду, с самого раннего детства вошедшего радостью созидания в кровь и в плоть, а потом и ставшего для многих единственной возможностью содержать в достатке семью, стойко преодолевая жизненные неурядицы, которых в равной мере и у женщин, и у мужчин — хоть отбавляй!

Быстро поужинав и тепло поблагодарив жену за очень вкусно приготовленную пищу, Анатолий Петрович прошёл в гостиную, где сел в кресло посмотреть по телевизору последние вечерние новости и, может, какой-нибудь хоккейный матч, если он будет транслироваться. Но, быстро управившись с мытьем посуды, Мария подошла, опустилась на колени, локтями упершись в подлокотники кресла, а лицо подперев руками снизу вверх, участливо посмотрела в сумрачные глаза мужа:

— Устал, дорогой?!

— Есть немного!

— А в управление говорят, что завтра снова едешь на целый день! Хоть бы день-другой в кабинете поработал. Конечно, это тоже не отдых, но всё же и не изматывающая пыльная дорога, да ещё в такую дневную жару, и не бесконечное решение на местах производственных вопросов, где без трудных разговоров с рабочими не обойтись!

— Верно говоришь, да только не ко времени! Тебе ли мне объяснять, что первое время, пока не запущу производственный маховик, и он не наберёт такие обороты, что и без меня будет продолжать вращаться, как миленький, говорить можно только ночном отдыхе.

Мария, уловив недовольную нотку в уставшем голосе мужа, решила переменить тему разговора и вдруг, сразу было и не понять, то ли от радости, то ли от огорчения, чувственно заявила:

— После того, как ты окончательно и бесповоротно принял решение этой осенью ехать в отпуск на Северный Кавказ, я что-то так сильно заскучала по своим родителям, что весь день только о них и думала: как там они, в своей степной Соловьёвке, ведь совсем одни остались, старенькие... И так сердце защемило, что хоть с утра пораньше езжай в аэропорт и бери билеты, чтобы на несколько дней слетать к ним!

— Милая, я прекрасно тебя понимаю, но надо немного потерпеть! Я ведь и сам сильно по своим скучаю! Но утешаю себя мыслью, что отпуска у меня накопилось за два года, почти четыре месяца без учёта дороги! Половину проведём в Пятигорске, где подкрепим здоровье приёмом радоновых ванн и питьём целебной воды. Увы, сегодня темп жизни такой бешеный, экология настолько нарушена, что людей даже в молодом возрасте практически здоровых нет! А вторую половину погостим у моих родителей, они, хотя и живут в Карачаевском горном крае, но всего в каких-то восьми километрах от Кисловодска, знаменитого на весь мир своими нарзанными источниками. Родительский дом стоит высоко, поэтому весь город из окон родительского дома виден, как на ладони, особенно вечером, когда он словно перепоясан в несколько рядов огнями уличных фонарей, напоминающими яркие золотые и серебряные новогодние ёлочные гирлянды. Сам дом находится на улице Надгорной и является крайним, его обширный сад упирается концом в самый крутояр, за которым внизу течёт горная река Подкумок, воспетая многими русскими поэтами, но больше всех — Михаилом Лермонтовым! Даже я, семнадцатилетним паренёком впервые приехав на Северный Кавказ, однажды стоял на берегу этой реки, по весне в одночасье вспухавшей в несколько раз и летевшей откуда-то с приэльбрусских гор с таким оглушительным рёвом, что даже уши, как в самолёте, закладывало, сметавшей на своём неукротимом пути всё: и хозяйские постройки, и жилые сабли, и бедных баранов, а иной раз и самих пастухов. Но через какие-то сутки она, войдя в свои берега, становилась настолько мирной, такой как бы доброй, что её хотелось непременно погладить по гривастым, небольшим волнам, вспенивающимся вокруг камней такой величины, что они значительно возвышались над водой, будто грели свои гладкие спины в тёплых солнечных лучах. А вечером, устроившись на ночёвку прямо в саду под грушей со спелыми плодами, которые я, лишь протянув вверх руку, срывал с ветки и с огромным удовольствием лакомился ими, вдруг стал сочинять стихи:

*Шумит Подкумок одичалый,
от света прочь
сбегая по гранитным скалам
в глухую ночь.
Мне холодно, мне одиноко,
и вновь, и вновь
приходят горестные строки,
тревожа кровь.*

*Любовь прошла или устала
без слов моих,
живя одна, за перевалом,
где ветер стих?..
Пойду туда... и путь мой дальний
к любви не прост,
он озарён живым мерцаньем
высоких звёзд...
И сердцем мне не ведать страха
в мороз и снег,
чтобы любовь смогла из праха
восстать навек.
Но всё, о Боже, в мире вещем
в твоих руках,
и пред Тобой душою грешной
молюсь в слезах...*

— Конечно, стихи у меня не получились классными! — закончив читать, самокритично признался Анатолий Петрович.

— Зато они искренние, словно отчаянный крик сердца! — сказала Мария. — Не знаю, как тебе, но мне очень даже нравятся!

— Вот и правильно, дорогая супруга! Так и дальше держать! Ведь не зря же говорят, что каждый кулик своё болото хвалит!

— Какое ещё болото?! Тоже нашёл, какое спорное сравнение сделать!..

— Ладно, не обижайся, я ведь пошутил! А возвращаясь к моему рассказу, хочу сказать, что вообще гостить у родителей я люблю, а в предстоящий приезд решил начать там строительства нашего с тобой дома... Не вечно же мы будем жить на Крайнем Севере... Выйдя на пенсию, а может, и того раньше переедем в уже готовое горное жилище с видом не только на замечательный город, но и на окрестные горы с такими пологими склонами, что их по ранней весне засевают горохом вперемежку с овсом. Когда они вырастают, то восхищают взгляд своей яркой, буйной зеленью, серебристо-переливающимся в лучах высоко взошедшего солнца, которое на фоне пронзительно-синего неба кажется удивительно золотым! Любуешься неповторимым горным пейзажем, вдыхаешь всей грудью густой и чистый, словно хрустальный, насыщенный озоном воздух, и от счастья, невольно охватывающего сердце, хочется жить и жить, хотя при этом почему-то неожиданно ловишь себя на горькой мысли, что человеческая жизнь, увы, скоротечна!

Всё время, пока Анатолий Петрович с удовольствием рассказывал, Мария, заворожённая редким красноречием мужа, простыми, доходчивыми словами открывающего изумительно красочные картины высокогорной природы, даже приоткрыла рот с сочными, полными губами. Но всё-таки вдруг зевнула, да так откровенно, что надо было и в самом деле ложиться спать. По тому, что муж замолчал и вопросительно нежно посмотрел на неё, она, поняв его, стала раскладывать постель.

— Правильно, жена, пора, так сказать, и сну честь отдать!

— Но исполнение этого очень важного дела, — игриво сказала Мария, — целиком от тебя зависит, ведь ты у меня такой любвеобильный, что пока насытишься, не заметим, как и рассвет настанет!

— Разве я виноват в том, что для меня ты, словно кедровые орехи, которые сколько ни щёлкай, а всё голодным остаёшься!..

Беченчинское отделение было самым большим в совхозе и находилось в национальном — якутском — селении с одноимённым эвенским названием более чем за сто километров от центральной усадьбы. Поскольку оно в поселении являлось единственной производственной базой, формирующей бюджет сельского Совета, то все социальные объекты — больница, двухэтажная школа-десятилетка, клуб, магазин и детский садик стояли на совхозном балансе, что значительно прибавляло хлопот по их надлежущему содержанию управляющему отделением Семёну Кирилловичу Захарову, в прошлом — учителю-историку, мужчине предпенсионного возраста, невысокому, но коренастому, с чёрными, как смоль, и густыми жёсткими, словно конская грива, волосами, аккуратно подстриженными и зачёсанными назад, которые сверху неизменно в знойную и сырую погоду венчала матерчатая кепка. На его плоском, как блин, скуластом, желтоватом лице, изрезанном густой сетью жизненных морщин, узкие глаза светились добродушием и той наивной мудростью, которая позволяла душе наперекор времени оставаться молодой.

Родившийся и выросший в родовом наслеге, где люди испокон века занимались скотоводством и охотой, а с приходом русских первопроходцев, в основном из числа уральских и сибирских казаков, вдохновлённых славными делами своего знаменитого далёкого предшественника атамана Ермака, — и растениеводством, сельское хозяйство он знал хорошо. А обладая приобретённым с годами умением с душевным пониманием решать не только многочисленные производственные проблемы, но и удовлетворять личные нужды своих рабочих, то и дело возникающие в быту, пользовался в отделении заслуженным, даже можно сказать, непререкаемым авторитетом. Одевался он во все времена года по-рабочему: летом — в тёмный, повидавший виды пиджак поверх серой рубашки с длинными рукавами, не изменяя ни в зной, ни в дождевую слякоть кирзовым сапогам с короткими голенищами. Зимой же ноги обувал в жаркие, из сохатинных камусов унты, накрепко подшитые просмоленной дратвой хорошо скатанным войлоком, а тело дополнительно утеплял стёганной ватной телогрейкой. Как многим образованным якутам, ему было свойственно с почтением относиться к вышестоящему руководству, но с тем природным достоинством, которое, кроме ответного уважения, ничего у здорового начальника вызвать не могло.

До отделения и зимой, и летом можно было добраться, сначала проехав по трассе, ведущей в райцентр, а потом, свернув на семидесятом километре вправо, по такому же гравийному, насыпному полотну с глубокими кюветами, заросшими кустарником и иван-чаем, в пору цветения полыхавшему ало, как костёр на ветру. Где-то с половиной пути дорога, несколько километров всё поднимавшаяся и поднимавшаяся по пологому склону на самую круглую вершину сопки, густо поросшей хвойным лесом, богатым белым оленьим мхом, в котором по устоявшейся осени таился в великом множестве — хоть лопатой грей! — белый гриб с тёмно-коричневой шляпкой, вдруг круто по длинному серпантину с дугообразными, крутыми и буквально срывающимися вниз поворотами, словно стремительно врывается в поселение и, прошив его в самой середине, обрывалась на берегу таёжной реки Нюя, то стремительно текущей на перекатах, то замедляющей течение на равнинных местах...

Эта дорога ещё одновременно являлась и центральной улицей, от которой вправо — в сопку, а влево — под уклон к берегу, как отростки от пышного растения, расходились узкие проулки с неизменными глубокими колеями от тракторных и автомобильных колёс, поскольку грунт, на котором располагался поселок, был сильно глинистым и в дождливую погоду превращался в жидкую земляную красную массу. До тротуаров, хотя бы дощатых, ни у местной советской власти, ни у руководства совхоза руки из-за постоянной нехватки финансовых средств не доходили, так что каждый шаг в ненастную погоду по грязи людям давался с трудом, ибо ноги скользили, разъезжались, на подошвы налипала глина, отчего казалось, что обувь, словно водолазные непромокаемые бахилы, утяжелялась свинцом. Давно ушли в прошлое на протяжении многих веков надёжно служившие якутам уютные, утепленные звериными кожами, конусообразные яранги. Теперь на их месте стояли рубленые в лапу из окантованных лишь с внутренней стороны ядрёных сосновых брёвен крепкие дома с высокими, из обрезного тёса — продукта местной пилорамы — двухскатными крышами, почти в каждой из которых были устроены летнего типа лёгкие мансарды с просторными балконами, защищённые от непогоды лишь шиферными козырьками.

Каждый, кто впервые приезжал в Беченчу, не мог с удивлением не обратить внимания на то, что во всех приусадебных участках, обнесённых надёжными изгородями из листовенничных жердей и кольев, картофеля посажено в самом центре на небольшом клочке ровно столько, сколько необходимо для семейного пропитания. На всей остальной площади всего за первый летний месяц вырастал до самого пояса густой, жёсткий, как тальниковый прут, но очень богатый каротином пырей, который после раскрытия семенных колосьев вручную — литовками — скашивали на сено для прокорма скота в зимнее время. Это говорило о том, что якуты, успешно освоив возделывание и выращивание овощей и картофеля на совхозных многогектарных полях, глубоко в душе своей продолжали оставаться умелыми, как их деды и прадеды, скотоводами и охотниками, пополняя свой личный бюджет за счёт денег, вырученных за сдачу государству добытой зимой пушнины и произведённого на своём подворье с содержанием в морозы крупного рогатого скота в хлевах, по-якутски называвшиеся хотонами, экологически чистого, питательного мяса.

Анатолий Петрович в своё самое отдалённое отделение, где не раз бывал, в котором, ещё работая в совхозе главным производителем строительных работ, возводил новую котельную из лично им изобретённого материала, названного чурко-бетоном. А ещё раньше, учась в девятом классе в Беченче, являвшейся ещё и одним из центров подготовки республиканских спортсменов, он вволю побегал на лыжне, лихо накру-

ченной по окрестным сопкам с резкими крутыми поворотами, с крутолобыми подъёмами — “торчками” — и с выматывающими душу и силы затяжными подъёмами. То время особенно запомнилось тем, что в одно из воскресений в наслег проводились предшествовавшие республиканским районные лыжные соревнования. В первый день была заранее запланирована руководством спортивной школы гонка на пять километров классическим ходом. Несмотря на то, что первый весенний месяц — март — подходил к самому концу, мороз с утра продолжал стоять критический — минус двадцать два градуса, при котором, как правило, официальные соревнования не проводятся. Однако директор спортивной школы гонку не отложил в надежде, что, пока лыжники подберут мази, проверят, насколько хорошо скользят по мёрзлому снегу лыжи, проведут активную — до лёгкого пота — разминку, глядишь, и потеплеет. И она началась точно по расписанию в десять часов утра.

Участники соревнования стартовали согласно жребию, с интервалом в тридцать секунд, это, если время пересчитать на расстояние, то получится метров двести-двести пятьдесят. Всё зависит от того, как быстро начнёт гонку спортсмен и, естественно, насколько хорошо он подготовлен. Поскольку уже на разминке чувствовалось, что морозный воздух, словно рашпилем, дерёт гортань, во избежание простуды Анатолий, хотя и знал, что бегущий впереди лыжник являлся одним из лучших в районе и во время гонки в нарушение правил его будет подгонять тренер, мастер спорта, всё же решил сначала в две трети своих сил хорошо продышаться, а потом уже бежать безоглядно. Поступил ли соперник так же, как Анатолий, или сразу во весь дух помчался к финишу, узнать было невозможно, поскольку лыжня была проложена так извилисто между громадных лиственниц, будто по следам зайца-беляка, со всех ног метавшегося из стороны в сторону, убегая от своего заклятого врага — рыжей лисы. Лишь где-то на половине дистанции, проходившей по мелкому редкому сосняку, Анатолий увидел спину соперника и подогнавшего его тренера. Тотчас сердце обрадованно встрепенулось и подумалось: “Ну, теперь-то уж я вас, дорогие товарищи, непременно догоню!” И пустился бежать из всех сил, но то ли с мазью не совсем верно угадал, то ли своё дело сделал крутой мороз, который превратил снег в такую пыль, что даже на спуске, чтобы поддержать скорость, надо было толкаться и толкаться палками, то ли тренер, оглянувшись и увидев приближающегося лыжника, стал ещё пуще подгонять своего питомца, только Анатолий смог достать его лишь за сто метров до финиша, где по тогдашним правилам обгон был запрещён, да и если бы и нет, то всё равно опередить не удалось бы, ибо, как назло, параллельной лыжни устроители соревнования не удосужились проложить.

Конечно, по итогам соревнования на пять километров Анатолий стал победителем, но чувствовал себя не выигравшим целых тридцать секунд у титулованного соперника, а самым настоящим образом проигравшим, причём с треском! Ибо поставленная им самим перед собой цель не была достигнута в полной мере! От досады Анатолий пришёл в такую ярость, что чуть не сломал лыжи в раздевалке, как его любимый финский лыжник Юха Мието на одной из олимпиад, когда проиграл нашему Николаю Бажукову всего каких-то две секунды. Но всё же нашёл в себе силы обуздать пылкую душу. А из случившегося сделал для себя на всю жизнь судьбоносный вывод, что в любом деле, если непременно хочешь добиться успеха, надо делать его с самого начала на крайнем пределе всех умственных и физических сил! Жалость к себе, как бы она порой ни была оправдана, всегда есть и будет уделом слабаков!

Теперь, спустя годы, выехал, как и планировал, в Беченчу на самом восходе солнца, чтобы, во-первых, успеть по утренней прохладе преодолеть более чем стокилометровый путь, во-вторых, иметь до вечера больше времени для проверки всего хода сенозаготовительных, растениеводческих и животноводческих работ. Он, вдруг вспомнив во всех мелочах ту юношескую гонку, не без грусти подумал: “Теперь у меня вся жизнь — бешеная гонка, которую проиграть я никак себе позволить не могу! Для этого и еду в самое отдалённое, самое большое отделение совхоза, отдохнув во сне всего несколько часов!”

Однако к оговорённому ещё вчера вечером по телефону с управляющим времени прибыть в наслег не получилось... Когда начали спускаться с сопки, то на серпантине, изогнувшейся пологой дугой, на скорости в восемьдесят километров Анатолий Петрович вдруг сначала почувствовал, что машина стала оседать левой стороной, потом впереди увидел колесо, бешено катящееся по дорожному полотну, и только успел ошарашено подумать: “Что за чертовщина!..” — как “уазик” окончательно клюнул передком и, словно человек, которому на быстром ходу подставили подножку, слетел с трассы в глубокий кювет, где пропахал буфером глинистый грунт и, на счастье, лишь в метре от огромной лиственницы остановился, круто накренился, но, к счастью, не перевернулся, а лишь секунду-другую побалансировал, словно на лезвии ножа, плавно опустился, подмятая кузовом ало цветущий высокий и густой иван-чай. Несмотря на то,

что Анатолий Петрович крепко держался за ручку, инерционная сила оказалась такой большой, что он головой больно ударился о лобовое стекло, которое тотчас веерообразно треснуло, но не рассыпалось на куски, а лишь покрылось сплошь частыми длинными трещинками. Водитель вообще отделался лёгким испугом. Лишь продолжая до белизны суставов пальцев сжимать баранку, он ошалело смотрел на здоровенное дерево, которое только каким-то чудом не стало их с директором могилой. Придя в себя, не спеша вылез из машины, грубо выругался, смачно сплюнул и недоумённо взглянул на Анатолия Петровича. А тот, потирая ушибленный лоб, уже молча обходил, внимательно рассматривая, машину. Но увидев, что левого колеса на месте нет, а ступица глубоко зарылась в суглинистый грунт, еле сдерживая себя от крика, сквозь зубы злобно спросил водителя:

— Пётр! Это каким же надо быть разгильдяем, чтобы доездить до того, что колёса прямо на ходу отваливаются! Почему перед дальней дорогой, зная, насколько опасен этот спусковой серпантин, не подкрутил ступичные гайки? Почему, мать твою?! Или жить надоело?!

— Анатолий Петрович! Анатолий Петрович! Да я из-под этого “уазика”, можно сказать, целыми вечерами не вылезая: то одно отремонтирую, то другое, ведь машина-то хоть и не старая, но прежним водителем основательно раздолбанная! А гайки, крепящие колеса, я все — до единой! — вчера, как приехал после работы домой, так сразу и подкрутил надёжно, верней, проверил — не ослабли ли!

— И что?

— Каждая была накрепко — до упора! — затянута!

— Правду говоришь?

— Как на духу!

— А во время быстрой и долгой езды каким-то образом гайки сами не могли открутиться? — строго спросил Анатолий Петрович, хотя и знал, что не могли, и уже начинал догадываться о причине аварии. — Скажем, от сильной тряски или от разбитой, изношенной резьбы на болтах?

— Ну, никоим образом, поскольку ступичные гайки закручиваются в противоположную от вращения колёс сторону!

— Значит, сам собой напрашивается вывод, что их кто-то специально ослабил, а то, что только на одной ступице, лишь подтверждает это!

— Да за всё время моей работы водителем, такого, извините, наглого вредительства в совхозе я даже и не припомню! Ведь пойти на такое — не иначе, как совершить уголовно наказуемое преступление!

— Ладно, проехали!.. Ты лучше скажи мне, кто бы мог это сделать?

— А чёрт его знает! Хотя недавно слышал в гараже разговор между водителями, что некоторые главные специалисты слишком недовольны вашим крутым руководством, говорят, мол, сел в директорское кресло сопляк и ведёт себя так, будто самого Бога за бороду ухватил!

— Сопляк, говоришь?! Ладно, всё более или менее, но понятно! Необходимые выводы я, конечно, непременно сделаю! А сейчас выбираться на дорогу надо! Трос, надеюсь, в машине есть?

— А как же! В кузове за задними сидениями лежит!

— Доставай его, крепи к фаркопу и иди за колесом! На гайки время не трать — только попусту убьёшь, ибо искать их после того, как на трёх колесах проехали больше двухсот метров, всё равно, что в стогу иголку.. А я остановлю первую же грузовую машину, чтобы с её помощью “уазик” вытащить!.. Трасса оживлённая — ждать долго не придётся..

Действительно, вскоре на резкий взмах руки Анатолия Петровича остановился, проскрипев тормозными колодками и дохнув выхлопными, чёрными газами, сельповский “КамАЗ” с полуприцепом, гружённый продуктовыми ящиками и коробками. Водитель — молодой, не старше двадцати-пяти лет белобрысый парень, со светло-голубыми глазами, в которых светился живой интерес к жизни, жилистый, со светло-коричневыми, словно загоревшими по локоть руками от постоянного соприкосновения с маслом и соляжкой, — не только выволок на трассу слетевший в кювет без переднего левого колеса “уазик”, но и хитро, то ли с осуждением, то ли с сожалением поглядывая на Петра, но здраво при его начальнике не задавая никаких лишних вопросов, помог сначала крепкой вагой, сделанной при помощи топора из срубленной берёзы, а потом и домкратом поднять передний мост на необходимую высоту. Колесо, по его же смекалке, прикрепили на три гайки от других ступиц. Поскольку до посёлка ехать оставалось всего ничего, Анатолий Петрович не стал больше размышлять о случившемся дорожном происшествии, но строго-настроено наказал Петру о нём никому, даже своей

ненаглядной жене, не рассказывать! Он думал так: “Если живы остались, значит со временем всё тайное станет явным”, — и он сам найдёт способ, как поquitиться с подлыми завистниками или завистником...

22

Управляющий отделением, не дождавшись директора и не имея возможности с ним связаться, по словам молоденькой бухгалтерши-якутки, уехал на капустное поле и велел передать, что будет ждать директора там. При входе директора в кабинет, расположенный в небольшом здании конторы, стоящей в самом начале посёлка, она встала из-за рабочего стола. Анатолий Петрович понимал, что только какое-то серьёзное дело могло заставить Захарова не встретить своего прямого руководителя, и велел водителю поскорей ехать вслед за управляющим. Десятигектарные капустные посадки находились в самом конце правобережной, затопляемой в весеннее наводнение, настолько обширной поймы, что на ней ещё выращивался на площади в сто гектаров картофель и заготавливалось более половины всего отделенческого сена, необходимого для прокорма в период зимне-стойлового содержания скота, насчитывающего больше тысячи голов. Спустившись на пологий берег, сплошь застланный мелким белым галечником, который, разлетаясь от колёс в разные стороны, весело шуршал, проехав по нему метров пятьсот и преодолев небольшой, но крутой глинистый подъём с глубокими, словно прорезанными тракторными гусеницами широкими колеями, они выехали на сенокосные угодья, где полным ходом шла работа.

Анатолий Петрович велел Петру остановить машину, вышел, и ему в нос ударил терпкий, тонкий запах свежескошенной травы. Тотчас вспомнилась юность, когда он сам, своими руками, встав с рассветом и надев для защиты от многочисленного, страсть как надоедливую гнуса круглую шляпу с прикрепленной к ней сеткой с мелкими-мелкими ячейками, по серебряной, обильно выпавшей росе косил ладно отбитой и заточенной каменно-зернистым брусом литовкой густую, зелёную-зелёную траву вокруг тальниковых и осиновых раскидистых кустов, вдыхая ещё сохранявший ночную влажность свежий воздух, который, словно живая вода, придавал новых сил, крепил старые, хотя слегка и кружил озоном голову, словно многолетней выдержки сухое виноградное вино.

От светлой нагрузки крепкие мышцы, привыкшие с детства к физической работе, сладко звенели, словно гитарные, туго натянутые струны, и душу сполна охватывала такая несказанная благодать, что хотелось радостно петь. “Да, какая была золотая пора, — довольно подумал Анатолий Петрович, — трудись в радость да на совесть, лишь за себя одного в строгом ответе, но вместе если не с другом, то с добрым напарником, полнишь всей душой счастьем, что живёшь на этом прекрасном свете! Не то, что теперь! С огромным грузом забот о сотнях других жизней рабочих вверенного мне совхоза, рядом с завистниками и мерзавцами, в первую очередь, пекущимися о себе любимых, а не о народе и государстве, которые щедро дали им всё, чтобы они, получив бесплатное, одно из лучших в мире образование, трудились на славу! Спрашивается, для чего? С какой отдачей? Увы, далеко не сравнимой с той, на которую возлагались такие надежды... Грустно! И обидно! Но постой, уж не жалею ли я о своей судьбе? Нет, просто констатирую упрямые факты, понимая и принимая невозможность хоть что-нибудь без разрешения свыше изменить на этом свете ни в худшую, ни в лучшую сторону. И всё же: зачем я неустанно, как самозабвенный мастеровой-кузнец, ковал и ковал свою волю, закаливал характер, словно раскалённую сталь в ледяной воде, или прославленный амосовский булат на бешеном степном ветру, дующем навстречу несущейся во весь опор скаковой лошади?

А затем, чтобы, по крайней мере, не стать очередным директором-неудачником, а если и оказаться таковым, то со светлым сознанием, что всё посильное сделал на совесть и могу, не отводя стыдливого взгляда, смотреть прямо в глаза людей. Неважно — знакомых или незнакомых, ибо от себя никуда не скрыться и не сбежать! Это порой невыносимо трудно, не каждому по плечу, а значит, с того, кто более крепок духом, должен быть и спрос двойной!.. Или тебе половина — и мне половина? А если человек заболел, и его с ходу заменить некем, так что же? Бросать довольно далеко продвинутое дело по принципу “моя хата с краю, ничего не знаю”? Нет, в решении серьёзных вопросов так не пойдёт! И не потому, что совесть не позволяет, а потому, что иначе всем нам, так сказать, “винтикам” в огромном государственном механизме, в печальном итоге — шпик с маслом, а единственному Отечеству — полный крах! Но это ведь невозможно! Верно! Вот и гори своим трудом, как речной костёр на шальном ветру, но не стойай до конца, чтобы, отдохнув, восхитившись тем, что сподобился наворотить на радость

людям, вновь приступить к дорогому труду, только ещё с большим напором, с вдвойне неистовым огнём и, быть не может, чтобы удача изменила тебе!”

Однако как же слаженно шла работа на лугах, словно качественные часы: трактористы навесными, стрекочущими, как полевые кузнечики, косилками с двухметровыми стальными полотнами, по которым с бешеной скоростью взад-вперед хлестко бегали режущие сегменты, круг за кругом, валили разнотравье, среди которого своим ростом и красотой выделялся осот, словно разлившийся огромным зелёным озером, цветущим желтыми и белыми цветами. А тут ещё три дня назад скошенную траву, что просохла и была собрана в пышные валки, ловко и быстро складывали в крупные копны крепкие плечистые мужики в свободных белых рубахах навыпуск, в широких холщовых брюках, заправленных в кирзовые сапоги, с повязанными белыми кусками материи головами для защиты от солнечного удара. Другие работники, ещё поздоровее, с конных волокуш метали сено в островерхие стога, устраиваемые прямо на тракторных санях, изготовленных из ошкуренных бревен, чтобы зимой на подвозке этого первосортного, богатого каротином корма сэкономить и время, и деньги. “Умно придумано, ничего не скажешь! Эх, самому бы пометать во всю свою молодецкую силу! Да, увы, увы — некогда!” — то ли с грустью, то ли с радостью, вспыхнувшей в душе от ладно начавшейся страды, вновь довольно подумал Анатолий Петрович.

Повернувшись, уже было хотел садиться в машину, но невольно замер: в ста метрах от него, выйдя из одного поворота и, ровно пробежав с полкилометра, входя в другую, ещё более крутой, несла свои свинцовые воды таёжная река. Поверхность её довольно широкой ленты, то и дело петляющей между низкими берегами, поросшими светло-зелёным, непролазным тальником, хоть и была гладкой и прозрачной, как хорошо промытое стекло, так ярко и сильно серебрилась на солнце, уже вошедшем во вторую половину пронзительной синевы неба, что невольно казалась покрытой густой морщинистой рябью, в которой даже не было видно глубоких отражений редких, белых-белых, как первый снег, кудлатых, плывущих бесшумно во всю высь облаков. От природной речной красоты восторженно захватило дыхание, сердце в упоении забилось часто-часто, словно на первом свидании с любимой девушкой.

Однако сначала до слуха его донеслось звонкое, ровное гудение лодочного мотора, а вскоре из-за поворота показалась и сама “казанка” с одиноком человеком, словно влитым в заднее сидение в виде короткого отрезка доски, встроеного в корму. Охотник или рыбак уверенно правил своим судёнышком, держась левой рукой за ручку газа, так называемый румпель. Форштевень, стремительно приближавшейся лодки безжалостно, словно добротный алмазный стеклорез, разрезал надвое водную красоту, и от него, морщина водную гладь, словно старя её, в разные стороны к берегам бежали невысокие волны, а сзади, за низкой кормой, вода, взвихренная винтом, бурлила и бурлила белым кипятком. Анатолий Петрович дождался, когда лодочник поравняется с ним, и, как своему старому знакомому, добродушно и энергично помахал ему рукой. Тот секунду-другую вглядывался в него, видно, пытался узнать, кто это интересный такой, что в рабочую сельскую страду стоит в белой рубашке с синим галстуком у вездеходной машины на берегу. Узнал, не узнал ли, но посчитал и для себя нужным в ответ высоко вскинуть руку...

За сеносными угодьями начинались обширные картофельные плантации, отделённые лишь песчаной, с глубокими колеями дорогой, проложенной прямо через траву, которая, в середине оставаясь несмятой, упорно продолжала расти, словно от обиды, хлеща по буферу “уазика” верхними колосьями, прогибаясь под передним мостом, чтобы тотчас снова встать во весь рост за машиной. Вовремя и качественно прополотые, они уже разрослись настолько, что вверху рослая, густая ботва сомкнулась, и в междурядьях образовался тот тенистый микроклимат, который даже в самую жару позволял долго сохранять в грунте живительную, питательную влагу. Сиреневый цвет на ботве давно отпал, о чём говорили круглые, величиной с ноготь указательного пальца, несъедобные, но притягивающие взгляд своей свежестью, словно крупные, созревшие до матового золотистого свечения виноградины, светло-зелёные плоды. “А картофель-то как добро наливаются!” — глядя ни них, весело подумал Анатолий Петрович и велел остановить машину.

Выйдя из неё, он зашёл в самую гущу посадок, выбрал средний разросшийся куст с мощными, густыми стеблями ботвы, осторожно вырвал его из уплотнившейся от поливов земли, резко, с силой встряхнул — и светлые, наполовину созревшие плоды, оторвавшись от корней, скатились на рядок. Анатолий Петрович выкопал из него ещё несколько молодых картошек, собрал всё вместе и, взвесив на ладони, про себя удовлетворённо проговорил: “Грамм триста, не меньше, будет!.. Красота!..” Потом вдалеке рядка сделал ровно тринадцать метровых шагов, на неспешном ходу насчитав более

тридцати кустов, перемножил их на вес клубней — и навскидку определил, что к осени можно смело ожидать урожай намного больше планового!.. После дорожного происшествия, чуть не стоившего жизни, больно, как нож, резанувшего по душе, небеса, словно в испуге за нежданно нанесённый удар, вслед за сенокосом, идущим полным ходом, порадовали ещё и надеждой на щедрую плодovitость родной якутской земли. И он поневоле чуть ли не вслух проговорил: “Нет, что там ни говори, в радости или в горести, а жизнь земная — прекрасна!” И поехал дальше, словно древний олонхоуст верхом на лошади, с поющей светло душой..

Ещё издали Анатолий Петрович увидел управляющего, медленно идущего по обширному полю между капустными рядками с низко опущенной головой, явно что-то разглядывающего, чем-то удручённого. И когда сам оказался среди полным ходом завязывающихся кочанов ранней капусты, понял, что заставило Захарова не дожидаться своего непосредственного начальника. Но подумав: “А он-то догадывается, какая беда поселилась на поле?..” — решил сначала выслушать его. И когда он, подойдя, поздоровался за руку, как бы между прочим, спросил управляющего:

— Семён Кириллович, что голову-то повесил?

— А чему, Анатолий Петрович, радоваться, когда с капустой что-то ну, совсем неладное происходит! Еще позавчера кочаны были такие тугие, что от удара по ним кулаком аж гул шёл! И светло зеленели, радуя глаз! Я, глядя на них, планировал уже завтра начать рубку, а то ведь, перезрев, они начнут лопаться, терять товарный вид, но сегодня по вызову бригадира, чьё звено закреплено за капустным полем, приехал — и глазам своим не поверил: почти каждый второй кочан начал чернеть, покрываться какой-то склизкой, густой, как сметана, плесенью! Думаю, надо срочно вызывать из района агрохимика, чтобы установить причину этой явно какой-то болезни, и узнать, как с ней бороться!

— Согласен, агрохимика вызвать придётся, и чем быстрее, тем лучше, хотя бы для того, чтобы на основании углублённых лабораторных анализов составить соответствующие акты, необходимые для списания того количества продукции, которую придётся при рубке работникам звена как можно быстрее и качественнее ликвидировать!..

— Это чем?! — придя в некоторое смятение от последних слов директора, недоуменно спросил обеспокоенный управляющий.

— Obviously — топориком! Да-да, им самым, очищая пораженные плесенью верхние листья до здоровых. А причину этой заразы я тебе и без химических анализов назову... И думаю, что не шибко ошибусь! Но прежде ты ответь ещё на один важный вопрос: “Сколько уже лет на одном и том же поле, скажем так, капусту по капусте сажаете?!”

— Пожалуй, пятый год!

— Так я и подумал! Но разве ты, человек от земли, не знаешь, для чего крайне необходим в растениеводстве севооборот?

— Знаю! Для устойчивости урожайности!

— Ну, а что ж тогда, если нет свободных паровых земель, то в этот год хотя бы картофель с капустой не поменял местами, а?

— Я и хотел так сделать ещё прошлой весной, но ведь в руководстве совхоза с самого его создания такая чехарда идёт, что просто некому, верней, некогда рассматривать мои многочисленные докладные и рапорты! А нынче, задолго до посевной, я обращался к самому новому главному агроному в тёплой надежде, что, как говорится, новая метла по-новому пометёт, и он даст необходимое письменное распоряжение в этом году посадить капусту на другом поле, но, к сожалению, не дождался необходимого приказа и от него! А взять инициативу на себя не решился, поскольку, сами знаете, что за самоуправство у нас порой бывает!.. — и, глубоко вздохнув, удручённо добавил: — Уволят — и всё!

“Да, этот мой заместитель по растениеводству, товарищ Хохлов, фрукт ещё тот, если не одного поля ягода с Бахтиным, то точно с откровенной гнильцой!.. Надо будет к нему побыстрее приглядеться! Безответственный помощник — хуже открытого врага!” — озадаченно подумал Анатолий Петрович, а управляющему спокойно сказал:

— Может случиться и такое! Но вначале, думаю, отдался бы строгим выговором, а если ты ещё и партийный, то на общем собрании уважаемые коллеги-коммунисты вынесли бы тебе порицание!

— Вот-вот! А мне до пенсии два года осталось! Уйти на заслуженный отдых по-человечески хочется, а не с волчьим билетом, ведь этому родному отделению почты двадцать лет сознательной жизни отдал!

Но спохватившись, что сейчас главное не это, спросил:

— А всё-таки, с капустой-то что произошло, не скажете?

— Скорей всего, плесень появилась в результате отравления пестицидами, то есть ядами, применяющимися против уничтожения бабочек, откладывающих яйца, из которых появляются самые страшные враги капусты — такие зеленоты, страшно прожорливые многоножки-гусеницы. Запомни, причём крепко: если минеральные удобрения за год-два вымываются из почвы подземными водами, то яды — нет! И когда их скопление становится критическим, то они корневой системой всасываются в растение и заявляют о себе сначала плесенью, а потом и чёрным, похожим на сажу налетом на верхних листьях. Ну, ничего, твои старательные работницы-женщины быстро считят их топориками, и, пусть с потерями, но всё же хоть какой-то урожай снимешь. Только давай накрепко условимся, что с этого дня, пока я работаю, ты вместо того, чтобы заглядывать мне и моим заместителям в рот, если оправданно считаешь, что в том или в другом деле прав, действуй самостоятельно! Как у себя дома, будь и в отделении рачительным хозяином! Ведь, в конце концов, победителей не судят! Договорились?

— Договорились, Анатолий Петрович! И — спасибо за доверие! И за понятный урок агрохимии! А я ведь уже чуть в панику не ударился, ибо подумал, что всей капусте на самом деле конец пришёл!

И, посмотрев на часы “Полет” в металлической оправе, с истёртым пластмассовым белым стеклом, охватывавшие запястье чёрным кожаным ремешком, вдруг порывисто взмахнул руками:

— Время-то уже к вечеру подходит! А вы ведь, Анатолий Петрович, ещё, скорей всего, и не обедали! Поедте ко мне домой, я вас угощу наваристой ухой из щуки, только этим утром пойманной!

— Спасибо за приглашение! Но не хочется время терять!

— Тогда посмотрим, как идёт сенокос?

— По дороге сюда я уже видел и остался его ходом доволен! Только на одной луговине насчитал аж десять смётанных стогов! Да и, как видно из ежедневных сводок, график заготовки намного опережает! Молодец! Поэтому есть предложение заглянуть на летник. Хочется, так сказать, из первых уст узнать, как идут дела в животноводстве! Скотники-пастухи и доярки, надеюсь, как на духу, всё поведают! Уже через два часа начнётся вечерняя дойка, а до неё они будут принимать горячую пищу — вот за обстоятельным, край для меня важным разговором ещё и подкрепим силы, которые и впрямь что-то, как твоя капуста, вянуть стали!

— Анатолий Петрович, вы даже не представляете, как женщины будут польщены вашим посещением, да ещё если вы разделите с ними трапезу из нехитрой крестьянской снеди, зато приготовленной в полевых условиях!

— Может, так и будет! Но мне важно, что поведают ли они мне откровенно о всех существующих проблемах! А то, что они есть, я уверен, ибо лучше других знаю, на каком боку издыхающий совхоз лежит в настоящее время! И потом, не зная, так сказать, производства с низов, нельзя наверху принять верного решения! Извини за прямоту, но все райкомовские, управленческие приказы и распоряжения в работу, идущую непосредственно на местах, только сумятицу вносят!

— Однако вы, Анатолий Петрович, какой-то уж больно рисковый!

— Это почему же?

— Да о высоком начальстве смело говорите!

— Зато правду! А волка бояться — в лес не ходить! Поехали!

Летнее пастбище для скота находилось от наслега недалеко, сразу за рекой, на обширном полуострове, поросшем густым разнотравьем: осотом, пыреем, иван-чаем, который, постоянно поедаемый животными, не успевал расцвести, чтобы лишний раз порадовать людской взгляд своими фиолетово-красными букетами. Но пока вернулись в Беченчу, пока на лодке, ожидавшей начальство с утра, переправились на противоположный берег, прошло довольно много времени. Анатолий Петрович, посмотрев на часы, с сожалением понял, что долго поговорить в этот приезд с животноводами не удастся. И перешёл на ещё более быстрый шаг, невольно заставляя тем самым и пожилого управляющего, чтобы не отстать, идти с полным напряжением сил, отчего пот обильно выступал на его испещрённом мелкими морщинами лбу, и ему приходилось то и дело вытирать его своей изрядно полинявшей кепкой. Но, как бы ни было трудно, он не просил директора сбавить ход, только прерывисто и шумно дышал, словно на охоте в лыжной погоне за сободем.

Идти долго не пришлось, ибо переносная доильная установка, так называемая “Елочка” из трубчатого лёгкого железа со стойлами, кормушками и водопойными чашами была смонтирована в небольшом отдалении от берега на пологой возвышенности чуть ли не вплотную к рослому, густому, со саблеобразными тонкими, гибкими и упругими, как твёрдая резина, стволами тальнику. Перед ней под довольно просторным

тесовым навесом, укрытым для защиты от дождя в несколько слоёв чёрным рубероидом, стоял длинный стол, сколоченный из обрезных плах и вместо клеенки застеленный полиэтиленовой плёнкой. Скотники уже отправились собирать на вечернюю дойку коровье стадо, разбредшееся по всему пастбищу, поэтому за столом на лавках сидели, одетые в спецодежду — синие халаты и резиновые чёрные сапоги — одни доярки с головами, плотно подвязанными марлевыми косынками. Они в ожидании пищи о чём-то оживлённо разговаривали между собой, но, увидев подходящего к ним управляющего с каким-то молодым человеком, смущённо смолкли. Но на приветствие мужчин охотно, чуть ли не в один голос ответили: “Здравствуйте!” А самая старшая из них, якутка предпенсионного возраста с чёрными волосами, которые у самых висков начали седеть, с круглым, сухим лицом, добродушно улыбаясь, пригласила гостей за стол. Её младшие подруги тотчас, плотнее придвинувшись друг к другу, в самой середине лавки освободили место для начальства.

Анатолий Петрович ещё на подходе обратил своё внимание на то, что доярки — в основном молодые девчата, видать, недавно закончившие местную школу-десятилетку. Он этому обрадовался, подумав: “Как там ни престижно иметь высшее образование, но всё же хорошо, что молодые девчата, как птицы, встав на крыло, не покидают родовые гнёзда! В конце концов, надо же кому-то кормить город, где рабочие производят для сельчан всё необходимое для труда и быта!.. Да и где ещё, кроме земли, в которую душой врос, как древесные корни в почву, можно вырастить своих детей в любви и в доброте? Пожалуй, нигде! Вот и ладно!” И, окинув доярок, замерших в ожидании, что же на этот раз они услышат, быстрым, но цепким взглядом, не дожидаясь, когда его представит управляющий, сам твёрдым голосом сказал:

— Девчата, я Иванов Анатолий Петрович, ваш новый директор совхоза, приехал в отделение, чтобы как можно ближе познакомиться не только с производством, но и с людьми, то есть с вами, благодаря чьим усилиям только и можно достичь успехов в выполнении чётко установленного государственного плана. Поэтому, учитывая, что времени из-за скорой дойки у нас с вами в обрез, надеюсь, наш откровенный разговор мы построим таким образом, что вы смело, ничего не утаивая, будете задавать мне самые проблемные вопросы, а я в рамках моей компетенции на них честно и конкретно отвечать! Договорились?

— Хорошо! — за всех коротко ответила пожилая доярка и не без иронии добавила: — Только последние годы мы тем и занимаемся, что говорим и говорим... Отсюда и прямой вопрос, ответ на который волнует нас в первую очередь: когда зарплату в установленном время получать будем? Или, как сегодня, жить на один аванс, которого только на еду и хватает?

— Правильно Марфа спрашивает! Не успеем оглянуться, как лето пролетит, надо будет ребятишек в школу собирать, а тех, что учатся в техникуме и университете в Якутске, на целых полгода ещё и хоть какими-то деньгами обеспечить! — дружно поддержали свою старшую подругу доярки в возрасте. И в их строгах, если не гневных голосах явно чувствовалось накопившееся недовольство.

“Да, доработались, мать твою!..” — про себя выругался Анатолий Петрович, но ответил спокойно, подбирая каждое слово:

— Понимая, что каждый труд должен быть своевременно и сполна оплачен, я сразу же, как только возглавил совхоз, вместе с главным бухгалтером стал активно заниматься решением этого, сразу скажу, очень сложного вопроса. Но должен вам доложить, что определённые действия по погашению задолженности перед вами уже произведены, а именно: в течение двух, максимум, трёх месяцев мы погасим все долги, а в последующем войдём в нормальный график! — И, сделав небольшую паузу, в течение которой хотел понять, насколько верят его обещанию доярки, продолжил: — Но и вы должны понимать, что платежеспособность хозяйства зависит от самоотдачи каждого работника, на каком бы участке производства он ни трудился! Это не в последнюю очередь касается и вас, дорогие женщины... Чтобы не быть голословным, приведу цифры, которые говорят о пусть небольшом, но все же невыполнении плана за последние несколько месяцев по получению дохода от молока в вашем отделении, а ведь именно от этого зависит своевременная выплата зарплаты. Если вы сами знаете, почему такое могло произойти, то объясните мне причину...

— Анатолий Петрович, а тут и объяснять нечего... — вновь за всех стала по-деловому говорить Марфа. — Надо просто добиться, чтобы жирность проверяли перед сдачей, а не после неё на городском молокозаводе, куда отправляется молоко для углублённой переработки!

— Вы хотите сказать, что жирность занижают! Так?!

— Вот именно! Да и как этого не делать, если мы сами, как малые да несмышленные телята, идём на поводу, только что ушами не прядаем, а именно: от нашей фермы при установлении жирности представителя в лице зоотехника почему-то не бывает! А ведь для молокозавода прямая выгода — специально занижать качество совхозного молока, чтобы при оформлении платёжных документов указывать сортность как можно ниже и таким нехитрым способом получать липовый доход, может, даже и сверхдоход, а совхозу от этого — сплошной убыток, ведь разница в ценах за третий и даже за второй сорт намного ниже, чем за первый!

Анатолий Петрович тотчас строго посмотрел на управляющего:

— Будьте добры, объясните, как такое безобразие вообще могло произойти? Или и здесь виноват кто-то из управления совхоза?!

— Не знаю, виноват или не виноват, но я этот вопрос пробовал разрешить с директором молокозавода, и, к сожалению, должен признаться, что всякий раз безуспешно, поскольку она мне всегда тыкала чуть ли не в нос договор, заключённый на год вперёд с совхозом, в котором оговорён именно такой порядок сдачи и приёма молока.

— И кто же с нашей стороны его подписал?!

— Главный зоотехник, ваш непосредственный заместитель!

От такого ответа Анатолий Петрович почувствовал, как кровь с силой прилила к лицу, в висках застучало, и он с негодованием в душе подумал: “Опять этот злополучный Бахтин! Нет, надо его как можно скорей поставить на место, ведь он, по большому счёту занимается самым настоящим вредительством!..” Но вслух как можно спокойнее и твёрже, голосом, в котором звенели металлические нотки, решительно произнёс:

— Ладно, я лично сам до конца проконтролирую дальнейшую сдачу молока, чтобы организовать проверку его на жирность непосредственно во время сдачи на ферме! — и заметил на узких губах управляющего улыбку, определённо говорящую лишь одно: мол, посмотрим-поглядим... жизнь покажет... Но это только ещё пуще распалило сердце молодого директора, и он добавил к уже сказанному: — Не верите, что такое возможно?! Ну и зря! Ибо вопросов нерешаемых нет, конечно, при условии, что они ставятся грамотно, подкрепляемые чёткими расчётами, а не одним страстным жестикованием рук!

Между тем средних лет якутка-повар, одетая в чёрный халат и обутая в тёмные туфли, миловидная, с чёрными волосами, аккуратно заправленными под тугую красную косынку, с вдумчивым взглядом узких глаз, закончила хлопотать у довольно большой печки, сложенной из кирпича-сырца, на плите которой стояло несколько больших кастрюль. И без суеты, так ловко, что можно было сказать, как бы незаметно подала дояркам и гостям по тарелке гречневой каши с едва видимым парком, кольцами поднимающимся над ней, щекогавшим ноздри приятным запахом. Затем разлила из чистого, но по вмятинам можно было судить, что старого чайника с высокой ручкой по эмалированным кружкам свежезаваренный чай, а к нему в нескольких блюдцах расставила по столу рафинированный белый-белый сахар. Всё это она делала сосредоточенно, но молча, словно разговор на самые насущные жизненные темы, касающийся всего отделения, был ей совсем не интересен...

Анатолий Петрович, поскольку время поджимало, торопливо управившись с кашей, сделал, чтобы не обжечься, несколько мелких глотков из своей кружки и опять обратился к дояркам:

— Так, более-менее несколько вопросов обговорили, может быть, есть ещё такое, о чём хочется сказать, пользуясь моим приездом.

И тут на протяжении длившегося уже почти час разговора самая молодая доярка, молчавшая, словно глубоко ушедшая в какие-то свои мысли, только время от времени стрелявшая в директора глубокими, как речной омут, глазами с едва подведёнными тушью чёрными, длинными и густыми, как синичьи крылышки, ресницами, вдруг, как бы между прочим, но не без девичьей стыдливости, скорей просительно, чем настойчиво, сказала:

— А можно решить вопрос включения в горячий обед, кроме сахара, чего-нибудь сладкого, к примеру, печенья или конфет... Конечно, было бы совсем хорошо, если бы и того, и другого?!

Этот вроде бы обыденный вопрос застал Анатолия Петровича врасплох не своей неожиданностью, а тем, почему он, не стоящий, на его взгляд, выеденного яйца, до сих пор не решён на месте. И он вновь обратился к управляющему, который в общем-то вёл себя правильно, без надобности не вмешиваясь со своим мнением в разговор:

— Семён Кириллович, а разве то, о чём спросила...

И замолчал. Но тотчас был понят Марфой, которая подсказала:

— Ангелина!

— Разве о том, что просит Ангелина, вы не можете сами на месте решить?! Или это настолько сложно, что легче в космос слетать?!

— Да не сложно, а не положено!

— Не понял вас! Объяснитесь конкретнее!

— Понимаете, в перечне, согласно которому банк пропускает совхозные платежи, этих продуктов почему-то нет! А он спущен с самого верху!

— Интересно получается! — сказал Анатолий Петрович. — На новогодние подарки для детей тем же банком проводятся все платежи не только за конфеты, но и за мандарины, а для организации полноценного горячего питания животноводов, работающих по двенадцать часов, а во время отёла — практически сутки напролёт проводящих на ферме, где от избыточного вредного аммиака голова кругом идёт, нет!

— Но ведь новогодние подарки организуются профкомом! — вставил Захаров. — Это говорит о том, что для него, видать, другие порядки оплаты за продукты вышестоящим начальством установлены!

— Пусть будет так, Семён Кириллович, только в таких случаях, какой сложился у нас, умный в гору не пойдёт, умный гору обойдёт! Я завтра же переговорю с Авдеевым, и мы с ним постараемся найти решение этого, казалось бы, простого вопроса, на деле оказавшегося тупиковым! Кстати, он-то сам к вам в отделение часто навещается?

Управляющий с ответом на директорский вопрос не торопился, зато Марфа без всякого стеснения в лоб произнесла:

— Не чаще, чем первый снег! Да так, что лично я его до сих пор на нашей ферме глазами не видела, ушами не слышала!

— Значит, раз в год!.. Плохо, нет, очень даже плохо! Но, слово даю, что мы и это исправим! — торопливо пообещал Анатолий Петрович, ибо уже было слышно коровье короткое мычание и хлёсткое, подгонявшее животных пощёлкивание в воздухе пастушеских кожаных плёток. И стал прощаться за руку с каждой дояркой, ещё не понимавший, чего же больше он вынес для себя от встречи с ними — плохого или хорошего... Но то, что с каждым посещением любого отделения, особенно в первое время, копившиеся годами проблемы будут нарастать, как снежный ком по мере спуска с горы, было вполне ясно.

После разговора с доярками он с управляющим заехал ещё в школу, чтобы своими глазами увидеть, что конкретно уже сделано по подготовке к новому учебному году. Здесь в этот день жизнь явно порадовала его, ибо качеством и графиком хода ремонтных работ Анатолий Петрович остался доволен. И, выйдя из двухэтажного здания школы, стены которой, умело обитые вагонкой, ещё остро пахли голубой краской на олифе, он, на прощание крепко пожал руку управляющего, сказал:

— Семён Кириллович, ты хозяин настоящей! Вот и руководи своим отделением в том же духе и дальше. Слово даю, любую твою толковую, творческую инициативу буду горячо поддерживать. И ты, пожалуйста, не о пенсии думай, а о том, чтобы как можно дольше поработать. Такие опытные руководители, как ты, в наше время — на вес золота!

И хотел уже направиться к “уазику”, как, вспомнив разговор с заведующей сельхозотделом райкома партии, спросил:

— А это правда, что прошлой осенью почти вся мужская половина отделения, возглавляемая тобой, не поставив до конца на зимне-стойловое содержание скот, как в бега, ломанулась в тайгу на охоту?

Управляющий выкручиваться да оправдываться не стал, лишь посуровел лицом, по которому мрачной тенью скользнула, видать, до сих пор никак не пережитая до конца вина, а честно ответил:

— Чего греха таить, было дело!.. Только, можно сказать, от самой что ни на есть безысходности — ведь больше трёх месяцев ни копейки за свой труд не получали! И вот, когда все денежные запасы поистратили, то и решились охотой поддержать жизнь, тем более, что “Госпромхоз” за добытую пушнину расчёт производил прямо в наслеге, временно приняв для этого сельсоветовского бухгалтера. Да и промышляли-то всего две недели, а я и того меньше — одну, пока “Сельхозтехника” наконец не запустила котельную, отапливающую ферму. Конечно, в любом случае — виноват, что не смог удержать рабочих, а потом и сам вслед за ними отправился на промысел, естественно, подгоняемый охотничьим азартом, передавшимся по крови от родителей, а тем от их родителей, в общем, истинно родовым чувством, уходящим корнями в глубокие века.

— Понятно! Но всё равно, не дай Бог, если такое “охотничество” произойдёт при мне! Знай сам и рабочим всем передай, что спуску никому никакого не будет! Но я из

этого, скажем так, печального случая для себе урок ещё тот извлеку! Ну, а пока — командуй, как договорились!

На обратной дороге, едва в душе улеглись тревожнения ещё одного дня, прошедшего в плотном, напряжённом рабочем режиме, в поостывшем сознании под стройное гудение двигателя, похожее на паучиное жужжание, почему-то вспомнились стихи, написанные в первые дни директорства:

*Деревня, свет очей, привет!
Мы не видались тыщу лет,
и вот я здесь! Прими с душою,
не для гармошки и гульбы,
и ранних ходок по грибы,
хоть и они нужны порою...
Прими на утренних лугах —
ты помнишь, как в моих руках
коса свет-пламенем горела? —
Ночь опускалась над землёй,
а я косил всё, как чумной,
вершил стога свои умело.
Не подведу тебя, о, нет!
И если тем, что я — поэт,
тебя смущаю я невольно,
могу на празднике труда
стихи забросить навсегда,
как это мне ни будет больно.
Лукавлю? Точно! Ибо мне
в краю моём, в моей стране
поэзия — как мать родная.
Ну, значит, принимай, как есть,
иначе все равно я здесь
умру, прощенья ожидая...*

Конечно, каждый человек рано или поздно, вдоволь побродив по свету, показав себя во всей удали, при этом набив немало болевых шишек в неудачах и спорах, должен непременно, как лосось для метания икры, возвращаться к своим верховым истокам, вспоившим и вскормившим его, налившим молодое тело недюжинной силой, а пытливую душу до самых краёв заполнившим желанием продолжать до самой подлюги-смерти вершить созидательную жизнь. Ведь что бы ни происходило на этом свете, народная древняя поговорка, говорящая, что где родился, там и содился, будет всегда оставаться неоспоримо верной!

Так уж устроена душа настоящего руководителя, для которого, в первую очередь, должность — не способ заработать побольше да полегче денег, а суровая ответственность за исполнение на совесть порученного дела, что, чем бы отстранённым она ни занималась, непременно, словно виновато опомнившись, вернётся на круги своя. И Анатолий Петрович, почти забыв о Бахтине, вновь после встречи с доярками как-то уж враз вспомнил о нём и спросил молча крутившего баранку Петра:

- Не скажешь, что за человек главный зоотехник?
- Это который до вас исполнял обязанности директора?
- Он самый!
- Да ничего хорошего!
- И всё-таки?!

— Ну, если настаиваете, то выложу всё, что о нём люди думают! Приехал то ли изпод Иркутска, то ли с самого материка. Круглый бобыль: ни жены, ни детей, а ведь ему лет-то много, сесть уже вовсю начал! За то время, что он проработал, ничем примечательным себя не зарекомендовал, и когда его назначили временно исполняющим, многие у нас в гараже недоумевали: почему именно его, за какие такие заслуги? Ведь есть же по-настоящему толковые, совестливые специалисты! Взять того же главного инженера — человек с головой, да такой, что поискать надо. С подчинёнными в обращении прост, всегда дельным советом поможет, не дожидается, когда его об этом попросят, если видит, что с его помощью дело только быстрее да вернее спориться будет!

— Разве Бахтин вообще ни с какими женщинами связи не заводит? — спросил Анатолий Петрович, едва Петр, что-то обдумывая, смолк.

— А вот с этим у него полный, что ни на есть, “порядок”! За год по многим вдовушкам прошёлся, да, видать, так гулящему коту дармовая сметана понравилась, что

с начала весны завёл шуры-муры с заведующей молокоприёмным пунктом Любкой Кругловой!

— Эта такая крепкая женщина лет тридцати, с тугим телом, краснощёкая, с рыжими волосами, пышной, словно у дородной хохлушки, грудью, с сильно конопатым лицом, которое, прежде всего, бросается в глаза пухлыми губами и холодными, словно стеклянными глазами?

— Да-да! Верно вы ее обрисовали!

— Так она же замужем за Николаем, молотобойцем! Я его хорошо помню ещё с тех давних лет, когда в совхозе трактористом работал. У него, пусть и среднего роста, но широкоплечего, с могучей, словно вылитой из железа грудью, силища от природы такая, что подковы на спор запросто гнул! Я однажды в кузнице сцепился с одним парнем, но он меня, обхватив сзади, в такие клещи зажал, что я и вздохнуть не мог!

— Может, когда-то так и было, но сколько я его знаю, он более горазд лишнюю рюмку водки выпить, чем лишний раз молотом ударить!.. А Бахтину только этого и надо! Завалится под вечер с бутылкой, вроде к нему на огонёк, а сам напоит его без всякого уговора, поскольку у Николая вечно трубы с похмелья горят, и, так сказать, под мирный храп мужа удовлетворяет с его женой свою мужскую похоть!

— А почему именно похоть?

— Что же ещё, коли в их отношениях любовью и не пахнет!

Пётр продолжал ещё что-то говорить, но Анатолий Петрович его уже не слушал, ибо в сознании так ярко вспыхнула разгадка причины подписания явно невыгодного для совхоза договора о сдаче молокозаводу животноводческой продукции, что он словно оглох сразу на оба уха! Про себя подумал: “Да, ничего не скажешь, и впрямь ночная кукушка любую дневную перепойёт! Без спора, Любкино дело — у кого из мужчин в любовницах ходить, равно как и кому из женщин отдавать свою совсем не рассчитанную на работе энергию Бахтину.. Но делать это за счёт предприятия, где тебя явно кто-то свыше покрывает, не позволю! И в большей мере не потому, что главного зоотехника в сталинские времена давно бы уже за вредительство объявили врагом народа и расстреляли бы без всякой проволочки, а потому, что невыносимо противно для себя терпеть человека, который от животного отличается только тем, что умеет писать отчёты да витиевато выражать словами чужие умные мысли, которые без всякого зазрения совести выдаёт за свои!..”

А дорожное песчано-гравийное полотно, сразу же после последнего дождя выровненное мощными грейдерами, неутомимо продолжало, как бы набегая на машину, уходить и уходить под неё. Сосны с игольчатыми кронами, стоявшие вдоль поросших иван-чаем обочин, своими мощными, будто вылитыми из бронзы, стволами мелькали яркими кадрами киноленты, так быстро, что в глазах рябило... Езда, хотя и скоростная, словно гладко выстеленная в пространстве и во времени, всё же утомительно укачивала. От этого Анатолий Петрович расслабившись, свесив голову, почти задремал, но тут его горячее сознание неожиданно выхватило из глубокой памяти прошедшую ночь, и он почему-то руками радостно потянулся, да так высоко, что упёрся ими в брезентовый тент, и всей грудью выдохнул: “Ох, и хороша же жизнь!..”

— Вы это о чём?! — удивлённо спросил Пётр.

— О своём, глубоко личном! — коротко ответил Анатолий Петрович.

И перед его мысленным взором ярко, словно наяву, вспыхнул световым всполохом такой родной, такой пленительный образ Марии, и светло подумалось: до чего же хорошо было отдаваться каждой клеточкой тела, каждой частицей души неповторимо страстной любви, в которой он с упоением то покрывал и покрывал жаркими, мелкими поцелуями упругое, горячее тело жены, то горячо шептал ей самые нежные, самые сокровенные слова. А она в ответ на них сладко, словно в чудесном полузабытьи, постанывала и крепче прижималась к нему, от чего ещё больше хотелось всем своим существом раствориться в родной женщине, чтобы стать с ней до конца жизни одним неразрывным целым...

Эти лучезарные мысли-видения Анатолий Петрович настолько остро и глубоко прочувствовал, что его молодое сердце забилося чаще с той жизнерадостной силой, которая придаёт душе высокое чувство небесного полёта, что он от счастья чуть не вскричал!.. Но устремив сквозь лобовое стекло жаркий взгляд в темнеющее небо, как в Божьем Храме, стоя на коленях перед Святыми ликами, горячо взмолился: “О, её величество судьба, прошу тебя быть к нам с Марией милостивой! Продли хоть на несколько дней молодость! Позволь сполна надыхаться всей душой тем вдохновенным земным счастьем двоих, которое, может быть, для людей на самом деле куда значительней, куда необходимей небесного!..”

(Продолжение следует)